

Алексей Федотов

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ I.**

**СВЕТ ВО ТЬМЕ
У ИСТОКОВ СИСТЕМЫ
РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ**

*Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного Фонда
Святителя Николая Чудотворца
в год литературы в России*

**Иваново
2015**

ББК 84.5

Ф34

Федотов А. А.

Ф34 Собрание сочинений: в 4 т./ А.А. Федотов. – Иваново: Издательство МИК, 2015.

ISBN 978-5-89222-155-9

Том 1. Свет во тьме. У истоков системы. Разные рассказы. – 2015. – 500 с.

ISBN 978-5-89222-156-6

В первый том собрания сочинений А.А. Федотова вошли цикл исторических повестей «Свет во тьме» (2009-2010), повесть «У истоков системы» (2012) и сборник «Разные рассказы» (2011). Проблемы добра и зла, свободы воли, выбора и его последствий, поиска человеком своего места в мире являются центральными темами творчества автора.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-89222-156-6 (т. 1)

ISBN 978-5-89222-155-9

© Федотов А. А., 2015

© Журавлев В.С.,

иллюстрации, 2015

Об авторе

Федотов Алексей Александрович, доктор исторических наук, кандидат богословия, религиовед. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Профессор Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления» и ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный химико-технологический университет».

Академик Международной академии наук; действительный член (академик) Российской академии естествознания (РАЕ); заслуженный деятель науки и образования РАЕ. Член комиссии по научно-исследовательской работе Совета ректоров вузов Ивановской области. Член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Ивановской области. Руководитель научно-го центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества при НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск). Главный редактор научного журнала «На пути к гражданскому обществу» и научного ежегодника «Власть и гражданское общество».

Автор свыше 300 научных, научно-популярных, литературно-художественных работ. В том числе публиковался на портале «Богослов.ру», в «Журнале Московской Патриархии», газете «Церковный вестник», в журналах «Наука и религия», «Вестник РХД» (Париж), «Философия хозяйства» (МГУ), «Личность, культура, общество», «Наука и школа», «Интеллигенция и мир», «Женщина в Российском обществе» и других. Некоторые из произведений Федотова А.А. переведены на английский, немецкий и грузинский языки.

Был отмечен государственными, ведомственными и общественными наградами, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, императорским орденом Святой Анны III степени, орденом Екатерины Великой (РАЕ).

ПРИЗВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ

2015 год в России объявлен годом литературы. Было время, особенно это касается девятнадцатого века, когда книги реально влияли на массовое сознание. Общественно-политические, научные и другие трансформации сначала проходили свою апробацию на страницах художественных произведений. В двадцатом веке грамотных людей стало больше. Но развитие информационных технологий, в первую очередь, телевидения, интернета, сопровождались моделированием общественного сознания в плане его переориентации не на осознание себя, как личности и своего места в мире, а на постоянное потребление. Это привело к тому, что в начале третьего тысячелетия можно говорить о том, что литература, как таковая, уже не оказывает существенного воздействия на мироощущение массового читателя.

В советское время писателей называли «инженерами человеческих душ». В Новое время возник механистический подход к мировосприятию, который и сегодня для многих не потерял своей актуальности. Исходя из него, действительно, казалось бы, можно моделировать душу человека, что сегодня пытаются делать разные оккультные практики, зачастую рядящиеся в одежду «современной науки». На самом же деле все намного сложнее. У человека есть свобода выбора – как именно ему отвечать на жизненные вызовы. И для думающего читателя хорошая книга своего рода собеседник, обозначающий вопросы, требующие ответа сквозь

призму личного мировосприятия. Другое дело, что на человека, не имеющего сформированной жизненной позиции, сильная книга и правда может иногда оказать решающее воздействие в ее формировании. Но ведь большинство сейчас читают просто для развлечения, или, хуже того, чтобы «убить время». Это и обуславливает то, что сегодня востребована именно та литература, которая востребована.

Современный человек мыслит обрывочно, калейдоскоп картинок перед ним, особенно при наличии мобильного интернета, постоянно меняется. Жизнь постоянно требует ответа на множество вопросов самого разного характера: личного, рабочего, общественного. Ну и когда тут читать книгу толщиной в шестьсот страниц, например, если это не строго обязательно в силу каких-то внешних причин? Другое дело, что мы далеко не всегда умеем правильно расставлять приоритеты, и часто тратим много времени на то, что можно было бы и не делать, поэтому нам его и не хватает хронически. В любом случае для того, чтобы прочитать большую книгу человек должен хотя бы ответить себе на вопрос: зачем или почему он это делает. Литература с одной стороны не должна подстраиваться под нового читателя, но с другой - отражать это новое мироощущение, несомненно может, так как писатель — дитя того времени, в котором он живет; в какой-то мере он изготавливает зеркало для своих современников и исторический источник для потомков.

И с этим очень тесно связан вопрос кто сейчас пишет и зачем. Как написал отцу моего друга Михаила Смирнова Владимиру Михайловичу один из лучших поэтов прошлого века Константин Симонов «я получаю довольно много писем, в которых начинающие литераторы сетуют на свои профессии, говорят, что им инте-

ресно только литературное творчество, а все остальное приходится делать из необходимости, и необходимость эта тяжелая. От таких товарищей трудно ждать многого, мне кажется, что без интереса относясь к жизни, даже талантливый человек не создаст ничего стоящего». То есть прежде, чем начать писать человек должен иметь какой-то определенный опыт внутреннего осмысления жизни. Горький сформулировал это еще лаконичнее: «Для того, чтобы хорошо писать, надо хорошо жить». И в таком взгляде на литературу есть большая правда: даже если пришло такое вдохновение, что человек «не может не писать», то и тогда в том, что им написано, скажется его жизненный опыт, уровень знаний, системности или наоборот разбросанности мышления. Думаю, что здесь нет единого правила: кто-то пишет, занимаясь при этом совсем иной профессиональной деятельностью и создает блестящие шедевры (вспомним Грибоедова, Салтыкова-Щедрина), кто-то пишет из-за того, чтобы погасить долги и появляются произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы — вспомним Достоевского. Другое дело, что на мой взгляд, если у писателя нет сильной мотивации написать именно то, что он пишет сейчас, а это для него просто обычная работа, как для многих модных сейчас литераторов, уверенных в том, что благодаря их раскрученным именам издатели примут, а «пипл схавает» все, что они не написали бы, то в этом случае вряд ли можно ожидать чего-то стоящего.

Иногда задают такой вопрос: литература в условиях начала третьего тысячелетия должна нести какую-то общественнополезную функцию или возможно «чистое» искусство? Помню, в отклике на одну из моих книг были слова о том, что Оскар Уайльд писал, что всякое искусство бесполезно. Соответственно, либо то,

что написал Федотов не имеет отношения к искусству, либо Уайльд ничего не понимал. Полагаю, что «чистое искусство» невозможно в принципе: по своей сути любое художественное произведение может служить либо созиданию либо разрушению, вне зависимости от того, что об этом думает его автор. Иван Ильин хорошо написал об этом: «художник часто знает о своём произведении меньше, чем его произведение "высказывает" о самом себе». Но здесь необходимо учитывать, что художественное произведение, как правило, не может быть идеологически выверенным и стерильным: оно ведь призвано дать многомерную картину жизни. В этой связи в одной и той же книге (тем более картине или музыкальном произведении) разные люди могут увидеть противоположный смысл, потому что каждый увидит в них себя. Если же книга «ни о чем» она служит разрушению, так как отнимает у людей драгоценное время, которое невозможно вернуть.

Другой важный вопрос, который часто поднимается в год литературы: должно ли государство поддерживать писателей? Не помню, кто сказал: поддерживайте талантливых, бездарности сами пробыются. В современных условиях тотальной бюрократии любая государственная поддержка очень часто не доходит до тех, кому предназначена: слишком много нужно собрать разных бумажек и выполнить разных действий, чтобы ее получить. А люди творчески одаренные, как правило, не очень приспособлены к жизни в этих ее проявлениях. С другой стороны, считаю, что тот, кто чувствует, что писать его призвание, будет делать это вне зависимости от получаемой им помощи, иногда даже вопреки внешним обстоятельствам. И, как нам показывает история, бывает и так, что известность к писателю приходит лишь после его смерти. Но это, ко-

нечно, не значит, что государственная поддержка писателей бесполезна: она нужна, причем не должна быть связана с тем, что создаваемое художественное произведение может быть полезно для государственной политики. В то же время финансировать за счет государства тех деятелей искусства, которые это государство ненавидят и отражают ненависть в своем творчестве – аморально. Некоторые литераторы, пытаясь оправдать свою инертность задают риторический вопрос: что вообще может сегодня писатель? А что вообще он мог в любое другое время? Вспомню Жана Поля Сартра, написавшего в «Словах»: «Я долго принимал перо за шпагу, теперь я убедился в нашем бессилии. Неважно: я пишу, я буду писать книги; они нужны, они все же полезны. Культура ничего и никого не спасает, да и не оправдывает. Но она – создание человека: он себя проецирует в неё, узнает в ней себя; только в этом критическом зеркале видит он свой облик. Весь человек, вобравший всех людей, он стоит всех, его стоит любой».

А вот сегодняшний читатель может использовать существующее время информационной открытости (нужно понимать, что оно может и закончиться) для того, чтобы через чтение расширить свои знания о мире, а через это и о самом себе. Диалектика познания определяет то, что человек познает мир, познавая себя, и познает себя, познавая мир. Ну, и потом никто ведь не отменял того, что чтение хорошей книги может просто приносить радость.

**А.А. Федотов, доктор исторических наук,
профессор Ивановского филиала института управ-
ления, член Союза писателей России**

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Исторические повести

Все исторические сведения о положении Русской Православной Церкви в советской России соответствуют действительности. Информация об исторических личностях, названных своими именами, основана на документах и исторических исследованиях. Место действия и действующие лица – вымышленные; любое совпадение с реальными людьми и событиями является случайностью.

**Из отклика постоянного
члена Священного Синода
Русской Православной Церкви,
Главы Митрополичьего Округа
в Республике Казахстан,
Митрополита Астанайского
и Казахстанского Александра**

Благодарю Вас за возможность ознакомиться с Вашей книгой «Свет во тьме», включающей в себя исторические повести, раскрывающие внутреннюю жизнь Церкви и церковно-государственные отношения середины прошлого века.

Книга написана живым и образным языком. При ее чтении у меня в памяти воскресали картины, отражающие сложные и противоречивые обстоятельства эпохи хрущевских гонений и времени административного преследования верующих в более поздний период.

Хотелось бы отметить, что на страницах своих произведений Вам удалось воссоздать эту картину, знакомство с которой будет полезно для студентов Духовных Семинарий и всех, кто интересуется историей нашей многострадальной Церкви.

**Из отклика архиепископа Элистинского
и Калмыцкого Юстиниана:**

Меня повесть равнодушным не оставляет. Читать ее быстро не могу, часто останавливаюсь, комок к горлу подкатывает: и страшно, и больно, и обидно... Задним числом приходит страх от осознания того, в какое время я сам проходил воцерковление!

ЖУРНАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ «СВЕТ ВО ТЬМЕ»

Н.Р. Коровин

**Доктор исторических наук, профессор Ивановского
государственного университета**

Новая книга доктора исторических наук, профессора Алексея Александровича Федотова из жанра литературно-художественных изданий состоит из трех исторических повестей: «Собор», «Свет, тьма и тень», «Преображение». Автор, имея не только высокую теоретическую подготовку, но и значительную практику работы в Церкви, смог на основе богатейшего документального и литературного материала, собственных наблюдений за жизнью православного духовенства показать в литературно-художественной форме деятельность не только священнослужителей, но и прихожан. И хотя действующие лица исторических повестей являются вымышленными, но история Русской Православной Церкви показана за 1968-1991 гг. показана достаточно зримо и наглядно. Почти все главы повестей подкрепляются краткими историческими справками о состоянии Церкви, священников и мирян за тот или иной исторический период. Наверное, в подготовке этой книги большое значение имело и то, что А.А. Федотов имеет большой опыт практического церковного служения.

Достоинством книги «Свет во тьме» является ее большой интерес для любого читателя, хороший литературный стиль и именно та художественная форма написания, которая соответствует определенной исторической ситуации. В городе Петрове сменилось три правящих архиерея: архиепископ Феодор, митрополит

Исайя, епископ Анатолий. Их объединяет одно - служение Русской Православной Церкви. И у каждого это получается по-своему. Авторитет каждого из архиереев был высок как в самой Церкви, так и в городе. Но А.А. Федотов подчеркивает не только в художественной повести, но и в документальных исторических справках действительное положение в Русской Православной Церкви во время правления Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева. Им точно и целенаправленно показаны церковно-государственные отношения, внутрицерковная жизнь, отношения Церкви и гражданского общества. Свет и тень, а с ними и тьма действуют почти одновременно. Сложнейшие отношения были и у архиереев, и у настоятелей храмов, и у священников, и у прихожан, когда у руля советского государства и партии находился Хрущев, они были чуть проще во время правления Брежнева. Конечно, возрождение Русской Православной Церкви уже началось с Поместного собора 1988 года. Когда были отменены некоторые действия в отношении Церкви и верующих. Но только с началом 90-х годов XX века РПЦ почувствовала некоторую свободу, началось ее возрождение.

Автор художественно верно показал и собор города Петрова, и священнослужителей, и мирян, но в каждой отдельной исторической ситуации в книге всегда присутствуют руководящие структуры государства: уполномоченные Совета по делам религии по Петровской области Петров и Николаев, сотрудники облизполкома и областного КГБ. В советский период последние направляли всю деятельность Русской Православной Церкви. А эта деятельность шла во многом по линии безбожного атеизма. Но они умело направили службу епископа Феодора, несколько мягче поступили с митрополитом Исайя. И тень и тьма шли именно от

них. Они направляли так деятельность «двадцатки» в соборе, что не только священники, но и архиереи не имели права вмешиваться в хозяйственную деятельность прихода. И, конечно, кощунственно видеть в храме помощника старосты Льва Александровича, вечно пьяного, всем недовольного, который мог одернуть любого в приходе, да и не только в нем. С этим героем, мне представляется, что автор во многом «сгустил краски». Были такие лица в соборах на виду у всех но, по-видимому, это могло продолжаться недолго. А дисциплина церковная во многом строже, чем гражданская. Наверное, А.А. Федотов в этом сюжете указывает на поддержку Льва Александровича со стороны работников областных вышеуказанных структур. Да это так. Другие сюжеты в книге - поведение прихожан. Оно типично. Иногда бывают в храме со стороны прихожан не только разговоры, но и настоящие сплетни, а в книге еще рисуются и клеветнические донесения «наверх» вплоть до Патриархии по самым различным вопросам. Это тоже и тень и тьма казалось бы верующих людей. Но от исторической правды никуда не уйти. Завешает книгу повесть «Преображение», преобразование, начавшееся в стране и РПЦ накануне распада СССР. Автор умело располагает документальный материал - исторические справки. Но есть длинноты. Например, на с.192-196 рассказывается о новых законах о религии, представляется, что эти страницы можно было сделать покороче.

Таким образом, свет во тьме показан ярко и правдиво. Весь советский период нас окружала тьма, и только в Церкви на богослужении можно было увидеть свет Божий. Алексей Александрович стремился это сделать: в книге показаны многие социальные слои и группы и их отношение к религии, но слабее выглядит

богослужение, скажем, например, во время литургии, когда действительно только Божественный свет разрушает тьму и укрепляет верующих. Или на исповеди, крещении и т.д. и т.п. Иными словами, и в советский период много было верующих по-настоящему в Бога, и хотя им мешали верить, а они все равно были стойки. Ничто не могло их сломить. Это тоже свет во тьме. И его можно было бы показать поярче, так как это литературно-художественное произведение. Но в целом, несмотря на отдельные небольшие замечания, книга А.А. Федотова заслуживает большого внимания. Она показывает, по существу, историю Русской Православной Церкви за последние десятилетия советского периода. Показывает художественно. Книга читается с большим интересом. Она нужна каждому из нас, но особенно молодежи - учащимся, студентам, вступающим на трудный жизненный путь. И эта книга духовно поддерживает читателя.

Остается пожелать автору новых успехов именно и в этом литературно-художественном жанре.

*На пути к гражданскому обществу. (Иваново). Журнал.
2011. № 1-2. С. 107-108*

А.Д. Егоров
доктор исторических наук, профессор Ивановского
государственного химико-технологического
университета,
заслуженный работник высшей школы РФ,
почетный работник высшего образования России

В издательстве «Института управления» (г. Архангельск) подготовлена к печати книга профессора Ивановского филиала Института Федотова Алексея

Александровича «Свет во тьме. Исторические повести». В предлагаемой вниманию читателей книге на примерах вымышленных действующих лиц и ситуаций, показываются реальные противоречивые процессы, происходившие во внутрицерковной жизни в Центральной России в 1968-1991 гг. Художественный текст перемежается с историческими справками о реальном положении Православной Церкви в России в этот период. Основная идея повестей та, что Церковь является тем местом, где, несмотря на неблагоприятное воздействие внешней среды, возможно не только сохранение веры и личности человека, но и его преображение.

Как отмечено на титульном листе «все исторические сведения о положении Русской Православной Церкви в советской России соответствуют действительности. Информация об исторических личностях, названных своими именами, основана на документах и исторических исследованиях. Место действия и действующие лица – вымышленные; любое совпадение с реальными людьми и событиями является случайностью».

В книгу входят три повести – «Собор», «Свет, тьма и тень» и «Преображение». Первые две из них уже были опубликованы, соответственно в 2009 и 2010 годах в городе Иваново.

На что хотелось бы, в первую очередь, обратить внимание – это на исторический реализм и внутреннюю диалектику повествования, придающего ему особую достоверность в глазах читателя, так что многие даже невольно начинают искать прототипов героев книги. Исторические справки усиливают это ощущение достоверности.

Место действия всех трех повестей – город Петрово, который «из всех советских городов был, наверное,

«самым советским». Ничто здесь не напоминало о до-революционной России. Внешней визитной карточкой города была безусловная верность коммунистическим идеалам и ленинским заветам. Внутренне же все было пропитано бездуховностью, опустошенностью, завистью, злобой и теми многочисленными социальными пороками, которые, казалось бы, не должны были иметь места в городе со славными революционными традициями, но не только успешно имели место, но как бы наполнили собой почти все содержание жизни населения города. Народ в Петрово был в массе своей безбожный, но суеверный. Сходить в церковь или к колдунье для большинства петровцев было одним и тем же. Активная миссионерская проповедь среди народа была запрещена советским законодательством, поэтому реально бороться с религиозным невежеством было практически невозможно. Священнослужителям в Петровской епархии приходилось несладко». В нескольких фразах, но очень наглядно автор описывает центр религиозной жизни Петровской епархии: «Маленькое здание епархиального управления было одновременно и «архиерейской резиденцией» епископа Петра. Из небольшого кабинета дверь вела в маленькую спальню, а оттуда в столовую, в которой могло бы поместиться не больше пяти человек. К ней при-мыкала крошечная кухонька с газовой плитой, работающей от баллона. Удобства были во дворе. Перед кабинетом в достаточно большой комнате сидели все сотрудники епархиального управления – секретарь, бухгалтер, кассир, две машинистки и кладовщица». Сложную внешнюю среду, в которой священнослужителям приходится осуществлять свое служение, автор показывает с первых же страниц книги. Имеющие огромную власть над судьбой священнослужителей

уполномоченные Совета по делам религий, представители КГБ, неверующие члены церковных «двадцаток», ренегаты в собственной среде, мракобесие определенной части прихожан – вот то, с чем приходилось иметь дело верующим в то время. И по-разному все ведут себя в этой обстановке. Неоднозначной может быть даже личность православного архиерея.

Например, архиепископ Феодор в своей борьбе «за Церковь», как он ее понимал, попробовал опереться на актив «истинно верующих» прихожан во главе с Лукой Кувиным. Эти люди, действительно, глядели ему в рот. Они не пропускали ни одного богослужения, которое он совершал, восхищались, как Владыка служит, какие проповеди произносит, приходили к нему в епархиальное управление и по несколько часов сидели на приеме, так что не оставалось порой времени принять священнослужителей и прихожан, приехавших откуда-то из района по серьезному вопросу, и тем приходилось уезжать, так и не увидев архиерея». Эти «ревнители» «даже не замечали, что направляют свое жало против самых добрых и беззлобных людей, которые прощают их или не могут за себя постоять. Ведь им и в страшном сне не могло присниться сделать что-то против Льва Александровича, который пригрозил им, что пришибет, закопает на помойке, и ему за это ничего не будет. Привыкшие безнаказанно творить зло, эти люди понимали, что есть те, кто еще хуже их, а потому еще более злые поступки могут совершать более безнаказанно». Лишь в конце первой повести «неожиданно архиерей понял, что издевался над настоящими верующими людьми, которые несли его оскорбления как свой крест. Или над теми, кто был беззащитен. Владыка Феодор прибыл в новую епархию с надеждой исправить ошибки, совершенные ранее, и начать все сначала. Но

он был слишком стар душой, и если что-то не получилось, это не его вина – он очень старался. Владыка Феодор умер года через два от болезней, вызванных изношенностью организма».

Совсем иным выглядит митрополит Исаяя, прошедший через гонения за свою веру. «Внешне он никак не боролся с окружавшим его злом. Но он всегда молился. И его молитва, его внутренняя сосредоточенность и внешнее умиротворение гасили многие конфликты в епархии, заставляли многих людей задуматься о вечности и сделать попытку изменить свою жизнь. Для каждого он находил нужные именно этому человеку простые, но западающие в душу слова. После беседы с владыкой Исанией один раз даже Лев Александрович два часа плакал, а потом месяц не пил». «Владыка был слишком стар и болен для борьбы, он старался больше молиться и меньше вникать во все творящиеся в епархии безобразия. Иногда ему удавалось помочь некоторым искренне верующим людям в их желании посвятить свою жизнь служению Церкви, часто сам его молитвенный и спокойный вид гасил некоторые конфликты. Его не трогали в большей степени потому, что у него не было сил для каких-то активных действий по развитию религиозной жизни».

Архимандрит, а затем епископ «Анатолий умел отделить то хорошее, что есть в человеке, от его зачастую неблагоприятных поступков. Архимандрит Анатолий не сторонился этих людей. Но он не одобрял многих их поступков, где мог, отговаривал от совершения злых дел. Даже став настоятелем, держался с ними обособленно, ненавязчиво давая им почувствовать, как дороги для него его вера и священный сан, что простибельное для них непростительно для него. А они уважали его за это».

Автор показывает, какими разными были и уполномоченные Совета по делам религий по Петровской области Петров и Николаев. Николаев был грубым, неотесанным мужиком, большим любителем выпить, ни во что глубоко не вникающим. Его работа сводилась к тому, чтобы вести себя с верующими по возможности по барски, но так, чтобы при этом не получить взысканий ни от местных властей, ни от Совета. Евгений Алексеевич Петров был человеком совсем другого склада. Он имел религиоведческое образование, был кандидатом наук, работал доцентом на кафедре марксистско-ленинской философии в Петровском пединституте. Стать уполномоченным его заставил скорее научный интерес. Тема докторской диссертации, над которой он трудился, была связана с изменением мировоззрения верующих в условиях развития социальных отношений в обществе. Поэтому он с радостью согласился с предложением работать практически на данном участке... В книге отражена внутренняя несостоятельность многих из тех, кто осуществлял атеистическую работу. «Уполномоченный знал еще по опыту работы в сельской школе, что именно религиозные пережитки бурной порослью растут там, где умирает подлинная религиозность. Из опыта работы в институте он знал, что образование также не является панацеей преодоления предрассудков. Например, заведующий кафедрой философии, где он преподавал, верил снам с четверга на пятницу, еще один профессор был готов пройти две лишних улицы, если ему дорогу перебежала черная кошка. И при этом они были глубокими знатоками марксистской теории, убежденными коммунистами».

Методы борьбы с религией показаны в ходе описания заседаний соответствующей комиссии горис-

полкома. «Студент будет исключен из института за пропаганду антиобщественных взглядов (а он вполне открыто говорит о своих религиозных воззрениях), и пойдет служить в стройбат. Может быть, через два года и поумнеет. Одному из работающих подошла очередь получать квартиру, так пусть подождет еще несколько лет». «В отношении одной матери-одиночки, которая водила каждое воскресенье в церковь двух своих десятилетних дочерей, было поручено Кларе Карловне побеседовать с ней и припугнуть лишением родительских прав».

Ренегатство не приносит счастья – и это доказывает судьба протоиерея Петра Козлевича и протоиерей-конника Юрия, предавших митрополита Исаяю. Их жизнь и смерть, описанные в повести, наглядно подтверждают это. Тьмы и тени много в земной жизни; автор не скупится на описание образов, которые, если представлять себе церковную жизнь, как что-то лубочно-сусальное могут показаться гротескными. Но много здесь и истинно чистого и светлого, которое не может исчезнуть в окружающей тьме.

Нельзя не отметить священника Александра по молитвам которого совершаются чудеса – не броские, никак не нарушающие естественный ход событий, но меняющие жизнь людей, помогающие их преображению. Показательна проповедь протоиерея Александра о значении праздника Преображения для жизни каждого христианина: - Вникнем в значение Христова Преображения. Оно есть предначертание нашего преображения. Все, что мы видим в жизни Иисуса Христа, Сына Божия, относится к каждому из нас. Нелегко было Ему жить среди злых, духовно гнилых, грешных людей. За любовь платили ненавистью. За смирение – гордостью, лицемерием, злобой. За все Его добрые дела, за все что

творил и чему учил, отблагодарили терновым венцом, поруганием, Голгофой. Земля колебалась, сотрясалась от слез и стыда за неблагодарное человечество. Человек распял своего Творца. Но Он и в страдании был велик. За крестной смертью последовало Светлое Христово Воскресение. Всей Своей земной жизнью и каждым движением, взором, делом, словом Господь призывает нас к Себе, чтобы оживить для добра, для вечной жизни. Ты не мал, человек, ты не сирота, ты не погиб! Христос твой Спаситель, Учитель и Друг! Только спеши! Не медли протянуть Ему свою руку! Проснись от греха! Он же любит тебя! Он давно ждет каждого из нас! Путь христианина к мысленному Фавору труден, как восхождение на гору. Верующей душе не нужно объяснять для чего нужно это восхождение, духовную сладость богообщения. «Господи! Хорошо нам здесь быть», - воскликнул апостол Петр. Жизнь христианина – это путь туда, где всегда так хорошо, как хорошо было на святой горе апостолам, это путь в Царство Божие. Преображение человека возможно, – утверждает автор. И особенно убедительно это показано на примере вечно пьяного безумца Льва Александровича, который: за два года до смерти полностью отказался от алкоголя и умер в полном разуме, примиренный с Богом, людьми и своей совестью. Лев Александрович, протрезвев, увидел, что прожил всю свою жизнь совсем не так, как ему хотелось бы. Он, вроде бы, и старался никому не делать зла, да оно само как-то получалось. И вот Лев, избрав отца Александра своим духовным отцом, стал каждую неделю у него исповедоваться. Прошлое всплывало постепенно, каждую неделю вспоминалось что-то еще. А в своей новой жизни Лев Александрович старался не делать ничего такого, что тяготило бы его совесть. И постепенно он достиг состояния полной умиротворенно-

сти: никто и не верил, что благостный старик – это тот самый полусумасшедший пьяница, который сумел стать чем-то вроде визитной карточки не только собора, но и всего города. Важно отметить, что Лев Александрович не только сам отказался от алкоголя, но и помог бросить пить своему соседу – Григорию Ильичу Перачеву.

Книга заканчивается молитвой отца Александра в дни августовского путча 1991 года. «Ему очень хотелось, чтобы возможности свободного исповедания веры, которые появились у людей в последние годы, сохранились. Перед глазами священника проходили сотни людей, которые обращались к нему за молитвенной и моральной поддержкой; вспоминая, он молился за каждого из них. А 21 августа все разрешилось. Узнав, что для Церкви все решилось благополучно, протоиерей Александр, наконец, позволил себе расслабиться... и потерял сознание прямо в соборе. Вызванные врачи констатировали инсульт».

И если первые две части заканчиваются достаточно мрачно – одна смертью архиепископа Феодора, а другая протоиерея Петра Козлевича, то третья часть подчеркивает, что светлое возможно и в этой земной жизни: «Но, несмотря на неблагоприятные прогнозы медиков, отец Александр поправился, и смог вновь служить и духовно поддерживать людей. А вот от административной работы его, наконец, освободили по состоянию здоровья, чему священник был несказанно рад. И еще многим сотням людей смог он оказать так необходимую им духовную поддержку».

Можно охарактеризовать книгу А.А. Федотова, как своего рода очень убедительную и удачную иллюстрацию к истории Русской Православной Церкви в 1968-

1991 года, в которой он проявил себя не только, как состоявшийся историк, но и как литератор и публицист.

Вестник Международного «Института управления».
(Москва – Архангельск - Милан). Журнал. 2010. № 9-10.
С. 92-96

В.М. Лапшин

**Доцент Ивановского государственного
энергетического университета,
кандидат технических наук, почетный работник
высшего профессионального образования РФ**

Без особых литературных изысков, на обычных житейских примерах перед читателем рецензируемой книги возникает картина непростых, зачастую трагических, событий, происходивших во внутрицерковной жизни в Центральной России в 1968-1991 гг.

Автор вовсе не пытается очернить церковную жизнь, которую он прекрасно знает изнутри. Складывается впечатление полной достоверности описываемых событий, чему способствуют и диалектика повествования, и многочисленные исторические справки, использованные в произведении.

С другой стороны, это и не просто хроника реальных событий, невольная заставляющая искать прототипов героев книги в окружающей нас жизни, среди знакомых читателям людей. Все значительно сложнее. Совершенно разные люди: представители духовенства, неверующие люди, оказавшиеся в силу особенностей описываемого в книге времени членами церковных исполнительных органов, чиновники разного уровня, прихожане – все оказываются связанными на личном

или бытовом уровне, все оказываются перед неизбежным выбором: как строить свои отношения с Богом и людьми.

Автор утверждает о возможности преобразования человека, нашедшего свою дорогу к Богу. Яркий пример, основанный на сравнении двух судеб отца и дочери, показывает внутренний конфликт человека в его попытке выстроить отношения с Богом, и два диаметрально противоположных пути выхода из этого конфликта.

Книга, на мой взгляд, будет интересна и полезна людям, воспринимающим жизнь во всех ее проявлениях, в том числе и в связи с освещением в ней различных аспектов истории Церкви в России в XX веке. Человек, задающийся вопросом «а как же это было?», найдет в этой книге немало ответов.

Думаю, что книга А.А. Федотова весьма полезна и для правильного осмысления сегодняшних реалий в отношениях Церкви и государства, Церкви и представителей власти.

К счастью, сегодня многое изменилось в этих отношениях, роль Православия и Русской Православной Церкви в жизни России приобретает истинный смысл. Не изменилось и никогда не изменится главное: трудный, личный путь каждого к Вере. И не хотелось бы видеть на этом пути лукавства, неискренности и корысти.

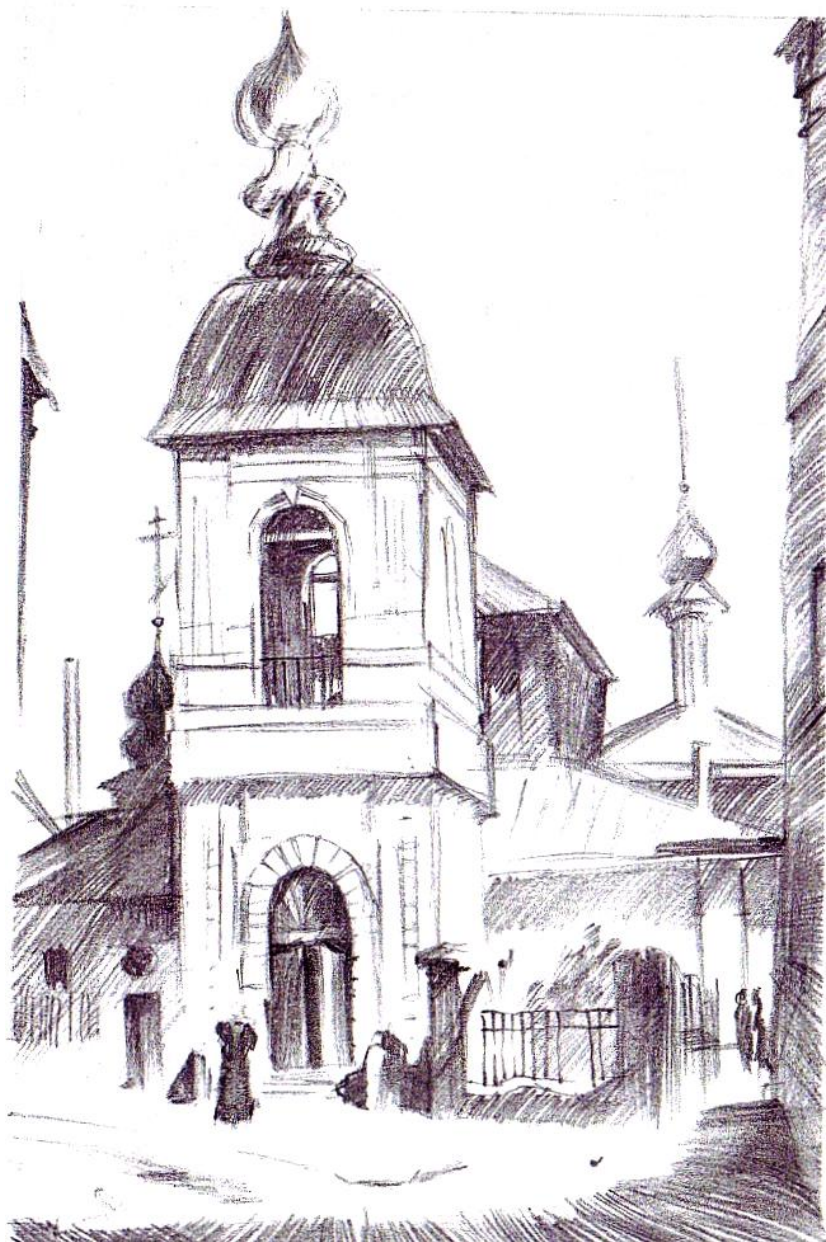
*На пути к гражданскому обществу. (Иваново). Журнал.
2011. № 1-2. С. 108-109*

СОБОР

Историческая повесть

Глава 1.

Во дворе Богоявленского собора этим жарким июньским днем 1968 года было на редкость многолюдно. Через час сюда должен приехать новоназначенный управляющий Петровской епархией – архиепископ Феодор, и всем интересно посмотреть на нового владыку. Большую часть толпы составляли пожилые женщины, значительно меньше было старичков с окладистыми бородами. И уж совсем немного людей средних лет. Несколько особняком с необычайно важным видом стояли семь старушек в одинаковых белых платочках и черных халатах из саржи. Это соборные уборщицы. Они считали себя представительницами более высокой по сравнению с остальными прихожанами касты, а старшая уборщица – Лиза – была настолько важной особой, что даже входила в «двадцатку». Восьмая уборщица по неизвестным причинам не пользовалась привилегией ношения белого платка и черного халата. Она облачалась в цветастый полushалок и серый балахон. Сама она объясняла всем желающим ее слушать и тем, кому до нее дела и вовсе не было, что хочет и внешне и внутренне выглядеть «по-смирнее». В ее обязанности входило мытье соборных туалетов, за что все звали ее «туалетной Валею».

В притворе стояло все соборное духовенство, кроме настоятеля собора, который вместе со старостой должен был первым встретить архиепископа – пять священников, протодиакон и два диакона. Они уже больше получаса стояли в полном облачении в невыносимой духоте, а до приезда нового архиерея оставался еще час, и неизвестно еще, сколько времени он

будет обращаться к народу, а может, еще захочет служить молебен. Члены «двадцатки» в большинстве своем собрались в канцелярии и оживленно обсуждали, что нового может принести назначение нового владыки.

– А ничего нового оно не может принести, – веско сказал председатель ревизионной комиссии Иван Фомич, угрюмый старик с изможденным морщинами пропитым лицом и все еще густым «ежиком» седых волос на голове. – Это для них, – брезгливый жест в сторону улицы, – он владыка, а для нас он ничто.

– Ну, это вы напрасно так легко смотрите, – возразила ему кладовщица Зоя. – Какие еще у него отношения будут с уполномоченным.

– А какими бы ни были, – стоял на своем председатель ревизионной комиссии. – Я-то с Тимофеем Ивановичем, считай, каждую неделю вместе выпиваю, вот ты и посуди, кто ему дороже: архиерей какой-то или я?

Он даже голову поднял вверх от сознания своей значительности. В это время дверь распахнулась, и в канцелярию вошли двое мужчин, один из которых так пошатнулся, что чуть не упал.

– Батюшки, – всплеснула руками старушка-бухгалтер Елена Филипповна. – Александр Николаевич, что это Лев Александрович так нажрался?

– Это же его обычное рабочее состояние, – весело ответил староста собора Александр Николаевич Береникин, крепкий и серьезный на вид мужчина лет пятидесяти. Трезвым помощника старосты Льва Александровича никто никогда не видел, пользы от него не было никому никакой, но по непонятным для всех

причинам помощник старосты считался на хорошем счету и у уполномоченного, и в исполкоме. Александр Николаевич всерьез опасался его как возможного конкурента на место старосты. Лев Александрович был необычайно толстым отечным мужиком лет эдак под шестьдесят. Щеки практически закрывали подслеповатые пороссячи глазки, голову украшали жидкие белые, коротко постриженные волосы. В густой седой бороде, несмотря на то, что она была достаточно коротко пострижена, застряли остатки пищи (помощник старосты недавно пообедал). Одет он был в легкую безрукавную рубашку и белые парусиновые брюки, на ноги прямо без носков были обуты открытые сандалии. Несмотря на такую легкую одежду, пот ручьями струился по нему.

– Сашка, – вдруг грозно обратился он к старосте, – ты чего меня сюда привел? Ты ,что ли, будешь за порядком следить, когда столько народу здесь толчется?

– Да ты же устал, Лева, тебе выпить надо рюмочку – миролюбиво ответил ему Александр Николаевич. – Зоя, а ты чего стоишь?

– Твоя правда, тружусь аки пчела, – сразу подобрел Лев Александрович.

Кладовщица Зоя, которой подобное было не впервой, уже через две минуты принесла налитый «по рубчик» стакан водки и пару соленых огурцов. Водка исчезла мгновенно...

– Давай-ка еще одну, – повернулся он к Зое.

Выпив вторую «рюмку», он совсем подобрел и подошел к дивану.

– Я полежу, пожалуй, – добродушно объявил он. – А ты, Саш, пока посмотри там за порядком.

Через минуту Лев Александрович захрапел, а староста со смехом стал рассказывать присутствующим о его подвигах.

– Представляете, приходит ко мне сейчас отец Анатолий в кабинет, весь нервный. Я думаю: чего случилось? А наш Левушка уже с утра ужрался, начал порядок во дворе наводить. До какого-то интеллигента докопался, что тот якобы пьяный, и нехорошо в таком виде в общественное место приходите. И ведь выгнал мужика! А сам потом забыл, видимо, где находится, и прямо посреди двора хотел отлить. Ладно, что мы тут подоспели с отцом Анатолием. Я еле успел Леву до туалета довести. Хорошо, что он заснул, а то все же неудобно перед новым архиереем.

– Неудобно штаны через голову надевать, – мрачно возразил ему Иван Фомич, который хотел выпить и в глубине души жутко завидовал Льву Александровичу, но старался не подавать вида.

В этот момент дверь канцелярии опять открылась, и в нее заглянул настоятель собора архимандрит Анатолий. Это был красивый высокий начинающий седець мужчина сорока пяти лет, с тонкими чертами лица.

– Александр Николаевич, пора идти, – мягко сказал он. – Как там, кстати, Лев Александрович, не плохо ли ему?

– Нет, отец Анатолий, ему хорошо, ему очень хорошо, – неожиданно доброжелательным голосом сказал Иван Фомич. – И впрямь надо выходить.

И все собравшиеся в канцелярии, за исключением громко храпящего помощника старосты, направились в сторону притвора.

...Богоявленский кафедральный собор был единственной действующей церковью в областном центре, носившем несколько деревенское для города областного значения имя Петрово. Все остальные храмы здесь использовались под нужды различных учреждений, а в большинстве своем и вовсе были разрушены уже несколько десятилетий назад. Петрово славилось революционными традициями, оно было молодым пролетарским городом, и «наверху» считали, что рассадники мракобесия здесь ни к чему. Впрочем, во время войны в отношении советского государства к Церкви наступил перелом. Причин тому было много. Перепись 1937 года показала, что больше половины жителей страны советов считают себя верующими. Война же способствовала выходу этой скрытой религиозности наружу. Кроме того, большую роль играла и позиция союзников СССР в антифашистской коалиции – Великобритании и США. В этой ситуации советскому руководству было не до борьбы с религией, и Церковь получила некоторое облегчение своего положения. Одним из следствий этого было открытие православных храмов, возобновление деятельности церковных административных единиц – епархий. В 1944 году возобновились богослужения и в Богоявленском кафедральном соборе, который незадолго до войны был закрыт и переоборудован под конюшни.

За несколько лет использования «в народно-хозяйственных целях» храм был изгажен. Убор-

ка заняла почти месяц. Верующие женщины, хлопотавшие об его открытии, после двенадцатичасового рабочего дня на фабрике приходили сюда, чтобы бесплатно приводить в порядок поруганную святыню. Храм был маленький и никак не тянул на главную церковь Петровской епархии, деятельность которой возобновилась в 1946 году. Впрочем, никакой другой церкви в Петрово местные власти отдать верующим не согласились. В первые послевоенные годы многие всерьез верили, что православие в СССР полностью легализовано, поэтому прихожан в областном центре с полумиллионным населением оказалось столько, что их порой не вмещал не только сам маленький Богоявленский собор, но и церковная ограда. Хотя люди жили и бедно, но их было много, поэтому собор быстро был приведен в порядок. Играл роль и статус главного храма епархии. Из некоторых закрытых деревенских церквей области, которые власти отказывались открыть для богослужений, сюда были свезены иконы, церковная утварь, а из одной был перевезен иконостас. По области тоже начали открывать храмы. Их число дошло почти до шестидесяти, когда Хрущевым был опять взят курс на борьбу с религией. К 1964 году в Петровской области осталось чуть более сорока действующих храмов.

К концу шестидесятих годов религиозная ситуация в России стала более-менее стабильной. Ни о какой свободе совести речи, естественно, не шло, но и явных гонений на Церковь

не предпринималось. Разные категории людей имели разные права на удовлетворение своих «религиозных нужд». Больше всего таких прав имели покойники. Советские люди были в значительной части очень суеверными, поэтому, даже имея отрицательное отношение к религии, обычно редко не исполняли просьбы умирающего об отпевании. Другой «привилегированной категорией» были тяжело больные, в первую очередь, психически. Снисходительно относились и к верующим пенсионерам, к женщинам снисходительнее, чем к мужчинам. Но вот трудоспособное население не должно было поддаваться религиозному дурману. Особенно следовало беречь от него детей. Про коммунистов и комсомольцев и говорить нечего, их долг – бороться с религиозными предрассудками. Все это создавало ситуацию, когда образованный положительный человек, не имеющий диссидентских наклонностей, лишь в очень редких случаях приходил в храм, как правило, лишь после какой-то жизненной трагедии. Большинство же постоянных прихожан составляли пенсионеры, женщины старше пятидесяти лет с неустроенной личной жизнью и психически больные люди.

Духовенство было неоднородным. Священников, рукоположенных еще до революции, почти не осталось. Не так много было и тех, кто принял сан в годы кровавых гонений за веру. Большинство стало священнослужителями в послевоенные годы. Обманчивое время внешне

терпимого отношения к Церкви со стороны власти и общества заставило некоторых из них поверить, что пришла пора церковного возрождения в России. Даже сам Патриарх Алексий I среди близких людей говорил о возможном восстановлении церковной инфраструктуры в до-революционном объеме. Впрочем, уже первые годы правления Н.С. Хрущева, обещавшего показать по телевизору последнего попа, засвидетельствовали всю иллюзорность этих надежд. Было закрыто множество храмов, свыше тысячи людей осудили по сфабрикованным «религиозным» делам. Духовенство отстранили от участия в финансово-хозяйственной деятельности приходов. Теперь вся эта сфера приходской жизни перешла к так называемым «исполнительным органам».

По существовавшему государственному законодательству о религии культовое здание передавалось государством в пользование группе из двадцати граждан, с которыми подписывался договор. В свою очередь, из этой «двадцатки» выбирался исполнительный орган, как правило, из трех человек – старосты, его помощника и казначея. Они и осуществляли теперь текущее руководство всеми хозяйственными вопросами церковной жизни. Состав членов «двадцаток» согласовывался с местными исполкомами и другими компетентными структурами на предмет благонадежности. То, что люди, попавшие в «двадцатку» устраивали местные органы советской власти, вовсе не означало, что они

также хороши были и для Церкви. Наоборот, их неверие, нечестность и различные пороки являлись иногда даже плюсом в глазах некоторых местных советских начальников, имевших весьма примитивное представление о способах борьбы с религией и считавших, что подобные люди в церковной среде будут способствовать успехам атеистической пропаганды. Нередко между духовенством и исполнительными органами возникали конфликты, в которых государство неизменно занимало сторону последних.

Настоятель Богоявленского собора архимандрит Анатолий был необычайно мягким и доброжелательным человеком и ухитрялся сохранять доброжелательные отношения даже с такими невыносимыми людьми, как Иван Фомич и Лев Александрович, которые достаточно хорошо к нему относились. Его должность нельзя было назвать завидной: практически лишенный реальных административных полномочий в соборе, он был своего рода «буфером» между управляющим епархией и «двадцаткой» собора. На последнюю архиереи влияния не имели, поэтому могли срывать свое раздражение на настоятеле собора, который тоже не имел возможностей влиять на «двадцатку», но на которого можно было сорваться. Впрочем, предыдущий управляющий епархией епископ Петр был на редкость миролюбивым и доброжелательным человеком. С ним у отца Анатолия никогда не было проблем. «Каким же будет новый архиерей?» – напряженно думал он.

Глава 2.

Архиепископ Феодор ехал в машине по дороге из Москвы в Петрово. Он сидел на заднем сиденье изрядно потрепанной черной «Волги», присланной за ним из города, в котором ему предстояло продолжить свое архиерейское служение. За рулем был болтливый мужичонка лет сорока, которому, видимо, было очень интересно потрепаться с «главным попом». Владыка сначала односложно отвечал на его вопросы, но уже через десять минут прямо сказал водителю, чтобы тот не мешал ему думать. Архиепископ был резким человеком, его всегда сильно раздражало, если что-то делалось не по его воле. Мужичонка надулся и замолчал. А владыка, наконец, спокойно погрузился в свои мысли.

... Петровская епархия была третьим местом, куда он получил назначение в качестве архиерея. А в этом сане архиепископ Феодор был уже десять лет. Первой своей епархией он управлял два года: как раз шли хрущевские гонения, и ротация архиереев была обычным делом. А вот во второй епархии ему удалось задержаться на восемь лет. По тем временам это было много. Все стало знакомым и привычным. Владыка Феодор отличался неугомонным характером. Ему не нравилось, как ведет себя духовенство, он постоянно конфликтовал с членами «двадцаток». Непростыми были у него отношения и с местным уполномоченным Совета по делам религий. Тот регулярно вызывал к себе проблемного архиерея для профилактических бесед, периодически писал на него нелестные характеристики в Москву. Впрочем, делал он это без особого

энтузиазма, больше «для порядка», отмечая, что в целом «Феодор отношения с уполномоченным Совета строит правильно, к рекомендациям его прислушивается». И вот новое назначение. Из всех советских городов Петрово было, наверное, «самым советским». Ничто здесь не напоминало о дореволюционной России. Внешней визитной карточкой города была безусловная верность коммунистическим идеалам и ленинским заветам. Внутренне же все было пропитано бездуховностью, опустошенностью, завистью, злобой и теми многочисленными социальными пороками, которые, казалось бы, не должны были иметь места в городе со славными революционными традициями, но не только успешно имели место, но как бы наполнили собой почти все содержание жизни населения города. Народ в Петрово был в массе своей безбожный, но суеверный. Сходить в церковь или к колдунье для большинства петровцев было одним и тем же. Активная миссионерская проповедь среди народа была запрещена советским законодательством, поэтому реально бороться с религиозным невежеством было практически невозможно.

Священнослужителям в Петровской епархии приходилось несладко. Присущий областному центру дух непостижимым образом пропитал всю область, «нарезанную» на заре советской власти из кусочков нескольких губерний. Еще более странным было то, что те, кто хуже других относился к священникам, оказывались в составе «двадцаток» и в числе постоянных прихожан, а те, кто относился доброжелательно, в церкви бывали один-два раза в жизни... Особенно обострилась проблема взаимоотношений духовенства

и прихожан после проведенной в 1961 году реформы приходского управления. Малограмотные, но преисполненные амбиций, церковные старосты порой относились к священникам и диаконам как к своим личным наемным работникам. Это порождало многочисленные конфликты. Архиереи не задерживались в Петровской епархии больше двух лет. Такой вкратце была информация, которую архиепископ Феодор получил о новом месте своего служения от своего предшественника епископа Петра.

...Будущий владыка Феодор, а до монашеского пострига Дмитрий, родился в небольшом селе в ста верстах от Киева в семье псаломщика. Все его детские воспоминания были связаны с церковными богослужениями, с сельскими пейзажами Украины. Он был третьим ребенком в семье, кроме него у родителей были еще один сын и две дочери. Жили они дружно, но довольно бедно. Диме исполнилось всего восемь лет, когда наступили революционные события 1917 года, а за ними гражданская война. Многочисленные горести, последовавшие за этим и сильно испортившие его характер, не смогли до конца вытравить из его души способность радоваться жизни. Навсегда остались в душе Дмитрия воспоминания о раннем детстве как о чем-то райском и светлом. Все лучшее, что может быть на земле, мальчик связывал с Церковью, мечтал стать священником. Однако его мечты не сразу стали реальностью. Больше двенадцати лет ему пришлось работать в разных учреждениях Киева, незадолго до войны он заочно учился в плановом институте, успешно его закончил. Может быть, Дмитрий и решил бы стать священником гонимой Церкви, но в двадцать лет он

женился, у него родились два сына. Подвергать семью риску репрессий он считал себя не вправе.

В годы войны отношение советского государства к Церкви изменилось, и Дмитрий смог стать священником, не опасаясь навлечь гонения на жену и детей. Затем были годы службы на украинских городских приходах, а потом в Ленинграде. Отец Дмитрий поступил на заочное обучение в Ленинградскую духовную академию, которую закончил со степенью кандидата богословия. Когда ему исполнилось сорок восемь лет, он овдовел. Сыновья уже выросли, у них были свои семьи. Ни один из них не пошел по стопам отца, оба стали инженерами – и достаточно хорошими. После смерти жены отец Дмитрий принял монашеский постриг с именем Феодор. Его возвели в сан архимандрита и назначили ректором в одну из семинарий, которой через несколько лет, в годы хрущевских гонений, предстояло закрытие. Но отец Феодор был ректором семинарии только один год; его рукоположили в сан епископа, и начался совершенно новый период его служения Церкви.

...Нахлынувшие воспоминания внезапно опять прервал назойливый мужичонка-водитель.

– Подъезжаем уже, – радостно сообщил он. – Сразу в собор проедем или сначала в епархию?

Владыка Феодор и сам не знал, как лучше поступить. С одной стороны, шестичасовая дорога утомила его, хорошо было бы на полчаса зайти в здание епархиального управления, с другой – в соборе его ждали, – он посмотрел на часы, – уже больше часа.

– Едем сразу в собор, – сказал он устало водителю.

...Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Петровской области Тимофей Иванович Николаев сидел за столом в своем просторном кабинете и, несмотря на жару, пил горячий крепкий чай. Вчера отмечали юбилей у одного ответственного товарища в облисполкоме, посидели хорошо, разошлись уже за полночь. Тимофей Иванович повеселился от души, но теперь ему было очень плохо. Сейчас хорошо бы пива холодного, но сегодня как назло должен придти на прием новый управляющий епархией, судя по наведенным справкам, человек очень беспокойный и кляузный... Да и ладно! Уполномоченный махнул рукой и достал из шкафа бутылку водки. Налил примерно треть стакана и залпом выпил. На душе сразу как-то потеплело, мысли о новом архиерее из агрессивных стали спокойными.

Тимофей Иванович работал на своем месте третий год, до этого он больше десяти лет был заместителем начальника одного из отделов Петровского облисполкома. И вот, когда он искренне надеялся получить повышение и стать начальником отдела, его взяли и сунули на этот участок, где всего и сотрудников – он с секретаршей, а народу на прием каждый день – куча, один другого чудней. Да еще бесконечные разъезды по области, да встречи в облисполкоме с заместителями председателей райисполкомов, кэжэбэшниками и милицией, да выезды в Москву... Тимофею Ивановичу уже давно перестало даваться за пятьдесят, поэтому новая работа давалась ему трудно. Тем более непросто было общаться

с уполномоченным священнослужителем. Ведь от него зависела их регистрация и возможность официально совершать богослужения.

Созданный в октябре 1943 года Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР был призван осуществлять связь между Правительством СССР и Патриархом, контролировать деятельность местных епархий, информировать Правительство о нуждах Церкви, готовить проекты государственных законодательных актов по церковным делам.

Характерно, что возглавил Совет полковник госбезопасности Г.Г. Карпов, выпускник духовной семинарии, который с 1940 года возглавлял 3-й отдел 5 управления НКГБ, осуществлявший различные антицерковные акции. Заместителем председателя стал также полковник госбезопасности К. А. Зайцев. В беседе с Карповым 13 октября 1943 года В. М. Молотов указал ему и уполномоченных Совета подобрать «из чекистов». Характерно и то, что Карпов некоторое время совмещал свою новую деятельность с исполнением прежних обязанностей начальника 3 отдела. Вышел в отставку позднее в звании генерал-майора. На его соответствующий вопрос Молотов ответил: «Если Ваше должностное положение в НКГБ не публикуется в газетах и не придано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение». Совет по

делам РПЦ находился под полной опекой органов госбезопасности вплоть до середины 1950-х годов.

Решение ключевых вопросов государственной политики в религиозной сфере И. В. Сталин оставил за собой. Менее важными проблемами в Правительстве занимались Молотов, а с 1946 года Ворошилов, в ЦК ВКП (б) – поочередно Маленков и Жданов. Самостоятельная роль руководимого Карповым Советом на первых порах не была слишком значительной. Конечно, самостоятельность Патриархии была сильно ограниченной, но все же в тот период она касалась и комплектования кадров духовенства.

Советом и его уполномоченными в областях проводилась регистрация священнослужителей. Копию указа о назначении священника или диакона архиерей в обязательном порядке направлял уполномоченному Совету. На каждого «служителя религиозного культа» уполномоченным заводилось дело, при этом заполнялась регистрационная анкета. Уполномоченные Совета занимались также проверкой составов учредителей религиозных обществ, членов исполнительных органов и ревизионных комиссий, проверкой выполнения религиозными обществами договоров по содержанию молитвенных зданий и культового имущества, накоплением фактов из жизни религиозных обществ, предоставляли руководству облисполкомов доклады о состоянии

и деятельности расположенных на территории области религиозных организаций.

Уже к концу 1940-х годов почти всю работу с Церковью и внутри стран, и за рубежом осуществлял Совет по делам РПЦ. Его роль и численный состав заметно выросли. Так в 1946 году количество уполномоченных выросло с первоначальных 89 до 114, а сотрудников центрального аппарата с 9 до 57 человек. Ситуация изменилась в 1947 году. МГБ стало утрачивать интерес к Русской Православной Церкви, и уже в феврале этого года число уполномоченных сократилось до 105. Их состав также претерпел изменения. К августу 1948 года лишь 20 процентов уполномоченных были офицерами госбезопасности, остальные пришли с советской, партийной и хозяйственной работы. Деятельность Совета стабилизировалась.

В 1965 году Совет по делам РПЦ был объединен с Советом по делам религиозных культов в единый Совет по делам религий при СМ СССР.

Уполномоченным этого недавно созданного объединенного Совета по Петровской области и был Тимофей Иванович Николаев. От этого крепкого, простоватого на вид мужчины, похожего на колхозника, во многом зависели судьбы не только священнослужителей и членов «двадцаток». Все вопросы, связанные с религиозной жизнью Петровской области, так или иначе замыкались на этом человеке, который не только не имел специальной религиоведческой подготовки, но еще за день до назначения уполномоченным за-

труднился бы внятно ответить на вопрос, чем православные отличаются от мусульман.

Глава 3.

Черная «Волга» медленно въехала в ворота соборного двора. Она остановилась неподалеку от входа в храм, и иподиакон Валера, уже стоявший там, где машина должна была остановиться, отработанным движением открыл заднюю дверцу. Архиепископ Феодор вышел, поправил наметку на клобуке, посмотрел на рясу и остался доволен. Ему всегда удавалось так сесть в машине, что даже после долгой дороги одежда была не помята. Валерий за это время уже достал из «Волги» посох, подал его архиерею и поцеловал руку. Владыка осмотрелся. Народ во дворе с любопытством смотрел на него, а навстречу шли настоятель собора, староста и две женщины, одна из которых несла на подносе, покрытом расшитым полотенцем, хлеб-соль, а другая – букет цветов.

Архиепископ Феодор с некоторым недоумением посмотрел на лежащую на подносе купленную в магазине круглую булку. Обычно в таких случаях хлеб пекся в просфорне. Но его предупреждали, что Петрово – город очень советский. Может быть, здесь так принято? На самом же деле хлеб был заблаговременно испечен, только стоял он в канцелярии, где мирно спал Лев Александрович. Помощник старосты проснулся от того, что захотел есть. Он съел порезанные для него огурцы, огляделся в поисках чего-то посущественней и обнаружил красивый круглый каравай, лежащий на

подносе с расшитым полотенцем. Лев Александрович съел половину карая, высморкался в полотенце и опять лег спать. Зоя, которая должна была подать новому архиерею хлеб-соль, заметила происшедшее минут за двадцать до приезда архиерея. Она всплеснула руками и бросилась к Александру Николаевичу. Тот не растерялся, послал тут же кого-то в ближайшую булочную, велел сменить полотенце. К тому моменту, когда архиепископ Феодор вышел из машины, все было в относительном порядке, только специально испеченный хлеб был заменен на изделие Петровского хлебозавода, и Зоя сильно раскраснелась.

Владыка, по обычаю, поцеловал хлеб и вернул его Зое. Елена Филипповна подала цветы. Архиепископ благодарно кивнул ей и отдал букет иподиакону. К нему подошел седой священник, сделал поясной поклон и сложил руки под благословение.

– Благословите, владыка, я архимандрит Анатолий, настоятель Богоявленского кафедрального собора города Петрово, – представился он.

Архиепископ благословил отца Анатолия. Следующим к нему подошел староста, который благословения не спросил, а крепко пожал руку архиерея, даже не дожидаясь, когда тот ее протянет.

– Меня зовут Александр Николаевич Береникин, я здешний церковный староста, – представился он.

Владыка заставил себя ему улыбнуться и вошел в собор. В притворе выстроилось духовенство. Священник с подносом, на котором лежал на престольный крест, стоял по центру, по каждую сторону от него было еще по двое священников. «Встречает только соборное духовенство, – отметил про себя архиепископ.

– Из приходов, видимо, приехать никому не разрешили. Или же никто сам не захотел?» Немного подалее за священниками стояли протодиакон с кадилом и два диакона, державшие в руках трикирий и дикирий.

– Премудрость, – густым басом возгласил прото-
диакон.

– От восток солнца до запад... – запел хор.

В это время иподиаконы взяли у архиепископа Феодора посох, надели на него мантию. Он поцеловал напрестольный крест, затем дал поцеловать его всем священникам. Вместо посоха иподиакон подал владыке жезл, опираясь на который он под пение хора прошествовал на амвон. Здесь он обернулся и трижды благословил народ, после чего обратился к присутствующим с получасовым приветственным словом.

Говорить в то время необходимо было осторожно, поэтому уже опытный архиерей не говорил на проповедях ничего такого, за что религиозно неграмотные советские чиновники и их еще более неграмотные подручные могли бы обвинить его в «религиозном экстремизме». После проповеди был отслужен краткий молебен, а затем архиепископ Феодор сам стоял с крестом, пока к нему подходили прихожане. Народа было много, поэтому в алтарь он зашел только через два часа.

Духовенство ждало его там, уже не в полном облачении, но все в рясах. Иподиаконы сняли с архиерея мантию, он отдал им и клубук. В храме было очень душно, владыке было плохо, но он старался не подавать вида. Настоятель начал представлять ему священнослужителей. Все священники в соборе, кроме одного, были намного старше настоятеля. Это были мастиные протоиереи, один из которых был рукоположен еще до революции. «Наверное, непросто с ними отцу Анатолию», – думал архиерей, пока благословлял их. Его внимание остановилось и на самом молодом свя-

щеннике – Георгии Грицуке, которому не было еще сорока лет. Весь его облик выдавал преисполненного чувства собственной значимости, необычайно хвастливого человека. Затем подошел протодиакон, сухонький невысокий мужчина лет шестидесяти, – даже удивительно, что у него был такой густой бас. Потом два диакона, а за ними еще какой-то мужчина лет сорока.

– Это регент архиерейского хора Петр Борисович, – представил его отец Анатолий владыке.

Одетый в строгий костюм с галстуком, в очках, гладко выбритый интеллигентного вида мужчина с зачесанными назад черными волосами взял у архиепископа благословение, держался очень уважительно. Архиерей тогда и не подозревал, сколько трений у них в будущем. Благословив всех, владыка Феодор сказал отцу Анатолию, что сейчас ему еще нужно будет проехать в епархиальное управление, завтра в первой половине дня он должен прийти на прием к уполномоченному, с которым он созванивался о встрече еще из Москвы. А вот завтра во второй половине дня он ждет архимандрита Анатолия в епархиальном управлении, чтобы подробно побеседовать об обстановке в соборе. И архиепископ через боковую дверь вышел из алтаря на улицу, где его уже ждала машина. На улице толпилось много народа, каждый хотел взять у нового архиерея благословение, что-то сказать.

– На разговоры у нас еще будет время, – твердо сказал владыка Феодор. Но некоторых, самых настойчивых, он все же благословил, и это задержало его у машины еще на полчаса. В епархиальное управление архиерей приехал совсем выбившимся из сил.

Епархиальное управление располагалось в небольшом деревянном домике неподалеку от кафедрального собора. Было уже около шести вечера, но все сотрудники находились на местах и ждали нового архиерея. Владыка быстро благословил всех, а затем сказал, что сначала должен поговорить с секретарем, игуменом Иовом, который проводил его в кабинет управляющего епархией. Через десять минут архиепископ Феодор был уже в курсе бытовых условий, в которых жил его предшественник.

Маленькое здание епархиального управления было одновременно и «архиерейской резиденцией» епископа Петра. Из небольшого кабинета дверь вела в маленькую спальню, а оттуда в столовую, в которой могло бы поместиться не больше пяти человек. К ней примыкала крошечная кухонька с газовой плитой, работавшей от баллона. Удобства были во дворе. Перед кабинетом в достаточно большой комнате сидели все сотрудники епархиального управления – секретарь, бухгалтер, кассир, две машинистки и кладовщица.

– А что же, нет церковного дома для архиерея? – поинтересовался архиепископ Феодор.

Церковные дома были у собора, но епископ Петр считал, что в них должны жить священники с большими семьями, а он как монах может довольствоваться и этим. Впрочем, если владыка Феодор хочет, то можно попробовать завтра поговорить с уполномоченным. Тот давно подумывает о лишении регистрации отца Георгия Грицука, на которого много жалоб. Если его уволить, то освободится достаточно просторный церковный дом, в нем и поселиться. Правда уполномоченный постарается потом под разными предложениями

отказать в регистрации нового священника в собор, а священников на полумиллионный город и так всего шесть человек. Сам секретарь епархиального управления игумен Иов является настоятелем небольшой церкви в десяти километрах от Петрово, служит там по воскресным и праздничным дням, а остальные дни работает здесь. Кроме того, у отца Георгия трое детей, жена домохозяйка, а он в тридцать два года не имеет никакой гражданской профессии. Закончил десять лет назад семинарию, сразу был рукоположен в священники, так и служит с того времени в соборе. Жилья, похоже, у них какого-то, в случае чего, тоже нет. Если их выгнать из дома, то местная пресса использует это как удачный повод для еще одного витка атеистической пропаганды.

– Ну, я думаю, что нужно хорошо разобраться с отцом Георгием, прежде чем что-то конкретное о нем говорить, – ответил владыка. – Я человек неприхотливый, поживу здесь, а дальше будет видно. Но создавать себе бытовые удобства на несчастье целой семьи я не буду точно. А сейчас мне хотелось бы поесть и отдохнуть. Завтра утром мы поговорим с вами подробнее, затем я еду к уполномоченному, потом коротко побеседую с сотрудниками епархиальной канцелярии и приму настоятеля собора. Послезавтра суббота, в первой половине дня, я буду знакомиться с личными делами духовенства епархии, а вечером служить всенощное бдение в соборе. Помогает ли кто архиерею по хозяйству?

Оказалось, что епархиальная уборщица Глафира готовила, стирала и убиралась у епископа Петра, она согласна работать и у нового архиерея. Платить от-

дельно ей не нужно, потому что она состоит в штате епархиального управления и получает приличную для уборщицы зарплату. Сейчас обед готов, через десять минут Глафира все накроет. Будет ли владыка есть один или с ним приехал еще кто-то?

– Я приехал один, – ответил архиепископ. – Отпустите канцелярию до завтра, а вы тогда задержитесь. Давайте вместе пообедаем, поговорим, чтобы я уже сейчас начинал входить в курс епархиальных дел.

Через пятнадцать минут они сидели за столом. Кроме грибного супа, жареной картошки с рыбными котлетами, селедки и дешевых в это время года овощей и фруктов к обеду была подана дефицитная дорогая рыба двух сортов, красная икра, коньяк, шоколадные конфеты.

– Вроде бы не по средствам обед? – вопросительно посмотрел владыка на секретаря.

Но тот объяснил, что рыбу и икру подарили новому архиерею прихожане, а все остальное стоит сравнительно дешево, просто нужно знать, где покупать и стоять в очередях, но Глафира с этим хорошо справляется. Она одинокая женщина, ей три года до пенсионного возраста. Главная страсть Глафиры – вкусно поесть. Сама она себе не могла бы многого позволить, а здесь покупает продукты, готовит, а заодно и ест, что хочет, не жалея для этого сил и времени.

– Ну это ладно, – улыбнулся архиепископ. – Надо будет потом разобраться, какие средства уходят у нас на продукты. А вот подарков от прихожан брать не нужно, чтобы не было проблем с налоговыми органами. У меня в одной из епархий был случай, когда прихожане приносили на панихиду продукты для священ-

ников, а потом государственные финорганы наобум их оценили и начислили каждому из священнослужителей налог больший, чем эти продукты стоили. И ведь какая еще была сложность: у нас народ традиционно приносит продукты на панихиду для поминовения усопших родственников. Духовенство их после того случая брать категорически не хотело, чтобы не попасть под дополнительное налоговое обложение. Бедным мы их раздавать не могли, потому что благотворительная деятельность в Советском Союзе запрещена. Так бы и гнили продукты, если бы уполномоченный не проявил здравомыслия и не разрешил раздавать их хотя бы тем старушкам, которые бесплатно убирались в храмах.

– У нас такого пока не было, – растерянно ответил отец Иов. – Но как благословите, владыка, тогда не будем принимать подарков. А как с панихидой быть?

– Ну, если местные власти ничего такого пока не предпринимали, то новые идеи нам им подавать ни к чему. Но осторожность в этом вопросе необходима, нужно всегда помнить о том, что Церковь находится под наблюдением, и мы не должны подавать никакого повода для дополнительного давления властей, ведь им и повода специального не нужно.

Налоговое бремя на духовенство в Советском Союзе действительно было очень тяжелым. Согласно статье 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О подоходном налоге с населения» от 30 апреля 1943 года священники облагались налогом на уровне частных предпринимателей. Максимальный налог составлял 81

процент при доходе свыше 7000 рублей в год. Предусмотренная тем же Указом ставка обложения советских служащих налогом составляла 13 процентов. В 1946 году были переведены на налогообложение, предусмотренное для рабочих и служащих, епископы, сотрудники епархиальных управлений, певчие, преподаватели духовных учебных заведений. На приходское духовенство льгота не распространялась.

В послевоенное десятилетие доходы сельских священников находились в пределах от 500 до 2000 рублей в месяц и облагались налогом от 16 до 40%. В крупных городах они составляли 5-10 тысяч рублей в месяц и облагались налогом 65 процентов. Подоходный налог епископата колебался в размере от 30 до 50 процентов. Освобожден от налогов был только Патриарх. Высокие ставки налогообложения способствовали повсеместной практике укрывательства доходов, в результате чего накануне инициализированных Н. С. Хрущевым антицерковных репрессий некоторые священники имели по несколько домов, автомобили. В то же время священники, показывавшие реальные доходы, находились в тяжелом материальном положении. Отстранение священнослужителей от финансовой деятельности в приходах сохранило для них тяжесть налогового гнета, но не привело к уравниванию их материального положения. Все зависело здесь не только от доходов того или иного храма, но и от местных органов государственной власти, от степени пристальности

их внимания к деятельности того или иного священника. Одного могли обложить налогом за городскую булку или пару пирожков, которые передали ему прихожане, а другой мог безнаказанно совершать неучтенные требы на домах прихожан, брать деньги за них себе, и его не только не лишали регистрации, но и делали вид, что ничего не происходит. Какими критериями руководствовались при этом уполномоченные и местные власти, в рамках науки или логики объяснить невозможно. Определяющую роль, как и зачастую это бывает в России, играл субъективный фактор. Поэтому ни один священнослужитель не мог считать себя гарантированно застрахованным от того, что завтра им не заинтересуется какой-нибудь советский чиновник и найдет кучу способов испортить ему жизнь.

Владыка Феодор только пригубил коньяк, отец Иов, глядя на него, поступил так же.

– Отец Иов, – продолжил разговор архиерей, – как же вам удастся успевать совмещать настоятельство в приходе с секретарством? Или у вас есть второй священник?

Второго священника на приходе у игумена Иова не было. А то, что он из-за занятости в качестве секретаря епархиального управления редко бывает в расположенном недалеко от областного центра храме, куда и каждый день могло бы приходиться немало верующих, устраивало уполномоченного и районные власти, которые покровительствовали ему и в свое время

настойчиво порекомендовали епископу Петру назначить отца Иова на должность секретаря.

– Второго священника нет, но прихожан немного, я справляюсь, – сказал он владыке.

– Хорошо, нужно будет мне съездить к Вам на приход, посмотреть все на месте.

От этих слов архиерея секретарю стало немного не по себе. Он ожидал, что новый управляющий епархией может пожелать заменить секретаря, являющегося его непосредственным помощником в управлении епархией, но не думал, что такой намек прозвучит уже в первые часы общения. «Однако архиерей сложный, – подумал отец Иов. – Нужно бы сегодня посоветоваться, как себя вести». Они побеседовали еще около часа, архиепископ задавал конкретные вопросы о положении дел в епархии, а секретарь уклончиво на них отвечал.

Из разговора владыка вынес убеждение, что секретарь, а, возможно, и епископ Петр были в Петровской епархии оторваны от реального участия в приходской жизни. Каждое посещение управляющим епархией любой церкви, кроме кафедрального собора в Петрово, зачастую требовало согласования с местными властями. Ни о каком реальном контроле за деятельностью приходов со стороны епархиального управления и говорить не приходилось. «Видимо, мне будет здесь непросто», – подумал архиепископ Феодор. И он не ошибся.

Глава 4.

Как только архиерей сел в машину, священнослужители в алтаре собора начали обсуждать, каким он им показался. Сошлись на том, что совсем не такой, как владыка Петр, – тот добрый, человечный, для каждого ласковое слово найдет. А этот ходит тяжело, взгляд хмурый, говорит мало и строго.

– Вот поверьте мне, что мы еще натерпимся с этим архиереем, – оживленно жестикулируя, говорил отцу Анатолию священник Георгий Грицук.

Настоятель посмотрел на него с еле сдерживаемой усмешкой. Отец Георгий иногда смешил его своими выходками, но чаще раздражал. После Одесской семинарии Георгий всего две недели проучился в Московской духовной академии (как еще туда его только взяли, – говорили в соборе), но это не мешало ему гордо именовать себя «академиком». Епископа Петра он замучил просьбами возвести его в сан протоиерея. Тому бы и не жалко, он даже ходатайство написал Патриарху. Но жалобы на чудачества и проделки отца Георгия, которые тот совершал ежедневно в большом количестве, шли и в Патриархию. Поэтому просьба осталась без удовлетворения. Но пока вопрос рассматривался, отец Георгий именовал себя «протоиереем». Он даже на обороте обложки на престольного Евангелия написал: «Сие Евангелие читал Академик протоиерей Георгий Грицук». Зачем это было сделано, он и сам не мог толком объяснить. Архимандрит Анатолий сначала сильно рассердился, но, увидев, что епископ Петр и Александр Береникин смеялись до слез, и сам развеселился. Однако перед приездом но-

вого архиерея отдал Евангелие в ремонт, чем глубоко уязвил самолюбие отца Георгия, видимо, считавшего, что своей надписью он и в самом деле сделал себя академиком и протоиереем.

– Ладно, отец Георгий, поживем – увидим, – сказал ему отец Анатолий. Он также односложно ответил на все соображения, высказанные другими священнослужителями, и пошел в соборную канцелярию, куда его просил зайти староста, когда он освободится.

В канцелярии был накрыт стол, на котором стояли несколько бутылок водки, тарелки с нарезанными овощами, фруктами, колбасой, сыром и хлебом. За столом сидели староста, бухгалтер, председатель ревизионной комиссии, кладовщица и проснувшийся Лев Александрович.

– Заходите, отец Анатолий, – радушно пригласил его Александр Николаевич. – А мы по русскому обычаю решили отметить назначение нового архиерея.

– Святое дело, – веско кивнул головой Лев Александрович и залпом опрокинул почти полный стакан водки, зажевав свой любимый напиток яблочком «китайкой».

Архимандрита Анатолия вначале шокировало поведение членов «двадцатки» собора. Он вырос в деревне, четыре года очно учился в семинарии в Троице-Сергиевой лавре. Много лет служил простым сельским священником. Конечно, увидеть довелось много, ханжой он никогда не был. Но здесь, в Петрово, все было каким-то слишком уж заостренным, даже гротескным. Почему-то отец Анатолий, когда его перевели в собор, сразу понравился членам «двадцатки», с гордостью говорившим, что «попов они не любят». Может быть, их

подкупили неподдельно доброе отношение к каждому человеку, искренняя вера без ханжества, отсутствие особых материальных запросов.

Архимандрит, а тогда еще игумен Анатолий умел отделить то хорошее, что есть в человеке, от его зачастую неблагоприятных поступков. Он понимал, что, например, Иван Фомич не сводится к угрюмому отрицанию религии. Этот старый человек очень озабочен духовной сферой, внутри его идет невидимая постоянная борьба, поиск ответа на вопрос о смысле жизни. Но прожитая в грехах и горделивых мыслях о высоком достоинстве советского человека жизнь мешает ему в простоте сердца обратиться к Богу. И тем не менее почему-то для него важно находиться при храме; тем, что он сознательно ведет себя здесь не так, как нужно (а ведь чувствует, как нужно!), он как бы бросает Богу вызов, а оттого страдает еще больше... Лев Александрович, который, казалось бы, весь состоит из пьянства, на самом деле добрый, отзывчивый и веселый человек, просто ужасно распустившийся от вседозволенности. Александр Николаевич с Зоей любовники, хотя у обоих есть семьи и дети, но ведь они даже не понимают, что делают что-то плохое. Елена Филипповна без зазрения совести участвует в расхищении церковных денег, потому что у нее дочь с зятем погибли, а на ней забота о двух несовершеннолетних внуках. За вызывающим поведением всех этих людей скрывалась большая душевная боль и опустошенность, стремление к чему-то светлому, что они сами не смогли бы выразить словами, которое вместе с тем казалось им страшным, потому что могло перевернуть их бестолковую, но устоявшуюся жизнь...

Иван Фомич в порыве пьяного откровения как-то сказал отцу Анатолию: «Да, все мы здесь подонки. Но мы хорошие подонки. Потому что степень хорошеости для святых и для подонков разная».

Архимандрит Анатолий не сторонился этих людей. Но он не одобрял многих их поступков, где мог, отговаривал от совершения злых дел. Даже став настоятелем, держался с ними обособленно, ненавязчиво давая им почувствовать, как дороги для него его вера и священный сан, что простительное для них непростительно для него. А они уважали его за это. Но и святошу из себя не строил. Вот и сейчас он с улыбкой взял от помощника старосты стакан, в который тот налил ему немного водки, и сказал:

– Ну, конечно же, Лев Александрович. Как с вами не выпить?

Он отпил водку, съел дольку помидора и сел на стул.

– Отец Анатолий, ну как ваше впечатление от нового архиерея? – спросил его Александр Николаевич.

– Да ведь какое впечатление? Надо посмотреть, какой будет через некоторое время.

– А мне он не понравился, – угрюмо заявил Иван Фомич и залпом выпил полстакана водки.

– Священникам что-то тоже не приглянулся, – засмеялся настоятель.

– Ну, им вообще никто не нравится, – сказал староста. – Но и мне он показался проблемным человеком, совсем не то, что владыка Петр.

– Да нам-то он что может сделать? – спросила Зоя.
– Ведь архиерей не может вмешиваться в дела двадцатки.

– Напрямую не может, – сказал вдруг неожиданно серьезным голосом Лев Александрович. – Но он может настраивать прихожан, через них произвести смену старосты, а то и всей двадцатки. А у нас ведь кляузников, которые только чужими проблемами и живут, в церковь ходит много.

– Тимофей Иванович нас в обиду не даст, – возразил Иван Фомич.

– Он бы, может, и не дал, – согласился помощник старосты. – Но ведь не все от него зависит. Мы ведь все не без греха. Ну, личные наши грешки – это одно, такие отсталые люди и должны в церкви работать. А как быть, например, с иконописцами, которых ты, Саша, нанял полтора года назад, заплатил им немерено денег, а они не иконописцы, а маляры, только все испортили своей мазней. А сейчас опять хочешь их нанимать, чтобы «подновить» росписи? А ну как всплывет, что они с нами этими деньгами делились? Если деньги лишние есть, то нужно бы их государству передать на какие-то важные для нашего социалистического общества нужды, а не просаживать невесть на что!

– Отдел культуры не возражал против обновления росписей, – мрачно возразил Александр Николаевич.

– Так ведь это только один пример. А то, что тебя старостой не выбирали, а просто Иван Фомич попросил Тимофея Ивановича, а тот позвонил в горисполком, и тебя без всяких выборов сделали исполняющим обязанности старосты?

– Но ведь сделали же!

– Исполняющим обязанности, хотя ты об этом и не любишь вспоминать. Впрочем, ладно! – Лев Александрович, сознание которого на несколько минут прояснилось, почувствовал, что голова опять тяжелеет. Он выпил еще немного водки, положил руки на стол, опустил на них голову и захрапел.

– Лев в чем-то, может быть, и прав, но кто будет слушать наших кляузников прихожан? – задумчиво произнес староста. – Однако, Иван Фомич, ты бы сегодня поговорил с Тимофеем Ивановичем неофициально.

– Ладно, поговорю.

– Вы нас, наверное, осуждаете, отец Анатолий, – повернулся вдруг староста к настоятелю. Но ведь любые на нашем месте еще хуже будут. А вы возьмите этих святош прихожан, которые на нас кляузы во все инстанции пишут. Ведь для них, по правде говоря, вообще ничего святого нет. Они ни перед какой подлостью не остановятся. Только зубов у них сейчас нет, а то загрызли бы нас, да и вас, и не поморщились. Они ведь ни во что не верят, а дело им есть до всего.

– Я все это знаю, – грустно сказал архимандрит. – И я не судья, чтобы кого-то осуждать.

– А вы тоже, Александр Николаевич, с Львом Александровичем хороши, загружаете батюшку нашими проблемами, а ему лучше бы и не знать о них, спалось бы крепче, – возмущенно воскликнула Елена Филипповна.

– Он имеет право знать, кто его окружает, в отличие от многих других он настоящий священник, – возразил Иван Фомич.

– Я пойду, мне еще нужно многое успеть до завтра сделать, – мягко сказал отец Анатолий и встал со стула.

– Выпейте еще чуть-чуть, – предложил Александр Николаевич, наливая ему в стакан водку.

– Я бы только если с Львом Александровичем, ему не могу в этом отказать, а так лучше воздержусь, – попробовал отшутиться настоятель.

Но тут на его беду помощник старосты проснулся, услышав свое имя.

– Ради вас я всегда готов выпить, – торжественно заявил он. – Саша, наливай мне тоже!

Все засмеялись, висевшая в воздухе напряженность как-то разрядилась.

– Вот видите, батюшка, человек печени своей ради вас не жалеет! – сказал Иван Фомич, разливая всем водку.

Через десять минут отец Анатолий вышел из канцелярии, а собравшиеся там сидели до позднего вечера, когда вызвали такси, которое отвезло их по домам.

В результате проведенной в 1961 году реформы приходского управления сложилась ненормальная ситуация, когда настоятели приходов, лишившиеся всякой возможности вмешательства в хозяйственные дела общин, оказались в положении наемных лиц у церковного совета (исполнительного органа общины), состоявшего из мирян, причем зачастую далеко не религиозных. Власть же епархиального архиерея над приходами минимизировалась до такой степени, что после снятия с

регистрации назначенного им настоятеля приходы становились подведомственны только государственному регистрирующему органу. Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Например, один из священников Костромской епархии в беседе с уполномоченным заявил: «С этой перестройкой я как настоятель превратился в половую тряпку, которой можно лишь потереть пол. Никому не имею права ничего приказать. К ящику не подходи, мною могут командовать всякие старухи». Аналогичное настроение вынашивалось целым рядом священников. Другая же их часть пошла по иному пути: внешне они подчинялись, но фактически продолжали распоряжаться финансово-хозяйственными делами церкви, используя лично им преданных членов исполнительных органов.

Архиепископ Никон (Фомичев) вспоминал: «духовенство оказалось в подчинении у старост, которые нередко творили полный произвол. В калужском кафедральном соборе, например, староста отменила все крестины – они совершались только во втором, Никольском храме. ...старосты возомнили себя «князьками» Церкви. Без их согласия священник или епископ не мог принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. На собрание, избиравшее церковный совет, духовенство не допускалось. Решать, какой быть

церковной общине, мог атеист, а священник не имел на это права...»

Впрочем, были и совсем иные мнения. Например, на Поместном Соборе 1988 года архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом дал положительную оценку приходской реформе 1961 года: «Помню сороковые годы, с 1943 по 1954 годы у нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас; открывались храмы тысячами. Священнослужители имели возможность и административной и пастырской деятельности. Начали с того, что покупали себе роскошные дома на самом видном месте, красили заборы в зеленый цвет. А машины – не просто «Волги», а ЗИЛы. Я думаю, что великим благом... было то, что в 1961 году отказались от административной деятельности. Это промыслительно потому, что последующие годы были трудные, но, если бы священники были у власти, то их всех бы пересадили на законном основании».

Но такое мнение являлось единичным. Большинство духовенства и простых верующих восприняли реформы отрицательно.

Выход для духовенства из создавшейся ситуации обозначил Святейший Патриарх Алексий I: «Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он

будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых».

Эти слова наставления дали многим священнослужителям силу противостоять последствиям приходской реформы, направленной в первую очередь на изменение всего строя церковной жизни и уничтожение порядка приходского управления.

Одним из таких священников был отец Анатолий. Слова Патриарха оказались сказаны как будто про него. Даже у безбожных внешне членов «двадцатки» он пользовался большим авторитетом. Но как показали дальнейшие события, его любили далеко не все прихожане собора.

Глава 5.

В день приезда в Петровскую епархию нового архиерея два человека захотели сразу же встретиться с уполномоченным. Ими были Иван Фомич и отец Иов. Но у них ничего не получилось – Тимофей Иванович уехал «на природу» отмечать юбилей одного из своих коллег. Это мероприятие являлось заранее запланированным и, на его взгляд, более важным, чем встреча с новым управляющим епархией, которого можно принять и завтра. Игумен Иов звонил уполномоченному домой с восьми до девяти вечера, но безуспешно. А Иван Фомич и вовсе засиделся в соборной канцелярии

до десяти вечера. Перед тем, как ехать домой, он тоже пробовал звонить, но трубку никто не взял. Но если отец Иов не мог уже встретиться с Тимофеем Ивановичем раньше архиепископа Феодора, то у председателя ревизионной комиссии такая возможность была. Он хорошо знал привычки уполномоченного, с которым они были соседями, и, не беспокоя его дома, к восьми часам пошел к нему на работу. Когда он поступался, товарищ Николаев уже выпил водки и был в доброжелательном расположении духа.

– Привет, Фомич, заходи, что ты топчешься как бедный родственник? – крикнул он, увидев посетителя. Только давай быстрее, у меня сегодня встреча с новым архиереем, с тобой-то мы всегда поговорим. Ох, а рожа-то у тебя хуже, чем у Льва Александровича! Это дело необходимо срочно исправить, и спорить не пытайся! Знаю, что ты не опохмеляешься, но считаю, что твой взгляд на данную проблему глубоко ошибочный и отражает узость и заскорузлость твоего мышления, обусловленную длительным нахождением в среде религиозных фанатиков и психически незрелых личностей.

Уполномоченный налил Ивану Фомичу водки, а тот, по опыту зная, что если откажется – разговора не будет, залпом ее выпил.

– Вот и молодец, опять на человека стал похож. Теперь давай рассказывай, зачем пришел.

– Да вот по поводу нового архиерея пришел. Чего про него слышно?

– А что слышно? Я же с ним еще не встречался – как бы не понимая, о чем идет речь, ответил Николаев.

– Да все ты понимаешь, Тимофей Иванович, – раздраженно сказал председатель ревизионной комиссии. – Ведь наверняка созванивались с уполномоченным, где он до нас был.

– Созванивался. Но я предпочитаю иметь свое суждение о людях.

– Ну что ты, Тимофей Иванович, как неродной, – скривился Иван Фомич. – Давай выпьем, что ли, да и расскажешь мне о нем. Ведь нам нужно все же иметь представление, что за человека прислали...

– Безнаказанно пить на рабочем месте в неограниченных количествах имеет право только Лев Александрович, потому что он наша городская достопримечательность, ценный этнографический материал отмирающего мира «бывших» центральной России. А архиерей тебе чего сдался? Ведь ты вроде неверующий?

– Ну, Лев Александрович говорит, что он может прихожан настроить на перевыборы двадцатки...

– Надо же, какой великий мыслитель, – засмеялся уполномоченный. – А кто им даст разрешение на эти перевыборы?

– Старосту горисполком без выборов утвердил...

– Вот именно, что горисполком утвердил, я зарегистрировал, а мнения двадцати двуногих атавизмов, оставшихся нам в наследство от эпохи суеверий и мракобесия, которые перегрызлись между собой из-за того, кто из них главнее, никто не собирался спрашивать, так что пришлось государству самому выбирать... Да и что можно про эти мнения сказать? «Выбери меня» в двух словах. Лев Александрович просто сам хочет

старостой быть, мы бы и не против, он нам больше Александра Береникина нравится, но он слишком уж колоритный. Ему объяснили, а он все надеется, видимо, на что-то и мутит воду.

– Думаешь, что он из-за этого разговор завел? – с облегчением спросил Иван Фомич. – Я-то тоже сперва не придавал значения, он пьяный еще и не такое наболтать может, а вот Саша с Зоей испугались, сходи, говорят, к Тимофею Ивановичу...

– У кого рыльце в пушку – тот всего боится, – засмеялся уполномоченный. – Ладно, Фомич, ты не обижайся, но мне, правда, некогда.

Иван Фомич вышел из кабинета успокоенный. Ему было безразлично, останется Александр старостой или им будет Лев Александрович. Да ведь и не изменится даже и здесь ничего. Главное, что их устоявшееся мирку вроде бы ничего не угрожает.

Архиепископ Феодор проснулся как обычно в шесть утра. В маленькой комнатенке было душно, и он открыл окно. Большую часть жизни он прожил в таких вот домах «без удобств», но последние восемь лет жил в квартире, где были и газ, и водопровод, и канализация, и газовая колонка, и ванна, даже телефон. А к хорошему быстро привыкаешь. Телефон, кажется, и здесь есть в кабинете... В квартире живет его младший сын с женой и дочерью. Все восемь лет совместного проживания, пусть даже и в трехкомнатной квартире, просто дались и архиерею, и его сыну-инженеру, по странному стечению обстоятельств направленному на завод в город, куда его отец был назначен управляющим епархией. Еще более странным было то, что по-

ложительную советскую семью (а сын не разделял веру отца) поселили в одной квартире с епископом, а ведь он может дурно влиять в религиозном плане на них и, тем более, на их несовершеннолетнюю дочь. Хотя невестка не раз говорила подругам, что живут они хуже, чем в обычной коммуналке... Архиепископ Феодор подозревал, что все не так просто, его Коля неслучайно так дружит с майором КГБ Яковом, который часто бывает у него в гостях. Не хотелось самому себе в этом признаваться, но своими излишне для атеистической страны религиозно окрашенными проповедями, попытками препятствовать закрытию храмов архиерей привлек к себе внимание соответствующих структур, а его сын как сознательный советский гражданин обрек себя и свою семью на кучу вынужденных неудобств, чтобы родное государство знало, не замышляет ли против него что-нибудь беспокойный архиепископ... «Уж лучше бы он работал в КГБ, так ведь было бы честно и нормально, стал бы майором, как Яков, быть офицером для мужчины – неплохой путь. А так...», – с досадой думал архиерей.

Владыка привел себя в порядок, потом около часа читал свое ежедневное молитвенное правило. Он старался никогда не пропускать его, даже когда случалось бывать в каких-то поездках.

Потом он не спеша походил, осматривая дом и двор. Возможно, здесь ему придется прожить не один год. Удобств не было, но не было и сына с его семьей, из-за которых он старался проводить в квартире как можно меньше времени. Сейчас им осталась вся квартира – так высоко государство отметило восьмилетние самоотверженные труды Ни-

колая. «Интересно, кто здесь за мной будет приглядывать? Наверное, этот плутоватый игумен Иов. А может, кухарка Глафира. Нет, о спокойной жизни мечтать рано», – подумал владыка.

В восемь пришла Глафира, взяла благословение и спросила, что готовить на завтрак. Архиепископ обычно не ел до двенадцати дня, но сегодня нужно было идти к уполномоченному к одиннадцати, неизвестно сколько там придется пробыть... Он вспомнил, как десять лет назад один уполномоченный «в воспитательных целях» продержал его в коридоре три часа прежде, чем принять, а ведь всего-то и перебирал бумаги, которые мог бы и потом перебрать. Поэтому владыка согласился с ее предложением пожарить картошку с рыбой. «Пообедаю утром», – подумал он.

...Без десяти одиннадцать епархиальная «Волга» подвезла архиепископа Феодора к зданию Петровского облисполкома, в котором находился и кабинет уполномоченного. В рясе и клобуке, с панагией на груди, да еще с посохом, он привлекал к себе всеобщее внимание. С одной стороны все знали, что здесь работает тот, к кому могут приходиться подобным образом одетые граждане, с другой – в Петрово было принято, чтобы священнослужители приходили к нему на прием в светской одежде. Ровно в одиннадцать архиерей вошел в кабинет уполномоченного. Тому не понравилось, как одет новый управляющий епархией, но виду он не подал.

– Чем могу помочь? – приветливо спросил он, изображая, что не понимает, кто к нему пришел.

– Меня зовут архиепископ Феодор, я новый управляющий Петровской епархией. Мы с вами созванивались о сегодняшней встрече.

– Ах да, конечно, проходите, пожалуйста, приживайтесь, – уполномоченный встал, пожал владыке руку и жестом указал на стул. Николаев уже имел представление о «церковной атрибутике», как он это называл, но всегда изображал полное незнание данной сферы, чтобы поиздеваться над священнослужителями. Вот и сейчас с деланной заботливостью спросил:

– У вас ноги болят, приходится с палочкой ходить?

– Это один из элементов формы православного архиерея, – спокойно ответил архиепископ.

– Надо же! – изображая наивность, воскликнул уполномоченный. – Как оригинально, прямо как у деда мороза посох!

– Мои предшественники разве никогда не ходили с посохом? – ничем не выдавая внутреннего напряжения, спросил владыка.

– Я не так давно на этой работе. Но ваш предшественник, Сергей Петрович приходил ко мне всегда в костюме.

– Кто такой Сергей Петрович?

– Как кто? Ваш предшественник на посту управляющего Петровской епархией Сергей Петрович Иванов.

Владыка понял, что уполномоченный старается «тонко и остроумно» заставить его понять, какое место должен православный архиерей занимать в Петровской области.

– Вы имеете в виду епископа Петра? – спокойно спросил он.

– Да. Но я государственный служащий, для меня основным документом является паспорт советского гражданина, а не справки, выданные религиозными организациями. Поэтому я называю граждан так, как они значатся по паспорту, а не так, как им хочется. Вас что-то не устраивает, Дмитрий Константинович? – уже достаточно жестко сказал Тимофеев.

– Да нет, что вы.

– Ну, вот и хорошо. Сегодня я не буду вас долго задерживать. Заполните анкету, выдам вам регистрационную справку. Подробнее побеседуем через неделю, когда вы здесь поосмотритесь. Но хочу сразу предупредить: город у нас непростой, он славен революционными традициями, славен тем, что люди здесь много трудились и многим жертвовали для того, чтобы избавиться от позорных пережитков темного прошлого. Отношение к религиозным предрассудкам и суевериям здесь более нетерпимое, чем во многих других советских городах, вы это еще увидите. И служители религиозного культа для того, чтобы уважали их убеждения, должны считаться с убеждениями сознательных петровцев, имеющих правильные взгляды на устройство мира, основанные на данных современной науки. И их чувства наследников творцов великого октября может оскорбить то, что сейчас, в эпоху научно-технической революции, в стране, где живут строители коммунизма, вы ходите в подобном виде в стенах советского государственного учреждения!

– Но кому же мешают мои ряса и посох? – улыбнулся владыка. – Я ведь уже пожилой человек, при-

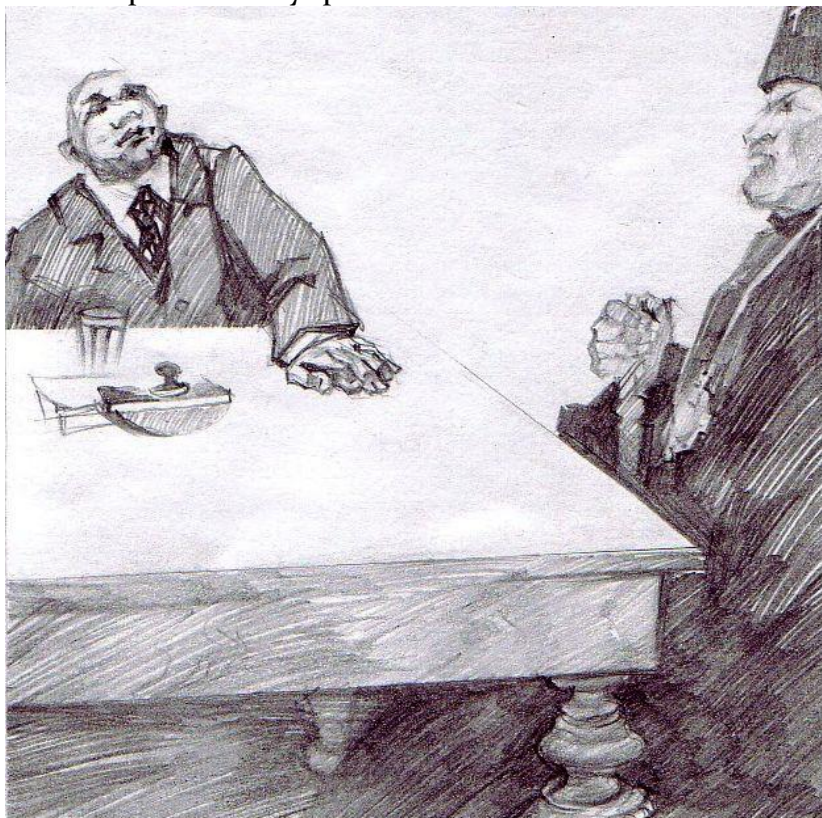
держивающийся тех убеждений, право на которые мне гарантировано советской конституцией. А эта одежда присуща моему сану. Вы же не осуждаете военных, когда они носят форму вне расположения воинской части?

– Вы в корне неправы, – возмутился Николаев. – Военные имеют форму, утвержденную советским государством, они своей службой несут полезные и необходимые для советского государства и общества функции. Вы же как служитель религиозного культа являетесь лицом не только не полезным, но, я бы даже сказал, вредным. Ведь неслучайно на заре становления нашей великой Страны Советов служители культа, действительно отправляющие культ были по этому принципу лишены избирательных прав как враги пролетарской революции. Просто сейчас мы живем уже в стране победившего социализма, которой не страшны ничьи происки. Наше государство сейчас достаточно могущественно для того, чтобы снисходительно и даже с жалостью относиться к тем, кто погряз в религиозном дурмане. Оно гарантирует своим отсталым гражданам свободу отправления религиозного культа в установленных законом рамках.

– А разве, придя в облисполком в рясе, я нарушаю закон?

– Вы не хотите меня слышать, – устало сказал уполномоченный. – Впрочем, надеюсь, что все дело в вашем возрасте: вам уже сложно понимать простые и ясные для более молодого человека вещи. Поэтому мы будем к вам снисходительны. Можете приходить ко мне хоть на лыжах. Я даже на большее пойду: уважая

ваш возраст, постараюсь сам ходить для встречи с вами в епархиальное управление.

Архиепископ удивленно посмотрел на уполномоченного, который был почти его ровесником. Что-то доказывать было бесполезно. Поэтому он сухо поблагодарил его за понимание того, как для него важно ношение присущей его сану одежды и за готовность встречаться не только здесь, но и в епархиальном управлении. Он быстро заполнил анкету, получил регистрационную справку и ушел. Прием занял около часа, но владыка устал, как будто целый день выполнял тяжелую физическую работу.

Когда он вышел, уполномоченный облегченно вздохнул, вытер рукой выступивший на лбу пот. Архидьякон упрямый, но здесь, в Петрово, и не такие обламываются. Тимофей Иванович налил себе полстакана водки, залпом выпил и пошел обедать.

Глава 6.

Приезд нового архиерея оживленнее всего обсуждался прихожанами. Среди тех, кто ходил в Петровский собор, было много искренне и глубоко верующих людей. Но их было не видно и не слышно. Они держались особняком, старались в храме не болтать ни с кем, а молиться. К ним в Петрово в большинстве случаев всерьез не относились, считая, что это люди, выжившие из ума от старости или от жизненных переживаний. Если они не пытались делиться своим религиозным опытом с другими, особенно с молодежью, то отношение к ним было терпимым и со стороны властей, которые допускали, что в качестве «неизбежного зла» может существовать какое-то количество «религиозных фанатиков» и в советском обществе. Однако очень большую часть прихожан составляли женщины пенсионного возраста, которые не хотели сидеть дома, а, имея воспитанную советским строем склонность к общественной активности, любили совать нос в чужие дела. Элиту этой части прихожан составляли уборщицы, чуть пониже шел любительский хор. Певцов и чтецов в нем было в общей сложности свыше тридцати человек, в том числе несколько мужчин. Их особую гордость составляло то, что они трудятся для церкви

абсолютно бесплатно. Правда, способности к чтению и пению у большинства были весьма посредственными, да и приходили они на службы, когда им вздумается, поэтому в иной день состав любительского хора мог насчитывать тридцать пять человек, а в другой – два-три человека.

Многие из этих «любителей», как они сами себя называли, не умели толком читать и по-русски – не то, что по-церковнославянски. «Скимны (львята) рыкающие» нередко читались ими как «свиньи рыдающие», «еродиево (аиста) жилище» как «едриево жилище». Конечно, подобные ошибки в чтении очень раздражали многих благочестивых прихожан, но псаломщик Виталий Иванович Боровок всегда находил оправдания неграмотным чтецам. «Они ведь только учатся, но стараются, как их не пускать на клирос?» – убежденно говорил он отцу Анатолию, когда тот заговаривал с ним о необходимости серьезнее относиться к грамотности чтения в храме. И настоятель соглашался с таким доводом. На самом же деле Боровок зачастую выпускал наиболее неграмотных и не способных к обучению чтецов, как ему представлялось, «для смеха», показывая этим свое отношение к церковной службе. Это, впрочем, не помешало ему однажды прямо в алтаре подойти к епископу Петру и попросить наградить его, Виталия Боровка, орденом святого князя Владимира. Архиерей растерялся, не зная, как себя повести в такой ситуации. Выручил его тогда отец Георгий Грицук, который подошел к Боровку и сказал: «Виталий, дорогой, ты знаешь, сейчас тут сложное положение в Патриархии с наградами, не надо подставлять владыку, чтобы он выходил с такими ходатайствами». Боро-

вок надулся, но не нашелся, что ответить. Епископ Петр был благодарен за неожиданную поддержку и чуть позже спросил отца Георгия, чем она вызвана. «Так ведь мне протоиерея не дали, а этот хохол чем лучше меня? Он меня в два раза старше, но в четыре глупее. А вдруг его наградят? Нет, уж если не мне, то лучше никому».

Уборщицы и «любители», а также еще достаточно большая группа прихожан были теми людьми, которых интересовало абсолютно все, что происходит в соборе. Каковы отношения старосты с кладовщицей, сколько выпил Лев Александрович, что представляют собой религиозные убеждения Ивана Фомича. Про священников и говорить нечего, они просто обречены были на то, что каждый шаг их бурно обсуждался и осуждался этими «истинно верующими». Личная жизнь духовенства обрастала множеством сплетен. Стоило священнику или диакону подольше поговорить с какой-нибудь женщиной моложе пятидесяти, как возникал слух, что у него любовница; стоило выпить лишнюю стопку, как начинали судачить, что он пьяница; стоило при чтении молитв неправильно сделать ударение в каком-нибудь слове, как появлялось перешептывание, что он не умеет служить. Неудивительно, что приезд нового архиерея вызвал в этой среде много обсуждений.

– Сразу видно, что владыка – человек духовный, – веско сказал певец любительского хора Лука Иванович. Это был невысокий старичок, который считал, что больше всех остальных имеет право выносить суждение по церковным делам, так как до пенсии был председателем колхоза.

– Это почему? – ревниво спросила его алтарница, монахиня Нимфодора. До пенсии и монашеского пострига она была заслуженной свиаркой и за достижения в столь ответственном и важном для советского государства и общества труде была награждена орденом Ленина. Этот орден она по церковным праздникам прикалывала к апостольнику. Уполномоченный ставил ее как пример современного верующего, который до шестидесяти трех лет приносил пользу обществу, а сейчас может позволить себе, учитывая ее безграмотность, поработать и в церкви. Поэтому она считала себя еще большим спецом в церковных делах.

– Да потому, – веско разъяснил Лука Иванович, – что вид у него солидный, голос громкий, борода благообразная и окладистая.

Сраженная столь серьезными доводами, монахиня Нимфодора, однако, нашла, что ответить.

– Не все внешностью определяется. Вот ты, Лука, не пойми на что похож, а ведь председателем колхоза был, да и сейчас человек уважаемый.

Все засмеялись, а Лука Иванович надулся.

– Дура ты, матушка Нимфодора, тебе бы так со свиньями и продолжать работать, как раньше, а не с людьми, – недовольно сказал он.

– А настоятель-то какой напряженный был, – вступила в разговор уборщица Лиза. – Чует, наверное, что это ему не с владыкой Петром, бардака больше не будет.

– Так ведь новый начальник все же. Конечно, любой будет переживать, – попробовала вступить за отца Анатолия одна из прихожанок, но ее резко оборвали.

– Я вот никогда не переживала, сколько бы начальников у меня разных не было, – гордо заявила монахиня Нимфодора. – Я всегда только за свиней переживала, они мне и сейчас каждую ночь снятся!

Тут она осеклась, потому что увидела, что к ним подходит старшая алтарница монахиня Лидия, которую она боялась, как огня. О монахине Лидии, благодаря стараниям Луки Ивановича, ходило много сплетен. Якобы после войны она работала комендантом в местном управлении НКВД и собственноручно пыталась и расстреливала арестованных. А после двадцатого съезда стала монашкой, чтобы грехи свои замалить. «Так ведь столько невинно убиенных не замолишь!» – театрално говорил Лука Иванович. Суровая внешность монахини Лидии вроде бы говорила в пользу утверждений Луки Ивановича, и все ее боялись, особенно непосредственно подчиненная ей монахиня Нимфодора. «Ведь и орденосцев тогда расстреливали!» – в ужасе говорила бывшая свиноводка. Правда была значительно проще. Монахиня Лидия в мирской своей жизни действительно была комендантом, но не в НКВД, а всего лишь одного из фабричных общежитий. Муж ее погиб на войне, поэтому, выйдя на пенсию, она, будучи и раньше прихожанкой собора, решила стать монахиней. А ненависть Луки она заслужила тем, что в свое время выгнала из общежития одну из его родственниц за аморальное поведение. Лидию очень удивило бы, узнай она, что о ней болтают в соборе, но почти никто с ней не разговаривал.

– Что разгальделись, как сороки? – спросила она прихожан.

– Уже готовится в КГБ очередной донос писать, – шепнул на ухо Нимфодоре Лука. – Так до того обленилась, что даже лень подслушать, а мы сами должны на себя ей доносить!

– Да вот, матушка, про нового владыку говорили, – с дрожью в голосе сказала алтарница.

– А что про него говорить? Владыка как владыка.

– Да вот, каким он будет...

– Каким будет, таким и будет, другого от вашего пустого трепа не поставят. Делать вам всем нечего.

Монахиня Лидия недовольно побрела прочь от начавших сразу же оживленно шушукаться прихожан. Они ее очень раздражали. «Зачем только ходят в церковь? – думала она. – Сидели бы уж лучше у дома на лавочке да перемывали кости соседям. А то ведь идут сюда, как в деревенский клуб. Кто такой, кто сякой... Молились бы, да о своих грехах каялись побольше».

А группа оживленно разговаривающих прихожан все росла. К ним присоединился и псаломщик Боровок.

– Виталий Иванович, а ты что скажешь? – спросили его певцы.

– Скажу, что поживем – увидим.

– Ну, а все-таки?

– Мне-то что, пусть священники переживают... Так ведь ты же псаломщик, тебя тоже архиерей указом назначает на работу.

– Ну, ведь у меня Иван Фомич друг, думаю, он меня в обиду не даст.

Оживленное обсуждение продолжалось несколько часов. Сошлись на том, что нужно помочь новому владыке разобраться с обстановкой и навести порядок

в соборе, а то епископ Петр так все запустил, что никакой дисциплины нет. Для начала решили написать ему несколько анонимок на священнослужителей и церковный совет, а также сходить на прием.

Священников приезд нового архиерея взбудоражил больше всех, ведь в соборе фактически только они одни непосредственно от него и зависели.

– А вы смотрите на настоятеля, какого о себе мнения. И поговорить с нами не захотел, а сразу в канцелярию, – возмущался отец Георгий. – Боится, наверное, что новый владыка узнает все о его делишках!

– Да о чем узнавать? – усмехнулся старый протоиерей отец Николай. – Он ведь всего боится как бы чего не вышло. Вот то ли дело, когда я был настоятелем!

Отец Николай был настоятелем еще пять лет назад, до того, как архиепископ Аркадий перевел в собор игумена Анатолия и назначил его настоятелем. Вот он, действительно, не боялся, как бы чего не вышло, поэтому у него сейчас и свой дом большой, и «Волга», и с уполномоченным он общий язык находил, и с горисполкомом, и с церковным советом. Владыке Аркадию много пришлось потрудиться, чтобы перевести его из настоятелей в рядовые священники. А вот отец Анатолий как жил пять лет назад в съемном приделке-развалюхе, так и живет, до сих пор не выкупи – завидовал тому, как любят его верующие, да многие и неверующие. «Может, он и правда думает, что так нужно жить, – казалось ему иногда. – Да нет, наверное, просто боится...».

– Ну, как же о чем! – возмущенно воскликнул отец Георгий. – А то, что он от братии сторонится, все больше с «двадцаткой» общается, это разве дело?

– Да ничего он не сторонится, – перебил его протодиакон отец Александр. – Это он от тебя сторонится, потому что тебя послушать, так все вокруг негодяи, а ты один – просто из чистого золота. Умнога ничего не скажешь, а если человек дурака свалает и тебе что скажет, то так перевернешь, что он всю жизнь не рад будет.

– Ну ты меня оскорбил, – взвился отец Георгий. – Если б ты не был старик и фронтовик, я бы тебе сейчас за такие слова...

– Да успокойся ты, – раздраженно ответил отец Александр. – Нужно больно мне тебя оскорблять! Я ведь для тебя же сказал, чтобы следил за собой, и люди будут лучше к тебе относиться.

– Но это нужно было тогда один на один сказать...

– Ладно вам, – засмеялся отец Николай. – Давайте лучше подумаем о том, нельзя ли мне при этом архиерее опять настоятелем стать.

– А чем отец Анатолий плох? – вступил в разговор самый старый соборный священник отец Петр. – Я вот девятый десяток доживаю, а лучше его священника не видел...

– Вы, отец Петр, мыслите мерками царской России, – насмешливо сказал подошедший регент архиерейского хора Петр Борисович. – В то отсталое время, возможно, такие священники, как отец Анатолий, и были неплохи. Они своей жизнью способствовали укреплению веры в людях. Но в наше время, в социалистическом обществе, попы должны своей жизнью

показывать, что они заслуживают звание пережитков прошлого. А для этого нужно быть или стяжателем, – он посмотрел на отца Николая, – либо аморальным человеком, – он перевел взгляд на отца Георгия, – либо, на худой конец, просто придурком, – спокойно закончил регент, увидев входящего в алтарь псаломщика Боровка.

– Вы на что намекаете? – взвился отец Георгий.

– Не ожидал я от тебя, Петр, такого, – грозно сказал отец Николай .

– А о чем речь? – спросил Боровок.

– Да вот, говорит, что ты придурок, – сообщил отец Георгий.

– Сам ты, Петька, придурок! – расвирепел Боровок.

Но Петра Борисовича их гнев только забавлял. Казалось, что он нарочно всех доводил, как будто заряжался новой энергией от чужой злобы. Регент пятнадцать лет назад закончил духовную академию со степенью кандидата богословия, думал стать священником. А потом взял и бросил семью из-за маловерующей певицы церковного хора. Да не просто бросил, а во второй раз женился. Был скандал, рукоположение отменили. Петр Борисович, с одной стороны, бравировал тем, что он не священник, а «человек свободный», как он говорил, а с другой – его ужасно уязвляло, что он – такой «знающий богослов» мирянин, а вокруг служит столько попов, которые «в богословии ничего не понимают».

Ему нравилось противопоставлять себя им, но он не мог и жить без них. Регент был частью этого мира. Священники его не любили за острый язык, только

отец Анатолий, которому одному он доверил свои внутренние терзания, жалел. Петр Борисович даже несколько раз ему исповедовался.

– Не нужно ругаться в алтаре, успокойтесь, – вступил в разговор отец Петр. – А вы, Петр Борисович, не дразните людей!

– Да я никого и не имел в виду, – примирительно сказал регент. – Наоборот, вон меня Витя придурком обозвал...

– Язык твой – враг твой, – все еще недовольно проворчал отец Николай. – А как все же тебе новый архиерей?

– Настоятелем тебя не поставит, – усмехнулся Петр Борисович.

– Это почему же?

– Слишком уж ты почетный. А архиерей, похоже, сам такой же почетный, а два таких почетных человека не сработаются. Вот с владыкой Петром тебе хорошо было бы, он смиренный, а с этим кроме отца Анатолия никто не сработается, да и ему он все нервы вымотает.

– Откуда ты все знаешь? – недовольно спросил отец Николай. – Видел же нового владыку, как и все мы, первый раз.

– Знаю, потому что разбираюсь в людях.

Разговор в алтаре продолжался еще долго. Каждый, включая иподиаконов, хотел высказать свое мнение. Закончилось все казусом. Отец Георгий притворился, что у него заболело сердце, и попросил «земляка» Боровка принести ему срочно лекарство. У того была всегда на всякий случай в тумбочке бутылка водки. Отец Георгий выпил стопку и сказал: «Чуть лучше, давай еще». Так он продолжал до тех пор, пока не вы-

пил почти всю бутылку. А после этого сказал, что болезнь его прошла, и предложил всем, чтобы они поддержали перед новым архиереем его кандидатуру на должность настоятеля собора, секретаря епархии, а также походатайствовать, чтобы его наградили митрой. Это всех настолько развлекло, что даже озабоченный наличием или отсутствием новых возможностей отец Николай долго смеялся и подарил отцу Георгию бутылку коньяка, которую взял «на всякий случай», может, понадобится презентовать новому архиерею. Она не понадобилась, а отец Георгий стал тут же называть его «отцом родным», «Вашим Высокопреподобием» и целовать ему руки.

Разошлись все выговорившиеся, но напряженные. Боровку пришлось провожать своего земляка домой. Петр Борисович подумал, что нужно встретиться с отцом Анатолием. Отец Петр тяжело вздыхал: «Сколько суеты из-за ничего, вот раньше были гонения за веру, тогда и правда было тяжело. А что сейчас?». Отец Николай решил поговорить с новым архиереем и уполномоченным, но чувствовал, что отец Анатолий будет для них удобнее. «Но поговорить нужно», – подумал он.

Глава 7.

Подполковник Петров отвечал в управлении КГБ СССР по Петровской области за вопросы, связанные с возможностью религиозной диверсии. Участок работы ему не очень нравился. Начало работы совпало с массированными антицерковными репрессиями

Н. С. Хрущева. Тогда модным было различного рода шантажом и угрозами принуждать священнослужителей к показательному отказу от Бога.

В конце 1950-х-начале 1960-х годов около 200 священнослужителей под давлением властных советских структур заявили о своем отречении от сана. Многие из них использовались советской антирелигиозной агитацией, ими писались и издавались книги, «разоблачающие» религию. Однако существенного воздействия на сознание верующих эта акция не оказала. Ренегаты вызывали лишь презрение.

30 декабря 1959 года Священный Синод под председательством Патриарха Алексия I вынес постановление: «Бывшего протоиерея и бывшего профессора Ленинградской Духовной Академии Александра Осипова, бывшего протоиерея Николая Спасского и бывшего священнослужителя Павла Дарманского и прочих священнослужителей, публично похуливших имя Божие, считать изверженными из священного сана и лишенными всякого церковного общения... Евграфа Дулумана и прочих бывших православных мирян, похуливших имя Божие, отлучить от Церкви».

В адрес отреченцев направлялись обличающие письма от верующих. Среди учащихся Ленинградской Духовной Академии и Семинарии широкое распространение получило стихотворение «Новый Иуда», автор которого неизвестен. Оно является ярким примером

«религиозного самиздата» конца 1950-х годов. Там, в частности, есть такие строки:

*«Первый Иуда, предавший Христа,
Чувствовал – совесть его нечиста,
Мучился, точно в кипящем котле
И успокоился только в петле.*

У Дулумана иная сноровка.

*Совести нет, не нужна и веревка –
Был бы лишь туго набитый карман...*

Умер духовно Евграф Дулуман.»

Архивные документы свидетельствуют, что многие из отречшихся от сана уже к середине 1960-х годов спились, покончили с собой, некоторые просили своих архиереев о прощении. В связи со всем этим в дальнейшем властям пришлось отказаться от практики использования беспринципных отреченцев в пропагандистских целях.

Известный религиозный писатель того времени А. Левитин-Шавров так характеризовал написанные этими ренегатами книги и статьи: «Уже выработался определённый шаблон отречения. Сначала самыми черными красками рисуется духовная среда, причём выясняется, что автор очередной «исповеди» был единственным исключением из правила: был искренне верующим, бескорыстным, морально чистым человеком. Затем следует рассказ о «противоречиях» в Евангелии – эти так называемые «противоречия» (вроде того, что неизвестно, в котором году умер Христос) уже давным-давно всем известны. Од-

нако наш «праведник» только сейчас их заметил и «прозрел». Кончается «исповедь», как правило, гимном советскому обществу, списанным из первомайской стенгазеты».

Далее он отмечает: «Ошибкой было бы, однако, считать что антирелигиозная пропаганда не заслуживает внимания. За её спиной стоят мощные и грозные силы, – и с этими силами нельзя не считаться, их нельзя отвергать».

У подполковника Петрова, тогда еще майора, взявшегося за ревностные поиски священника-отреченца, ничего не получилось. Он взялся за дело слишком рьяно, припугнул показавшегося ему подходящим кандидата на отречение пистолетом, а тот не только не отрекся, но от страха впал в кому, так как у него прыгнул сахар в крови. Все, конечно, замяли. Священнику в больнице объяснили, что у него были галлюцинации, психозы бывают иногда при диабете. Если он не хочет доживать в дурдоме, то пусть поскорее все забудет. А потом потихоньку создали обстановку для его перевода в другую епархию. А майору Петрову звание подполковника дали на три года позднее положенного по выслуге срока. С тех пор он работу стал проводить без большого давления.

Диссидентов среди священников Петровской епархии не было, поэтому, в основном, интерес для Петрова представляли баптисты, имевшие в области две общины. С православным духовенством он общался больше «для порядка». А после общения с

отцом Георгием Грицуком и Львом Александровичем и вовсе старался держаться подальше от православных. Лев Александрович во время белой горячки постоянно писал ему жалобы на инопланетян, а отец Георгий обвинял в связях с мировым империализмом и сионизмом каждого, кто чем-либо ему не угодил. Полученные от них «информации» годились разве что для публикации в журнале «Крокодил», но это были люди, которые добросовестно и бескорыстно писали бумаги в КГБ на постоянной основе. Подполковник Петров сначала не знал только, что делать с сумасшедшими посланиями Льва Александровича, но однажды, после трех выпитых стаканов водки, его осенила грандиозная мысль. Своему начальству он объяснил, что помощник старосты кафедрального собора – его секретный агент, который пишет «информации» понятным лишь им двоим шифром. Точнее сказать, понятен этот «шифр» был только Петрову; Лев Александрович сам в своей алкоголической писанине ничего не понимал. Зато подполковник извлекал из нее все, что ему было нужно для безопасности социалистического Отечества. Но общение с этими двумя людьми отнимало столько времени и сил, да еще они постоянно уговаривали с ними выпить, что у Петрова уже просто не было желания искать себе дополнительных «агентов» среди православных, тем более, что он боялся найти такого же, как эти двое.

Архиереи были под пристальным наблюдением спецслужб. Петров уже получил подробную информацию об архиепископе Феодоре. «Нужно будет с ним встретиться», – подумал он.

Архиепископ Феодор взял трубку телефона, стоявшего на столе в его кабинете.

– Вас беспокоят из Комитета Государственной Безопасности, – раздалось в трубке. – Нам необходимо встретиться с вами.

– Где и когда? – спокойно спросил Владыка, который за годы жизни в одной квартире с сыном уже привык к подобному общению и иногда даже жалел, что его сын стал не офицером КГБ, а простым «стукачом».

– Я подойду к вам в епархиальное управление через полчаса, меня зовут подполковник Петров.

– А по имени-отчеству?

– Можете называть меня «товарищ подполковник».

– Хорошо, – сказал Владыка и невольно улыбнулся.

Через полчаса в его кабинете уже сидел суховатый, начинающий сидеть человек, с ничем не примечательной внешностью, в неброском костюме, очках, в котором ничто не выдавало его принадлежности к грозному ведомству.

– Товарищ подполковник, как я понимаю? – спросил Владыка.

– Я пошутил, – ответил тот. – Зовите меня Николай Ильич.

– Чем я обязан вашему визиту, Николай Ильич?

– А вы сами не понимаете? Служебная рутина. Я, как и уполномоченный, обязан встретиться с новым православным архиереем. Хотите вы этого или

нет, но мы все трое тесно связаны нашей работой. Уполномоченный может вас вызвать, а у меня работа связана с конспирацией. Было бы нонсенсом, если бы вы, даже без рясы пришли к нам в управление. На улице или конспиративной квартире вы привлекли бы слишком много ненужного внимания. Поэтому вполне естественно, что для ознакомительной встречи я пришел к вам.

– Понимаю.

– Насколько мне известно, все попытки заставить вас дать подписку о сотрудничестве были безрезультатны, чего нельзя сказать о вашем сыне и его жене?

– Да, мне неприятно об этом думать. Лучше бы мой сын честно служил в органах, если он считает это полезным, а не доносил о каждом шаге отца.

– Об этих ваших мыслях нам тоже известно, признаюсь, что я их разделяю. Но, насколько я понимаю, вы не принципиальный противник любого сотрудничества?

– Я готов давать официально требуемую информацию в рамках действующего законодательства.

– Ее вы будете давать уполномоченному, а не мне. Ну, а как вы смотрите, чтобы просто, по-приятельски рассказывать мне время от времени что-нибудь об интересующих меня священнослужителях и членах исполнительных органов?

– У нас не может быть приятельских отношений, Николай Ильич.

– А как вы отнеслись бы к тому, чтобы следовать моим ненавязчивым, для вас же полезным советам при осуществлении своей деятельности?

– Смотря что это будут за советы.

– Ну, например, связанные с вашей позицией в отношениях между духовенством и исполнительными органами. О сокращении вашими руками, на основании ваших церковных законов, духовенства за счет числа тех, на кого я представляю вам реальный компромат, не ложный, а полностью соответствующий действительности.

– Мне нужно будет каждый раз отдельно разбираться в ситуации. Ведь вы, Николай Ильич, насколько я понимаю, не ревнитель чистоты рядов православного духовенства.

– Вы неглупый человек, Владыка.

– Вы назвали меня «Владыкой»? – удивился архиепископ.

– Ну, вы же назвали меня «товарищем подполковником». Как я уже говорил, мы с вами должны работать, что называется, «в одной упряжке». Почему бы мне неофициально, в личной беседе, не признавать ваши специальные звания, хотя официально я их, конечно, не признаю. Но мы отклонились от темы нашей беседы. Какой же, на ваш взгляд, интерес советскому офицеру бороться за чистоту рядов православного духовенства?

– Интерес может быть прямым. Я уволю каких-то священников за поведение, несовместимое с саном, а уполномоченный не разрешит мне назначить на их место новых. Отсутствие богослужения в храме в течение продолжительного времени станет

причиной его закрытия. А аморальный священнослужитель, как «бывший служитель культа», то есть практически светский человек, будет утвержден на должность председателя исполнительного органа и столь же успешно будет вредить Церкви, а может, и успешнее, потому что до этого он делал это неосознанно, а теперь будет делать из чувства мести и обиды.

– А вы еще и смелый человек, прямо говорите такие вещи официальному представителю советского государства.

– Я скорее старый, чем смелый. Но ведь это же правда?

– Возможно.

– Но даже учитывая это ваше признание, в каких-то вопиющих случаях мне придется запрещать в священнослужении и ставить вопрос о лишении сана тех священников, которые недостойны его носить.

– Что же, я уважаю вашу принципиальность, мне нравится ваша откровенность со мной, ваши предшественники обычно просто юлили, старались не говорить ничего конкретного и в итоге лишь отнимали мое время. Возможно, вы будете полезным нашим органам, сами того не понимая. А сейчас я должен идти, благодарю за интересную беседу.

Подполковник Петров встал, пожал Владыке руку и ушел. Архиепископ Феодор после разговора долго сидел, глубоко задумавшись. Что же имел в виду этот офицер, говоря, что православный архиерей, сам того не понимая, может быть полезен органам госбезопасности? Ведь он честно пытается проходить свое служение в соответствии с каноническим строем православной Церкви, старается не нарушать и государственных установлений. А Николай Ильич шел домой, внутренне посмеиваясь. «Архиепископ-то болтун, – думал он. – Такой ради красного словца не пожалеет и отца. Сына, по крайней мере, не жалеет. Нужно просто повнимательнее выяснить его слабые струны, умело играть на них. И он сам станет инициатором борьбы с исполнительными органами, сокращения численности духовенства. А свои ошибки будет просчитать очень просто:

ведь он говорит все что думает. Пусть он и не всегда станет так прямо со мной говорить, но найти человека в его окружении, готового к тесному сотрудничеству, будет несложно». Потом подполковник подумал, что необходимо поделиться своими мыслями и с уполномоченным, а обед подождет. Он резко изменил направление своего пути и направился в сторону облисполкома.

Такие события сопровождали приезд архиепископа Феодора в Петровскую епархию, в которой ему пришлось испытать немало бед и треволнений.

Глава 8.

Двор кафедрального собора города Петрово оглашался громкими женскими криками и ругательствами. Две еще достаточно молодые женщины вцепились друг другу в волосы и всячески поносили каждая свою соперницу, к неописуемой радости рассеившейся на лавочках во дворе группы прихожан, которые получали огромное удовольствие от бесплатного представления. Одна из дерущихся была соборная кладовщица Зоя, а другая – жена старосты собора Александра Береникина Светлана.

Причиной такого бурного выяснения отношений послужило то, что две прихожанки, наученные Лукой Ивановичем Кувиным, «из добрых побуждений» рассказали Светлане, что ее муж крутит шашни с Зоей. «Ой, уведет она у тебя мужика – говорили они. – А куда ж ты с детьми-то денешься?». При этом доброжелательницы напоили обманутую жену вином: «Пей,

родимая, хоть немного забудешься от горя твоего горького». Непьющая и обычно тихая Светлана, опьянев, вдруг пришла в такую ярость, что немедленно отправилась в собор, чтобы разобраться с разлучницей. Причем она настолько потеряла контроль над собой, что оттащить от Зои ее не мог даже муж, которого она обычно боялась.

«Шлюха позорная, – кричала Светлана, – решила отца у детей отобрать?». «Я не шлюха, я кладовщица», – неумело защищалась ее противница. Лука, направив «на задание» двух наиболее искусных в сплетнях и сталкивании людей лбами соборных прихожанок, надеялся на успех своей акции. Поэтому он под разными предлогами задержал после службы во дворе около тридцати прихожан на целых три часа. И его терпение было вознаграждено. В то время еще не существовало мобильных телефонов с видеокамерой, иначе он обязательно бы еще и снимал происходящее.

Александр Николаевич в бессильной ярости смотрел, как ненавидящие его прихожане со злорадством наблюдают, как он безуспешно пытается разнять жену с любовницей. Применить физическую силу принародно он не мог, поэтому надеялся только на Льва Александровича, который несколько часов назад зачем-то пошел в кабинет старосты.

Еще не доходя до своего кабинета, Береникин почувствовал сильный запах перегара. Он распахнул дверь, и его подозрения подтвердились. Положив голову на стол и тяжело дыша, в комнате сидел ничего не понимающий помощник старосты, а по полу катались пустые бутылки. Однако, несмотря на такое сильное опьянение, Лев Александрович продолжал

оставаться единственной надеждой Александра в сложившейся ситуации. Он быстро налил половину граненого стакана водки и поднес к носу своего помощника. Учув знакомый запах, тот немедленно пришел в себя. «Чего тебе, Сашка?», – спросил он. Староста в доступной форме обрисовал ситуацию. «Так это же форменное безобразие!» – возмутился Лев Александрович.

Залпом осушив стакан, он, несколько не стесняясь своего вида, вышел на двор и немедленно подошел к все еще дерущимся женщинам. Исходящий от него мощный запах заставил их отпустить друг друга и в недоумении уставиться на того, от кого он исходил. «Светка, ты чего пьяная дерешься прямо у мужа на работе? – зычно крикнул он. – Сейчас в вытрезвитель сдам! А ты, Зойка? Ведь уволю!». Он говорил настолько уверенно, что женщины поверили, что и впрямь сделает. Поэтому мигом протрезвевшая Светлана, опустив голову, пошла домой, а Зоя отправилась на склад. После этого внимание помощника старосты привлекли прихожане. «А вы чего здесь расселись, вороны? – грозно спросил он. – А ну пошли вон, пока милицию не вызвал!».

«С этим лучше не спорить, – веско сказал Кувин. – Потому как таким пьяным иродам сейчас большая власть дадена. Он ведь отправит не в милицию, а прямо в застенки КГБ». После этого напуганные Лукой прихожанки быстро покинули соборный двор.

«Не знаю, как тебя и благодарить, Лев, – сказал Александр Николаевич. – Ведь все это специально подстроено, да так, что если бы не ты...». «Беги за коньяком», – веско сказал Лев Александрович. После

этого он вернулся в кабинет старосты, выпил еще стакан водки, уронил голову на стол и тяжело захрапел.

1970 год подходил к концу. Уже два с половиной года архиепископ Феодор был управляющим Петровской епархией. В своей деятельности он руководствовался благими намерениями. Он желал повысить моральный облик священнослужителей, заменить членов церковных советов верующими людьми. Но на деле архиепископ Феодор выполнял то, что сам прозорливо обозначил в своей беседе с подполковником Петровым. Он увольнял и запрещал священнослужителей, посылал Патриарху представления на лишение сана, писал уполномоченному, в облисполком и райисполкомы, в Патриархию и Совет по делам религий многочисленные жалобы на членов исполнительных органов. В итоге же уволенные озлобившиеся священнослужители регистрировались властями в качестве членов исполнительных органов, а иногда и старост, и приносили приходам столько вреда, сколько не могли при всем желании принести обычные неверующие старосты.

Каждая жалоба на старост и членов исполнительных органов являлась дополнительным свидетельством в пользу их благонадежности: Льва Александровича, на которого архиепископ Феодор написал за два с половиной года в общей сложности сто двадцать три жалобы, даже наградили медалью «100 лет со дня рождения Ленина». Только при вручении предупредили, чтобы пьяный он ее не носил. «Зачем тогда было давать?» – обижался помощник старосты. Но пару раз все же пересилил себя и пришел в собор трез-

вый, чтобы подразнить архиерея. Патриархию же жутко раздражало, что управляющий Петровской епархией посылает в обход ее разные сумасшедшие жалобы в Совет по делам религий, причем по любому пустяковому поводу может написать десять страниц. Поэтому там он тоже был не в чести, и смотрели на него косо.

В свой борьбе «за Церковь», как он ее понимал, архиепископ Феодор попробовал опереться на актив «истинно верующих» прихожан во главе с Лукой Кувиным. Эти люди, действительно, глядели ему в рот. Они не пропускали ни одного богослужения, которое он совершал, восхищались, как Владыка служит, какие проповеди произносит, приходили к нему в епархиальное управление и по несколько часов сидели на приеме, так что не оставалось порой времени принять священнослужителей и прихожан, приехавших откуда-то из района по серьезному вопросу, и тем приходилось уезжать, так и не увидев архиерея.

Архиепископ Феодор жаловался Луке и трем активисткам этой организации «истинно верующих» – монахине Нимфодоре, Ларисе Крысовой и Зине Жабовой, как плохо ему живется в Петровской епархии, как сурово разговаривают с ним уполномоченный и подполковник Петров, как не уважают его члены исполнительных органов, как открыто игнорируют некоторые священнослужители, имеющие поддержку властей.

– Все это грешники, Владыко Святой, – веско говорил Лука Иванович, поглаживая бороду. – А вы – пастырь добрый, потому они вас и ненавидят. Но все истинно верующие и праведные люди, такие как мы, любят вас и почитают.

– Да мы им такое устроим, только благословите! – поддерживала его Лариса Крысова.

– Да любой, кто на вас не так посмотрит, хоть поп, хоть диакон, хоть из церковного совета! – вступала в разговор и Зина Жабова.

Не к чести Владыки Феодора, он благословлял этих сумасшедших на «борьбу за чистоту веры». Результатом были уродливые сцены, подобные описанным выше. «Ревнители благочестия и чистоты» писали в свою очередь жалобы, с подписями и анонимные, во все те инстанции, в которые писал архиерей, а еще в милицию, финорганы. Эти люди свою жизнь подчиняли тому, чтобы делать гадости ближним, пытались отравить им личную жизнь, навредить на работе, испортить репутацию. Свою деятельность они не ограничивали Петровом, выезжали на те приходы, где, как говорил им архиепископ Феодор, служили не почитающие его священники, и там находили единомышленников.

Способы борьбы у них всегда были очень уродливыми. Одному старенькому архимандриту, служившему в селе, прошедшему за свою веру через лагерь, вся вина которого была в том, что он несколько расходился с Владыкой Феодором во взглядах по некоторым богословским вопросам, во время каждения ставили подножки, роняли на него тяжелые хоругви. Другого священника, когда он вышел на проповедь, за волосы стащили с амвона. Не говоря уже о том, что «благотворейно» «борцы» считали необходимым вести себя только на службах, которые проводил архиепископ Феодор. Например, когда в соборе служил архимандрит Анатолий, они считали вполне допустимым бол-

тать, бегать по храму. «Это же лжепастырь, волк в овечьей шкуре, чего с ним молиться?» – рассуждали они. Над вопросом, а зачем тогда вообще было приходить в церковь, они не задумывались.

Единственным человеком, которого они по-настоящему боялись, был Лев Александрович. Он не церемонился с «отбросами социалистического общества», как сам их называл. Луку Кувина он поймал, влил ему в рот стакан водки, а затем сдал в вытрезвитель. Ларисе Крысовой и Зине Жабовой он «поставил по фингалу», а потом сам вызвал в собор милицию, несмотря на слезы и бурные протесты старушек, их забрали на всю ночь в отделение за драку в общественном месте. Все их жалобы в любые инстанции результата не имели, потому что помощник старосты заблаговременно согласовал свои действия с властями. На все их жалобы старым кляузникам отвечали: «Нечего в церковь ходить, раз так над вами, как вы говорите, издеваются. Все нормальные старики дома сидят, внуков воспитывают или на огороде работают. А раз вам нравится, что с вами так обращаются, значит, вы этого и заслуживаете».

Единственной, кого Льву не разрешили трогать, была монахиня Нимфодора – не шутка все-таки: орденоска. Поэтому он ограничился тем, что придумал ей обидное прозвище «свиноматушка». А один раз во время наиболее сильного запоя его осенила гениальная мысль. Согласовав свои действия с Николаевым, он за три бутылки водки договорился со своим приятелем-журналистом. Вскоре в областной газете появился фельетон «Свиноматушка». В нем говорилось, что вот была такая хорошая свинарка, всю жизнь тру-

дилась, даже орденом ее наградили самым высшим и дорогим – Ленина. Но, видимо, от того, что вся жизнь ее прошла среди свиней, она от них заразилась, стала монахиней, после чего начала вести себя по-свински. После этого приводилось несколько примеров ее отрицательного поведения, которые у любого человека легко найти. Монахиня Нимфодора сильно плакала, написала жалобу в обком КПСС. После этого в той же газете мелкими буквами было напечатано извинение за некорректный фельетон, где отмечалось, что каждый человек имеет право на свободу совести и т.д. Но знакомые и друзья теперь смотрели на нее косо.

Но даже такие жесткие шаги Льва Александровича не могли исправить сложившейся ситуации. Группа Кувина звала его не иначе, как «царем Иродом», ненавидела жутко, боялась, но продолжала свою деятельность, по возможности, когда у него был выходной или когда он был невменяемо пьяным. Архиепископ Феодор видел, что творят его почитатели, но у него будто пелена была на глазах. «Гонят вас, бедные, за веру, – говорил он. – Но надо терпеть». И, вдохновленные этим наставлением, «ревнители» продолжали делать гадости священнослужителям и членам исполнительных органов.

Они даже не замечали, что направляют свое жало против самых добрых и беззлых людей, которые прощают их или не могут за себя постоять. Ведь им и в страшном сне не могло присниться сделать что-то против Льва Александровича, который пригрозил им, что пришибет, закопает на помойке, и ему за это ничего не будет. Привыкшие безнаказанно творить зло, эти люди понимали, что есть те, кто еще хуже их, а потому

еще более злые поступки может совершать более безнаказанно. Не хотели они связываться даже с отцом Георгием Грицуком, который, конечно, таких широких талантов и полномочий от властей, как помощник старосты, не имел, но когда «ревнители» пришли позорить его перед соседями, спустил на них большую собаку, от которой они еле ноги унесли. «Сорвалась, извините, – объяснял он. – Ведь неразумное животное, что с него взять?».

Особенно тяжело было отцу Анатолию. Он искренне любил Церковь, ему больно было смотреть, как многие по-настоящему верующие люди стараются больше молиться дома, приходя в храм лишь в большие праздники, чтобы не видеть вакханалии, которая здесь происходит. Сам он тоже не раз становился объектом нападков «искренне верующих», которых и было-то десятка полтора, но которые мешали молиться сотням людей. Из-за них многие прихожане с неустойчивой психикой и неустоявшимися религиозными убеждениями начинали воспринимать церковь как клуб по интересам, место, где можно безнаказанно сплетничать, отравлять людям жизнь.

Духовенство в основном не очень изменилось. Внешне, может быть, архиерейские богослужения и стали более чинными и торжественными. Но те прихожане, которые были плохими, стали еще хуже, а тот, кто был хорошим, подвергался гонениям со стороны почитателей Владыки, потому что не хотел или не умел «кусаться», и их сердца переполняла горечь.

Уполномоченный разрешил архиепископу Феодору совершить несколько рукоположений для замещения вакансий, которые открылись после того, как он уда-

лил некоторых священнослужителей. Вообще-то первоначально была мысль все же не давать разрешений и под предлогом отсутствия богослужений закрыть приходы. Но потом они с Петровым рассудили, что своей бездумной деятельностью архиерей и так достаточно делает для успехов антирелигиозной пропаганды в Петровской области. Поэтому санкция была дана.

С каждого ставленника старший иподиакон архиерея Валерий требовал четыре бутылки водки. Все давали, а когда один не дал, то он накалил ему на электроплитке цепочку кадила, а потом, когда это полагалось по ходу службы, подал в руку. Строптивый ставленник получил сильный ожог, сильно закричал, кадило упало, и угли прожгли ковер на полу. Архиепископ Феодор страшно рассердился, закричал на Валеру, что тот уволен. Валерий ушел, а через несколько дней, заехав в небогослужебное время в собор и зайдя в алтарь, архиепископ заметил в своей архиерейской мантии окотившуюся кошку с котятками, которые жалобно пищали. Неизвестно почему это так его впечатлило, но он даже заплакал от обиды и несколько часов потом жаловался своим почитателям. Котят сперва хотели утопить, но потом матушка Нимфодора пустила слух, что они особо благодатные, раз родились в алтаре, и продала каждого за баснословную сумму в двадцать пять рублей, а саму кошку за пятьдесят.

Так Петровская епархия вступала в 1971 год.

Глава 9.

Для справки необходимо отметить, что борьба с так называемой «империей зла» не всегда была так гротескна, как у «группы Кувина».

Во второй половине 1960-х годов в СССР появляются примеры активного общественного сопротивления государственному атеизму. Наиболее известный документ этого периода – открытое письмо Святейшему Патриарху Алексию I священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина. Это письмо было написано в результате работы целой группы людей. Первоначальный вариант подготовил А.Э. Краснов-Левитин. Он был существенно переработан и дополнен священниками Николаем Эшлиманом и Георгием Эдельштейном. Над письмом работали также миряне Феликс Карелин, Лев Регельсон и Виктор Капитанчук. Священник Глеб Якунин высказал лишь общие идеи. Первоначально предполагалось, что это будет совместное письмо епископов и священников Патриарху, но затем практически все отказались дать свои подписи. Письмо содержало резкую критику в адрес советской политики в области религии, и подписать его решились лишь два священника. Копия письма была разослана правящим архиереям, а также Председателю Верховного Совета СССР, Председателю Совета Министров СССР, генеральному прокурору СССР.

Реакция Патриарха на это открытое письмо была весьма жесткой. Священники были запрещены в священнослужении. Также было опубликовано специальное обращение Патриарха, где говорилось: «В их действиях мы усматриваем стремление нанести вред единству нашей Святой Церкви и нарушить мир церковный... Кроме того, в их действиях мы усматриваем и стремление возвести клевету на государственные органы... Распространению всевозможных «открытых писем» и статей должен быть положен решительный конец». Крайне отрицательной была официальная реакция на открытое письмо и у епархиальных архиереев, несущих ответственное церковное служение священников. Например, митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн в своем письме Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей отмечал: «Я особенно возмущаюсь поведением священника Глеба Якунина, который, оставив созидательную деятельность пастыря, обратился к писанию клеветнических заявлений, волнующих лживыми миражами атмосферу экуменического движения».

Настоятель Ярославского кафедрального собора протоиерей Борис Старк также писал, осуждая поступок Глеба Якунина: «Я не читал лично этого письма, но на основании мною услышанного от наших делегатов считаю своим пастырским долгом откликнуться на то, что было мною услышано». В 1966

году 12 верующих Кировской епархии подписались под письмом к Патриарху, составленным Борисом Талантовым. В письме говорилось о том, что религиозная жизнь разоряется руками церковного руководства. Письмо получило огласку за пределами страны. В результате травли, развязанной в местной печати, скончались, не выдержав стресса, несколько человек, подписавших письмо (в том числе жена Талантова – от инсульта) . 12.06.1969 года Б. Талантова арестовали и осудили на 2 года лагерей общего режима, где он и умер за несколько часов до освобождения.

Кроме того, в 1968 году за свое письмо, в котором содержались обвинения в отходе от норм, выработанных Поместным Собором 1917-1918 гг. и резкая критика реформы приходского управления был отправлен на покой и послан в Жировицкий монастырь Калужский архиепископ Гермоген (Голубев).

Ситуация, сложившаяся в 70-е годы, очень своеобразна и даже в чем-то комична. Если представить официальный атеизм и церковь как две сражающиеся друг с другом армии, то можно сказать, что одна из этих армий, атеистическая, пользуется немислимыми в «нормальной» войне правами — она, например, может определять, кто будет командовать армией противника и сколько боеприпасов он может использовать. И тем не менее именно эта армия все более проигрывает.

Если в конце 50-х — в 60-е годы хрущевская либерализация в какой-то мере оживила веру в идеалы революции, то 70-е годы стали годами крайнего разочарования интеллигенции в официальных лозунгах, когда какие-либо надежды на перемены к лучшему были утрачены. Между тем, церковь — фактически единственная легальная организация с неофициальной и, более того, противоположной официальной идеологией, которая относительно безопасна (тем более, что ее совершенно не обязательно демонстрировать). В этой ситуации движение к церкви и религии становится совершенно естественным — так же, как до революции было совершенно естественным движение к атеизму. В интеллигентских кругах распространяются самые разные религии. Но поскольку в основе этого движения все же отталкивание от настоящего и романтизация национального прошлого, наиболее выигрывает от него православие, куда переходит множество видных представителей интеллигенции (так же, как в республиках с иной национальной религиозной традицией наиболее выигрывают эти национальные религии). Атеизм же в определенных интеллигентских кругах становится просто чем-то неприличным — как до революции в передовых интеллигентских кругах «неприличной» была религиозность. И если до революции у нас в интеллигенции было мощное атеистическое крыло, а в народе господство-

вало формальное православие, то теперь ситуация становится противоположной.

1970-1980-е годы – время, когда наблюдается оживление общественного интереса к проблемам Русской Православной Церкви. Общественная реакция на засилье государственного атеизма становится ярко выраженной, появляются свидетельствующие об этом документы. Однако со стороны церковной иерархии эти проявления свободомыслия не всегда встречают понимание, имеют место проявления идеализации ведущими архиереями государственно-церковных отношений в СССР.

Показательны следующие слова из интервью 1974 года архиепископа (позднее митрополита) Питирима (Нечаева): «Говорю как епископ и богослов: с отделением Церкви от государства религиозные общины утратили лишь изначально несвойственные им функции социального служения.

Церковь в Советском Союзе больше не занимается преподаванием Закона Божия для несовершеннолетних, потому что религиозные наставления несовершеннолетних детей способствуют возникновению предрассудков и даже содержат в себе элементы духовного и нравственного насилия совести». В своей апологии советского режима он пошел намного дальше других иерархов.

Митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн в официальном заявлении во Всемир-

ный Совет Церквей писал: «Неужели члены Генеральной Ассамблеи не видели перед собой молодых и сильных богословов в составе нашей делегации и неужели из этого непонятно было, что за этими избранниками из отборных молодых священнослужителей стоят десятки и сотни таких же, как они, молодых, но, может быть, более погруженных в приходскую жизнь, чем экуменическую деятельность, священников, а за этими сотнями выдающихся стоят тысячи средних, но молодых священнослужителей.

Свобода жить по вере совершенно ясна всем в нашей стране. Я как архиерей Ярославской епархии, т.е. одной из внутренних епархий Советского Союза, могу засвидетельствовать, что я только и занят тем, что создаю новые кадры молодых священнослужителей взамен стареющих и умирающих».

Настоятель Ярославского кафедрального собора протоиерей Борис Старк в своей аполгии советской религиозной политике отмечал: «Я помню, когда в 1952 году я уезжал из Франции, многие мои друзья предостерегали меня: «Что ты делаешь? Куда везешь своих детей? В страну атеизма! Из них сделают безбожников!» И вот оба мои сына – священники, и мне хочется спросить моих собратьев по Парижу, у которых тоже были и есть сыновья: «Кто из них принял вашу эстафету? Встал на ваш путь?»

Среди общественных деятелей, выступивших против антицерковных гонений, нельзя не отметить А. И. Солженицына, направившего на Крестопоклонной неделе 1972 года письмо Патриарху Пимену. Известный писатель-эмигрант пишет: «Пришиблено право продолжать веру отцов, право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании, – а вы, церковные иерархи, смирились с этим и способствуете этому, находя достоверный признак свободы вероисповедания в этом. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганде, самой примитивной и недобросовестной... По любому злу в дальней Азии или Африке Русская Церковь имеет свое взволнованное мнение, лишь по внутренним бедам – никогда никакого. ...На каждый действующий храм – двадцать в запустении и осквернении, – есть ли зрелище более надрывное, чем эти скелеты, достояния птиц и кладовщиков?»

Создание в 1973 году Христианского комитета защиты прав верующих в СССР во главе с Глебом Якуниным свидетельствует об изменении ситуации в связи с ростом сопротивления антицерковной политике. Верующие многих приходов обращались в этот Комитет, который посылал петиции в адрес Патриарха и властей.

Советские органы государственной власти не собирались закрывать на это глаза. В

1979 году Глеб Якунин арестован, полученный им лагерный срок сокращен лишь в 1987 году. Разгромлены религиозно-философские семинары в крупных городах России (Москва – Александр Огородников, Ленинград – Виктор Пореш, Смоленск – Татьяна Щипкова), организаторы осуждены на большие сроки. Известный московский священник Дмитрий Дудко за духовно-просветительскую деятельность был арестован в начале 1980 года, полгода находился под следствием, затем выступил по Центральному телевидению с заявлением, что действовал по заданию ЦРУ, что в этом он раскаивается и в будущем воздержится от любой политической деятельности. После этого выступления он был освобожден и получил приход. Необходимо отметить, что отца Димитрия Дудко это надломило духовно. В своих воспоминаниях он пишет: «Следователю своему я сказал:

–Вы же целая армия, организация, а я один... Впрочем, у меня тоже была армия – духовные дети, вы ее рассеяли. Когда-то мое слово подхватывали, когда-то когда меня вызывали, многие шли со мной. А теперь, когда вызывают, жена только идет со мной. Да еще один, о котором говорят, что он, мол мало что понимает. Да еще одна, которая почти в истерике кричит: «Вы убили моего духовного отца!» – Это по вашему не Голгофа?»

На процессе В. Пореша в Ленинградском городском суде, который проходил 23-

25.04.1980 года, он заявил: «В 1974 году нами был создан Христианский семинар по проблемам религиозного возрождения в России. С самого начала, с создания, семинар подвергался преследованиям КГБ. Был посажен в психиатрическую больницу член семинара А. Ардентов, его история болезни есть в деле, из нее явствует, что он абсолютно здоров. Постоянная слежка за членами семинара». Священник Дмитрий Дудко, позднее так объяснил свое заявление по телевидению: «вопрос встал так: страдать не за дело Христа, а за дело кесаря. За политику, а не за веру. За земное, а не за небесное. Чекисты мне предложили выбор: земную славу, венец мученика – или дело Божие... Я понимал, на какой позор я иду, как будет трудно меня понять, но я сознательно пошел на это... И вот, когда освобождился, у меня пошло расхождение «с диссидентцией». Хочу заметить, не я обманул ее ожидания, а она обманулась, потому что напрасно видела во мне диссидента».

Показательно письмо митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия доктору Конраду Райзеру, заместителю генерального секретаря Всемирного Совета Церквей, по поводу судебных процессов в СССР над религиозными диссидентами: «К сожалению, многие стороны жизни нашего общества, включая права человека и особенно вопросы религиозной свободы, западными религиозными агентствами подаются часто весьма иска-

женно, в духе так называемой психологической войны. Отсюда не удивительно прерватное, как правило, их толкование за границей...».

1960-1980-е годы стали временем не только противостояния общества государственному атеистическому режиму, но и формирования определенной внутрицерковной оппозиции. «Религиозное возрождение» конца 1970-х-начала 1980-х годов не встретило понимания со стороны руководства Церкви. Связано это было с тем, что религиозные диссиденты выступали с модернистских, обновленческих позиций, не совместимых с традиционной церковностью. Немаловажную роль сыграло и то, что религиозные диссиденты требовали вещей, невозможных в тех исторических условиях советской действительности – разрешения благотворительной деятельности, издания разнообразной духовной литературы, большой духовно-просветительской деятельности. Кроме того, они критиковали церковных иерархов за их молчание по вопросам религиозной дискриминации в стране и отсутствие поддержки тем, на кого власти начинали гонения в связи с религиозными убеждениями. Все это и обусловило расхождение позиций руководства Русской Православной Церкви и религиозных диссидентов.

Отказывающиеся соблюдать внутрицерковную дисциплину, диссиденты оказывались в глазах иерархов даже худшими противниками, чем умеренно-атеистические представи-

тели Советской власти. Вторые оказывали ставшее уже привычным давление извне, первые же своими действиями, как им казалось благими, разлагали Церковь изнутри. Поэтому в конфликте между религиозными диссидентами и представителями государственных структур Церковь в лице иерархов занимала позицию государства, которое формально было ее врагом, а не тех, кто считал себя ее защитниками. Позднейшие годы со всей убедительностью показали правильность такой позиции церковного руководства. Когда богоборческого государства не стало, люди, привыкшие бороться против чего угодно, лишь бы бороться, направили свою энергию против Церкви.

Глава 10.

17 апреля 1970 года скончался Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Местоблюстителем Патриаршего Престола стал митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен. Поместный Собор, избравший нового Патриарха, состоялся только в конце мая 1971 года. А до этого в епархиях был период напряженного ожидания того, кто же станет новым Патриархом. На Собор возлагались большие надежды и в том смысле, что на нем могут быть внесены изменения в организацию приходского управления.

Архиепископ Феодор считал себя одним из наиболее прогрессивных деятелей современной Церкви. Поэтому он втайне мечтал, что его изберут Патриархом. Но если бы его выдвижение действительно состоялось, то при тайном голосовании на Поместном Соборе он получил бы один голос в свою поддержку, а при открытом – ни одного.

Поэтому ему оставалось во второй половине 1970 года и в первые месяцы 1971 года только собирать в епархиальном управлении своих наиболее приближенных почитателей и обсуждать с ними перспективы предстоящего Собора.

– Кто же будет новым Первосвятителем нашим, владыко святой? – важно поглаживая бороду, в который раз уже спрашивал Кувин.

– Думаю, Лука Иванович, что митрополит Пимен.

– А правда ли говорят, что может стать митрополит Никодим? – встревала в разговор Зина Жабова.

– Все может быть.

– А правда ли говорят, что владыка Никодим решил богослужение перевести на коммунистический лад и даже митрополичью мантию носит красного цвета?

– Я об этом не слышал.

– А почему же Вас, владыка, не изберут? – спрашивала Жабова.

– Ну, тебе же уже объясняли, – недовольно говорил Кувин. – Потому что владыка Феодор – борец за чистоту веры православной, а власти нашей безбожной нужен такой Патриарх, чтобы в рот им смотрел и

во всем по их указке поступал. Разве мыслимо было бы такое безобразие, как у нас в соборе, если бы наш владыка был Патриархом?

– Немыслимо.

Архиепископ Феодор слушал это в который раз, и все равно ему было приятно, что хотя бы какие-то люди, как он искренне полагал, «по-детски верующие», считают, что он и на самом деле может возглавить Русскую Православную Церковь.

– Ну, Патриархом я, конечно, не стану, – не спеша говорил он. – Но вот выступить на Поместном Соборе против того безобразия, которое сейчас творится в приходском управлении, я выступлю. Не знаю, будет ли иметь значение мое скромное слово ...

– Всенепременно будет, – с жаром почти хором воскликнули Жабова и Крысова. – Да кто же вас, владыко святей, может не послушать! Только анчутки лупоглазые!

– Поистине подвижник вы, владыко, – важно сказал Кувин. – Не бойтесь нападок властей безбожный за борьбу вашу за чистоту веры православной.

– Я уже немолод, – сказал архиепископ. – Но считаю своим архипастырским долгом вернуть приходское положение в России в то состояние, в котором оно было до реформы 1961 года.

– Великое дело это и важное, – с чувством произнес Кувин. – Но кому, как не вам – истинному архипастырю – по силе это?

– Вот только пусть наступят перемены, мы уж всем покажем, этим негодьям из исполнительных органов и попам – их прихвостням. Не только в соборе, но и на приходах ответят они за все свои безобразия,

за неуважение к вам, владыко! – начала мечтать Жабова.

Тут некстати в разговор встряла монахиня Нимфодора, которая попросила архиерея разъяснить ей один богословский вопрос, который давно ее волновал. Матушку очень занимало в Евангелии событие, когда Христос изгнал из бесноватого демонов в свиное стадо, после чего все стадо бросилось в море и погибло. Монахине очень жалко было свиней, и ей не верилось, что один человек может представлять большую ценность, чем целое свиное стадо. Владыка терпеливо разъяснил ей, что каждая душа человеческая бесценна, ее нельзя даже сравнивать с какими-то животными или материальными вещами. Думая подобным образом, матушка уподобляется жителям гадаринским, которые не радовались исцелению бесноватого, а печалились о своих свиньях и просили Господа покинуть их местность.

– Вот ты, матушка, тоже свиней больше, чем людей, любишь! – встряла Крысова.

– Точно-точно, так оно и есть, – подтвердила Жабова.

– Чёй-то больше? Я ко всем одинаково отношусь, – возразила монахиня Нимфодора.

– Хватит вам, бабы, пустое молоть, отвлекаете владыку от дел его церковных! – рассердился Кувин.

Подобных бесед в кабинете архиепископа Феодора прошли десятки. По этой причине очень многие посетители из отдаленных приходов так и не смогли попасть к нему на прием.

Май 1971 года. Тимофей Иванович Николаев и Николай Ильич Петров сидели в кабинете уполномоченного, пили водку и чай с лимоном и обсуждали архиепископа Феодора. Поначалу его деятельность их устраивала: он собственными руками разрушал свой авторитет и наживал себе врагов. Но в преддверии Поместного Собора ситуация изменилась. Конечно, тщеславное желание архиерея стать Патриархом вызывало у них только смех. Но агентура докладывала, что неуправляемый владыка желает выступить на Соборе с резкой критикой существующей системы приходского управления и с призывом вернуться к положению, существовавшему до 1961 года. Оба доложили об этом своему начальству. Из Москвы пришел приказ: провести воспитательную работу, а если не поможет, то не допускать до участия в Соборе.

– Ну, так что, Тимофей Иванович, беседовали вы с ним? – лениво спросил Петров, запивая водку горячим сладким чаем.

– Беседовал, но толку никакого. Еще пообещал в Совет на меня написать жалобу, что я стесняю его не только гражданские свободы, но еще и права как делегата Поместного Собора говорить на нем то, что он считает нужным.

– Ваши предложения?

– Даже не знаю. Такой крикливый и скандальный человек, просто жуть какая-то. Он и за границу интервью умудрится дать.

– А вот это вред ли. Его уровень – это Кувин, Жабова и Крысова вместе с заслуженной свиначкой. Феодор просто помешан на придурках, наверное, на их

фоне он кажется себе гением. Может быть, мне с ним попробовать поговорить?

– Не поможет.

– Это верно. Меня он тоже не слушает. Кстати, сколько он уже у нас служит?

– Скоро три года.

– Ой, долго! Таких надо как можно чаще тасовать. Писали об этом в Совет?

– Писал, но они говорят, что сейчас не до него. Он ведь свои идеи фактически только горстке сумасшедших излагает, по которым дурдом плачет. А есть ведь и проблемные архиереи и священники, которые пишут не жалобы в наши советские органы или Патриархию, где их благополучно подшивают, а распространяют свои письма среди всех епархиальных архиереев, опять же за рубеж посылают. А это уже создание антисоветских настроений, подрыв престижа социалистического Отечества.

– Но тем не менее, именно наш Феодор представляет потенциальную угрозу в качестве возможного докладчика на Поместном Соборе. А это уже плохо. Если такую проблему поднимет кто-то из зарубежных епископов, то на него внимания не обратят: легко ему, будучи гражданином другого государства, правильного из себя строить. А вот если из российской глубинки, да еще из такого образцового советского города, как наш, архиерей выступит, то многие могут задуматься: этот не боится, а нам чего бояться? И Собор превратится в непредсказуемое мероприятие, а этого допустить наши структуры не имеют права.

– Может, позвонить в Совет, пусть бы они поговорили с Пименом и Никодимом, чтобы просто ему слова не давали?

– Нет, это не выход. Он в кулуарах столько наболтает – не меньше, чем с трибуны. Опыт в общении с так называемой «группой Кувина» уже приобрел.

– Ох, уж и группа! – безглаголиво махнул рукой Николаев. – Сборище старых идиотов-экстремистов!

– Это верно, – согласился Петров. – И они нам очень даже полезны, потому что своими действиями, без всякой нашей подсказки, настолько дезорганизуют церковную жизнь не только в городе, но и в некоторых районах области, как и специально завербованные агенты не смогут сделать. Тем более, что и управу мы на них нашли опять же из церковной среды: они этого сумасшедшего алкаша Льва Александровича боятся до смерти. А все вместе это создает внутри епархии такую атмосферу, что многие люди от Церкви отшатываются. Но речь не о них, а о Феодоре.

– Что же мы сможем с ним сделать?

– Когда он едет на Собор? – неожиданно жестко спросил Петров.

– Открытие 28 мая, – немного растерянно сказал уполномоченный. – Он говорил мне, что у него еще есть дела в Патриархии, и он уедет 26 мая.

– Сегодня 15-е. Вызовите его к себе 26-го.

– Но это же день отъезда, он будет возражать.

– Придумайте серьезный повод, скажите, что председатель облисполкома лично срочно запросил его собственноручно заполненную анкету. Но только не вздумайте проворонить, а то проблемы будут уже у вас!

– Николай Ильич, – вконец растерялся Тимофеев, – ты же знаешь, какой он непредсказуемый человек! Он возьмет и назло уедет.

– Хорошо, – смягчился Петров. – Вызывайте на 25-е, но прямо завтра же, и чтобы никаких отговорок!

– А что нам это даст?

– Завтра к вам придут наши специалисты и обработают кресло, на котором я сижу, специальным составом. Ваша задача – чтобы Феодор просидел на этом кресле все время, пока будет заполнять развернутую анкету собственноручно. После этого ни на какой Собор он ехать не сможет. А пока – будете принимать посетителей в соседнем кабинете, с облисполкомом мы согласовали. Кресло придется уничтожить. И, кстати, – Петров пристально посмотрел на Николаева, – если ты хоть сколько-то дорожишь здоровьем, до кресла после обработки не касайся.

Глава 11.

Архиепископ Феодор не попал на Поместный Собор. Он добросовестно заполнил предложенную анкету, сидя на придвинутом ему кресле. После этого он три недели лечился от ожогов тела, из них две – на постельном режиме. Лука Иванович говорил, что его отравили химикатами, применявшимися во Вторую Мировую войну. Но после того, как Лев Александрович выбил ему зуб, Лука Иванович стал говорить, что обознался.

Собор прошел гладко. Идеи архиепископа Феодора, правда, озвучил архиепископ Брюссельский Васи-

лий (Кривошеин), но мнение «буржуев» никого не интересовало.

Патриархом избрали владыку Пимена, и опять потому, что владыка Никодим мог иметь свое мнение, отличное от мнения Советской власти, и стать в тысячу раз более страшным Патриархом, чем владыка Феодор, потому что любил Бога и Церковь и был способен системно изложить свое мировоззрение в рамках существующей государственной политики.

Между тем отец Анатолий мучился в соборе жутко. Он много раз писал архиепископу Феодору прошения, чтобы он отправил его на сельский приход, где он не мог бы испытывать тех внутренних терзаний, которые испытывает на существующем месте служения. И тем не менее владыка не удовлетворял его просьб. Ему нравилось мучить священника, который, вопреки всем внешним обстоятельствам, не имея даже поддержки своего архиерея, пользовался любовью не только паствы, но и «внешних».

...Через год архиепископ Феодор был вынужден покинуть Петровскую епархию. Под давлением местных властей Совет, наконец, настоял перед Патриархией на его переводе. Он ехал, и у него было время задуматься о том, что же принесло его служение в Петрово. Неожиданно архиерей понял, что издевался над настоящими верующими людьми, которые несли его оскорбления как свой крест. Или над теми, кто был беззащитен. Но ни одного настоящего подонка – нет, ни Льва Александровича: он всегда был искренне убежден в правоте своих деяний; ни Петра Борисовича, ни даже отца Георгия Грицука он не обличал в глаза так, как должен. А ведь они могли бы измениться.

Владыка Феодор прибыл в новую епархию с надеждой исправить ошибки, совершенные ранее, и начать все сначала.

Но он был слишком стар душой, и если что-то не получилось, это не его вина – он очень старался. Владыка Феодор умер года через два от болезней, вызванных изношенностью организма. Но группа Кувина, пользуясь недоступностью информации, не преминула провозгласить, что он « умер за веру », что на новом месте архипастырского служения его « с пытками » замучили КГБшники.

После отъезда из Петрово архиепископа Феодора «кувинцы» попытались сделать еще одну гадость настоятелю собора. Однажды к отцу Анатолию после службы подошла молодая девчонка, вся в слезах, и рассказала, что она – нищая мать-одиночка. Жабова давала ей сто рублей, чтобы она своего ребенка, нагулянного неизвестно от кого, бросила после Литургии к ногам отца Анатолия и сказала: « Забирай своего ребенка ». Но она увидела отца Анатолия и испугалась греха, поэтому не бросила ребенка, а покаялась перед батюшкой. Пораженный услышанным, архимандрит Анатолий спросил: « Учитывая связанность со мною обстоятельств вашей исповеди, вы разрешите познакомиться конкретно с этими фактами тех, кого необходимо? ». Девушка была не против.

Отец Анатолий рассказал Александру Береникину. Тот был жесток:

– Может, сейчас пусть Лев Александрович бутылки две выпьет, а потом не дадим ему опохмелиться, и он с ними разберется?

Но отец Анатолий не был так жесток. Его вполне устроило то, что девочка не оказалась негодяйкой, а в отношении «группы Кувина» он просил только оградить его от их новых нападков. История умалчивает, какие именно доводы нашел Лев Александрович, но настоятеля собора «кувинцы» с тех пор навсегда оставили в покое. С новым архиереем у него сложились самые добрые отношения. Но это уже другая страница истории собора.

2009

**СВЕТ, ТЬМА
И ТЕНЬ**

Историческая повесть

Глава 1.

Лев Александрович с трудом повернулся с боку на бок и неожиданно проснулся. Голова раскалывалась, жутко тошнило, все тело ломило, во рту было так противно, как будто он поужинал дохлой крысой. «Воды», – застонал несчастный. Но подать воду было некому.

Лев Александрович, помощник старосты Богоявленского собора города Петрова, совершенно один жил в прекрасной по тем временам двухкомнатной квартире на первом этаже построенного несколько лет назад пятиэтажного панельного дома. За какие такие заслуги он сумел получить такое роскошное государственное жилье взамен той убогой халупы, в которой жил, пока не начал работать в соборе, и которая каким-то таинственным образом попала под снос, никто не знал. Нет, конечно, ответственные лица в горисполкоме, которым позвонили еще более ответственные из облисполкома, знали. Знали уполномоченный по делам религий, знали в КГБ. Именно эти структуры дали Льву Александровичу характеристику как незаменимого работника в деле контроля над религиозной ситуацией в городе, жилищные условия которого необходимо улучшить.

И вот его домишко, который и сам по себе через полгода развалился бы, так как хозяин никогда его не ремонтировал, вдруг попал в зону сноса, так как на этом месте якобы планировалось строить какой-то важный объект. А помощник старосты, никогда не стоя ни в каких очередях на улучшение жилищных условий, получил двухкомнатную квартиру. Дали ее

вместо какой-то слишком уж языкастой ткачихи, матери-одиночки с тремя детьми, которой полезно было еще несколько лет пожить с ними в комнате коммуналки, чтобы научилась почтительнее разговаривать с секретарем фабричной партийной организации, а не разевать рот на заслуженных людей, передовиков производства. А важным объектом, который так необходимо было возвести, через пару лет оказался гараж для бывшего соседа Льва Александровича – председателя жилищной комиссии горсовета, который был несказанно счастлив одним махом избавиться от буйного и непредсказуемого соседа, прибрать постепенно себе его участок, да все это еще на «законных» основаниях, при поддержке областной власти. А уж с ткачихой помощнику старосты совсем подфартило: шумная и беспокойная, за несколько лет до того она начала возмущаться, почему ее сменщицу наградили орденом Трудового Красного Знамени и дали ей отдельную однокомнатную квартиру, а у нее ни мужа, ни детей, и лет только двадцать с небольшим, а заслуг-то всего, что хорошо умела ублажать секретаря фабричного парткома. Ну как такой «антисоветчице» жилищные условия улучшать? Наказать бы ее нужно было, да все же трех детей жалко, да и потом баба глупая, а все же и на работе, и в коммуналке на людях, – может, коллектив и перевоспитает. Поэтому очередь ее получать квартиру подошла, но вместо нее туда вселился заслуженный человек, имеющий правительственную награду (Лев Александрович был награжден медалью «100 лет со дня рождения В.И. Ленина»).

... Поняв, что воду никто не подаст, помощник старосты тяжело встал с дивана и медленными неуве-

ренными шагами по заблеванному ковру подошел к столу. На нем стоял стакан с какой-то прозрачной жидкостью. Лев Александрович дрожащей рукой поднял его и поднес ко рту. От стакана несло чем-то противным. «Что за дерьмо!», – в сердцах воскликнул помощник старосты и с размаху выплеснул стакан на пол. Но тут в его голову пришла мысль, от которой он как-то сразу протрезвел. В стакане была *водка*, более того, это был *последний стакан водки, который оставался в доме*. Он вдруг отчетливо вспомнил, как вечером налил этот стакан, чтобы утром было чем опохмелиться. «Водка! – застонал Лев. – Водочка моя!» Он упал на колени и попытался ртом собрать драгоценную влагу с грязного ковра. Но ничего не получилось.

Огорченный и разозлившийся помощник старосты с трудом встал и огляделся. В комнате валялось десятка три пустых бутылок из-под водки. Он начал судорожно осматривать их, не осталось ли где хоть капельки. Но одним из предметов особой гордости Льва было то, что после него остается только пустая посуда. Он окончательно протрезвел и недовольно посмотрел на загаженную комнату. «Нужно кого-то из уборщиц прислать навести порядок», – промелькнуло у него в голове. Однако более важная мысль сразу же вытеснила эту и заполнила все его существо: «Необходимо срочно выпить!» Но в квартире не было не только выпивки, кончились и деньги. «Придется идти в собор», – вздохнул «ответственный работник». Он прошел на кухню, открыл кран с холодной водой и долго пил ее, не в силах утолить мучившую его жажду. Затем, покачиваясь, прошел в туалет. Когда он встал с унитаза и дернул за цепочку смывного бачка, то из унитаза раз-

дался пронзительный крик. Лев вздрогнул. «Неужели белая горячка?» – в страхе подумал он. «Что же делать?»

В этот момент в дверь его квартиры кто-то сильно застучал. «Левка, открывай, скотина!» – услышал он голос, который показался ему знакомым. «Ты кто?» – на всякий случай спросил помощник старосты, подойдя к двери. «Кто? Я-то Митрич, а вот ты ...» – и дальше последовал поток матерной брани. Лев Александрович совсем успокоился: он узнал голос старенького сантехника из ЖКО Николая Дмитриевича, с которым нередко вместе выпивал и который по его протекции вошел в состав «двадцатки» собора. Помощник старосты как был – в майке и трусах – открыл дверь. И тут же на него с кулаками набросился красный от гнева старичок-слесарь, по голове которого стекали экскременты. Лев силой усадил сантехника на подставку для обуви, стоявшую в коридоре, и потребовал объяснений.

А случилось вот что. Накануне в доме засорилась канализация. На двери подъезда было вывешено объявление, чтобы сегодня, с девяти до двенадцати туалетами не пользовались. Митрич не спеша разобрал трубы в подвале. И надо же было ему заглянуть в выходящую прямо на его лицо трубу как раз в тот момент, когда Лев дернул цепочку смывного бачка...

Лев Александрович свою вину признал, хотя и не совсем: кто же читает всякие дурацкие объявления. Он предложил Митричу отмыться, что тот сразу же начал делать, и обещал в качестве моральной компенсации занести ему вечером две бутылки водки. Тот требовал четыре, в результате сошлись на трех. Про-

водив сантехника, помощник старосты нашел под столом свои рубашку и костюм, в котором за несколько дней до того валялся в луже. Пришлось лезть в шкаф и искать в куче хлама запасную одежду. Его внимание привлек фрак, который он однажды по пьяни выиграл в карты у какого-то оперного певца. Как потом певец оправдывался за пропажу реквизита, Льва не волновало. А вот фрак пришелся ему впору, и он надевал его всегда когда кончалась вся чистая одежда. Появление помощника старосты в соборе во фраке означало, что его квартира требует постороннего вмешательства. Несколько соборных уборщиц ехали к нему домой, убирались, стирали и гладили вещи, мешками выносили мусор, разбирались в шкафах. А потом Лев вновь оставался в квартире один до того момента, пока вновь не появлялся в соборе во фраке...

На дворе стоял 1975 год. В Петровской области был уже новый уполномоченный – Евгений Алексеевич Иванов. Его назначили вскоре после того, как в Петровскую епархию был назначен новый управляющий – митрополит Исая. Прежний уполномоченный – Тимофей Иванович Николаев – справил свое шестидесятилетие и был отправлен на пенсию. Но вот куратор в КГБ у религиозных организаций области остался прежний – теперь уже полковник Николай Ильич Петров, которому до пенсии оставалось еще два года. Сегодня он встречался с новым уполномоченным для обсуждения положения дел в епархии. Накануне полковник участвовал в одном мероприятии, связанном с обильным застольем, поэтому на работе или, тем более, в облисполкоме показываться ему не хотелось.

Несмотря на слабое сопротивление уполномоченного – мягкого и интеллигентного человека – встречу он назначил на одной из разбросанных по городу квартир, где сотрудники комитета встречались со своими осведомителями.

Евгений Алексеевич, естественно, осведомителем себя не считал. Он и так обязан был всю имеющуюся у него информацию передавать сотруднику комитета. Ему не нравилось само место встречи – какой-то обшарпанный двухэтажный домишко на окраине города, в котором жили одни алкаши, а в одной из квартир открыто торговали самогоном. Что характерно, торговлю никто не прикрывал. Наоборот, она служила своего рода прикрытием для посетителей используемой комитетом квартиры – ведь в дом таскались ежедневно десятки разных людей, поэтому на новые лица внимание никто не обращал.

Уполномоченный брезгливо поморщился, войдя в вонючий подъезд, подошел к знакомой двери с ободранной черной обивкой, потянулся было к звонку, но вспомнил, что тот еще в прошлый раз был кем-то обрезан, и постучал. Дверь ему сразу открыл Николай Ильич.

– Заходите, Евгений Алексеевич, спасибо, что согласились здесь встретиться, – хриплым голосом сказал он, жестом приглашая посетителя зайти в комнату.

В квартире было достаточно прилично – настолько, насколько может быть прилично в подобном доме.

– Вы уж извините, что попросил здесь встретиться, мне сегодня в облизполкоме лучше не появ-

ляться, а к нам в управление вам лишний раз ни к чему ходить, – добавил Петров.

– Да, конечно, – сказал он. – Тем более, что за два года вы лишь третий раз попросили меня сюда подойти.

На покрытом скатертью с кистями круглом столе стояла отпитая бутылка коньяка, тарелка с тонко порезанным лимоном и пустая рюмка.

– Выпьете? – предложил полковник.

– Нет, – отказался Иванов. – Вы же знаете, что я совсем не пью.

– Завидую я вам, – вздохнул Петров. – А мне придется...

Он быстро налил и залпом выпил одну за другой две рюмки, после чего положил в рот дольку лимона. Постепенно его лицо начало приобретать нормальный вид.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – нетерпеливо спросил уполномоченный. – Может быть, все могло потерпеть и до завтра, встретились бы спокойно у меня в кабинете?

Полковник выпил еще одну рюмку и с грустью понял, что могло потерпеть еще хоть неделю. Просто вчера его размягченный алкоголем мозг руководствовался совсем иной логикой. Тогда он позвонил уже в десять вечера домой Иванову, уверяя в том, что им завтра необходимо встретиться. Но вслух свою ошибку признавать не хотелось.

Поэтому он в который уже раз завел разговор о том, что пора бы престарелому митрополиту Исае на пенсию, тем более биография его подмоченная: во время реализации антицерковной политики Хрущева

Н.С. он отбыл несколько лет заключения по надуманному обвинению в сокрытии доходов и уклонении от уплаты налогов. Правда, через некоторое время после смены руководства в стране его реабилитировали (уже после отбытия срока), и он смог вернуться к архиерейскому служению. Однако мнение как о неблагонадежном у властей о нем осталось. Но старый и больной архиерей на самом деле не представлял никакой угрозы в плане противостояния советской атеистической политике. К тому же с ним приехали два человека (об этом ниже), которые очень активно сотрудничали и с уполномоченным, и с полковником. Сейчас они занимали в епархии видное положение, но при смене управляющего могли быть передвинуты на другое место и утратить значение в качестве информаторов и лиц, проводящих внутри епархии ту политику, которая диктовалась им Ивановым и Петровым. Да и каким еще может быть новый архиерей? Поэтому разговоры о смене управляющего Петровской епархией носили скорее ритуальный характер и проводились, когда говорить было больше не о чем.

Уполномоченный тяжело вздохнул, сожалея, что напрасно потерял полдня.

В 1960 году был осуждён на три года заключения архиепископ Иов (Кресович) за то, что активно пытался противодействовать закрытию церквей в епархии. Он разъезжал по сёлам и призывал паству твёрдо стоять за свои храмы. Архиепископ Иов был обвинён в неплате налогов и в сокрытии доходов. В беседе с архиепископом Брюссельским Василием (Кри-

вошеиным), состоявшейся в июле 1960 года, митрополит Николай (Ярушевич) объяснил: «Согласно с установившимися правилами архиереи платят налог со своего жалования. Кроме того, они получают на представительство (куда часто входят содержание машины, секретаря, поездки и т.д.). Эти суммы налогами не облагаются и в инспекцию не заявляются. А вот к архиепископу Иову придрались, что он эти суммы на представительство скрывал, налогов с них не платил. Но даже в этих случаях, когда кто-нибудь скрывает доходы и не платит налогов, не сажают сразу в тюрьму, но предлагают уплатить недостающий налог, и только в случае отказа могут подвергнуть наказанию. Архиепископ Иов предложил всё уплатить, что с него требуют. Тем не менее его приговорили к трём годам».

Число арестованных и осуждённых священнослужителей составляло тогда несколько сот, среди них были и «повторники», уже отсидевшие за то, что во время войны служили на оккупированных территориях.

За 1961-1964 годы в СССР было осуждено по религиозным мотивам 1234 человека. Многие из них были осуждены на лагеря, в поселения, ссылки. Нередко при ведении таких дел допускалось нарушение законности. Не случайно сразу после отставки Н.С. Хрущева, в октябре 1964 года, в Верховном Суде СССР прошло под председательством А.Ф. Горкина специальное совещание по вопросам нарушения социалисти-

ческой законности в отношении верующих. А в январе 1965 года Президиум Верховного Совета СССР принял Постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», в соответствии с которым была проведена работа по дополнительному изучению дел и были отменены многие судебные решения. Председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин 21 ноября 1964 года уже с негодованием писал в ЦК КПСС, что за последние три с половиной года к уголовной ответственности привлекли более 700 верующих и, кроме того, многих сослали по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР о тунеядцах. Он подчеркивал, что как тунеядцев судят стариков, получающих пенсию, рабочих и колхозников, добросовестно работающих на предприятиях и в колхозах. Много осужденных верующих было реабилитировано, возвращено в места прежнего проживания.

Глава 2.

На среду в Петровском горисполкоме было назначено заседание комиссии по содействию за контролем выполнения советского законодательства о религиозных культах. Но сначала немного о самом законодательстве.

Советское законодательство в отношении религии и Церкви сформировалось к 1929 году и с не-

значительными изменениями сохранялось до 1990 года. 20 января 1918 года был принят, а 23 января опубликован декрет СНК, вошедший в историю под названием «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В декрете провозглашалось запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация церковного имущества. 8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», по которому вся жизнь последних ставилась под контроль государства. Священнослужители исключались из состава «двадцаток», религиозным объединениям запрещалась благотворительная деятельность, частное обучение детей религии, дозволенное Декретом 1918 года об отделении Церкви от государства, интерпретировалось в предельно суженном объеме лишь как право родителей обучать религии своих детей. И по этому репрессивному закону, по которому «служители культа» были лишены даже избирательных прав, Церкви пришлось жить многие десятилетия, причем были мнения, что и он слишком мягок.

Советское государство ни в коей мере не собиралось считаться с внутренними установлениями, иерархией каких бы то ни было религий, и Православия в том числе. Церковь была поставлена в условия полулегального существования.

Согласно с постановлением народного комиссариата юстиции и внутренних дел от 19

июня 1923 года «ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли... ибо отдача в ее пользование храма или молельни местным исполнительным комитетом происходит не в пользу какой-либо церковной иерархии, а лично тем гражданам, которые подписут договор с исполнительным комитетом».

Тем самым государство подрывало основу деятельности Русской Православной Церкви, которой является иерархичность. Исходя из смысла этого постановления, каждый приход оказывался «самоуправляемым», его актив, следуя букве советского права, вполне мог игнорировать распоряжения епископа.

Русская Православная Церковь – единая организация с единой иерархией, и ей естественно было обладать в целом единым имуществом. После октябрьской революции все церковное имущество было национализировано, право же бесплатного пользования церковными и молитвенными зданиями было предоставлено исключительно группам верующих или религиозным обществам, причем всякого рода центральные организации (всероссийские, епархиальные и т.д.), а также съезды религиозных обществ и избираемые ими исполнительные органы не могли: 1) обладать культовым имуществом или получить его по договору; 2) заключать какие бы то ни было имущественные договоры и сделки; 3) устанавливать

принудительные сборы. Таким образом, вся высшая церковная иерархия практически оказывалась лишенной источников существования, так как не только все имущество было у нее отнято, но и появились законодательные препятствия к получению обязательных взносов от приходов.

Согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года религиозные общества и группы верующих были лишены прав на статус юридического лица. Каждое религиозное общество или группа верующих могли пользоваться только одним молитвенным помещением. Число учредителей религиозного общества должно было составлять не менее 20 человек. Духовенство было лишено избирательных прав.

Конституция СССР 1936 года, провозглашавшая равноправие граждан и свободу совести, тем не менее предоставляла лишь право на «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды».

Таким образом, неравноправие верующих и атеистов было закреплено конституционно. Безбожники имели все возможности для активной деятельности, а религиозным объединениям воспрещалось: «1) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; 2) оказывать мате-

риальную поддержку своим членам; 3) организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. Существовал и еще целый ряд запретов.

В 1975 году была проведена корректировка советского законодательства о религии, которая была связана со слиянием двух Советов в единый Совет по делам религий при Совете Министров СССР, а также в связи с приданием религиозным организациям некоторой экономической свободы.

Не дав формально прав юридического лица, законодатели исключили из текста Закона упоминание об отсутствии у Церкви прав юридического лица, но при этом специально оговорили право религиозным объединениям совершать хозяйственные акты, свойственные юридическим лицам.

Особым внешне малозаметным изменением, но весьма существенным для бытия Церкви было упразднение статьи, запрещающей центральным церковным органам пользоваться средствами религиозных объединений и вести собственную хозяйственную жизнь. С этим изменением связано также и упразднение запрета сборов с религиозных объединений и от-

дельных верующих в пользу иных религиозных объединений.

Тем не менее человеконенавистническая статья 17, запрещающая, например, «оказывать материальную поддержку своим членам», оставалась действовать вплоть до 1990 года.

Сохранялась также и статья 31, устанавливающая порядок равнодоступности всем гражданам подписания договора о пользовании культовым помещением. Именно эта статья позволяла вытеснять православные общины из храмов разбойными действиями раскольнических групп. Не будь данной юридической возможности вторгаться в общинную жизнь иным гражданам, вряд ли возможно было бы отторжение Церковей и монастырей от православных общин грекокатоликами и раскольниками всех мастей..

Но притеснение верующих не прекращалось. Церковное руководство как в центре, так и на местах было практически беспомощно перед произволом властных советских государственных органов.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ, как позднее и уполномоченный Совета по делам религий, не имел в своем распоряжении большого аппарата. Обычно ему в помощь полагался только технический секретарь и редко второй работник. Однако в своей деятельности он мог опираться на помощь всего партийно-советского аппарата. Впрочем, помощь эта была достаточно расплывчатой, многое зависело от настроений на местах, где могли иногда и закрывать гла-

за на развитие религиозности; а уполномоченный сам зачастую физически не мог отследить всех происходящих в религиозной жизни области процессов. В рамках антицерковных гонений Хрущева Н.С. при всех райисполкомах были созданы комиссии по контролю за соблюдением советского законодательства о культах. В некоторых районах даже по каждой церкви были созданы достаточно большие группы содействия этим комиссиям. Это позволяло полностью осуществлять контроль практически за всеми проявлениями религиозности, в некоторых случаях закрепить за большинством членов «двадцаток» перевоспитывающих их членов партии. Комиссии и группы оказывали и самое непосредственное влияние на формирование состава «двадцаток».

В Петрово комиссию возглавляла секретарь горисполкома Свиначенко Эльвира Львовна. Это была молодая, но очень деятельная женщина, сумевшая в свои тридцать лет занять столь ответственный пост благодаря своей неиссякаемой энергии и браку, в который она из карьерных соображений вступила около десяти лет назад с депутатом Верховного Совета СССР, директором крупнейшего в области совхоза Виленином Ремировичем Свиначенко, который был в два раза старше ее, зато имел огромные связи и в местных структурах, и в Москве. Он и помог жене получить высшее образование, а затем сделать карьеру. Матери ее не было в живых, а с отцом она не общалась, и лишь немногие знали, что им был помощник старосты петровского собора Лев Александрович. Он со своей сто-

роны к дочери и зятю тоже не приставал, так как у него и без них хватало людей во власти, которые его поддерживали. Впрочем, для тех лиц, которые в области принимали решения, их родство не было тайной. На данном этапе их жизни оно играло положительную роль и для отца, и для дочери.

Членов комиссии можно было условно разделить на три группы: те, которые вошли в нее, потому что им нечем было себя занять, преимущественно из числа активных пенсионеров; те, кого заставило войти в нее начальство, в основном, советские работники, представители образования и культуры. Самую малочисленную, но задававшую тон в работе комиссии группу составляли два человека, просто помешанных на вопросах религии, которым до любого проявления религиозной жизни в городе было дело.

Одним из них был лектор общества «Знание» Иван Петрович Мальков, другим – работник областной профсоюзной организации Виктор Романович Карпов. Первому было лет пятьдесят, это был худой невысокий подвижный мужчина с курчавой шевелюрой на голове. Второй уже отметил свое шестидесятилетие, был высоким, абсолютно лысым и достаточно полным. Но при таком внешнем несходстве их объединяли холерический темперамент, неумение слушать других, неизживаемое желание лезть в чужую жизнь. Друг друга они не переносили. Причиной этого было то, что нормальные люди с ними почти никогда не спорили, но они постоянно имели различные мнения по самым мелким вопросам и друг перед другом их ожесточенно отстаивали. Так как переубедить подобных людей невозможно, члены комиссии прини-

мали решение без учета их мнений, поэтому или Мальков, или Карпов обязательно оказывались недовольными любым решением.

На повестке дня заседания комиссии стояли два вопроса: появление в городе инициативной группы, желающей добиваться открытия второй церкви в Петрово, и нарушение законодательства о культурах священником петровского собора Георгием Грицуком.

Второй вопрос, с которого решили начать как с более легкого, был, на взгляд Эльвиры Львовны, по своему в чем-то забавным. В соборе была одна старенькая прихожанка Пелагея Петровна, бывшая медсестра. Овдовела она уже давно, дочь и внуки с ней фактически не общались. Единственным развлечением

для нее было ходить на службы в собор. Во время пения определенных молитв всем народом Пелагея так усердствовала, что ее пронзительный, как бензопила, голос перекрывал все остальные. «Это еще что! – гордо говорила она. – А вот, помню, в войну была медсестрой в госпитале. Раненым там тоскливо, решала их развлечь немного – спеть несколько песен. Так даже некоторые умирающие приползали послушать, кто так орет!» Красоту пения она определяла по громкости и всегда заявляла: «Я не пою, я ору!».

По праздничным дням она поверх обычной одежды надевала белый халат, чтобы подчеркнуть, что она не какая-то там обычная прихожанка, а самая что ни на есть медсестра. Другим ее любимым развлечением, кроме пения, было проведение «катехизации» с прихожанами. Сама ничего о Православии не зная, она с непоколебимой уверенностью в своей правоте обучала основам веры всех новых людей, заходивших в храм. После такого «урока» многие второй раз и не приходили.

Но вот однажды Пелагея Петровна уговорила свою семидесятилетнюю соседку Валю повенчаться с ее семидесятипятилетним мужем Валерием. «Да ты что! Ведь раз вы не венчанные, то значит блудные!» – причитала она. «Какие мы блудные, нам уже за семьдесят!» – резонно возразил Валерий. «Блудные, – продолжала причитать Пелагея. – И детки ваши блудные, и внуки»... «А ты сама-то была ли венчана?» – спросил Валерий. «Я-то не была, у меня муж на фронте погиб, молодые были глупые. А вот теперь из-за этого дочь и внуки выросли, а со мной и видеться не хотят». «Но наши-то хотят!» – не уступал Валерий. «Так это пока!»

– Пелагея увидела, что ее убеждения не приносят желаемого результата, и решила зайти с другой стороны. «А вот повенчаются – ведь у вас наступит второй медовый месяц!». «Это как это?» – не поверила Валентина. «Правда-правда, вот увидишь, как Валера изменится!». Последний довод оказался самым убедительным. Несмотря на возражения Валерия, Валентина тут же начала договариваться с Пелагеей о том, как организовать венчание.

Повенчал стариков на дому отец Георгий Грицук за сто рублей, тридцать из которых он отдал Пелагее Петровне. Сделал он это тайно, даже венцы из собора не брал. Вместо них Пелагея смастерила два венка из сушеных лавровых листьев. Так и не узнал бы никто о самовольном венчании, если бы не Валентина, ожидания которой, что она вновь переживет медовый месяц, не оправдались. Семидесятипятилетний муж ее каким был, таким и остался. Она обвинила Пелагею в мошенничестве и написала жалобу в горисполком.

После двадцатиминутных дебатов Малькова с Карповым, которых по привычке никто не слушал, слово взяла Эльвира Львовна.

– Женщина, конечно, обманулась в своих ожиданиях, – с усмешкой сказала она. – Но так ей и надо! Не об этом должны быть мысли у советской женщины, тем более в семьдесят лет. Нас интересует другое: данный случай оттолкнул этих людей от религии. А они будут рассказывать об этом своим родственникам и знакомым. Поэтому считаю, что в данном случае священник Грицук и бывшая медсестра оказались более полезными для атеистической пропаганды, чем деся-

ток лекций. Благодарности, естественно, объявлять им не будем, но и наказывать их не стоит. Кто за?

Как обычно, возражать ей никто не стал. Одним голосом против (то ли Малькова, то ли Карпова) было решено отправить уполномоченному письмо, что комиссия вопрос рассмотрела и считает целесообразным оставить данное дело без последствий.

Но вот в другом вопросе – в отношении двадцати членов инициативной группы по открытию в городе Петрово второй церкви – места для снисходительности не было. Единодушными оказались даже Мальков с Карповым.

– Они посмели свою безумную просьбу направить самому товарищу Леониду Ильичу Брежневу! – патетически восклицал Мальков.

– Как будто не знают, что он как Генеральный секретарь ЦК КПСС стоит во главе всей атеистической работы в стране! – вторил Карпов.

Особенно возмутило всех, что из двадцати человек лишь шестнадцать были пенсионерами, а трое оказались работающими, а один – вообще молодой человек, студент.

– Совет по делам религий уже дал им отказ, – спокойно сказала Эльвира Львовна. – Наша же задача заключается в том, чтобы отбить желание писать подобные письма руководству партии и государства. Пенсионеров мы трогать не будем, чтобы никто не мог сказать о том, что у нас преследуют за религиозные убеждения. Ну, задержат им на недельку-другую пенсию пару раз под каким-нибудь благовидным предлогом, чтобы внимательнее смотрели, под чем подписываются. А вот с остальными нужно поступить жестче.

Совместно с уполномоченным и административными органами горисполком этот вопрос уже проработал. Студент будет исключен из института за пропаганду антиобщественных взглядов (а он вполне открыто говорит о своих религиозных воззрениях) и пойдет служить в стройбат. Может быть, через два года и поумнеет. Одному из работающих подошла очередь получать квартиру, так пусть подождет еще несколько лет. Двое других – колеблющиеся, их можно пока не наказывать, а переубеждать. Предлагаю прикрепить к ним в качестве их общественных воспитателей товарищей Малькова и Карпова. Соответствующие решения приняты, нашей комиссии необходимо лишь одобрить их закрытым протоколом. Есть ли у кого-то возражения?

Возражений не было, протокол одобрили единогласно.

Глава 3.

Митрополит Исайя сидел за столом в своем кабинете. До начала приема посетителей оставалось еще двадцать минут. Как всегда бывало, когда он оставался один, в голове его мелькали картины из прошлого.

Он родился на Украине в семье сельского священника в последнее десятилетие девятнадцатого века. Имя Исайи получил в монашеском постриге, а при рождении его называли Иваном. До революции 1917 года Иван успел закончить духовную семинарию и жениться. Революционные события и гражданская война перевернули все вверх дном и на Украине. В начале февраля 1918 года большевистскими солдатами был зло-

дейски убит митрополит Киевский и Галицкий Владимир. Повсеместно появлялись самопровозглашенные «правители» какого-нибудь села, «главнокомандующие» «армий» в тридцать-сорок бандитов... В церковной жизни все это проявилось в виде расколов и «автокефалий». Человеку, не знакомому с тонкостями канонического права, сложно было разобраться, какая же из церквей на Украине является действительно истинной. Но Иван, не будучи блестящим канонистом, как-то безошибочно почувствовал, что должен быть с теми, кто признает избранного Всероссийским Поместным Собором 1917-1918 годов Патриарха Московского и всея России Тихона. И свою верность Московской Патриархии он сохранял всегда, даже когда во время Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории и за такую верность мог быть казнен.

В тяжелые 1920-е годы, имея жену и двух малолетних детей, Иван принял мужественное решение стать священником. За свою жизнь он перенес много преследований от богоборческой власти, но не озлобился на нее. Более того: во время Великой Отечественной войны он помогал партизанам; из трех его сыновей двое были офицерами, один из них погиб на фронте. Третий сын трудился на оборонном предприятии, а после войны пошел по стопам отца и стал священником, несмотря на давление местных властей.

В 1942 году отец Иоанн овдовел и принял решение стать монахом. Когда же в 1943 году произошел перелом в государственно-церковных отношениях в СССР, потребовалось много новых кадров духовенства,

он был пострижен в монашество с именем Исая и рукоположен в сан епископа.

Во все годы своей жизни он все силы свои отдавал служению Церкви, помощи нуждающимся в ней людям, был патриотом своей Родины, хотя и сожалел о том, что власть в ней принадлежит богоборцам, которые рушат храмы, убивают и преследуют духовенство и мирян. Казалось бы, гонения его миновали. Но только казалось. В годы хрущевских гонений на Церковь он, как и некоторые другие архиереи, имел неосторожность сопротивляться массовому закрытию церквей. В результате в 1960 году архиепископ Исая был арестован по обвинению в сокрытии доходов и уклонении от уплаты налогов. Суд не смутило ни то, что подсудимый своей вины не признал, ни то, что он готов заплатить, если государство считает, что он что-то ему должен, ни почти семидесятилетний возраст обвиняемого, ни награды, полученные им за поддержку партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Это был один из показательных процессов, призванных устроить «распоясавшихся попов». Но особенно ранило владыку Исая то, что главным свидетелем обвинения был его ближайший помощник – секретарь епархиального управления протоиерей Петр Козлевич.

Ничуть не смущаясь, он один за другим приводил десятки «фактов», доказывающих виновность архиерея: там ему пятьдесят рублей дали, а он их не заприходовал, там он церковные деньги вопреки закону потратил на благотворительность и нигде не провел, тогда он налоговую декларацию заниженную подал. Не смутило Козлевича даже то, что архиепископ все-

гда к нему хорошо относился, поддерживал как мог. На вопрос судьи, почему же он молчал раньше, Козлевич ответил, что церковные структуры – особая среда, которая подавляет личность человека, нарушает у него правильное восприятие реальности. В результате ни Козлевич, ни епархиальный бухгалтер, которые в реальности и были виноваты в неправильном ведении документации архиепископа Исая, никак не пострадали, а вот архиерей расплатился за чужие грехи несколькими годами заключения. После освобождения он два года был без места, жил за счет помощи сыновей, которые не отвернулись от оклеветанного отца.

Но вот после отставки Хрущева начался процесс реабилитации осужденных в процессе новой борьбы с Церковью. После того, как владыка Исая был реабилитирован, его сразу назначили управляющим одной из украинских епархий, Патриарх даже возвел его в сан митрополита. Митрополит Исая воспрял было духом, но в управлении делами Московской Патриархии ему передали обязательное условие, при котором Совет по делам религий дал согласие на его возвращение в качество правящего архиерея. Он должен на новое место служения взять секретарём епархиального управления протоиерея Петра Козлевича.

Владыка вздохнул, но согласился. И вот уже десять лет, во всех трех епархиях, где он за это время служил, «иудушка» (как про себя называл его митрополит) Козлевич неизменно сопровождал его, вникал во все дела, не давал принимать самостоятельных решений и постоянно всем своим значительным видом давал понять, что за ним стоят Совет и КГБ, что митрополит – лишь декоративный управляющий епархи-

ей. В реальности же епархией правят советские властные структуры, рупором которых во внутрицерковной среде является именно он, Козлевич. Владыка был слишком стар и болен для борьбы, он старался больше молиться и меньше вникать во все творящиеся в епархии безобразия. Иногда ему удавалось помочь некоторым искренне верующим людям в их желании посвятить свою жизнь служению Церкви, часто сам его молитвенный и спокойный вид гасил некоторые конфликты. Его не трогали в большей степени потому, что у него не было сил для каких-то активных действий по развитию религиозной жизни.

... Воспоминания митрополита прервал вошедший в кабинет секретарь Петровского епархиального управления протоиерей Петр Козлевич. Это был необычайно важный, очень гневливый семидесятилетний мужчина среднего роста с коротко постриженными седыми волосами и небольшой бородкой. Как и всегда, когда он хотел подчеркнуть свою значимость, он был в рясе и камилавке, его бесцветные глаза недовольно щурились сквозь стекла очков в золоченой оправе. Под благословение к архиерею он подходил только во время богослужения, чтобы не вызывать ненужных вопросов у посторонних, а в обычной обстановке не считал нужным это делать. Впрочем, митрополит Исая и сам не горел желанием лишней раз благословлять того, кто его предал.

– Владыка, у нас сегодня два посетителя, – звучным низким голосом, не спеша, проговаривая каждое слово, начал протоиерей Петр. – Вернее сказать, две группы посетителей. Соборный настоятель архимандрит Анатолий привел кандидата на рукоположение.

Зовут его Александр, ему двадцать семь лет, в этом году закончил Московскую духовную академию. Кандидат богословия. Хотел бы служить на сельском приходе, но я полагаю, что нужно посвящать его для собора. Нужно переводить Георгия Грицука, он не вполне соответствует статусу соборного священника.

– Но ведь у него большая семья... – неопределенно промолвил архиерей. – Может, он еще образумится?

– Это ждать бесполезно. Я посмотрел его личное дело, все только ухудшается. С уполномоченным мы поговорили, он согласен зарегистрировать его вторым священником в одном из райцентров.

Козлевич замолчал, давая понять, что вопрос уже решен вне зависимости от того, какого мнения по этому поводу сам архиерей. Митрополит устало поднял глаза:

– Кто еще сегодня?

– Прихожане из села Шершово с жалобой на настоятеля.

– Чем же он им не угодил?

– Да вот проповеди не такие читает, как им хотелось бы. Говорит, что они грешные, а не каются, что детей и внуков не приучили кресты носить и молиться, в храм приходят как в клуб, только сплетни собирать, обличает в суевериях, на исповеди за тяжелые грехи епитимьи накладывает, постоянно напоминает о том, что земная жизнь преходящая, а впереди вечность.

– Но что же он неправильно говорит? – удивился архиерей. – Резковато, может быть, но ведь это правда.

– Правда – это то, что они жалобу не только к нам, но и в райисполком и уполномоченному написали. Но я созванивался по их вопросу, он для властей не принципиальный. Можете решать его сами, как хотите.

– Хорошо. Вы опять хотите быть на приеме мною посетителей?

– Первых да, вторые мне неинтересны. Мне сейчас нужно срочно подготовить ответ в Патриархию на то письмо, о котором я вчера говорил, поэтому начните с жалобщиков, а я потом подойду.

И протоиерей Петр Козлевич величаво вышел из кабинета. Митрополит с грустной усмешкой посмотрел ему вслед. Внешне он никак не боролся с окружающим его злом. Но он всегда молился. И его молитва, его внутренняя сосредоточенность и внешнее умиротворение гасили многие конфликты в епархии, заставляли людей задуматься о вечности и сделать попытку изменить свою жизнь. Для каждого он находил нужные именно этому человеку простые, но западающие в душу слова. После беседы с владыкой Исайей один раз даже Лев Александрович два часа плакал, а потом месяц не пил. Не действовало положительным образом общение с митрополитом только на Козлевица. У него каждый раз поднималось внутри раздражение, которое он срывал на попадавших к нему под руку людях, краснело лицо, прыгало давление. Поэтому, хотя он и имел твердое задание присутствовать *на всех приемах*, которые проводит архиерей, в реальности он бывал только на тех, про которые твердо знал, что они интересуют его хозяев, да и они ему с трудом давались.

...Жалобщиц из Шершово – трех шумных колхозниц пенсионного возраста – удалось успокоить на удивление легко. Владыка почти полчаса терпеливо их слушал. Лишь после этого он тихо заговорил, а они, не привыкшие к спокойному общению, удивленно замолчали. Митрополит не говорил ничего особенного. Посочувствовал в житейских бедах и трудностях, похвалил, что не забывают о Боге. И лишь после этого сказал, что священник их церкви желает своим прихожанам только добра, поэтому и напоминает о грехах. Ну, не хватает ему деликатности, быть может, но он ведь и служит в деревне. Архиерей напомнил и о том, что людям немолодым, таким как он и его хотя и более молодые, но уже далеко не юные посетительницы, следует думать о вечности почаще. Владыка не пугал их адом, он просто призвал жить в мире со своей совестью, относиться к другим, так как хотели бы, чтобы относились к ним, пытаться исправлять свои недостатки, а не фиксировать все внимание на чужих.

– А с настоятелем вашим я поговорю, – заключил он. – Обличать всегда легко, сложно быть таким примером для людей, чтобы сама твоя жизнь была проповедью.

Колхозницы немного растерялись. С ними почти никогда в жизни никто не разговаривал по-хорошему, и они не знали, как себя вести.

– Оно это, конечно, – неуверенно сказала самая бойкая из них. – Вы уж поговорите с ним, владыка. Оно и верно, он ведь сам деревенский, да и не учился нигде. А мы ждем, что он будет во всем хороший. А жаловаться больше не будем властям, тем более, по сути, неплохой он человек.

Архиерей удовлетворенно кивнул. Опершись рукой на стол, он встал со стула и благословил своих посетительниц, найдя для каждой какое-то доброе пожелание.

Не успела за ними закрыться дверь, как в кабинет вошел Козлевич.

– Быстро, – одобрительно заметил он. – Я думал, полдня просидят.

– Ну, вроде они успокоились, – заметил владыка.

– Это ваше дело, я уже говорил, – раздраженно сказал секретарь. – Кстати, по поводу других посетителей. Сейчас звонил уполномоченный, грозился Георгия Грицука вообще лишить регистрации.

– Что он еще натворил?

– Да вот угораздило его в год тридцатилетия Победы в Великой Отечественной войне сказать проповедь о грехе, который живет в каждом человеке. А грех он сравнил с Гитлером. Так и сказал: в каждом из вас живет Гитлер. Дальше пытался чего-то богословствовать, как всегда невпопад. А народу было много, больше половины – фронтовики или труженики тыла. Они оскорбились страшно, уполномоченному уже шесть человек позвонили.

– Но он вроде бы соглашался, чтобы мы перевели его вторым священником в райцентр? Все же семья у него большая, как его регистрации лишать, ведь он и делать ничего не умеет.

– Мог бы в цирке клоуном работать, – недовольно сказал протоиерей Петр. – Да уполномоченный у нас больно мягкий, жалеет кого ни попадя. Погрозил сначала, а потом тоже про райцентр вспомнил.

– А что про кандидата в собор он сказал?

– А что ему говорить? Биография чистая, духовное образование – прекрасное, светского фактически нет, дурных привычек не имеет. Я с ним все уже согласовал. Сейчас представлю вам его для порядка, чтобы Анатолий чего лишнего не думал, а потом пойдем ко мне документы оформлять.

– Ну, хорошо, приглашайте их, – устало кивнул архиерей.

Глава 4.

... Душу Александра, ожидавшего приема у митрополита, наполнял внутренний трепет. Родился Саша в одном из сел Петровской области. Он с детства мечтал стать священником, но такой мечте в советском обществе сложно было стать реальностью. В школе с него срывали нательный крестик, публично позорили. Когда пришла пора окончания школы, он попытался поступить в семинарию, но тут же пришла повестка из военкомата. На два года его отправили служить в стройбат – «королевские колониальные войска» – как позднее, уже после перестройки, шутил отец Александр между своими. В армии один солдат люто его возненавидел, стремился всячески унижить. А Александр никогда не отвечал злом на зло, даже когда появилась такая возможность. И ожесточенное сердце дрогнуло. Солдат примирился с Александром и признался, что даже строил планы, как его безнаказанно убить, а сейчас не понимает, что же им двигало. Жесткое давление оказывал один офицер, требовавший, что-

бы Александр отрекся от Бога. По его науськиванию «деды» не раз жестоко избивали «попа». Но Александр остался непреклонен и здесь, храня свою веру.

После армии он подал документы в духовную семинарию в Загорске. Но уполномоченный не хотел, чтобы мечта юноши осуществилась. Соответствующие рекомендации были даны в явной форме семинарскому начальству. И Александр «не прошел по конкурсу». И тогда он в отчаянии приехал в петровский собор, стал там горячо молиться перед иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость». На юношу обратил внимание архимандрит, а тогда еще игумен Анатолий. Он узнал, в чем дело, и решил помочь, но действовать нужно было очень осторожно и дипломатично. Вместе с Александром он поехал в Загорск, к инспектору духовных академии и семинарии архимандриту Модесту. Они попали на прием, где отец Анатолий попросил молодого человека выйти, а затем объяснил, что давно знает Александра как не вполне душевно здорового человека, склонного к религиозному фанатизму. «Если мы не возьмем его под свой жесткий контроль, то он может стать сектантом, а это хуже и для нас, и для государства и общества», – заключил он.

Архимандрит Модест задумался, затем позвонил уполномоченному по Московской области. Тот оказался на месте. Инспектор передал ему сведения, полученные от «его информатора из Петровской области, мнению которого можно доверять». Уполномоченный был в хорошем расположении духа:

ему только что дали премию в размере месячного оклада. «Ну, раз такой дурак, то лучше, правда, держать его под контролем. Берите его, а отчислите того, о ком мы неделю назад говорили, сомневались». Так решилась судьба Александра.

Учеба в семинарии была непростым делом: тяжелые условия жизни, неосмысленная зубрежка наизусть огромных текстов на церковно-славянском языке, а затем, в академии, еще и на греческом и латыни. Но после «королевских колониальных войск» Александру казалось, что он попал в рай. Учебу в духовных семинарии и академии он считал лучшим временем в свой жизни. Немного о системе духовного образования того времени.

Революция 1917 года нанесла тяжелейший удар по духовному образованию. Уже в декрете «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» говорилось: «Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается». Церковным и религиозным обществам запрещалось владеть собственностью, поэтому духовные школы, существовавшие на средства Святейшего Синода, практически теряли финансовую основу, а специальные богословские школы могли создаваться только заново, без предоставления им денежных средств и без права пользоваться учебными помещениями прежних

академий, семинарий и духовных училищ, которые подлежали конфискации. К концу 20-х гг. школьное богословское образование совершенно прекратилось на всей территории Советского Союза.

Возможность возрождения духовного образования появилась после 1943 года в связи с возникшими в СССР переменами в отношении государства к Церкви. Новая духовная школа началась в форме пастырско-богословских курсов и богословского института. Вскоре под руководством митрополита Ленинградского Григория (Чукова) был разработан план перехода на традиционную систему духовного образования. Предполагалось преобразовать богословский институт в духовную академию, а богословско-пастырские курсы в духовную семинарию. При этом академия по своим учебным планам, программам и продолжительности обучения должна была в целом повторить старую академию. В отличие от дореволюционной семинарии, соединявшей в себе общеобразовательную среднюю школу с богословско-пастырской, новая не ставила цели давать своим воспитанникам полное среднее образование. Обучение в духовной семинарии и академии было рассчитано на четыре года. 15 июля 1946 года пастырско-богословские курсы в Москве, Саратове, Ленинграде, Киеве, Львове, Одессе, Минске, Луцке и Ставрополе были преобразованы в духовные семина-

рии. 31 августа 1946 года Московские духовные школы были преобразованы в Московские Духовную академию и семинарию. В этом же году открылась Ленинградская Духовная академия.

Однако во время проведения антицерковных репрессий Н.С. Хрущевым в 1958-1964 гг. было проведено закрытие большинства духовных учебных заведений. К 1965 году у Русской Православной Церкви с ее 100-миллионной паствой осталось три семинарии: Московская, Ленинградская и Одесская, которую власти планировали закрыть в ближайшее время, и две духовных академии: Московская и Ленинградская. Уровень поступавших абитуриентов в основном был невысоким. Очень ярко вспоминает об этом Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «хорошо помню, что происходило в семинарии в 60-х годах, и меня не покидала тогда мысль, что программа, которая существовала в семинариях и академиях, была приспособлена к достаточно невысокому уровню абитуриентов, которые поступали в советскую семинарию. Известно, почему у студентов был невысокий уровень – потому что людям образованным, подготовленным вход в семинарию был закрыт. Я поступал еще в то время, когда лучшим пропуском в семинарию был диагноз «шизофрения». Если у вас шизофрения, вас могли без экзаменов взять, потому что никакие власти не со-

противлялись этому. А если у вас аттестат с золотой медалью или диплом о высшем образовании – это была уже совершенно другая ситуация, когда поступить в духовную школу было невозможно. Слава Богу, все равно были в семинариях и здоровые, разумные люди, однако общий уровень был невысоким».

С каждым годом в Церкви все острее стала ощущаться нехватка священнослужителей. Умикали последние представители дореволюционного духовенства. Архиепиеи были вынуждены рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных. К худшему изменилась ситуация и в уцелевших духовных школах. Не сумев до конца их ликвидировать, государство пошло по пути жесточайшего контроля над ними. Запрещалось издавать учебные пособия, преподавать общеобразовательные дисциплины (психологию, логику, историю философии, историю литературы), необходимые для усвоения богословия. Власти опасались всесторонне подготовленных священнослужителей.

Глубокую озабоченность вызывало состояние отечественной богословской науки. Не хватало высококвалифицированных профессиональных богословов, стоящих на высоте современных требований. Многие богословские диссертации и публикации были написаны на невысоком научном уровне. В

духовных учебных заведениях не было своих печатных научных изданий, проведение научных конференций было редким событием.

... Но вот годы учебы закончились. Александр защитил незамысловатую диссертацию на степень кандидата богословия, которая даже и называлась-то тогда «курсовой работой». За время учебы он зарекомендовал себя как спокойный, ответственный человек, всегда готовый помочь другому, беспрекословно слушавшийся начальство. Все чувствовали, что Александр глубоко верующий, но ничего показного, тем более «религиозного фанатизма» в нем не было. Поэтому ему предложили остаться для преподавательской работы. Но он отказался, так как душа его стремилась к реальному священническому служению. Поскольку рекомендацию Александр получил из Петровской епархии, то в распоряжение ее правящего архиерея он и был направлен. Архимандрит Анатолий все восемь лет обучения переписывался со своим подопечным. Узнав, что скоро он прибудет в епархию, архимандрит, как всегда дипломатичный, обратился к Козлевичу.

Того сложно было в чем-то убедить, но отец Анатолий и у него нашел нужную струнку. Козлевич был магистр богословия, всех остальных священнослужителей епархии называл не иначе, как «неучи», «недоумки», «тупицы» и «кретины». А Александр был уже кандидатом богословия. С одной стороны, не ровня епархиальному секретарю, а с другой – явно не тупица. «Отец Петр, Вы подумайте, зачем его

образование в деревне?» – завел разговор соборный настоятель. «Верно, это тебе, неучу, там место, – сразу ответил тот. – Только уполномоченный у нас больно добренький». И благодаря помощи архимандрита Анатолия судьба Александра второй раз была решена. Уполномоченный по рекомендации протоиерея Петра Козлевича дал разрешение на его рукоположение для служения в качестве священника петровского собора. И вот сейчас Александр вместе со своим покровителем ждал приема у митрополита. После договоренности уполномоченного с Козлевичем встреча была формальностью, но молодой кандидат богословия считал формальностью не ее, а все эти закулисные договоренности, о которых ему вкратце рассказал архимандрит Анатолий. Тот видел переживания своего духовного сына и постарался разрядить атмосферу.

– Ну, Саша, надеюсь, ты не передумал принять сан безбрачным? Ведь назад дороги не будет.

– Вы же знаете, что это мое искреннее решение. Я не смогу разрываться между церковью и семьей, мне на это просто здоровья не хватит.

– Тебе повезло, что наш уполномоченный такой спокойный человек, а отец Петр как-то не обратил внимания на то, что ты не женат. Ведь целибат – это почти тот же монах, а монахов они ненавидят больше, чем семейных священников. На тех есть дополнительные рычаги давления – через жену, детей.

– Тем более. Да и не было как-то у меня никогда подруги.

– Если к твоим-то годам не женился, то и не надо. Помню, я поступил в семинарию в Лавре по-

сле ее открытия. Со мной вместе поступил такой Вася, лет на десять старше меня, сейчас ему, наверное, уже больше шестидесяти. Так вот вся семинария над ним смеялась, когда он начинал расписывать, какая у него должна быть жена. Обязательно чтобы блондинка, глаза голубые, талия тонкая, черты лица красивые. Чтобы она и петь умела, и готовить, и хозяйство вести, чтобы любила его без памяти, во всем его слушалась... Чего-то он еще выдумывал, сейчас всего и не припомнить. Так вот закончил он семинарию, в академию поступил. Местные девчонки ему не нравились, так вот он везде ездил в поисках своей мечты. Приезжал, помню, и в Петрово. Я тогда еще только-только стал священником, тоже целибатом, как и ты, и так же, как ты, сразу был определен в собор. Меня всегда влекло к принятию монашеского пострига, но целибату стать монахом легче, чем просто мирскому человеку, ведь он все равно уже «пропащий». Так вот Василий, а ему уже лет тридцать пять было, приехал и ко мне: может здесь есть такая девушка, какую он ищет. А тогда, какое-то время после войны, власти сквозь пальцы на нас смотрели. Ходили в собор несколько девчонок. Я им предложил: познакомьтесь, может, выйдете замуж за будущего батюшку. Ну, а они, в принципе, все этого хотели. Познакомил их. Вася, хоть и сесть уже начал, но еще красивый тогда был. Сначала понравился, но как только начал описывать, какой должна быть его избранница... Петровские девчонки – фабричные, простые, они его так на смех подняли, что он тем же днем уехал и больше со мною не разговаривал с тех пор. Но вот

когда я ездил тебя встречать в академию, пока ждал, смотрю, в коридоре идет какой-то старичок с палочкой. Пригляделся, а это и есть Вася. Поздоровался. Теперь, конечно, уже Василий Иванович, доцент Московской духовной академии. Спрашиваю: «Ну как, Василий Иванович, у вас жизнь? Конечно же, вы семейный человек, ведь вы всегда к этому так стремились». Представляешь, что он ответил? «Нет, – говорит, – так все в поиске». Даже магистерскую диссертацию не смог написать, все у него блондинка с голубыми глазами греческие буквы собой заслоняла. И ведь что обидно: талантливый человек, а такому пошлomu и пустому мечтанию посвятил свою жизнь.

– Но вы же знаете, что у меня нет таких мыслей.

– Знаю, потому и рассказываю, что бывает с теми, у кого они есть, чтобы не жалел о том, чего не знаешь.

Их разговор прервал протоиерей Петр Козлевич.

– Заходите к владыке, – резко сказал он. – Сейчас он вас благословит, поговорит минут пять, а потом пойдем оформлять документы. А ты, – обратился он к отцу Анатолию, – можешь идти. Как все оформим, ставленник к тебе в собор сам подойдет. А лишний раз больного архиерея отвлекать нечего твоими пустыми разговорами.

Архимандрит Анатолий внутренне напрягся, как это каждый раз бывало при разговорах с Козлевым. Когда-то это, наверное, может прорваться.

Но сейчас он смиренно встал и молча вышел из здания епархиального управления.

– А ты чего глазами хлопаешь? – набросился секретарь и на Александра. – Пошли скорее, будто у меня кроме тебя и дел нет!

К неудовольствию Козлевича, архиерей проговорил с Александром почти час. Ничего конкретного, потому что тут же сидел и секретарь. Просто лишний раз напоминал о пастырской ответственности, цитировал по памяти слова апостола Павла по этому вопросу. Протоиерей Петр аж побагровел от всех этих разговоров, но на митрополита он кричать все же не смел: чувствовал свою вину перед ним. И лишь в конце сказал, что состояние здоровья должно ему позволить совершить рукоположение в сан диакона в ближайшее воскресенье, а в сан священника в следующее.

Глава 5.

Что же представлял собой протоиерей Петр Козлевич? Он родился на Украине в самом начале двадцатого века в простой крестьянской семье. От революции и последовавшей за ней гражданской войны, мальчишкой, он решил бежать в Польшу. И нужно сказать, что ему повезло. Он сумел не просто выжить, а закончить богословский факультет варшавского университета и защитить диссертацию на соискание степени магистра богословия.

В католической Польше к нему относились с предубеждением как к уроженцу Украины, однако

по своим убеждениям он остался православным. Но и в Советском Союзе оказаться Петр боялся. Надо же было такому случиться, что он принял сан православного священника и оказался в Прибалтике как раз накануне ввода туда советских войск.

Сотрудниками НКВД перед ним был поставлен выбор: либо он работает на них, либо будут казнены не только он, но еще и его жена и сын. Он решил подчиниться и на новых хозяев работал честно. По их заданию, рискуя жизнью, добывал необходимую информацию в годы Второй мировой войны. После ее окончания был переведен в Россию. Семья его осталась цела. По рекомендации недавно созданного Совета по делам РПЦ, Патриархом Алексием ^{II} отец Петр был возведен в сан протоиерея и награжден митрой – одной из высших наград для священника. Тогда же он был прикреплен НКВД в качестве наблюдателя к недавно рукоположенному епископу Исаею. Он сопровождал его при всех переводах, неизменно занимая должности секретаря епархиального управления и соборного священника.

Поскольку образование, полученное в буржуазной Польше, на то время в Русской Православной Церкви не признавалось, протоиерей Петр в конце пятидесятих годов экстерном сдал экзамены за курс Московской духовной академии и защитил работы сначала на степень кандидата, а затем и магистра богословия. Последнее составляло его особую гордость, так как магистров богословия были единицы. Впрочем, защита его прошла не без поддержки, мягко говоря, светских структур.

Необходимо для ясности рассмотреть вопрос о порядке присуждения ученых степеней в Православной Церкви рассматриваемого периода. Все выпускники Духовной Академии обязаны были писать курсовые сочинения. Назначались два рецензента, которые свои отзывы читали на высшем заседании Ученого Совета. Если они находили работу хорошей, то рекомендовали Совету присвоить выпускнику первую ученую степень кандидата богословия. На защиту выпускник вызывался только в том случае, если у членов Совета возникали какие-либо сомнения. Но это было очень редко. Как правило, присуждали ученую степень или возвращали работу по решению Совета без вызова выпускника.

Магистерская работа являлась уже достаточно объемным трудом; порой состояла из нескольких томов, но не всегда ее научное качество соответствовало объему. Защита была открытой, назначались два оппонента. Магистр богословия мог получить ученое звание профессора.

Что касается защиты докторских диссертаций, то заслуженный профессор Московской Духовной Академии К. Е. Скурат, защитивший ее в 1978 году, так вспоминал об этом: «В отношении защиты докторской диссертации следует отметить, что в те годы в Московской Духовной Академии существовала практика присваивать степень доктора только на основании отзывов офи-

циальных оппонентов и в результате дискуссии между членами Ученого Совета – без вызова на защиту соискателя. Защита могла проводиться только по желанию диссертанта».

Таким образом, практика присуждения ученых степеней в духовных учебных заведениях существенно расходилась с принятой в государственной системе образования.

Нужно отметить, что многие из священнослужителей, заканчивавших духовные академии и получавших ученые богословские степени, считали, что превосходят имеющих аналогичное советское государственное образование или, по крайней мере, не уступают им.

Протоиерей Николай Винокуров вспоминал: «Внешние, я бы сказал, к нам хорошо относились. Они говорили: «Вот у вас труднее учиться, чем в светском вузе». Протоиерей Алексей Тумин писал об этом так: «отношение к академистам было лояльное и, можно сказать, почтительное. И в церковном и в светском мире академическое образование считалось высшим».

В то же время государственные чиновники были иного мнения. Так, например, бывший заместитель председателя Совета по делам религий при СМ СССР Г.А. Михайлов в своих воспоминаниях о скончавшемся в 2001 году протоиерее Николае Винокурове (получил степень кандидата богословия в 1969 году)

пишет: «Сегодня принимают священнический сан молодые люди, подчас всесторонне образованные, за плечами у иных светские вузы, а то и аспирантура. В сравнении с ними, казалось бы, меркнет образ отца Николая, имевшего лишь степень кандидата богословия». И это притом, что в своих воспоминаниях Генрих Александрович ставит задачу писать об отце Николае и всем, что с ним связано, только хорошее.

Впрочем, достаточно невысокую оценку давали ученым работам, защищенным в духовных академиях в советское время и даже в постсоветский период, и некоторые из их преподавателей. Так иеромонах (в настоящее время митрополит) Иларион (Алфеев) в 1997 году писал: «Диссертации – как магистерская, так и докторская – должны оцениваться из качества, а не из количества страниц. В наших духовных академиях иногда представляют на соискание магистерской степени восьмитомный труд, посвященный богословию какого-нибудь автора, – при этом первые четыре тома составляют пересказ основных сочинений этого автора, а последние четыре – «симфонию» по его трудам (тот же материал, только организованный тематически). Научное значение такой диссертации, по сути, равно нулю, но труд в нее вложен немалый. Оппоненту тоже не так легко найти время, что бы прочитать восемь томов; в результате в некоторых духовных академиях

магистранты допускаются до своей защиты по несколько лет». Лишь после 2000 года ситуация начала изменяться в лучшую сторону; требования к церковным диссертациям стали приближаться к предъявляемым ВАК РФ.

Протоиерей Петр был по-своему привязан к епископу Исайе. Задание сфабриковать документы и свидетельствовать против архиерея на заказном суде он выполнил с тяжелым сердцем. После этого и появились у него раздражительность и проблемы с давлением. Тем более, что для него лично время нахождения епископа не у дел ничего хорошего не принесло. Хозяева рассудили, что Исайя еще может выйти, а пока товарищ Козлевич пусть отдохнет. И он «отдыхал» эти годы на уязвлявшей его самолюбие должности рядового соборного священника. Материально он и его жена были обеспечены хорошо, была возможность даже помогать взрослому сыну и его семье. Но ему, чувствовавшему за спиной поддержку Совета и спецслужб, в силу этого привыкшему к беспрекословному подчинению всех священнослужителей, тяжело было оказаться на несколько лет одним из таких вот простых священников. Ведь его работой было отслеживать жизнь каждого из них, о малейшем проступке сообщая в соответствующие инстанции. Его боялись, его сторонились, как и раньше, только вот ненависть скрывать стали хуже.

Когда епископ Исайя был освобожден и стал митрополитом, Козлевич приободрился. Но радо-

сти от того, что вновь стал секретарем, не получил, о чем выше уже говорилось.

Уместно здесь вспомнить и еще об одном «помощнике» митрополита Исайи, которым был так доволен полковник Петров. Это был протоиерей Юрий, также неизменно сопровождавший архиерея. Для объективного контроля за архиереем и духовенством требовались два человека, каждый из которых следил бы за тем, насколько другой хорошо выполняет свои обязанности. Его биография была менее богатой. Он был примерно ровесником протоиерея Петра. Помешанные на истории родители при рождении назвали его Юлием в честь Цезаря. Юлий с детства обладал прекрасным голосом и музыкальным слухом. Уже к восемнадцати годам у него сформировался достаточно густой бас. В годы НЭПа, погнавшись за легкими деньгами, молодой человек принял сан диакона для служения в одной из московских церквей. При первой же перемене в политике он перешел на работу артиста филармонии, сменил имя Юлий на более приличествующее мужчине Юрий. В Великой Отечественной войне он участвовал в качестве солиста ездившей по фронтам агитбригады. Получил несколько медалей. После войны был вызван в НКВД. Там ему объяснили, что он может быть более полезен государству не в качестве артиста, а если вернется к службе диакона. Можно отказаться, но ведь нужно и о семье подумать, да и о себе самом. Так он стал протоиереем епископа Исайи с тем же кругом обязательств перед государством, что и протоиерей Петр, но меньшими полномочиями. Можно добавить в качестве казуса,

что полковник Петров, который вечно все раскапывал, при знакомстве сказал протодиакону Юрию: «А я ведь знаю, что раньше вы были Юлием. Отчего же мужчине дали такое имя?»

– В честь Гая Юлия Цезаря, родители историю очень любили, особенно античную, – нехотя ответил протодиакон.

– Ну, на Цезаря вы при всем уважении не тянете. Да и на гая не похожи, все же вам уже около семидесяти лет. Вот у нас начальник одно время работал резидентом в Западной Европе, так там, говорит, этих гаев пруд пруди, даже старых. Хотя если бы были похожи... советское законодательство, знаете ли, беспощадно к подобным элементам!

– Вы надо мною издеваетесь, что ли? – вскинулся старик. Он не понял, что имел в виду полковник, но безошибочно определил, что что-то очень гадкое.

– Нет, я просто пошутил. Пожалуй, для удобства я даже запишу вас в свой агентурный список под именем «цезарь». Нужно же вас чем-то поощрить за многолетний добросовестный труд.

Наверное, не нужно говорить, что именно протодиакон Юрий был тем бухгалтером, который давал показания на стороне обвинения вместе с протоиереем Петром Козлевичем во время суда над митрополитом Исайей.

Глава 6.

Уполномоченный Совета по делам религий по Петровской области Евгений Алексеевич Иванов отличался от своего предшественника Тимофея Ивановича Николаева как небо от земли. Николаев был грубым, неотесанным мужиком, большим любителем выпить, ни во что глубоко не вникающим. Его работа сводилась к тому, чтобы вести себя с верующими по возможности по-барски, но так, чтобы при этом не получить взысканий ни от местных властей, ни от Совета.

Евгений Алексеевич был человеком совсем другого склада. Он имел религиозное образование, был кандидатом наук, работал доцентом на кафедре марксистско-ленинской философии в Петровском пединституте. Стать уполномоченным его заставил скорее научный интерес. Тема докторской диссертации, над которой он трудился, была связана с изменением мировоззрения верующих в условиях развития социальных отношений в обществе. Поэтому он с радостью согласился с предложением работать практически на данном участке.

Уже с первых шагов его многое разочаровало. Евгений Алексеевич был очень начитанным человеком, кроме того, до работы в институте он пять лет проработал директором сельской школы, где судьбы учеников и их семей были перед ним как раскрытые книги. Поэтому он и теоретически, и практически хорошо разбирался в хитросплетениях человеческих отношений, в сложном процессе становления человеческой личности. Положения своей

будущей диссертации он не строил на том, что с развитием социализма все религиозные пережитки отомрут сами собой. Уполномоченный знал еще по опыту работы в сельской школе, что именно религиозные пережитки бурной порослью растут там, где умирает подлинная религиозность. Из опыта работы в институте он знал, что образование также не является панацеей преодоления предрассудков. Например, заведующий кафедрой философии, где он преподавал, верил снам с четверга на пятницу, еще один профессор был готов пройти две лишних улицы, если дорогу ему перебежала черная кошка. И при этом они были глубокими знатоками марксистской теории, убежденными коммунистами.

Евгений Алексеевич был идеалистом. Еще с детства он зачитывался романами Александра Романовича Беляева, знаменитого советского писателя-фантаста. А. Р. Беляев родился в 1884 году. Александр был мечтателем, для которого не существовало невозможного. Любимыми его книгами были романы Жюль Верна. В 1901 году Беляев закончил духовную семинарию, но еще тогда, как и многие его соученики, потерял веру. Это был человек огромных талантов, громадной жажды жизни. Евгения Иванова очень впечатлила его судьба. Работа ради куска хлеба сопровождалась постоянным внутренним поиском. От случайных заработков Александр Беляев накопил денег, чтобы провести несколько месяцев в Европе, своими глазами увидеть то, о чем он читал в книгах. Жизнь его была полна тяжелейших испытаний, непосильных для обычного человека. Что стоило только то, что писатель шесть

лет был болен костным туберкулезом, из них три года пролежал недвижимым в гипсе, но не сломался. Будучи столь тяжело болен, писатель изучал иностранные языки, интересовался медициной, историей, биологией, техникой, много читал.

Любовь к жизни позволила на время преодолеть болезнь. Александр Романович не просто стал ходить, но и, постоянно находясь в специальном корсете, смог работать. В двадцатые годы мать Беляева стала жертвой голода, он сам голодал. Но ничто не могло остановить писателя, всю свою жизнь подчинившего творчеству. Беляев верил в безграничные возможности человеческого разума, мечтал все достижения науки подчинить интересам людей. Умер он от голода, неизлечимо больным, в оккупированном фашистами Пушкине под Ленинградом. Но никакие самые ужасные испытания не смогли поколебать его атеистических убеждений, веру писателя во всемогущество человеческого разума.

Вот таким и представлялся настоящий атеист в идеалистических фантазиях Евгения Алексеевича. А на деле ему пришлось столкнуться с суеверными профессорами-философами, беспринципными чиновниками типа Эльвиры Львовны Свиначенко и полковника Петрова. И в то же время среди верующих он увидел много совсем других людей. Ему глубоко импонировал настоятель петровского собора архимандрит Анатолий, а перед митрополитом Исией, уполномоченный испытывал чувство, похожее на благоговение. Конечно, митрополит не перенес таких жутких мучений, как любимый Ивановым писатель; конечно, он не отстаивал так явно и пуб-

лично свои идеалы, по крайней мере, насколько это видел уполномоченный. Но архиерей был человеком безусловно цельным, безраздельно верящим в то, что ему дорого и не жалеющим для отстаивания этого ничего в жизни. Евгений Алексеевич часто ловил себя на мысли, что он не выдержал бы судьбы, которая досталась митрополиту. Тем более управляющий епархией при их редких встречах (обычно все решал Козлевич) был всегда настолько добр, столько любви к людям было в его исстрадавшихся глазах, что уполномоченному становилось не по себе. Он словно возвращался в детство, когда его, совсем маленького, бабушка тайком от родителей водила его причащать в деревенскую церковь.

Поэтому так неприятно было ему слушать бессмысленные по своей сути (так как они все равно ничего не меняли) разговоры полковника Петрова о необходимости сменить «неблагонадежного» архиерея. А уж подлинное отвращение ему внушали протоиерей Петр и протодиакон Юрий. Да, они проводили ту генеральную линию, которую все советские работники должны были проводить, но как люди были неприятны.

...Неожиданно резко зазвонил телефон. Уполномоченный снял трубку.

– Иванов, слушаю.

– Евгений Алексеевич, это Мальков Иван Петрович, из городской комиссии.

– А, Иван Петрович, – устало протянул уполномоченный. Лектор общества «Знание» из городской комиссии по контролю за соблюдением советского законодательства о культурах Мальков был од-

ним из тех, кого Иванов считал клинически больными людьми и терпеть не мог с ними говорить. Поэтому он так же устало продолжил: – Ну что там у вас опять стряслось?

– Чрезвычайное происшествие, Евгений Алексеевич. Пришел я в эту субботу вечером в собор, там шла служба. Я частенько хожу: записываю, не говорят ли в проповедях или частных беседах какой-нибудь антисоветчины. Так вот служба была длинная, наверное, специально хотели, чтобы я до конца не достоял, чтобы потом свободно поговорить о чем угодно. Но я-то терпеливый! И вот затянул там хор такую длинную песню с завываниями про вавилонские реки. А в конце там все без конца повторялось: «блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень». И много так раз. Меня заинтересовало, что под этим подразумевается. Подошел я к священнику Георгию Грицуку и спрашиваю об этом. А он говорит: «Это значит, что вавилонские дети такие поганные, что тот, кто их возьмет и расшибет о камень, будет блаженным».

– Он же вас знает, еще за Гитлера обещал, дословно, «всю рожу разбить», чего же он с вами разговаривает? – развеселился уполномоченный, а про себя подумал: «И правда, разбил бы кто-нибудь тебя о камень».

– Это откуда у вас такие сведения? – испугался Мальков.

– От вашего коллеги по комиссии Карпова.

– А, – сразу успокоился тот, – это просто злопыхательство, он завидует, что не сам про Гитлера услышал.

– Не знаю – не знаю.

– Ну так к делу. Я же сразу себе отметил: как такое утверждение соотносится с гуманным отношением к детям вообще, с нашей политикой на Ближнем Востоке, с палестино-израильским конфликтом? Какой прекрасный материал для выступления на комиссии и для антирелигиозной лекции в обществе «Знание»! И тут, как назло, влез этот настоятель архимандрит Анатолий. Услышал нас и говорит: «Что же вы, отец Георгий, не дело человеку говорите!»

– Как же он объяснил? – продолжал веселиться уполномоченный, знавший несложное обычное толкование.

– Ну, скучно объяснил. Что Вавилон – символ греха, его дети – отдельные грехи. Блаженный – тот, кто сможет их в себе истребить.

– Но вы не волнуйтесь так, Иван Петрович. Священник Георгий Грищук будет переведен в один из райцентров, даже не настоятелем.

– А кого же мы будем обсуждать на комиссии? На чьих проповедях и частных беседах я буду строить свои антирелигиозные лекции? – испугался Мальков.

– Раньше надо было думать, меньше бы жаловались. Обсудите помощника старосты собора Льва Александровича – он недавно перепутал вестибюль горисполкома с городским туалетом и даже административный штраф получил десять рублей.

– Ну да, его обсудишь... Ведь у него дочь и есть председатель нашей комиссии... И деньги на штраф он у нее взял... Да потом, он ведь и не священник

вовсе... – совсем поскущел лектор общества «Знание».

– Ну, ничем больше вам помочь не могу. А сейчас, простите, я больше говорить не могу, у меня много дел, – и уполномоченный положил трубку.

Но телефон снова зазвонил. На этот раз звонила сама товарищ Свиноаренко. Как это нередко бывало, разговаривая она что-то жевала, отчего голос у нее получался какой-то хрюкающий. Эльвира Львовна была молодой женщиной, руководящим советским работником, поэтому изо всех сил старалась вести себя интеллигентно. Но она была дочерью своего отца.

– Евгений Алексеевич, – прохрюкала она, усиленно что-то дожевывая. – Нам нужно встретиться.

– Приезжайте, Эльвира Львовна.

– Но вы знаете... Может, вы приедете в горисполком? – уже нормальным голосом спросила она.

Иванов понял, что имела в виду Свиноаренко. По ее мнению, в иерархии советских исполнительных работников уполномоченный стоял ниже, чем секретарь горисполкома областного центра. Так ли это на самом деле, Евгений Алексеевич не знал, да ему и наплевать было на все эти условности. Он нисколько не терялся ни перед председателем облисполкома, ни перед первым секретарем обкома, к немалому их удивлению. И точно так же никогда не позволял себе намекнуть на какое-то свое превосходство тем, кто зависел от него. Кстати, Эльвира была его бывшей дипломницей.

– Ну, хорошо, когда мне подъехать? – спросил Иванов.

– Если можно, сейчас.

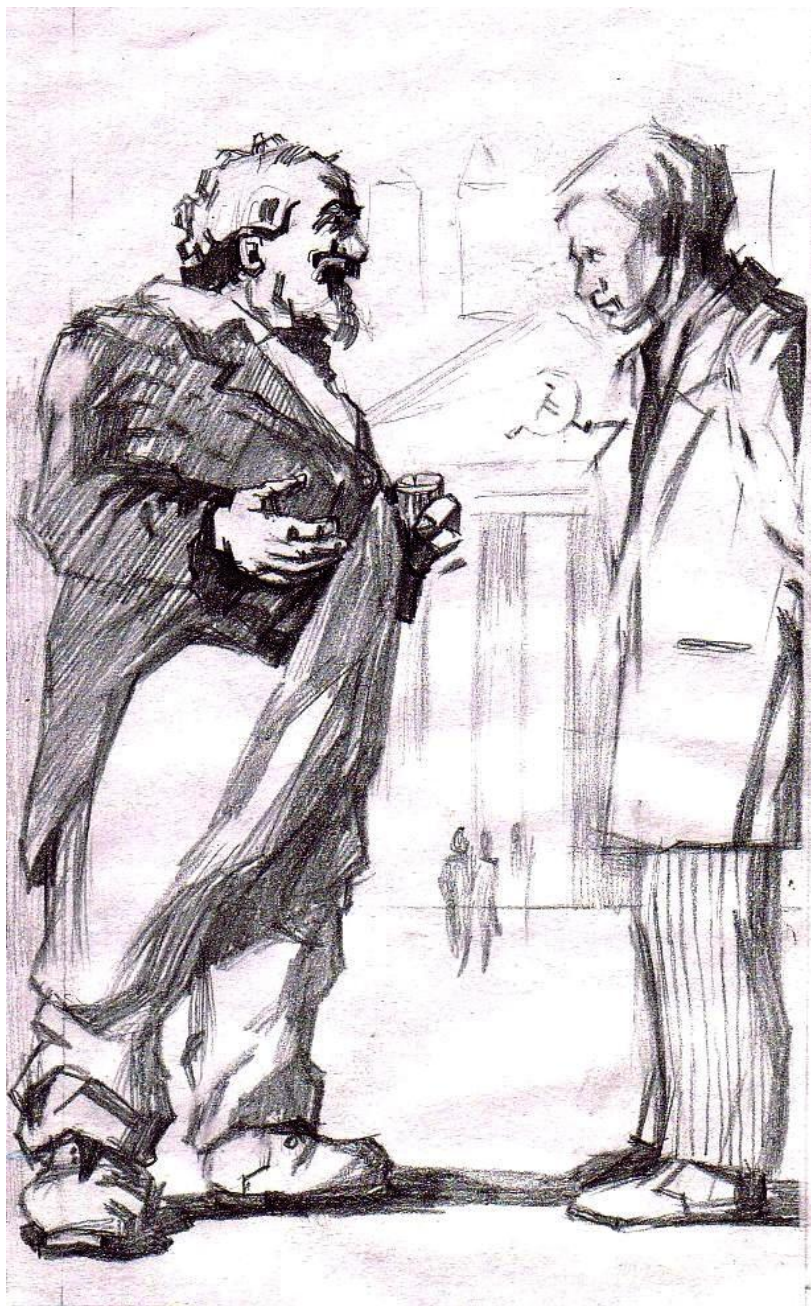
Горисполком был в пятнадцати минутах ходьбы, и уполномоченный решил прогуляться. Шагах в двадцати от горисполкома он увидел какого-то пьяного монстра, потного, красного и вонючего, который остановился, не в силах дальше идти. Особую трагикомичность зрелищу придавало то, что этот человек был облачен во фрак, наподобие тех, какие носили до революции. Казалось, что он вот-вот умрет. Это был Лев Александрович, который после утреннего происшествия отправился в собор, чтобы взять денег, но заблудился, а сейчас не имел сил передвигаться. Уполномоченный пожалел его и подошел.

– Сильно плохо? – участливо спросил он.

– Ты ... кто? – задыхаясь, спросил помощник старосты.

Лечение в данном случае могло быть только одним. Спиртное тогда не было таким уж свободно доступным товаром. Магазинов было мало, нужно было выстоять еще очередь. Да и стеснялся Иванов покупать спиртное. Но у него в портфеле была бутылочка со ста граммами медицинского спирта, который ему по его просьбе принесли из больницы и которым он собирался оттереть оргстекло на столе. «Придется пожить еще с грязным стеклом», – с грустью подумал уполномоченный. Он подошел к вахтерше горисполкома, которая прекрасно знала и его, и Льва Александровича и сейчас с интересом за ними наблюдала из окна.

– Как бы не умер, – сказал Евгений Алексеевич, подходя к ней.

– Да что с ним случится! – махнула рукой старушка. – Неужели такому аспиду еще «скорую» вызывать?

– Да нет, «скорая» не успеет. Дайте полстакана воды.

Удивленная вахтерша взяла грязный граненый стакан и налила его наполовину водой из массивного графина с разбитой крышкой.

– Неужели вода такому может помочь?

– Нет, конечно. У меня здесь есть лекарство на спирту, – на ходу придумал уполномоченный. – Обычно пьют по столовой ложке, но я ему вылью весь пузырек.

– Ну, если на спирту, то, конечно, поможет. У него же портвейн вместо крови, наверное.

Уполномоченный не без жалости вылил спирт в стакан и подошел к помощнику старосты. Кажется, что у того вскоре начнутся судороги.

– Пей! – властно приказал Иванов.

Лев сделал сначала маленький глоточек с большим трудом, потом побольше и легче, а затем залпом выпил весь стакан. Через несколько минут лицо его прояснилось и приняло осмысленный вид, а сам он стал похож на нормального человека, только очень уж потного и вонючего.

– Евгений Алексеевич, да вы мне жизнь спасли! – воскликнул он.

– Вам надо лечиться, – для очистки совести сказал уполномоченный, хотя твердо знал, что в данном случае лечение бесполезно. Но он ведь много лет был учителем и поэтому часто говорил неко-

торые вещи просто так, чтобы не чувствовать себя виноватым, что не сказал.

– Да не поможет, – обреченно махнул рукой Лев. – Чего я только не пробовал! Единственное, что помогло – взял благословение у владыки Исаяи, и два месяца не пил.

Иванов вздрогнул. Еще одно свидетельство огромных внутренних духовных сил архиерея, исходившее от такого малорелигиозного лица, глубоко впечатлило его.

– А как я здесь оказался? – озирался Лев Александрович. Тут он увидел горисполком и понял: – А, к доче шел!

– Не думаю, что ваше появление ее восхитило бы. Вам вообще-то куда нужно было?

– В собор.

– Вас, конечно, там видели и не таким. Но я бы посоветовал сходить домой, вымыться и надеть что-то менее вызывающее, чем фрак.

– Нельзя, – глубокомысленно сказал Лев.

– Почему? – искренне удивился уполномоченный.

– А они тогда не поймут, что у меня дома пора порядок наводить, а уже пора. Ну ладно, благодарству, Евгений Алексеевич, я ваш должник.

И помощник старосты направился в сторону собора, а Иванов, наконец, смог войти в горисполком. Стакан вахтерша выкинула.

Глава 7.

Здание Петровского горисполкома было двухэтажным особняком дореволюционной постройки. Когда-то оно, наверное, было красивым. Но во время борьбы против архитектурных излишеств с него посшибали все вензеля, колонночки, скульптуры, которыми богатые купцы до революции любили украшать свои дома, и в довершение всего покрасили в отвратительный коричневый цвет. В таком виде здание стало полностью соответствовать своим внешним видом своему содержимому – месту нахождения руководства исполнительного комитета Петровского городского совета депутатов трудящихся.

Кабинет секретаря горисполкома находился на втором этаже. По своему положению это должностное лицо было немного ниже заместителя председателя райисполкома, но, наверное, все же выше, чем областной уполномоченный Совета по делам религий.

Секретарь горисполкома Эльвира Свиноаренко была молодой невысокой тучной женщиной с вытравленными перекисью водорода жидкими волосами. Когда Иванов вошел к ней в кабинет, то она, тяжело отдуваясь, встала из-за стола, сделала несколько шагов ему навстречу своими короткими ногами и пожала ему руку. Ладонь ее была отекая и мягкая, как подушка.

– Что-то вы долго, Евгений Алексеевич, – недовольно сказала она.

– Так вот папу вашего пришлось в порядок приводить прямо перед дверями горисполкома, – спокойно ответил уполномоченный.

Важность сползла с лица товарища Свиначенко и сменилась неподдельным ужасом. Она как-то сразу забыла, что хотела строить разговор строго и по-марксистски бескомпромиссно.

– Что? Отец здесь? Надеюсь, он не за дверью?

– Вы его недооцениваете, Эльвира Львовна. Когда такой важный человек, да еще *во фраке*, ждет чего-либо за дверью!

– Во фраке? Но сейчас же зима, на улице плюс два. И он без пальто?

– Нет, только во фраке, но когда я приводил его в чувство, ему было так жарко, что с него тек пот.

– Где же он сейчас?

– Пошел к себе на работу.

– Какая у него может быть работа? – искренне удивилась Эльвира.

– В собор.

– Ах, *это...* – секретарь горисполкома сразу успокоилась, к ней начала возвращаться уверенность. – Тогда мы можем перейти к той проблеме, которая вынудила меня просить вас придти. Евгений Алексеевич, почему вы считаете возможным проводить действия, противоречащие решениям нашей городской комиссии?

– О чем это вы?

– Я имею в виду вопрос с открытием второго храма в Петрово.

– Не вижу здесь противоречия. Я дал отрицательное заключение, Совет меня поддержал, заявителям дан официальный отказ.

– Вы на самом деле не понимаете? Речь идет о мерах, которые предполагалось принять к двум из заявителей.

– А я здесь при чем?

– Когда вам позвонили из пединститута, вы сказали, что не нужно отчислять этого студента, ... как его там...

– Я понял, о ком речь. Конечно, не нужно отчислять. Я его вызвал, объяснил, чтобы он своей религиозностью не бравировал, неизвестно еще пока, что это – подлинная вера или юношеское стремление плыть против течения. Я говорил с деканом, молодой человек учится на «четверки» и «пятерки», дисциплину не нарушает, других оснований для отчисления нет. Парень обещал вести себя аккуратнее.

– Другими словами, вы предложили ему затаиться и втихаря вредить советской власти? – маленькие глазенки Свиначенко налились кровью.

– Только не нужно пафоса, Эльвира. Никому он не вредит. Если на него не обращать внимания, то он, может быть, через год-другой и в церковь ходить не будет. А так – будет гнаться за ореолом страдальца за веру.

– Вы думаете? – уже намного тише и растерянно спросила секретарь горисполкома. Она всегда терялась перед своим бывшим преподавателем – таким спокойным, неизменно уверенным в своей правоте, стремящимся отстаивать высшие ценности.

– Не думаю, а знаю. Что еще не так?

– А зачем вы написали мне письмо, что считаете нецелесообразным откладывать выдачу ордера на новую квартиру этому..., ну как его там?

– Я понял, о ком речь. Мы живем не при Хрущеве, наши методы должны быть качественно иными. Даже и тогда не одобрялось подобное администрирование, а уж сейчас – тем более. Впрочем, данный вопрос уже исключительно в компетенции горисполкома.

– Зачем же вы направили копию в облисполком?

– Чтобы в случае разбирательства была очевидна моя позиция.

Эльвира Львовна окончательно растерялась. Мысль о разбирательстве вышестоящими органами, какой бы маловероятной ни была, немного ее напугала.

– Так как же нам поступить?

– Это ваше дело, я свое мнение высказал.

Уполномоченный немного насмешливо посмотрел на не знавшую, чего еще сказать, секретаря горисполкома и спросил:

– Все у вас? А то у меня много работы.

– Да, спасибо, Евгений Алексеевич.

Только когда дверь за Ивановым закрылась, Свиноаренко поняла, что забыла предложить присесть, и все время разговора они стояли.

«Ну, хорошо, – подумала Эльвира. – Он меня убедил, репрессивные меры могут быть не только не полезны, но и вредны. Но через прессу их все-таки пропесочить надо». И она набрала телефон редактора областной партийной газеты.

Антицерковные репрессии, проводимые по инициативе Н.С. Хрущева в 1959-1964 гг., сопровождались и усилением атеистической пропаганды.

ды. В целом в несколько смягченном виде ее формы и методы сохранились до конца 1980-х годов. Она носила как идеологический, так и формальный, а еще чаще – примитивный характер. Вводилось преподавание научного атеизма в высших учебных заведениях, создавались курсы для будущих лекторов научного атеизма. Принимались резолюции партийных и комсомольских конференций и собраний. На публикациях партийных и комсомольских газет можно проследить основные тенденции атеистической пропаганды данного временного периода. Это и требования к индивидуальной «работе» с верующими, а в реальности – жесткому психологическому и административному давлению, в результате которого многие «отказывались» от своих взглядов.

Это и представление верующих людьми «второго сорта», заявления о том, что верующая мать наносит непоправимый вред своим детям, разжигание вражды и непонимания между родителями и детьми на почве отношения к религии. Это и активное выискивание различного рода негатива в деятельности религиозных организаций, причем основной упор делался на недостойное поведение священнослужителей и прихожан, а еще в большей степени – на их заинтересованность получать «большие деньги» за то, что они «ничего не делают».

Шло также создание ажиотажа вокруг, возможно, и действительно нездоровых мистических проявлений религиозной жизни некоторых психически больных людей. Выдвигались требо-

вания сделать все для изоляции от религии детей до 18 лет. Делались попытки создания своего «коммунистического» «антирелигиозного» культа, на деле являвшегося возрождением примитивных форм языческой религии.

Говорилось о том, что свобода совести – не самоцель, она является фактически лишь переходным этапом в процессе полного изживания религиозных предрассудков. Представления самих пропагандистов о религии зачастую носили поверхностный характер, страдали грубыми искажениями. Однако верующие права на ответную полемику не имели, даже свобода церковной проповеди была жестко ограничена. После отставки Н. С. Хрущева накал атеистической пропаганды спал, но она продолжала занимать значимое место в идеологической политике государства вплоть до начала 1990-х годов.

...Уже через пять минут после прощания с Ивановым Лев понял, что жутко замерз. На улице стоял февраль, температура хоть и была плюсовая, но шел противный мокрый снег с дождем. А помощник старосты был в одном фраке. Пока он находился в полубессознательном состоянии, его это мало трогало, даже прошиб жар. Но стоило придти в себя, как стало холодно, мерзко и сыро. Лев огляделся и понял, что собор находится совсем в другой стороне, и до него недалеко. Внезапно он услышал гудок машины. Обернувшись, помощник старосты увидел белую «Волгу» с «шашечками» – петровское городское такси. Из маши-

ны вышел водитель, который, судя по всему, хорошо его знал.

– Лев Александрович, садитесь скорее в машину, а то простудитесь. Куда вас везти – в собор или домой? – приветливо спросил он.

Водитель много раз возил пьяного помощника старосты по городу и знал, что ему всегда заплатят если не пассажир, то церковный совет.

– В собор, – медленно сказал Лев. – А как ты меня увидел?

– Да я уж полчаса за вами по городу езжу, сигналю, а вы не слышите.

На самом деле хитрый водитель заметил своего потенциального пассажира в момент его общения с уполномоченным. Но зачем упускать хороший случай показать свои преданность и заботливость, за которые можно получить хорошие чаевые, если не сейчас, то потом.

– Это ты молодец, – одобрил Лев. – А я что же – ничего не слышал?

– Нет, пока мужчина вам лекарство не дал, – сориентировался таксист.

Через десять минут они въехали во двор собора. Помощник старосты почувствовал себя опять хуже, и шоферу пришлось проводить его до соборной канцелярии.

Там был накрыт небольшой стол, за которым сидели староста Александр Николаевич Береникин, регент архиерейского хора Петр Борисович и священник Георгий Грицук. Все они были в изрядном подпитии.

– О, кого к нам привезли! – воскликнул староста и, заметив таксиста, сказал: – Сейчас я с вами рассчитаюсь.

Отпустив шофера, Александр сказал Льву:

– А мы отца Георгия провожаем на приход..., – тут он заметил тяжелый взгляд своего помощника, налил ему полный стакан водки «по рубчик», который тот залпом выпил и сразу как-то посвежел, и продолжал: – Нашли на кого гадости писать! На такого прекрасного человека!

– Нет ни совести у них, ни стыда, – мрачно подтвердил священник Георгий, задумчиво крутя по столу рюмку. – А ведь разве есть кто-нибудь здесь лучше меня?

– Ну, это безусловно, – улыбнулся насмешливый Петр Борисович. – Причем по любым параметрам. Если по пьянству, то вот Лев Александрович лучше тебя, а если как священник, то, наверное, почти все остальные...

Георгий было вскинулся, но Береникин его успокоил.

– Не нужно ссориться, – примирительно сказал он. – Может вместе нам и не придется больше работать, давайте хоть расстанемся по-хорошему.

С таким доводом нельзя было не согласиться.

– А кто же у нас вместо тебя будет священником? – совсем уже деловитым здоровым голосом спросил Лев Александрович, с аппетитом жуя, наверное, уже пятнадцатый бутерброд (до этого он несколько дней не ел).

– Да какого-то нового будет владыка рукополагать, – задумчиво сказал Александр Николаевич. – Отец Анатолий его, правда, знает, хвалит.

Отец Георгий опять хотел что-то сказать, но сдержался. Посидели еще около часа. Наконец, сильно захмелел и Петр Борисович и, как всегда, когда он был сильно пьян, начал рассказывать об известном украинском церковном композиторе Веделе, горячим поклонником музыкального творчества которого он являлся. По его словам выходило, что Артемий Ведель был монахом, но очень строптивного нрава. Однажды его заставили написать музыкальное произведение по случаю юбилея местного архиерея. Ведель наотрез отказался, и тогда его посадили в карцер на хлеб и воду. Наконец, он потребовал перо и бумагу. Ему их дали, через некоторое время получили назад аккуратно сложенный лист. Когда же развернули, то увидели, что на нем написано только одно слово из трех букв...

Был ли этот случай правдой или плодом фантазии самого Петра Борисовича, неизвестно, но он его сильно впечатлял. Регент все мечтал, что какой-нибудь архиерей заставит его написать музыкальное произведение, а он возьмет да и напишет слово из трех букв... При этом Петр как-то не учитывал того факта, что современные ему архиереи не имели никакой возможности посадить его в карцер на хлеб и воду, да и не нужны абсолютно никому, не только архиереям, были его музыкальные фантазии. Да если бы они хоть на самом деле были! А то ведь слово из трех букв регент еще в детстве в совершенстве научился писать, а вот собственной музыки так и не смог написать ни строчки. Это его очень уязвляло, Петр мучался, а что поде-

лаешь? Оставалось только переписывать ноты произведений любимого Веделя и затягивать богослужения за счет исполнения сочиненных им продолжительных музыкальных произведений. Петр Борисович всем давно надоел со своим Веделем, раз двадцать уже про него рассказывал, поэтому его никто не слушал. Александр Николаевич вдруг засобирался:

– Сегодня отец Петр может в собор заехать.

Козлевича боялись все. Поэтому застолье быстро свернулось. Староста подарил регенту бутылку водки и отпитуемую бутылку коньяка, а Льву Александровичу и отцу Георгию по ящику с двадцатью бутылками «Солнцедара» в каждом. После этого он вызвал такси, которое развезло всех по домам. Естественно, что вся эта щедрость была проявлена за счет собора.

Глава 8.

Александр был рукоположен в сан священника, и началось время его служения в новом качестве. Собор к этому моменту был уже не тот, что при архиепископе Феодоре. «Группу Кувина» и других крикунов прижали, церковный совет боялся протоиерея Петра и протодиакона Юрия, фактически открыто сотрудничавших с госбезопасностью. Остальные священнослужители, включая настоятеля, оставались фактически бесправными. Каждый их шаг отслеживался, каждое сказанное слово оценивалось. Члены городской комиссии Мальков и Карпов по очереди приходили в собор на все воскресные и праздничные богослужения, чтобы конспектировать проповеди, задавать священникам

провокационные вопросы, слушать, о чем говорят прихожане, а потом оформлять все это в виде пространственных информационных справок, копии которых шли уполномоченному и в КГБ.

Священники, за исключением Георгия Грицука, сознание которого было оторванным от реальности и находилось в каком-то ему одному известном измерении, чувствовали себя крайне неудобно. Ведь даже простые ответы на вопросы зашедших в собор юноши или девушки, которым не исполнилось восемнадцати лет, могли быть расценены как вовлечение в религиозную деятельность несовершеннолетних. Отец Анатолий сам однажды чуть не лишился регистрации, когда покрестил на дому умирающего члена-партии по его личной просьбе, переданной через родственников. Его спасло то, что пока шло разбирательство, неизлечимый раковый больной мужчина и правда умер. А уполномоченный рассудил, несмотря на протесты городской комиссии, что раз нет человека, то нет и проблемы. Отпевать усопшего разрешили.

Тягостным являлось и то, что в самом непомерно раздутым коллективе собора фактическое большинство составляли неверующие. Это касалось не только «двадцатки», но и архиерейского хора. Из тридцати человек его певчих верующими себя считали не более семи. Причем и у некоторых из них вера была своеобразной, не имеющей ничего общего с православием. Одна, например, считала, что она будет бессмертной в памяти потомков. Другая искренне думала, что после смерти ее душа превратится в огромный прозрачный шар, который взлетит в просторы галактики и разорвется там на тысячи брызг.

Но между тем среди прихожан было очень много искренне верующих людей. Большинство из них составляли старушки, потерявшие в гражданскую и Великую Отечественную войны своих близких или пережившие другие личные трагедии. Горе сделало их молчаливыми и сосредоточенными. Они не участвовали в общих сплетнях и «коалициях», внимательно вслушивались в слова церковной службы. Наверное, были несколько таких же глубоко верующих людей, которые обрели веру без потрясений, как подарок. Но в целом для Петровской области они были нетипичны.

Молодой отец Александр как-то сразу смог расположить к себе всех в соборе – и верующих, и неверующих. Для каждого он находил простые, бесхитростные, понятные, нужные именно этому человеку слова. В этом он был похож на митрополита Исайю и архимандрита Анатолия. Но в отличие от них он был еще молод и имел больше сил для служения Церкви. А служение Церкви для него состояла, в первую очередь, из поддержки крещеных людей, которым нужно помочь выбраться из пучины греховных пристрастий и обрести свое подлинное назначение в этой жизни. Даже членам церковного совета он понравился, про него говорили, что таким был отец Анатолий в молодости.

Деятельность отца Александра сразу вызвала большое неудовольствие городской комиссии. Однако молодой священник, много битый жизнью, был очень осторожен, не давая повода обвинить его в каком-либо нарушении советского законодательства о культах. Он сумел найти общий язык и с соборным духовенством. Правда, протоиерей Петр и протодиакон Юрий его

невзлюбили, потому что полковник Петров поручил каждому из них проработать отца Александра на предмет его сотрудничества с органами, и ни одному из них это не удалось. Молодой священник как-то ловко сумел уйти от остро поставленного предложения, сделав вид, что совсем ничего не понимает, и переведя разговор на духовные темы. Поэтому оба старых хитреца оказались обмануты и отступились. «Он, видимо, не совсем умный, – сказал Козлевич полковнику Петрову. – У него в голове, по-моему, одно спасение души, молитвы и всякое тому подобное. Но на фанатика он вроде не похож, человек послушный, безвредный. Однако в нашем деле толка от него не будет». Полковник доверял мнению епархиального секретаря, поэтому даже встречаться с отцом Александром не стал. А вот уполномоченный встретился, и для него молодой священник стал еще одним живым примером того, что в Церкви есть очень хорошие люди, которых не было в его советском окружении. Иванов как-то сразу почувствовал, что отец Александр – это человек, которому можно доверять. Под разными предлогами он несколько раз вызывал его к себе. Бывшему вузовскому преподавателю философии, несомненно, более образованному и эрудированному, были интересны ответы, которые давал на вопросы о религии молодой богослов – ответы не книжные, нетривиальные и глубоко искренние, зарождавшие в душе Евгения Алексеевича сомнения в истинности догматического атеизма.

В горисполкоме проходило очередное заседание комиссии по религиозным вопросам. Сегодня заседание называлось «научно-практическим». Его тема бы-

ла «Теоретические вопросы практической атеистической деятельности». Название придумала Эльвира Львовна и ужасно этим гордилась. Было запланировано три доклада.

Первой выступала сама Эльвира Свинарченко. В частности, она говорила: «Очередная областная партийная конференция потребовала от всех партийных организаций усиления идеологической работы среди населения. Важным звеном в этом деле является научно-атеистическая пропаганда, разъяснение трудящимся с материалистических позиций явлений, происходящих в обществе и природе. Известно, что в результате великих социалистических преобразований и воспитательной деятельности КПСС подавляющее большинство советских людей навсегда порвали с религией и ее учреждениями. Однако нельзя не видеть и того, что у некоторой части трудящихся вера в Бога, в судьбу, в «тот свет» продолжает оставаться, хотя их социальное положение коренным образом изменилось. Религия – один из наиболее цепких, живучих пережитков прошлого, и если не вести соответствующей научно-разъяснительной работы среди населения, то она может оживать, отвлекая трудящихся от борьбы за коммунизм. Было бы неправильно полагать, что освобождение верующих от религиозных пережитков произойдет само по себе. В этом деле нужна терпеливая воспитательная работа. Там, где партийные организации ослабляют научно-атеистическую пропаганду среди населения, естественно, создается благодотворная обстановка для церковников и сектантов, которые затягивают в свои сети недостаточно сознательных граждан. Об этом довольно убедительно говорилось

на только что прошедшем областном совещании работников культурно-просветительных учреждений.

Партийные организации не могут быть безразличными к вопросам антирелигиозного воспитания населения. Их прямой долг – организовать боевую, наступательную, целеустремленную и планомерную пропаганду научного атеизма. Право на ведение антирелигиозной пропаганды является неотъемлемой частью свободы совести. Для Коммунистической партии, воспитывающей трудящихся в духе научного, материалистического мировоззрения, религия не является частным делом. Наша партия считает антирелигиозную пропаганду важным элементом коммунистического воспитания трудящихся. Она считает необходимым проведение глубокой и систематической научно-атеистической пропаганды».

Затем слово для доклада было предоставлено заведующей городским отделом народного образования. В частности, она зачитала следующее: «Можно привести ряд примеров из жизни школ, где преподавательский коллектив, понимая свои задачи, умело строит антирелигиозную пропаганду как в процессе преподавания, так и во внеучебное время. Учителя средней школы рабочей молодежи № 4 систематически организуют лекции, доклады и вечера на естественнонаучные темы для учащихся и населения. Неплохо ведут антирелигиозную пропаганду учителя средней школы № 3 и ряда других учебных заведений. К сожалению, в большинстве школ научно-атеистическое воспитание учащихся в последние годы было поставлено неудовлетворительно.

Решив, что в условиях социализма и постепенного перехода к коммунизму нет почвы для массового роста религиозных верований, многие учителя, не смотря на активизацию церковников, не использовали возможностей, даваемых программой, для настойчивого и повседневного воспитания учащихся в духе воинствующего атеизма. Учительница Р.Н. Якушева, рассказывая на уроке в 6 классе о христианстве, не показала учащимся его классового характера, не вскрыла реакционной роли религии в борьбе с наукой, революционным движением трудящихся. Все внимание учеников она сосредоточила лишь на организации церковного управления. В этой школе наблюдаются даже пропуски занятий отдельными учащимися 8-10 классов в религиозные праздники. Но коллектив преподавателей примирился с таким положением». А кому, как не учительству, взять на себя задачу ведения наступательной, боевой пропаганды научного атеизма. Ведь жить среди населения и мириться с заблуждениями отдельных граждан непростительно материалисту».

Затем слово взяла член комиссии, непримиримый борец за права женщин пенсионерка-учительница Клара Карловна Люксембург (свои фамилию, имя и отчество она сама себе выбрала после победы октябрьской революции в честь Клары Цеткин, Карла Маркса и Розы Люксембург одновременно). Она зачитала следующее: «Великая Октябрьская социалистическая революция освободила женщин нашей страны, дала им равные с мужчинами права в семье и обществе, открыла для них широчайшую возможность производствен-

ной, политической и научной деятельности. Подавляющее большинство наших женщин не верит в Бога.

Однако некоторые женщины все еще добровольно влечат тяжкие цепи религии, сами себя называя рабами Господними, «овцами стада Христова» и другими унижительными именами. Даже в делах веры женщина не считается полноправной. Ее не пускают в алтарь как существо нечистое, она не имеет права занимать церковные должности. Зато православные священники и сектантские пресвитеры охотно возлагают на женщин всевозможные работы по уборке храмов и молитвенных домов, ведут через женщин индивидуальную религиозную пропаганду. Религия требует от верующих женщин отказа от активного участия в строительстве коммунизма, отвлекает их от активной общественной и политической работы. Священники и сектанты стремятся ограничить деятельность женщин домашним хозяйством и, смотря по обстоятельствам, молитвенным домом или церковью.

Религиозная мать против собственной воли причиняет огромный вред своим детям. Она воспитывает в них либо двоедушие, либо отчужденность от нашего общества. Вместо того, чтобы воспитывать в детях коллективизм, любознательность, искренность, смелость, она запугивает их Божьим гневом и адскими муками, советует не смеяться, не петь, больше думать о спасении души. Ребенок такой женщины рано или поздно должен будет сделать выбор между тем, чему учит мать, и тем, чему учит школа. Такой выбор никогда не проходит безболезненно. Ребенок либо теряет уважение к матери, либо утрачивает интерес к учебе. В

обоих случаях страдают и мать, и ребенок, и семья, и общество.

Религия причиняла и причиняет огромный вред. Религия губительно действует на нравственное здоровье трудящихся, враждебна делу построения нового общества. Поэтому борьба против религиозной идеологии должна вестись активно и наступательно всеми партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями. Наряду с лекциями, докладами и другими формами пропагандистской работы очень важно широко применять индивидуальные беседы с верующими, вовлекать их в активную общественную жизнь. Где добьются этого, там никаким церковникам не удастся омрачить подлинное счастье ни одного советского человека».

После окончания теоретической части перешли к практическим вопросам. Эльвира Львовна думала о том, не принять ли обращение в облисполком и Совет по делам религий по поводу уполномоченного, который, на ее взгляд, слишком уж пособничал церковникам. Однако осторожность взяла верх, и предложение озвучено не было. Было принято несколько рутинных предложений направить письма на работу ряду людей еще не пенсионного возраста, слишком уж часто посещавших церковь. В отношении одной матери-одиночки, которая водила каждое воскресенье в церковь двух своих десятилетних дочерей, было поручено Кларе Карловне побеседовать с ней и припугнуть лишением родительских прав. А если мать окажется грамотной и настойчивой, то с Клары Карловны взятки гладки – она всего лишь пенсионерка, ей скоро семьдесят и, вполне возможно, она просто выжила из

ума. Но пугать товарищ Люксембург должна была от имени советских властных структур.

Глава 9.

Прошло совсем немного времени, а состояние здоровья митрополита Исаяи стало все ухудшаться. Бывало, что он месяцами не служил, целыми неделями был прикован к постели. Не щадило время и его «помощников» – протоиерея Петра и протодиакона Юрия, у которых все сильнее прыгало давление. В результате протодиакона однажды прямо со службы забрала «скорая помощь». Диагностировали инсульт. Движение и речь вскоре вернулись, но вот служить отец Юрий больше не смог, не говоря уже о том, чтобы оказывать какое-то содействие органам.

Отец Петр Козлевич оказался единственным представителем епархии, открыто сотрудничавшим с полковником Петровым. Кроме того, в связи с болезнью митрополита он еще больше забирал в свои руки управление епархией. Важности у него прибавилось, но епархиальный секретарь был разумным человеком. Он не мог не понимать, что управляющий епархией может скоро смениться. Возможно, новый архиерей будет своим человеком для КГБ и для Совета по делам религий. А кому тогда будет нужен старик семидесяти с лишним лет с непомерными жаждой власти и амбициями? И он решил посоветоваться с Петровым. Встретились они на скамейке в городском сквере, оба в не привлекающей внимание прохожих одежде.

– Ну, зачем вы просили о встрече? – спросил полковник.

– Видите ли, состояние здоровья митрополита резко ухудшилось.

– Мне это известно.

– Я думаю, что нам нужно согласованно с уполномоченным провести работу, чтобы в Петровскую епархию был назначен устраивающий нас архиерей.

– А разве митрополита Исая выгоняют? – уже серьезнее спросил полковник. – По-моему, он в каком-то смысле оптимальная фигура – ему нет уже ни до чего дела, кроме его болезней.

– Это не совсем так, – возразил Козлевич. – К нему приходят священники под предлогом навестить больного, а он своими беседами разжигает в них религиозный фанатизм или, как он сам это называет, пастырское призвание. Но дело совсем не в этом. Вчера он мне сказал, что напишет Патриарху прошение о почислении на покой.

– А нельзя как-то нейтрализовать эту инициативу?

– В том-то и дело, что нет. Вчера вечером Исая уже говорил с Патриархом по телефону. Единственное, что утешает, что Патриарх ответил неопределенно, что, может быть, стоит еще и послужить какое-то время. Но это время для подбора нового кандидата, и нам нужно, чтобы это был человек, который нас устраивает.

– Вы предлагаете продвигать кого-то конкретного?

– Даже не знаю, – вздохнул протоиерей Петр. – Подходящих кандидатов у нас в области нет. Един-

ственный, на ком как-то зацепилась моя мысль, это настоятель Петровского кафедрального собора архимандрит Анатолий.

– Но он ведь не желает с нами сотрудничать, – задумчиво сказал Петров. – Хотя... ведь и митрополит с нами никогда не сотрудничал лично – это могут успешно делать и лица второго плана...

При этих его словах лицо Козлевича болезненно перекошилось – уж он-то себя «лицом второго плана» точно не считал. Но вслух сказал:

– Анатолий за то время, которое я работаю в Петровской епархии, зарекомендовал себя в целом как послушный и исполнительный, ни разу со мною не спорил. Я думаю, что он будет управляемым архиереем.

На другой день они встретились с уполномоченным. Тому кандидатура архимандрита Анатолия понравилась, но вот радужных надежд, что он, став архиереем, останется таким послушным и управляемым, не разделял.

– Отец Анатолий не такой простой человек, как вы думаете, отец Петр, – сказал Иванов. – Мне кажется, что он попытается отстаивать свои позиции, а они у него есть, просто не афишируются.

– Поправим, – равнодушно сказал Петров.

– А вы не забыли, что вам меньше года до отставки и пенсии? – немного насмешливо посмотрел уполномоченный на полковника.

А тот и правда забыл. Ежедневные заботы, рутина позволяли ему не думать о неприятном, о том, что вскоре ему предстоит пополнить ряды петровских пенсионеров.

– Зачем ты напомнил? – как от зубной боли скривился Петров.

– Затем, что нужно соизмерять свои амбиции с реальностью. Поправлять нового архиерея, скорее всего, придется уже не тебе. Однако, повторюсь, архимандрит Анатолий, действительно, оптимальная для нас фигура на этот пост. Отец Петр, митрополит уже послал свое прошение?

– Передал мне сегодня утром, чтобы я отправил.

– А в нем говорится о возможном преемнике?

– Ни слова.

– Тогда вот как мы поступим. Вы, отец Петр, сейчас пойдете к митрополиту и убедите подписать ходатайство Патриарху о поставлении архимандрита Анатолия Петровским епископом. Бумагу необходимо заблаговременно отпечатать на пишущей машинке, чтобы она была у вас в руках во время разговора. Ее нужно будет послать в одном конверте с прошением о почислении на покой. Скрепите их вместе скрепкой, чтобы ничего не перепуталось. Кроме того, вам необходимо будет поговорить с архимандритом Анатолием сначала самому, а потом чтобы и митрополит с ним поговорил. Я позвоню по этому вопросу заместителю председателя Совета, который заведует отделом Русской Православной Церкви. А вы, Николай Ильич, сходите к начальнику управления и убедите его позвонить по этому же вопросу председателю Совета.

– К генералу с таким вопросом? – с сомнением посмотрел Петров.

– А вы думаете, что генералу эти вопросы неинтересны? К вашему сведению, он встречался с митро-

политом Исайей в первый месяц после его назначения управляющим Петровской епархией.

Для полковника и протоиерея это было ударом. Никто из них об этом ничего не знал: в день встречи оба выезжали из области по каким-то срочным делам, каждый по своим, а каким – сейчас ни один не мог вспомнить.

– Зачем же они встречались? – подавленно спросил Петров.

– Ну, вот этого я не знаю.

– Откуда же знаете о встрече?

– У меня свои источники информации, – улыбнулся уполномоченный, и полковник вдруг понял, что Иванов далеко не так прост, как кажется.

Встреча митрополита Исайи с начальником управления КГБ СССР по Петровской области генерал-майором Даниловым и правда имела место, хотя и была единственной. Данилов после пяти лет работы резидентом в одной из стран Западной Европы за какой-то промах был отправлен в ссылку в Петровскую область, чем очень тяготился. Жизнь в Европе научила его шире смотреть на вещи, чем это было принято в Советском Союзе. Генерал нередко думал о том, что с ним будет после окончания земной жизни. В его душе созрело желание исповедаться. Но проблема была в том, что работа приучила его никому не верить. И тут в Петрово был назначен новый архиерей. Данилов навел о нем справки, в распоряжении советских карательных структур было несколько томов материалов на митрополита. Все свидетельствовало о том, что владыке Исае можно доверять. И генерал устроил так, чтобы на один день из области уехали все люди,

которые следили за архиереем, каждый был удалён под своим предлогом, а сам Данилов в этот день вечером пришел к митрополиту. Генерала в городе почти никто не знал, поэтому внимания к себе он не привлекал. Но уполномоченный его знал. Он как раз недавно вышел от митрополита – тоже воспользовался случаем, не привлекая внимания лишних людей, задать интересующие его вопросы о религии. Стоя около епархиального управления, он нервно курил. Иванов генерала заметил, а генерал его нет. Но о цели визита Данилова он, естественно, ничего не знал.

Митрополит, казалось бы, совсем не удивился тому, кто к нему пришел. После исповеди Данилов ушел успокоенный. Они никогда больше не встречались, и о чем был их разговор, никто, кроме них самих, не знал.

... Козлевич и Петров сделали все так, как сказал им уполномоченный. Митрополит Исая удивился, что кого-то интересует его мнение о том, кто должен стать его преемником на посту управляющего Петровской епархией. Но против кандидатуры архимандрита Анатолия у него возражений не было. Он сразу подписал отпечатанную секретарем бумагу, и документы пошли в Патриархию. Протоиерей Петр поговорил с соборным настоятелем. При этом Козлевич постарался, чтобы у архимандрита создалось впечатление, что именно епархиальный секретарь делает его архиереем, и чувствовал благодарность и зависимость. Совсем по-другому разговаривал с отцом Анатолием владыка Исая.

Митрополит говорил о том, что его впереди ждет крест, намного более тяжелый, чем священнический, но бежать от этого нельзя. Если судить по законам мирской логики, то у архимандрита Анатолия был один шанс из сотни, что его вообще будут рассматривать как возможного кандидата в архиереи. Но раз именно так и получается, то, значит, это воля Божия. Говорили они наедине. В завершение разговора митрополит сказал: «Ты еще достаточно молодой, поэтому не иди на поводу у отца Петра, если станешь епископом. Постарайся сам найти общий язык с Евгением Алексеевичем. Он человек хороший. И везде, где это возможно, поступай не так, как тебе приказывают власти, а как подсказывает пастырская совесть». Генерал позвонил председателю Совета, а уполномоченный – заместителю председателя. Аргументация была убедительной: человек местный, проверенный, послушный, не сильно образованный, отношения с властными органами строит правильно, – следовательно, проблем с ним быть не должно. В Патриархии имели свои виды на Петровскую епархию, однако заместитель председателя Совета лично позвонил Патриарху, да еще пришли документы от митрополита Исаяи.

Патриарх решил немного потянуть время. Он ответил митрополиту, что надеется на его выздоровление, а пока во внимание к многолетним архипастырским трудам награждает орденом святого равноапостольного князя Владимира первой степени. Архиерей был тронут, с благодарностью принял переданный протоиерею Петру Козлевичу в Патриархии орден, но тут же написал повторные прошения по обоим вопросам. Параллельно и сам председатель Совета сделал

звонок Патриарху с вопросом, почему затягивается решение по поставленному Советом вопросу. После этого все сомнения были исчерпаны.

Митрополит Исаяя был почислен на покой, Патриархией ему была определена пенсия. Доживать архиерей решил у младшего из своих сыновей, который служил священником в Краснодарском крае. Хотя это и не приветствовалось, но уполномоченный дал разрешение митрополиту попрощаться с верующими в Петровском кафедральном соборе. Ему было тяжело ходить. К собору владыку Исаяю привезли на машине, откуда его буквально на руках подняли и посадили на кресло, а затем на кресле внесли в собор. Прощаться с архиереем пришли не только прихожане, но и приехали священники с некоторых приходов. Многие плакали.

Пришли и члены церковного совета. Лев Александрович, на удивление трезвый, плакал навзрыд и взял у владыки благословение. Однако общее подавленное состояние смягчало то, что новым архиереем должен был стать хорошо всем знакомый архимандрит Анатолий.

Отец Анатолий чувствовал себя как-то неуверенно. Он слабо представлял себе, сможет ли справиться с предстоящим ему служением: ведь он никогда и мысли не допускал, что может стать епископом. А ведь по нему уже состоялось решение Священного Синода, и он был вызван в Москву.

Митрополит подозвал его слабым движением руки. Настоятель тут же подошел.

– Возможно, что ты доживешь до времени, когда архиерейское служение вновь будет почетным, – сла-

бым голосом сказал митрополит. – Но никогда не забывай, что нужно и в гонениях, и славе с одинаковой любовью и смирением относиться к людям, тогда и Господь тебя благословит.

Уже после того, как его усадили в машину и около минуты их никто не слышал, владыка Исаяя знаком приказал отцу Анатолию наклониться и прошептал ему на ухо: «Настоятелем собора вместо себя назначь Александра».

Измощенный тяготами жизни и болезнями митрополит Исаяя недолго прожил у сына. Буквально через несколько месяцев он скончался. Смерть его была тихой и спокойной. Несколько дней он пролежал в забытьи, затем на короткое время пришел в себя и успел исповедаться и причаститься. Вскоре после этого он заснул и больше уже не проснулся.

Отец Анатолий, уже в сане епископа, ездил на отпевание и похороны митрополита вместе с отцом Александром. Со слезами на глазах он попрощался с человеком, по благословию которого, как считал епископ Анатолий, его призвали на архиерейское служение. Заупокойные богослужения и панихиды по митрополиту служили и во всех храмах Петровской епархии.

Глава 10.

...Архимандрит Анатолий был вызван в Москву для рукоположения в сан епископа. Вместе с ним поехали протоиерей Петр и священник Александр. Отец Анатолий никого не знал в столице и чувствовал себя

неуверенно. Ему до сих пор не верилось, что он будет архиереем. В алтаре Богоявленского патриаршего собора в Елохове архимандрит со священником Александром во время всенощного бдения стояли в стороне и молились. Зато протоиерей Петр Козлевич чувствовал себя как дома. Он со всеми разговаривал, оказывается, ему были знакомы все архиереи, которые завтра должны были совершать хиротонию отца Анатолия. Впрочем, внимательный наблюдатель заметил бы, что на самом деле с Козлевичем никто не хочет говорить.

Рукоположение архимандрита Анатолия состоялось на следующий день. Затем последовали приемы у Патриарха и в Совете по делам религий. Они носили скорее протокольный характер. Патриарх сказал несколько общих слов о необходимости строить свою деятельность в качестве епископа в соответствии с церковными и государственными законами, а заместитель председателя Совета обратил внимание на необходимость согласовывать свои действия с областным уполномоченным. После этого последовал отъезд в Петровскую епархию.

В соборе епископа Анатолия ждала торжественная встреча. Собралось все соборное духовенство, церковный совет, архиерейский и любительский хор в полном составе и около тысячи прихожан. Был отслужен краткий молебен, затем последовали слова приветствия от собравшихся, затем епископ обратился с ответным словом. После этого он с протоиереем Петром проехал в епархиальное управление, где у них состоялся серьезный разговор в кабинете управляющего епархией.

– Владыка, – сказал Козлевич, – ты должен четко понимать, что то, что ты стал епископом, не дает тебе никаких преимуществ по сравнению с прежним положением. Владыка Исая был митрополит, но он неизменно меня слушался. А почему? Потому что я являюсь здесь проводником воли органов советской власти. Поэтому тебе не следует принимать без меня никаких решений, самому встречаться с уполномоченным, самостоятельно вести прием посетителей.

– Давайте поговорим об этом через несколько дней, – уклончиво сказал епископ, внутри у которого все закипело.

На другой день он, ничего не сказав отцу Петру, поехал на прием к уполномоченному. Тот встретил его радушно.

– Здравствуйте, отец Анатолий, или теперь вас правильно называть владыка Анатолий. Я думаю, что мы сработаемся с вами. Насколько знаю вас по службе настоятелем собора, вы – человек беспроблемный.

– Евгений Алексеевич, у меня к вам есть один вопрос, – взволнованным голосом сказал архиерей.

– Пожалуйста. А что вы так волнуетесь?

– Мне хотелось бы знать, являются ли решением государственных органов те требования, которые мне вчера изложил протоиерей Петр Козлевич? – и епископ кратко пересказал разговор с епархиальным секретарем.

Иванов на минуту задумался. Действительно, с митрополитом Исией удобнее было все вопросы решать через Козлевича. Но сейчас секретарь сильно постарел, стал невероятно раздражительным, сомнение его растет с каждым днем. К тому же полковник

Петров с приступом прободенной язвы попал в больницу. Говорят, что будет на больничном не меньше двух месяцев, а еще через три уйдет в отставку... Поэтому вслух уполномоченный сказал:

– Это не совсем так. Митрополит Исаяя был тяжело болен и стар, поэтому я никогда не хотел его лишней раз тревожить и все вопросы решал с секретарем. Но вы полный сил человек, к тому же вы намного моложе протоиерея Петра. Конечно, ваши действия необходимо будет согласовывать, но вы можете делать это и лично.

– Тогда у меня сразу есть вопрос о кандидатуре настоятеля кафедрального собора.

– Ну, это естественно. Кого бы вы хотели видеть на этом месте?

– Священника Александра.

– Но ведь он совсем недавно стал священником... Справится ли он с такой работой?

– Если что, я помогу ему.

– Есть еще одна проблема...– замялся уполномоченный. – Насколько мне известно, протоиерей Петр сам хотел стать настоятелем собора.

– Но вы же сказали, что я могу помимо него предлагать на ваше согласование кандидатов на церковные должности?

– Это так, – уполномоченный ненадолго замолчал и сказал: – Я согласую назначение священника Александра настоятелем собора. Но будьте осторожнее с Козлевичем. Он очень злопамятный и коварный человек, никогда ничего не прощает и обязательно отомстит при первой же возможности.

...В епархиальном управлении епископа уже ждал разгневанный секретарь. Внешне он пытался казаться спокойным, но получалось плохо. Лицо его было багровым, руки дрожали от злости. Без стука он влетел в кабинет архиерея.

– Кто тебе разрешил без меня ездить к уполномоченному? – закричал он. – Я же тебе вчера все объяснил...

– Отец Петр, успокойтесь, – спокойно ответил епископ. – Мы поговорили с Евгением Алексеевичем. Он сказал, что вчерашний разговор – инициатива не государственных органов, а лично ваша. Он разрешил мне самому решать с ним все возникающие вопросы. И, наконец, он дал согласие на назначение настоятелем кафедрального собора священника Александра.

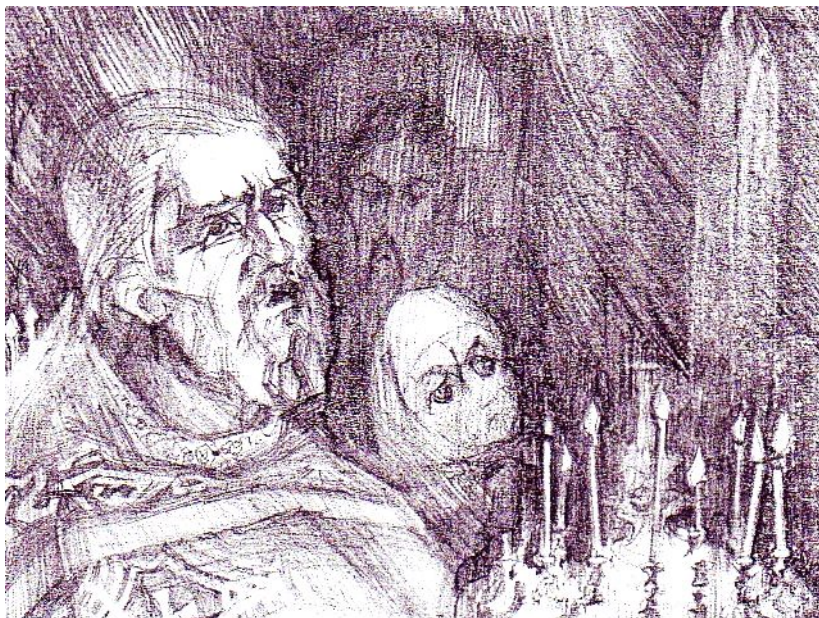
Секретарь просто задохнулся от гнева. «Да ты, да он», – пытался закричать он, но дыхание перехватило. Он бессильно опустился на диван в кабинете архиерея. Лицо его начало синеть, губы побелели. «Отец Петр, что с вами случилось?» – бросился к нему испуганный епископ. Он хотел вызвать «скорую помощь», но было уже поздно. Протоиерей Петр Козлевич умер от инсульта, спровоцированного вспышкой гнева.

2010

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Историческая повесть

Глава 1.

Небольшое здание Петровского епархиального управления в этот светлый мартовский день 1991 года было битком набито посетителями. Как и всегда в последнее время. Через десять минут должен был начаться их прием управляющим Петровской епархией архиепископом Анатолием. Секретарь епархиального управления протоиерей Александр вышел из своего крохотного кабинетика и начал опрашивать пришедших, какие у них вопросы, не может ли он сам решить их, чтобы не отвлекать владыку. Добрый и мягкий человек, отец Александр в качестве администратора был явно не на своем месте. С каждым он пытался говорить по-хорошему, но в данном случае это только

вредило. Видя его доброту, каждый наглец тут же пытался использовать ее для того, чтобы безнаказанно безобразничать, а в случае чего прибежать к тому же отцу Александру, чтобы искать у него защиты от заслуженного наказания.

Времена стремительно менялись; епархиальный архиерей и его близкий друг и верный помощник стали людьми, с мнением которых считались. Поэтому нередко ходатайства оказывались действенными. В благодарность облагодетельствованные открыто поносили секретаря епархиального управления за его «глупость» и доверчивость. А он, как будто ничего его не могло заставить изменить отношения к людям, не обращал на это внимания. Вот и сейчас он, видя, что по серьезному делу пришли один или два из пятнадцати желавших встретиться с архиереем, все же безропотно кивнул каждому, утверждавшему, что у него исключительно важный вопрос. Предшественник отца Александра на этом посту протоиерей Петр Козлевич, приди они при нем, половину сдал бы в милицию или психушку, а повод бы нашел, даже не смутился бы ветром перемен в стране. Правда, почти половина пришедших (как раз те, которые не привлекли бы подозрительного внимания Козлевича) сразу же согласились сначала поговорить с протоиереем, что существенно могло разгрузить управляющего епархией.

Архиепископ тяжело вздохнул, когда секретарь доложил ему о количестве посетителей. «А ведь сегодня к четырем меня вызвали в облисполком», – мягко пожурил он друга, которому велел выйти и объявить, что прием будет только до двух.

Первым пришел какого-то несуразного вида монах, заросший волосами, неизвестно сколько времени не мывшийся, весь обвешанный иконками и крестами. Войдя в кабинет архиерея, он пристально осмотрел его своими вращающимися глазами, а потом вдруг неожиданно изрек трубным гнусавым голосом, настолько неприятным, что владыка даже сморщился, как от зубной боли: «Понеже ныне прибыл я, смиренный Спиридон, в град сей Петрово для проповеди евангельской. Люб мне дом сей, пребуду я в нем, доколе не почувствую призвания для дальнейшего благовестия в иных градах и весях страны нашей Российской». Архиепископ Анатолий даже растерялся от неожиданности. «Ну, а где же я буду принимать посетителей?» – стараясь не выдать растерянности, спросил он. «Обоим места нам хватит, ибо общее наше дело, а ты, владыка, можешь использовать бесценную возможность поучаться у меня в законе Господнем день и ночь». «Думаю, что нет, – улыбнулся архиерей, взяв себя в руки. – Иди с миром, ничем тебе помочь не могу». Страшно разгневанный монах стянул со своих босых ног рваные ботинки «прощай молодость», после чего вонь в кабинете стала невыносимой. Он потряс ими перед лицом архиепископа и важно изрек: «И прах от ног моих отрясаю! Содом и Гоморра!» После чего босиком пошлепал к двери. Пришлось открыть окно. Свежий мартовский воздух быстро выветрился последствия посещения странствующего проповедника.

Вторым зашел какой-то, как он себя называл, «послушник». Звали его Борис, был он лет тридцати, в грязном подряснике, с длинными засаленными редкими волосами, забранными в отвратного вида хвост,

и жидкой бороденкой. Особенно приковывали внимание его выпученные как у рыбы глаза. Он заявил, что ищет духовных подвигов, что имеет «четырёх духовных отцов и восемь наставников, не считая мелких учителей», которые якобы в один голос благословили его ехать в Петровскую епархию в послушание архиепископу Анатолию. «А может, и благословили, – подумал архиерей. – Я тоже его с радостью спровадил бы подальше отсюда. Но похоже, что он вообще никому не нужен». Поэтому вслух владыка сказал: «У нас открылся сейчас монастырь в сорока километрах от Петрова. Обитель восстанавливается, условия суровые: удобств нет, питание плохое, работы море, как раз для тех, кто ищет духовных подвигов». Пучеглазый «подвижник» отказался, сославшись, что хотел бы на приход, и вообще ему желательно бы поскорее стать настоятелем большого и богатого городского храма. «Ну, у нас таких вакансий нет, – ответил архиепископ. – Могу послать тебя послушником на приход в один из райцентров. Если хорошо себя зарекомендуешь, то подумаем о рукоположении». Послушник, которому, судя по всему, негде было жить и нечего делать, согласился, состроив такую гримасу, как будто делал неслыханное одолжение. И через десять минут машинистка уже печатала командировочное удостоверение.

Затем зашел семнадцатилетний парень с безумным взглядом, который хотел уйти в монастырь, чтобы не служить в армии. Он постоянно подпрыгивал, не мог и минуты посидеть на стуле, чуть не залез на стол, при этом постоянно покачивая головой. Архиерей сразу его успокоил, что в армии юноша служить не будет, но и в монастыре ему не место, и дал теле-

фон психиатра, с которым недавно познакомился. Молодой человек сразу же оскорбился, заявив, что он самый нормальный человек, который только может быть. При этом он три раза подпрыгнул на левой ноге, плюнул через правое плечо и с оскорбленным видом покинул кабинет.

Следующим зашел двадцатипятилетний выпускник духовной академии, приехавший за две недели до того в Петрово вместе со своей матерью. Отец Александр очень любил образованную молодежь; он с самого начала попытался заинтересовать «академиста», чтобы он остался служить в Петровской епархии. «Наверное, хотите быть священником?» – спросил он. «Святые бежали от священства», – напыщенно изрек тот. И тут же начал рассказывать о своем миссионерском призвании, о том, как бескорыстно хочет служить Церкви, как мало интересуется его быт. «Кем же вы себя видите?» – спросил по-деревенски практичный архиерей. «Земля наша Российская сейчас подобна языческим странам. Желая проповедовать здесь истинную веру». Если послушать этого важного юнца, то он хотел и семинарию в Петрово открыть, и православную газету издавать, и со светскими учебными заведениями сотрудничать. «Ну, поживите при соборе недельки две, поосмотритесь, потом скажете, насколько сможете здесь делать то, что задумали», – предложил тогда владыка.

А сейчас «академист» с матерью зашли, чтобы вывалить архиерею все свои возмущения. И комната при соборе, где их бесплатно поселили, никудышная, условий для жизни никаких, и бесплатное питание в соборной столовой плохое, и народ в Петрово отвра-

тительный, не восприимчивый к проповеди. «Неужели хуже папуасов?» – деланно изумился архиепископ. Оказалось, что хуже; что и духовенство здесь серое и бездарное, не такое как везде. И вообще владыка неприлично поступает: пообещал рукоположение и хорошее место, а своих слов не держит. «Но вы же не хотели рукополагаться?» – напомнил архиерей. И в ответ услышал, что хотеть-то академист хотел, но сослался на пример святых для того, чтобы показать свое смирение и эрудицию, в ожидании того, что его будут уговаривать стать священником. Владыка подумал, что на отца Александра это именно так и могло бы подействовать; еще чего доброго будет потом уговаривать сделать этого хлюста вместо него настоятелем собора или секретарем епархиального управления. Поэтому ответил он так: «Я этих игр в смирение не понимаю. Я человек простой, деревенский. Я понимаю так: да – да, нет – нет, а что сверх того – от лукавого. Поэтому поищите место в другой епархии». После этого пришлось выслушивать еще минут десять возмущенные тирады «академиста» и его мамыши.

Затем последовал прием полусумасшедшего поэта, который сочинял стихи «о России и нравственности» и желал получить одобрительный отзыв о своей творческой деятельности от православного архиерея. Стихи, а точнее, зарифмовки типа «если вы красите губы – значит вы душегубы», «если вы красите ресницы – значит вы тупицы» – были, по словам их автора, призваны разбудить дремлющее целомудрие народное, ввергнутое в спячку семидесятилетним засильем инородным, поднять авторитет женщины-матери, способствовать воспитанию подрастающего поколения в

традиционных русских ценностях. Владыка сочувственно покивал, но сказал, что, к сожалению, в стихах не понимает, и порекомендовал обратиться к специалистам. «Гений», с которым, видимо, вообще никто не хотел знаться, как ни странно, оказался и этим доволен и даже тут же сочинил в честь архиепископа очередной шедевр: «Как хорош архиерей, потому что не еврей».

Но были в этот день и очень серьезные встречи. Больше часа беседовал владыка с сорокалетним мужчиной, подполковником в отставке, который после долгих внутренних исканий решил посвятить себя служению Церкви, стать священником и монахом. Искренность этого человека, прошедшего афганскую войну, подкупала. Однако слишком много в нем было еще восторженного отношения к церковному служению, а это создавало опасность, что бескомпромиссный и горячий офицер, став священником, разочаруется в Церкви, как разочаровался в армии, пройдя через реалии войны в Афганистане. Поэтому архиепископ предложил ему пока походить в кафедральный собор на службы, присмотреться, выполнять какие-то церковные поручения, а через полгода, когда его настроение станет более понятным, вернуться к этому разговору.

Две группы верующих, хлопочущих об открытии в их селах храмов, зашли вместе с отцом Александром после того, как уже поговорили с ним. Секретарь рассказал им, каков должен быть порядок их действий, поэтому их оставалось только благословить и напутствовать.

Постоянно звонил телефон, почти половину времени приема пришлось потерять, отвечая на телефонные звонки. Как ни старался владыка, всех принять все равно не удалось; ему пришлось закрыть кабинет и идти готовиться к встрече в облисполкоме.

Первый заместитель председателя Петровского облисполкома Павел Анатольевич Баранов, полный седой мужчина, который в этот день должен был принимать архиерея, в то время пока владыка вел прием, был занят куда более важными делами. Неподалеку от областного центра был открыт новый культурно-развлекательный и гостиничный центр, и временно исполняющий обязанности председателя облисполкома поехал «благословить» это важное дело. Увиденное Павлу Анатольевичу понравилось. Десяток рубленых двух- и трехэтажных гостевых бревенчатых домиков в русском стиле раскинулось на площади около трех гектаров в окружении соснового бора. Отдельно возвышались физкультурно-оздоровительный комплекс с сауной, бассейном и бильярдной, административное здание и ресторан. Высокого гостя хозяева нового центра, в соответствии с их пониманием русских традиций, встречали с цыганами.

Молодая красивая цыганка в цветастой юбке поднесла высокому гостю на подносе фужер коньяка и закуску, а цыганский хор в это время пел: «К нам приехал наш любимый Павел Анатольевич – даарагой!» И пока дорогой Павел Анатольевич бодро пил залпом трехсотграммовый фужер коньяка, цыгане продолжали петь: «Павел! Павел! Павел! Павел! Павел Анатольевич – даарагой!» Допив коньяк, исполняющий обя-

занности председателя облисполкома лишь понюхал дольку лимона и лихо разбил о землю дорогой хрустальный фужер, который, к слову сказать, стоил столько, что многим из жителей Петровской области нужно было полмесяца работать, чтобы купить такой.

Построено же все великолепие было при прямой административной поддержке товарища Баранова, который в последние годы все больше чувствовал себя господином в Петровской области. Он покровительственно потрепал по плечу директора комплекса и погрузился в насыщенную программу: бассейн, сауна, обед, массаж и море выпивки. Павел Анатольевич был в приятельских отношениях со всеми секретарями обкома и с председателем облисполкома. В новых исторических условиях это был человек для области незаменимый. Партийные начальники имели власть, но они хотели иметь и материальные блага «как на западе». А для этого нужно было правильно перераспределить бюджетные средства, которые были «народными», а значит «ничьими». Но при этом нужно было и взять на себя ответственность за подпись под решениями о таких перераспределениях, создать фирмы, через которые его проводить. Баранов, который под любым благовидным предлогом в любой момент мог стать временно исполняющим обязанности председателя облисполкома и подписать необходимые бумаги, решал эти вопросы с блеском. Ему было пятьдесят два года, несмотря на раблезианский размах кутежей, сохранилось неплохое здоровье и острый цепкий ум. Он имел прекрасные связи в Москве, в области почти каждый сколько-нибудь значимый человек был от него зависим. Его распоряжения выполняли и милиция,

и криминал, при этом все были им довольны, так как Баранов всегда умел разруливать самые сложные ситуации и никогда не злоупотреблял своим влиянием. Сегодня же он был очень расстроен. Созданное при его покровительстве российско-китайское предприятие «Панда» обанкротилось, его активы где-то растворились, причем не так, как было задумано первоначально, а поставленный во главе предприятия бывший депутат Верховного Совета престарелый Ремир Виленинович Свиноаренко, возраст и состояние здоровья которого не позволяли привлечь президента «Панды» к уголовной ответственности, внезапно умер. И проблемы надо как-то решать. Но сначала господин Баранов решил немного отвлечься, поэтому и поехал в загородный комплекс.

– Представляешь, Ахмед, – нервно куря двадцатую сигарету, уже тяжелым языком говорил он директору всего окружавшего его великолепия, – как снег на голову! – И выпил десятую, наверное, уже по счету рюмку.

– Павел Анатольевич, а кто такой панда? – решил отвлечь его дипломатичный хозяин.

– Чмошный медведь такой китайский... – Вдруг Баранов что-то вспомнил и спросил: – А ты мне скажи, сколько сейчас времени?

– Без пятнадцати четыре. А вы разве куда-то торопитесь?

– Вот скотство, – сплюнул на пол первый заместитель председателя облисполкома. – Ко мне же к четырем должен архиепископ приехать. Хороший он мужик, бескорыстный, не то что мы грешные... Ну, давай

еще рюмочку наливай, да пусть мне бутылку с закуской в машину отнесут, да надо ехать.

– Что же вы как быстро, – засуетился Ахмед.

– Хороших людей уважать надо! – назидательно сказал Павел Анатольевич. – А к тебе-то я всегда могу заехать. А вот архиепископу придется меня в приемной полчаса ждать, а это плохо. Он такого обращения не заслуживает.

Глава 2.

Протоиерей Александр успокоил тех, кто не попал на прием к архиерею, сказав, что всех их владыка обязательно примет завтра. Затем он зашел к себе в кабинет, закрылся на задвижку и устало сел на стул. Ему нужно было хотя бы немного побыть одному. Новые условия, в которых оказалась Церковь в последние годы, несказанно радовали его. Наконец появилась возможность реальной свободы совести. Отец Александр получил возможность доносить евангельскую проповедь до многих людей. Но сил новые формы церковного служения отнимали намного больше, чем прежние, когда он был связан в своих действиях.

Тысячелетие Крещения Руси стало мощным стимулом для церковного возрождения. Уже с 1987 года можно отметить на местах активное сопротивление советской атеистической политике. Активно рос общественный интерес к церковной проблематике. На страницах газет, в различных аудиториях возникали дискуссии по религиозным вопросам, в которых священнослужители

ли получили, наконец, возможность свободно высказаться о вопросах веры и неверия. В то же время атеисты активно пытались представить Тысячелетие Крещения Руси как сугубо внутрицерковный праздник, не дающий особого повода для перемен в государственно-церковных отношениях. Однако эти попытки оказались неудачными. Повсеместно верующие требовали открытия новых храмов, ставили вопрос о разрешении для Церкви социальной и образовательной деятельности. Проводились масштабные церковные торжества. Власти не могли с этим не считаться, и процесс церковного возрождения начался. Но свое законодательное подкрепление со стороны государства он получил лишь в 1990 году. Необходимо, впрочем, отметить, что интерес большинства людей к религии носил весьма примитивный характер. Поэтому, когда возможность свободно жить церковной жизнью стала общедоступной, воспользовался ею лишь очень незначительный процент тех, кто позиционировал себя верующими.

Секретарь епархиального управления вспомнил недавний 1988 год. Тогда после торжеств, посвященных 1000-летию Крещения Руси, в Петровской области был организован круглый стол, посвященный этой дате. Вел его главный редактор главной областной партийной газеты Иван Федорович Мозенцев. Участвовали председатель областного совета по атеистической пропаганде при Петровском обкоме КПСС Леонид Васильевич Грязнов, уполномоченный Совета по делам

религий по Петровской области Евгений Алексеевич Иванов. Пригласили архиепископа Анатолия, но он послал отца Александра: «Сходи, ты поученее». Первый вопрос Мозенцев задал Грязнову:

– Почему снова жива религия? Каково ваше мнение на сей счет?

– Наиболее общая причина, разъясняющая существование религии в нашем обществе, – наследование массовым обыденным сознанием религии как представления, обычаев, чувств от предшествующего общества, – громогласно начал вещать главный атеист области. – Нельзя сбросить со счетов влияние стихийных факторов природы – землетрясения, наводнения, смерчи и прочее – все это трактуется как наказание за грехи. Сохраняются различия между городом и деревней – отсюда более высокий процент верующих в сельской местности. Уровень демократизации также влияет на религиозные настроения. В период застоя, например, многие искали в религии иллюзорное утешение от несправедливости, неверия в свои силы. Ну, и, наконец, угроза ядерной войны. Религия ведь обещает бессмертие, а кому же не хочется уцелеть во время ядерной катастрофы?

– Что в таком случае может противопоставить религии атеизм?

– Атеизм призывает не тратить жизнь на иллюзии, на подготовку к «будущей» жизни, а жить полнокровно здесь, на земле.

– Леонид Васильевич, а стоит ли сегодня опасаться религии? Ведь, в принципе, истинно верующих среди молодежи нет. Верят в гадания, приметы, сны, черную магию, следуя моде, идут венчаться в церковь, под

нажимом родных крестят детей. Может быть, действительно, как считают многие, со временем религия отомрет сама?

– Если бы... Церковь – это достаточно мощный и отлаженный механизм, работа которого направлена на то, чтобы постоянно пополнять ряды верующих, в том числе и молодежью. Это же их жизнь, их хлеб! Не будет этого пополнения – не будет у церкви и перспектив. Так что о пассивном созерцании не может быть и речи: тут или-или...

И, кстати, индифферентная масса тех, кто верит как бы «понарошку» – в приметы, гадания, обряды и прочее – представляет для церкви самый благодатный материал. У этих людей нет позиции, нет твердых мировоззренческих установок и, следовательно, их легко склонить к вере, так как они легко идут на идеологические уступки.

– Действительно, – кивнул Мозенцев, – вот у меня здесь лежит статистическая справка. По данным анкетного опроса научно-исследовательской группы Петровского обкома ВЛКСМ, на основной вопрос анкеты – об отношении к религии и атеизму – большая часть учащейся (78%) и работающей (71%) молодежи дала ответ «Безразлично». Большинство учащейся молодежи не считает себя атеистами, способными обосновать свое неверие (около 81%) и только 25% работающей молодежи ведут атеистическую пропаганду. У подавляющего большинства опрошенных выявлено отсутствие атеистических принципов и убеждений. На вопрос о полезности религии часть опрошенных отметила ее положительную роль в сохранении национальных традиций и обычаев (24%). Ни один из опро-

шенных не отметил отсутствия полезности религии. В вещие сны, судьбу, гадание и т.п. верят более 22% и иногда верят около 70% опрошенных. – Тут главный редактор обратился к отцу Александру: – Вопросы морального становления, нравственных исканий молодых людей приобретают все большую остроту и значение. Что думаете вы о проблеме «молодежь и религия», «молодежь и Церковь»?

– Почему молодежь обращается к вере? Вопрос и сложный, и простой одновременно, – после Грязнова голос священника звучал как-то очень контрастно спокойно и умиротворяюще. – Убедить можно рассудок человека, его разум. Но он в конце скажет: «Да, вы очень хорошо все объяснили, но я не верю, что Бог есть». Дар веры нельзя внушить, его можно лишь обрести. И дело не в слабости или силе атеистической работы. Божественная благодать действует всячески на умы, но добровольно и свободно. Если у человека не будет пережита личная встреча с духовным миром и он не почувствует высшую помощь, защиту, успокоение в трудный час – он никогда не встанет за церковь и за религию. Люди, в том числе и молодые, – существа материально-духовные. Их обращение к вере часто связано с недостатком духовного начала в земной жизни. Иногда они и сами не объяснят, зачем пришли в храм. Но – идут, идут на зов духа...

Известно, что совесть – неподкупный судья. Кем бы ты ни был, какую должность ни занимал, она всегда мучает за дурной поступок. У молодых людей, особенно у студентов, существует мнение, будто наука противоречит религии. Сложилось оно потому, что молодежь зачастую не знает как следует ни религии,

ни науки. А полужнания приводят к преубеждениям. И нет парадокса, когда порой в поисках истины человек, воспитанный на атеистической литературе, обращается к вере. Случается и иной – противоположный перелом мировоззрения – от Бога к атеизму. По моим наблюдениям, число молодых прихожан почти двадцать лет остается на одном уровне. Их, в общем-то, немного. Одни посещают храм постоянно, другие – когда возникает потребность исполнить религиозные запросы.

– Что вы можете сказать о тысячелетии Крещения Руси?

– Думаю, что это эпохальный церковный праздник, который имеет значение и гражданское, и государственное для нашей страны. Ведь именно христианство стало той почвой, на которой развивались наша культура и государственность...

Тут слово взял до того молчавший уполномоченный Совета по делам религий по Петровской области Евгений Алексеевич Иванов.

– Прежде всего, о самом тысячелетии принятия христианства на Руси. Да, это большой церковный праздник, но не гражданский, как утверждает протоиерей Александр, и тем более не государственный. Здесь мой оппонент выдал желаемое за действительное.

– Евгений Алексеевич, священник затронул важную для нас тему «молодежь и религия». Он объясняет основную причину обращения молодых людей к вере недостатком духовного начала в земной жизни. Ваше мнение?

– Когда заводится разговор о том, что молодежь нынче якобы обращается к вере, нужно, прежде всего, определить масштабы этого явления. Если аргументировать не эмоциями и разрозненными наблюдениями, то надо признать, что наша молодежь в массе своей нерелигиозная. Как человек, который это отслеживает, могу сказать, что доля верующих среди молодежи невелика и в последние десятилетия стабилизировалась. Данные одного из массовых социологических опросов показали, что в возрастных группах до 20 лет, 20-29, 30-39 лет доля верующих составляет 3% и еще 3% колеблющихся.

... Таких круглых столов и встреч были потом уже десятки. Сначала отец Александр робел перед атеистическими чиновниками, но потом понял, что и они – такие же люди, каждого в той или иной мере заботят вопросы жизни и смерти, смысла жизни, вечных ценностей. И, в сущности, как он тогда еще понял и что не стало очевидным для всех и сейчас, у них общий враг – мракобесие и псевдодуховность, размывающие границы добра и зла, чарующие людей кажущейся сладостью вседозволенности. Но тот 1988 год действительно стал переломным в положении Православия в Советском Союзе, что наглядно доказал проведенный в этом году Поместный Собор.

Поместному Собору в Русской Православной Церкви по сложившейся в XX веке традиции принадлежит высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда – законодательная, исполнительная и судебная. В состав Поместного Собора входят

архиереи, а также представители духовенства и мирян от всех епархий, важнейших учебных духовных заведений и монастырей, зарубежных учреждений Русской Православной Церкви.

Важность Поместного Собора 1988 года обусловлена тем, что проводился он во время, когда появились предпосылки для кардинальных перемен в положении Церкви в советском государстве и обществе.

Процессы так называемой перестройки и демократизации наряду с негативными последствиями имели и ряд положительных. К последним можно отнести перемены в государственно-церковных отношениях. На волне проводимых в стране демократических реформ Церковь постепенно освободилась от чересчур навязчивой опеки госаппарата; получила самостоятельность в вопросах собственности, проповеди, духовного образования и просвещения, кадровой политики, установления сотрудничества с государственными и общественными организациями. В том, что это стало возможным, велико значение Поместного Собора 1988 года.

Он создал предпосылки для перемен в государственном законодательстве в отношении религии, которые и произошли в 1990 году с принятием новых российского и союзного законов о свободе вероисповеданий. Проводимый в год Тысячелетия Крещения Руси Поместный Собор привлек к Русской Православной Церкви

самое широкое внимание общественности не только Советского Союза, но и мировой.

Одним из главнейших деяний Собора явилось обсуждение и принятие нового устава Русской Православной Церкви взамен устаревшего «Положения об управлении Русской Православной Церковью», принятого на Поместном Соборе 1945 года с изменениями, внесенными Архиерейским Собором 1961 года.

Важнейшие изменения претерпело управление приходами. Проведенная в 1961 году реформа приходского управления полностью устранила духовенство от участия в хозяйственных делах приходов, создала ненормальное положение, когда вопросы материального состояния Церкви зачастую решали люди неверующие. На Поместном Соборе 1988 года последствия этой реформы были признаны отрицательными. Архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (с 2009 года – Патриарх Московский и всея Руси) отметил, что «поправки к «Положению», сделанные в 1961 году, были продиктованы не внутренними потребностями Церкви, а той сложной внешней ситуацией, в которой оказалась наша Церковь в конце 50-х – начале 60-х годов. «Реформа 1961 года» по существу оказалась несостоятельной и обратилась внутренними нестроениями в Церкви». В 1988 году духовенству была вновь возвращена возможность активного участия в финансово-хозяйственной стороне жизни приходов, что нашло отражение и в принятом на Соборе новом Уставе.

Поместный Собор 1988 года проводился во время, когда Русская Православная Церковь еще жила практически по дискриминационному постановлению ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 1929 года. Внесенные в него к 1988 году изменения и дополнения также не давали Церкви возможности полноценного осуществления своего служения в государстве и обществе. Однако Собор принял решение о внесении изменений в Устав Русской Православной Церкви, которые возвращали духовенству право участвовать в распоряжении финансово-хозяйственной деятельностью приходов.

Зависимость Церкви от государства оставалась в то время прежней. И тем выше значение Собора, который хотя и решил далеко не все стоящие перед Русской Православной Церковью на данном этапе проблемы, но, сняв многие из них, стал мощнейшим стимулом к избавлению Церкви от гнета госатеизма, к развитию внутрицерковной жизни, к направленности деятельности Церкви на взаимопольное сотрудничество с государством и обществом, к развитию духовной, мистической стороны жизни Церкви, религиозного образования и духовного просвещения.

... Воспоминания отца Александра прервал стук в дверь. Его звали к архиерею.

Глава 3.

Архиепископ Анатолий и протоиерей Александр вот уже больше часа сидели в приемной первого заместителя председателя облисполкома. «Павла Анатольевича пока нет, но он просил вас дожидаться», – сказала им секретарь – пышная женщина лет сорока с надменным лицом. Вместе с ними в приемной сидел недавно назначенный на должность консультанта по связям с религиозными организациями отдела координации социальной сферы облисполкома Владимир Николаевич Шуваев.

Уполномоченные Совета по делам религий были еще совсем недавним, но уже прошлым. Последний уполномоченный по Петровской области Евгений Алексеевич Иванов в настоящее время благополучно защитил докторскую диссертацию и заведовал кафедрой в ставшем университетом Петровском пединституте. Владимир Николаевич тоже был профессиональным вузовским преподавателем. Скромный, воспитанный, дипломатичный и деликатный человек, он как никто другой подходил для работы на данном участке в такое время, когда государственное законодательство, регулирующее религиозную сферу, кардинально менялось.

Новые законы о религии СССР и РСФСР были приняты почти одновременно. Российский закон был разработан быстро и дополнен существенными поправками Комитета Верховного Совета по свободе совести, милосердию и

благотворительности. В то же время союзный закон имел трудную судьбу.

В начале февраля 1988 года Политбюро ЦК КПСС официально поручило Совету по делам религий совместно с другими союзными министерствами и ведомствами разработать проект союзного закона о свободе совести. В конце апреля Совет внес как в ЦК КПСС, так и в Совет Министров СССР законопроект «О свободе совести и религиозных организациях», вошедший в себя и наработки предшествующих лет. Однако потребовалось более двух лет, чтобы этот законопроект был внесен на рассмотрение Верховного Совета СССР.

Коммунистическим деятелям удавалось постоянно блокировать разработку проекта закона и внесение в него либеральных статей. Спустя три недели после опубликования закона СССР (01.10.1990) РСФСР представила свой Закон о свободе вероисповеданий (25.10.1990). Религиозные организации получили статус юридического лица. Родители получили право на религиозное воспитание детей. Были разрешены миссионерская и публицистическая деятельность Церкви. Смогла свободно развиваться приходская жизнь. Был упразднен Совет по делам религий.

Союзные законодатели были профессионалами в государственном управлении; российские законодатели были в основном вчерашние диссиденты – противники официальной власти (в основном из среды научной интеллиген-

ции), которые были пленены западно-демократическими фетишами. Всякая мысль об интересах народа, страны и государства для российских законодателей трактовалась как великодержавный (русский) шовинизм. Этим-то и отличаются два закона – союзный и российский: для первого из них характерна государственность и охранительность прав традиционных религий, для второго – протестантский (индивидуалистический) демократизм. Участие будущего Патриарха, то время митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, в качестве народного депутата СССР в разработке союзного закона способствовало тому, что он был более приближен к жизненным реалиям, чем российский.

Союзный закон преодолел «советскую идеологичность» в том, что предусмотрел в качестве объекта законодательства религиозные организации, то есть конкретные исторически сложившиеся учреждения, являющиеся носителями религиозных отношений. Эти религиозные отношения, в свою очередь, являются предметом государственного регулирования. Для российского Закона носителем религиозных отношений является гражданин или группа граждан (религиозное объединение), поэтому основной пафос данного закона – права человека и гражданина.

Само слово «организация» не встречается в тексте российского Закона. В факте игнорирования российским законодательством 1990

года исторически сложившихся и существующих сотни лет религиозных организационных структур проявляется большевистское антицерковное наследие и идеологическое преемство от прежнего советского законодательства. Союзный закон весьма «многословен» по своему основному объекту законодательства – религиозным организациям. Этим он отличается от российского закона, предусматривающего объектом государственного регулирования только религиозные объединения граждан и как будто бы не замечающего таких учреждений, как Московская Патриархия, Отдел внешних церковных сношений и др., которые возникли не как объединения граждан, но как организационно-функциональные учреждения особых общественных отношений, которые именуется религиозными отношениями.

Прямого разрешения на существование таких организаций в российском законе не имелось. По букве закона сама Патриархия является религиозным объединением группы граждан. Только вопрос, каких и кого? Где такое собрание учредителей (десять или двадцать человек), которое решило бы создать (учредить) Патриархию? Таков основной парадокс Российского Закона «О свободе вероисповеданий» 1990 года.

По этому вероисповедному закону религия и атеизм должны были сравниваться, в один ряд ставились религиозные организации и "атеистические общественные объединения" (ст. 4). Закон

настойчиво напоминал об атеизме (семь раз), устанавливал защиту атеистических убеждений граждан. Несомненно, большой ошибкой составителей закона следует признать отнесение религиозных организаций к числу общественных объединений. Противоречивость некоторых положений, неопределенность ряда формулировок, путаница в терминологии дают основание отметить низкий уровень закона в целом. Субъективизм и неопытность разработчиков столь сложного законопроекта, стремление подготовить закон оригинальный, не похожий на закон Союза, привели к тому, что очень скоро потребовались изменения и дополнения к нему, но принять их не удалось из-за событий 1993 года, прекративших работу Верховного Совета РСФСР.

После принятия Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в стране сложилась довольно противоречивая ситуация. С одной стороны, налицо было продвижение вперед: тысячи культовых зданий передавались религиозным общинам, открывались десятки монастырей, духовных учебных заведений, религиозных центров, братств и миссий. Практически все обоснованные заявления верующих о регистрации обществ разрешались положительно. В то же время российский закон о религии 1990 года, разработанный в противовес союзному и не учитывавший объективных реалий религиозной жизни, открыл возможность широкой проповеди для представителей религиозных новообразований, зачастую деструктивного

характера. Вызванные этим многочисленные проблемы были преодолены далеко не сразу и после принятия в 1997 году нового Федерального Закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Частично эти проблемы сохраняются и в настоящее время.

Субъектами права в союзном Законе 1990 года были граждане и организации, в российском законе 1990 года – только граждане, в российском 1997 года – граждане и объединения (организации). То, что российский Закон 1990 года был эпатажным (противосоюзным), а поэтому временным, ясно по тому, что он исключил из своего названия, а, следовательно, из области правового регулирования, религиозные организации (объединения) в противовес союзному Закону, но реальность восторжествовала в российском законе 1997 года.

... Павел Анатольевич в дороге не раз приложился к бутылке с коньяком и поэтому в облисполком приехал уже сильно опьяневший. Покачиваясь, он зашел в приемную, посмотрел мутным взглядом на сразу вставших со стульев ожидавших его людей и, ни с кем не поздоровавшись, сразу прошел в кабинет. Проходя, он ткнул пальцем на архиепископа Анатолия: «Ты заходи, а эти пусть пока посидят».

Архиерей зашел за ним. В кабинете Баранов вдруг обнял его, расцеловал и с чувством произнес: «Золотой ты наш человек!» Владыка чувствовал себя во время всего их разговора крайне неловко, хотя внешне этого никак не показывал. Чиновник назы-

вал его то «Ваше Святейшество», то «Толя»; налил себе стакан коньяку, который постоянно отхлебывал. Повод встречи был самый что ни на есть важный – передача Церкви целого ряда храмов, до этого занятых под хозяйственные нужды и теперь освобождаемых. И Павел Анатольевич в принципе пригласил архиепископа, к которому очень хорошо относился, для того чтобы сказать, что вопрос решен. Он хотел сделать сюрприз, и архиерей ничего не знал о цели встречи, о которой ему передали только, что она очень важная. Но ум чиновника был помрачен алкоголем и поэтому он лишь задавал разные провокационные вопросы, на которые владыка отвечал очень серьезно, видя перед собой не распоясавшегося пьяного барина, а представителя государственной власти, который в любом состоянии может многое сделать в области как хорошего, так и дурного.

– А что, Толя, если нам одну из сохранившихся, но закрытых пока церковей в Петрово отдать объединению Муна? – пристально глядя в глаза архиерею спросил Баранов. – Горбачев с Муним вась вась. Ты как архиепископ поддержи, что, дескать, нужно развивать религиозный плюрализм и толерантность, а православных церковей и так много. А они тебе, глядишь, дом купят.

– Вы знаете, Павел Анатольевич, я считаю, что нельзя оправдывать разорение России как духовное, так и материальное ничем не значащими пустыми словами. Нужно русскому человеку всегда быть патриотом своей веры и нации, никогда не стесняться своей трудной, но прекрасной многовековой рос-

сийской истории. Нужно не мунам помогать, а, наоборот, во что бы то ни стало прекратить проповедь этих сект, сеющих не мир и любовь, а разделение между людьми. Нам нужна единая сильная, согретая Православием великая Россия. Ну, а про дом я понял, что вы пошутили.

– Вот за что я тебя люблю, – обнял его Баранов, – так это за непродажность. – Но неужели тебе не хочется ездить на «Чайке», иметь шикарный дом, бывать за границей?

– Машина меня возит вполне приличная. Какая разница – «Волга» или «Чайка»? Дом у меня есть, я сыт, одет, обут. Зарубежные поездки меня не прельщают. Ведь человеку, в сущности, очень немного нужно. Мне очень жалко людей, которые свою жизнь и бессмертную душу растрачивают на погоню за материальными благами. Если они честны сами с собой, то через какое-то время видят, что гонялись за призраками, что все, чего они достигли, неуловимо ускользает у них из рук, проходя как песок сквозь пальцы, или не приносит удовлетворения. И только в обращении к Богу, в молитве и служении ему человек обретает полноту бытия.

Баранов внезапно стал серьезным и ненадолго пришел в себя. Он был человеком умным и нередко задумывался о смысле жизни. Архидьяконом невольно указал ему сейчас на то, что чиновника больше всего раздражало: на то, что власть, материальные блага, возможности не приносят удовлетворения, что постоянное самоутверждение за счет других расстраивает нервы и здоровье, подогревает все усили-

вающуюся потребность в коньяке и сигаретах. Павел Анатольевич вдруг вспомнил о цели встречи.

– Простите, Ваше Святейшество, что я так по-свойски с вами. Выпил немного...– извиняющимся голосом выдавил из себя Баранов. – Я ведь что вас позвал: вот постановление облисполкома о передаче вам двенадцати храмов по списку, о которых вы просили.

– Я искренне благодарю вас, дорогой Павел Анатольевич, – сказал владыка, который уже начал думать, что его вызвали исключительно для того, чтобы выслушивать философские сентенции пьяного чиновника. – Господь да благословит вас и ваших близких за это благое дело!

– Чего уж тут говорить – будем помогать, нужно возродить нам Церковь, – кивнул первый заместитель председателя облисполкома и, сняв телефонную трубку, сказал секретарю: – Наташа, пусть там Шуваев со священником заходят.

Затем он повторил информацию о передаче храмов уже при них, пожал всем руки и, провожая архиерея до двери кабинета, уже совсем серьезно еле слышно шепнул ему: «А, может быть, я и сам стану верующим».

Глава 4.

Эльвира Свиначенко вот уже месяц беспробудно пила. Неприятности посыпались на нее одна за другой: сначала обанкротилось российско-китайское предприятие «Панда», во главе которого

был поставлен ее муж Ремир Виленинович Свиноаренко. Причем обанкротилось так, что результатами этого воспользовались совсем не те люди, которые предполагались; огромные суммы ушли посторонним. Потом сам господин Свиноаренко перенервничал и умер. Его жена, с одной стороны, была вроде бы ни при чем: официально она в «Панде» никем не числилась. Но господин Баранов не поверил, что Эльвира ни при чем. Сначала он убрал ее из горисполкома, а когда она лишилась официального статуса, уже совсем другие люди попытались вытрясти с нее деньги. Но дело в том, что Эльвира Львовна действительно не имела отношения ни к банкротству, ни к растворившимся капиталам. К их личным с покойным мужем сбережениям претензий не было: они были накоплены за тридцать лет, и все заинтересованные лица об этом знали. Тем более, что Эльвира пока еще входила в негласный список лиц, обладающих определенной неприкосновенностью. Поэтому, раз она оказалась ни в чем не виновата, ее через некоторое время оставили в покое, дав, однако, четко понять, что дальнейшая активная деятельность для нее закрыта. На скопленные за жизнь сбережения она попыталась открыть один ларек, затем другой, но оба сожгли. Эльвира потеряла почти все, кроме квартиры. И с горя она сделала то, что обещала себе никогда не делать, имея пример своего отца: запила. Наследственность не подвела: она стала алкоголичкой с первой рюмки. И вот целый месяц в одиночестве она пила и пила в своей квартире, вспоминая свою жизнь.

Эльвира Львовна многим людям сумела поломать судьбы, видимо, пришла пора платить по счетам. Как легко она почти тридцать лет лишала людей возможности получить квартиру, высшее образование, хорошую работу! А с каким удовольствием она преследовала людей за их религиозные взгляды, организовывала отправку в психиатрические больницы за свободу взглядов, лишение родительских прав за религиозное воспитание детей. Особенно товарищ Свиноаренко гордилась тем, что незадолго до начала перестройки комиссия под ее председательством приняла решение о сносе одной из сохранившихся в Петрово церквей. Это было сделано, когда подобные разрушения храмов практически уже не практиковались. Теперь, во время запоя, в страшных галлюцинациях образы прошлого приходили к ней. Эльвира как безумная металась по квартире, не находя нигде спасения. Она выпивала стакан, другой, забывалась полным кошмаров сном, чтобы очнуться от него к еще более жуткой реальности. Эльвира Львовна перестала понимать, что происходит на самом деле, а что ей кажется. Иногда сознание ненадолго возвращалось к несчастной. Она думала: может быть, нужно покаяться? А образы того, в чем каяться, стояли у нее перед глазами. Вот ведь и отец не только покаялся, но даже и не пил два года перед смертью. Правда, он стал каким-то не таким...— думала Эльвира. Но все в ней противилось покаянию. Целый месяц она мучалась, но так и не решилась ни в одну из минут просветления позвонить в церковь и попросить, чтобы священник пришел ее поисповедовать. В одну

из таких светлых минут она вызвала «скорую помощь», которая отвезла ее в наркологическую больницу, где Эльвира Львовна и умерла.

А ведь ее отец, который пил буквально с детства, прожив семьдесят четыре года, не нажил себе никаких катастрофических болезней. Более того: за два года до смерти он полностью отказался от алкоголя и умер в полном разуме, примиренный с Богом, людьми и своей совестью. Как это произошло? Сам Лев Александрович считал, что это чудо; все, кто его знал, не могли считать иначе. Просто одна-

жды он почувствовал, что может больше не пить. Хотя Лев никому в этом никогда не признавался, на самом деле ему жутко надоело, что с пятнадцати лет он каждый день пьяный. Ему хотелось какой-то другой жизни, а какой именно, и сам не смог бы объяснить – просто не знал. Лев Александрович был по натуре человеком очень добрым, склонным ко всему хорошему. Даже полвека пьянства не смогли в нем этого истребить. Он искренне плакал, когда говорил с теми, кого считал праведными людьми: митрополитом Исайей, епископом Анатолием, протоиереем Александром. Отец Александр часто за него молился, может быть, это помогло? Но однажды Лев Александрович сумел не выпить очередной рюмки. Как ни странно, он легко это пережил: только поболел с неделю, как при гриппе. И с тех пор помощник старосты начал меняться прямо на глазах.

Из «двадцатки» ему пришлось уйти, потому что он больше не хотел принимать участия в махинациях. Стал жить на скромную пенсию. Впрочем, квартира у него была, одежда тоже, еда в то время хотя и была в дефиците, но продавалась по доступным ценам. В самом начале восьмидесятых пенсионер вполне мог самостоятельно прожить.

Лев Александрович, протрезвев, увидел, что прожил всю свою жизнь совсем не так, как ему хотелось бы. Он вроде бы и старался никому не делать зла, да оно само как-то получалось. И вот Лев, избрав отца Александра своим духовным отцом, стал каждую неделю у него исповедоваться. Прошрое всплывало постепенно, каждую неделю воспомина-

лось что-то еще. А в своей новой жизни Лев Александрович старался не делать ничего такого, что тяготило бы его совесть. И постепенно он достиг состояния полной умиротворенности: никто и не верил, что благостный старик – это тот самый полусумасшедший пьяница, который сумел стать чем-то вроде визитной карточки не только собора, но и всего города. Только его дочь Эльвира – активная атеистка – была крайне недовольна проснувшейся религиозностью отца, пыталась сдать его на принудительное лечение в психиатрическую клинику, да что-то у нее ничего не получилось.

Лев Александрович поначалу даже попытался петь и читать на любительском клиросе, но уже вскоре по мере того, как рассудительность просыпалась в нем, от этих попыток отказался. Дело в том, что хотя голос у бывшего помощника старосты сохранился громогласный, но слуха у него не было, читал он с ошибками в каждом слове. Да еще постоянно совершал какие-нибудь оплошности. Например, однажды надел вместо стихаря архиерейский саккос, так что даже пришлось задержать начало богослужения, пока искали, во что же облачатьладыку. А превращать службу в посмешище Лев не хотел. И он просто стоял во время службы, молился за себя и за свою дочь «заблудшую Эльвиру», как он ее теперь называл.

Лев Александрович не только сам отказался от алкоголя, но и помог бросить пить своему соседу – Григорию Ильичу Перачеву. Тот был бывший врач, недавно отметивший свое шестидесятилетие и вышедший на пенсию. Григорий Ильич около десяти

лет был пациентом наркологии. Ему пришлось оставить врачебную практику, перебиваться случайными заработками. Жена умерла, дети не общались. Зависимость от алкоголя страшно тяготила его. Но он не знал, что можно как-то сопротивляться, во всем разуверился. Пример Льва Александровича вселил в него надежду. Под чутким контролем старшего товарища Григорий прервал очередной запой, впервые за последние годы, выйдя из него без помощи врачей. Он стал носить крест, сходил на исповедь, но постоянным прихожанином не стал, лишь изредка заходя в церковь. Впрочем, Лев Александрович был доволен уже тем, что его новый друг бросил пить. «А до церкви ты, может быть, пока еще не дорос», – доброжелательно сказал он.

Григорий увлекся литературной деятельностью. Он написал пронзительную книгу о судьбе алкоголика, задыхающегося от бездуховности советского общества. Вся она была основана на реальных фактах. В ней были места сравнительно забавные. Например, как герой, запертый в похожей на камеру палате наркологической клиники, в которой не было окон, а только массивная металлическая дверь с зарешеченным окошком, сумел выбраться из нее по вентиляционным трубам. Внутри них он и прополз, как герой американских боевиков, о которых ничего не знал. Были места и страшные, хотя и оставляющие место для надежды. Герой книги, отчаявшись, затягивает себе петлю, но потом вспоминает, что не успел допить полбутылки водки. Он допивает, засыпает. Пока он спит, приходит жена, вызывает «скорую», и просыпается неудавшийся

самоубийца в наркологии, получив еще один шанс начать новую жизнь...

Григорий желал свое творение издать, о чем сказал Льву Александровичу. «Я в этом не понимаю, – честно сказал тот. – Но лучше ты со своими писаниями сильно не высывайся, а то скажут, что совсем с ума сошел на почве пьянки. Вот у нас ходит в собор один поэт, давай я с ним договорюсь, чтобы он почитал».

Тот почитать согласился, а, прочитав, пришел в ужас. Дело в том, что Григорий за время пьянства стал ужасным матерщинником, а как он думал, так и говорил, также и писал. Время, когда в России книги Эдуарда Лимонова будут превозноситься как изящная словесность, еще отстояло лет эдак на десять. Поэтому поэт рукопись категорически забраковал.

«Представляешь, – жаловался другу Григорий Ильич, – говорит, что я писать по-русски не умею, что у меня половина слов матерные. А чего же тогда Лев Толстой считается знаменитым писателем? Он ведь тоже толком по-русски писать не умел. Вот я почитал у него книгу, «Война и мир» называется, так там тоже половина слов на другом языке, только не на матерном, а на французском. А какая, спрашивается, разница и где справедливость?» Впрочем, через какое-то время Григорий успокоился и начал даже ходить в церковь. Правда, многое его здесь не удовлетворяло. Он все высказывал Льву, что вот это нужно было бы сделать так, а вот это совсем по-другому. Но Лев Александрович только посмеивался. Впервые в своей жизни он обрел трезвый разум

и душевный мир, впервые у него начали строиться отношения с людьми совсем на иной, чем раньше, основе. И он был счастлив.

Глава 5.

Лаврентий Грачев был рукоположен в сан священника всего лишь две недели назад. Двухнедельная практика в кафедральном соборе города Петрово – и вот он уже едет в незнакомый ему город Чапаевск, который находится всего в нескольких десятках километров от областного центра. В портфеле лежит указ архиерея о назначении его настоятелем прихода в этом городе.

«Храм там уже несколько лет как открыт. Приход сформировался, люди ходят, идет реставрация. Настоятель был отец Ефрем – очень хороший молодой иеромонах, абсолютно себя не щадил для Церкви. Сам и на колокольню лазил, белил ее; и под купол храма. Но он с Украины родом, а сейчас предложили ему туда перейти служить. Ну, я не стал его удерживать, хотя и жалко было отпускать. А вот теперь там второй месяц в командировке такой протоиерей отец Георгий Грицук, а он очень своеобразный священник. Теперь все очень просят, чтобы назначить им нового настоятеля, а отца Георгия отозвать. Остановишься на два дня в гостинице, примешь у отца протоиерея дела, и затем он освободит тебе церковный дом. Но народ в Чапаевске непростой, так что поедешь ты не на курорт», – сказал отцу Лаврентию архиепископ Анатолий, вручая указ о назначении.

И вот новый настоятель в скромном черном подряснике и сукфье приехал в Чапаевск. Городишко был очень невзрачным. Основную массу построек составлял частный сектор, но были и панельные пяти- и двухэтажные здания. Многие горожане

держали разную домашнюю живность. Прямо по улицам паслись гуси, куры, козы, а кое-где – коровы и свиньи. Было несколько ткацких фабрик и какой-то завод.

Гостиница представляла собой обшарпанное трехэтажное здание с удобствами в коридоре. Однако в номере «люкс», который снял отец Лаврентий, были отдельная раковина и унитаз с разбитым смывным бачком, но не было ни душа, ни горячей воды. В комнате номера стояла раздолбанная кровать, покрытая протертым пледом, прожженный сигаретами стол с потрескавшейся полировкой и стул на трех ножках. На окнах висели черная от грязи тюль и непонятного цвета выцветшие занавески. Из всех лампочек трехрожковой люстры горела только одна. Электрическая розетка не работала.

Священник Лаврентий с ужасом смотрел на все это «великолепие». Он родился и вырос в Ленинграде в семье музыкантов, закончил консерваторию. После 1988 года он начал ходить в храмы северной столицы. Его пленила красота православного богослужения, Лаврентию захотелось и самому стать священником. Было ему в это время двадцать шесть лет. Но в Ленинграде это было сделать сложно, требовалось получить и духовное образование, а опять учиться молодой человек не хотел. Тем более что он был не женат, а ни жениться, ни становиться монахом не чувствовал желания. Возможным выходом было стать целибатным священником, но не все архиереи к этому хорошо относились. Вот и посоветовали ему поехать в Петровскую епархию, где открывалось много новых храмов и была большая потреб-

ность в новых священнослужителях, а архиерей не имел предубеждения против celibатов.

Архиепископ Анатолий и особенно протоиерей Александр, приняли его радушно. Поселили в доме у одной старенькой прихожанки. Лаврентию, выросшему в хорошей ленинградской квартире со всеми удобствами, не служившему по болезни желудка в армии и не ездившему, в отличие от многих сверстников в музучилище и консерватории, в колхозы на картошку, сложно было привыкать к удобствам на улице, необходимости ходить за водой на колонку. Невысокий, щуплый, изнеженный, болезненный, в свои двадцать семь лет уже начинающий сильно лысеть, он был при этом человеком непривередливым и с трудом, но начал привыкать к новым условиям. Однако тоска по благам цивилизации была в нем еще сильна. Номер «люкс» он снял в надежде хотя бы на пару дней почувствовать себя вновь приобщенным к ним, а в итоге пришел к выводу, что комнатка в доме тети Сони в Петрово была вовсе не такой плохой, как ему казалось.

Отцу Георгию Грицуку сообщили о приезде нового настоятеля телеграммой, и он пришел в гостиницу. Протоиерей был высокий седой мужчина с коротко постриженными волосами и маленькой бородкой. На нем был серый костюм, на ногах лаковые черные ботинки, на носу темные очки. За последние три года он сменил уже десять мест служения, что не мешало ему сохранять невозмутимо важный вид. Нигде он не уживался, постоянно что-то «чудил»; другой архиерей давно уже запретил бы отца Георгия в священнослужении, но архиепископ

Анатолий жалел стареющего священника и каждый раз пытался хоть на время его куда-то пристроить.

– Здравствуй, дорогой отец, – певуче сказал протоиерей Георгий, входя в номер отца Лаврентия и сразу же бросившись его обнимать. – Рад приветствовать тебя на этой мрачной земле.

– Так уж и мрачной, – попытался отшутиться тот. – Вы покажете мне храм?

– Завтра, все завтра. Сегодня я введу тебя в курс дела. Ты уже видел город?

– Ну, так немного, пока шел в гостиницу...

– И нечего видеть это обиталище порока и скорби, еще насмотришься до тошноты. Побеседуем здесь. Кстати, – отец Георгий стал необычайно деловитым, – ты как новый настоятель разве не собираешься угостить чем-нибудь заслуженного протоиерея, благоговейного старца, который сам пришел к тебе, хотя и по сану и по возрасту, ты должен был его искать?

– Но у меня здесь ничего нет...– растерялся Лаврентий.

– Но деньги есть?

– Есть...

– Тогда пошли в магазин. Только сними сперва подрясник.

По дороге отец Георгий всячески поносил Чапаевск. И город никудышный, и жители в нем дурные. Даже обращаются при встрече друг к другу: «Здравствуй, дурак»; «привет, дурак», в Петровской области вообще дураков так и называют «чапаевцы». К слову сказать, когда протоиерей Георгий рассказал об этом архиерею, тот не без юмора по-

интересовался: «Странно, а Ефрем мне ничего такого не говорил. Может, они только к вам так обращаются?»

– Неужели правда? – тоже не поверил отец Лаврентий.

– А ты как думал? Но в то же время так меня полюбили! Ведь я служу так, как никто в этой Петровской епархии не служит. Я служу – у меня служба горит, проповедь горит, молебен горит! Меня в пятнадцать епархий зовут – то настоятелем кафедрального собора, то секретарем епархии. Но я – скромный. Зачем оно мне нужно? Меня и Патриарх знает. Звонит мне, спрашивает, как правильно слушать, как поступать в том или ином случае...

– Сам Патриарх? – удивился Лаврентий.

– Да, конечно. Я ведь и по церковной службе, и по богословию один из лучших специалистов в России. У меня такое шикарное образование, что я даже не могу сказать какое! Вот архиерей этим пользуется, постоянно посылает меня то на один приход, то на другой, чтобы службу наладить. И нигде не хотят, чтобы я уезжал! А уж как стараются мне угодить! Выхожу, бывает, утром из дома – тут сумка с продуктами, тут бутылка коньяка, тут отрез материала. Несут люди от чистого сердца, хотят мне приятное сделать. Знают ведь, что я просто так ничего не беру. А уж раз подкинули... Не пропадать же добру.

За разговором они зашли в магазин. Там продавщица по знаку Грицука выдала им из-под прилавка двухлитровую банку с мутноватой жидкостью, килограмм ливерной колбасы, буханку черного хле-

ба, банку килек в томате и банку соленых огурцов. Платить за все пришлось отцу Лаврентию, больному желудку которого стало плохо от одного вида всех этих яств. У отца Георгия, напротив, настроение заметно улучшилось, чувствовалось, что ему не терпится поскорее вернуться в номер.

– А что такое в банке? – задал интересовавший его вопрос Лаврентий, которому содержимое показалось по одному своему виду какой-то отравой.

– Прекраснейший самогон! Чистый как слеза. Ведь ты знаешь, какие сейчас проблемы с водкой...

– А не осудят нас, священников, что мы такие вещи покупаем?

– Кто ж осудит?

В номере не было посуды, но отец Георгий, видимо, знал об этом и предусмотрительно прихватил нож и два граненых стакана. За три минуты он сервировал все прямо без тарелок на грязном столе гостиничного номера. Отцу Лаврентию подумалось, что именно так, наверное, едят бродяги, о которых он много читал, но настоящих никогда не видел.

– Вот, за пять минут накрыл стол не хуже, чем на приеме у министра! – гордо сказал Грицук, не заметив, что на нового настоятеля стол производит совсем другое впечатление.

Отец Лаврентий лишь пригубил жуткую жидкость, а его новый знакомый залпом осушил стакан и сразу же налил себе второй.

– А ты что не пьешь? – неодобрительно покосился он на Лаврентия.

– Здоровье не позволяет. А правда, – решил перевести разговор священник, – что отец Ефрем сам без страховки залезал на колокольню и ее белил?

– Ефрем? – отец Георгий также залпом выпил второй стакан, икнул, взгляд его помутнел. – Да он просто залезет на колокольню, привяжется там веревкой и спит!

– Спит? – в ужасе спросил настоятель. – Зачем же на колокольне, она же метров тридцать высотой!?

– Тридцать шесть. А спал он на самом верху этой колокольни, чтобы не служить. Ну, кто его туда полезет искать? То-то и оно. Ужасно не любил ничего делать. А один раз забыл привязаться и упал прямо головой об землю, но дурачкам ничего не делается. Отряхнулся и полез обратно.

Отец Георгий тем временем выпил третий стакан. Лаврентий понял, что принимать на веру все, что он сегодня слышит, не стоит, а также попробовал намекнуть на вред неумеренности. Его гость начал в ответ рассказывать ему бесконечную историю про какого-то старца-подвижника и его ученика, которые пришли в какой-то монастырь и ели там всю еду, которую им подали, хотя должны были питаться только хлебом и водой. И ученик осудил старца: вот он ест хорошую пищу, и меня заставил, не делает того, чему меня учит. Но когда они вышли из монастыря, ученику от обильной еды захотелось пить. А старец сказал ему: «Вот теперь будем поститься. А на людях пост не считается». И они целый день терпели жажду...

Потом отец Георгий привязался к настоятелю:

- А ведь ты негодай!
- Почему? – испугался тот.
- Потому что ты не любишь цыган.
- Почему вы думаете, что я их не люблю?
- Потому что ты с ними не выпиваешь!

В конце концов протоиерей Георгий, который пил стакан за стаканом, ел с большим аппетитом, спел несколько украинских народных песен, рассказал полсотни разных историй, вырубился прямо на единственной в номере кровати. Трезвому и голодному отцу Лаврентию пришлось спать сидя на сломанном стуле. Но на этом его злключения в эту ночь не закончились. Через несколько часов отец Георгий проснулся и захотел пить. А воду в номере отключили.

– Вот и попоститесь, как старец в истории, которую вы рассказывали, – едко заметил ему настоящий.

– Ты смерти мой хочешь, фарисей! – театрально возгласил протоиерей и застонал.

Пришлось Лаврентию идти на улицу за водой на стоявшую в двадцати метрах от гостиницы водопроводную колонку. Отец Георгий жадно выпил банку воды и заснул. Задремал и отец Лаврентий. Но через час его разбудили какие-то мерзкие звуки. Оказывается, его нового знакомого стошнило прямо в раковину. Лаврентий испугался, как бы не подумали, что это его вырвало и, преодолевая брезгливость, все убрал. Несколько часов он сидя провел в тревожном сне. Утром пошел умыться, почистить зубы и на щетине зубной щетки, лежавшей на рако-

вине, увидел пережеванный кусочек ливерной колбасы. После этого стошнило уже его самого.

А отец Георгий как ни в чем не бывало встал, умылся и пошел показывать новому настоятелю храм и церковный дом. Храм отцу Лаврентию понравился: большой, старинный. Иеромонах Ефрем уже успел побелить его снаружи, починить кровлю, поставить кресты на куполах, вставить окна и двери. И в самом храме все было уже приспособлено к тому, чтобы в нем можно было совершать богослужения. Церковный дом, который был передан вместе с храмом (до революции в нем размещалась церковная сторожка) оказался вполне пригодным для жизни. Через два дня священник Лаврентий попросился с протоиереем Георгием Грицуком, который за это время заставил еще дважды накрывать ему столы с угощением, и постарался забыть об этом знакомстве как о дурном сне.

Народ оказался непростой, но в целом добрый. Отцу Лаврентию пришлось много работать над собой, привыкать и к неустроенному быту, и к формам общения, отличным от ленинградских. Пришлось привыкать к хамству директоров, у которых приходилось просить помощь на восстановление храма, к пению хора, состоящего из безголосых и лишенных музыкального слуха престарелых любительниц церковного пения, к местным пьяницам, которые постоянно пытались выпросить у него на опохмелку, да мало ли еще к чему... Но, как ни удивительно, все это пошло ему на пользу. В жестких для избалованного молодого человека условиях выковывался его характер, стала появляться не книжная, а житейская

мудрость. Прихожане полюбили отца Лаврентия, их число стало расти. Понемногу шла и реставрация храма.

А архиепископ Анатолий, к которому молодой настоятель приезжал, чтобы поделиться своими успехами, поддерживал его в возникающих трудностях, помогал его духовному росту и радовался созиданию прихода.

Глава 6.

Крестильня Богоявленского кафедрального собора города Петрово была заполнена народом. Сегодня пришли креститься семьдесят три человека; большинство - принесенные родителями и крестными младенцы, очень много подростков, но были и взрослые люди. До начала таинства оставалось десять минут. Пока помогавшая во время крещения старушка расставляла всех пришедших таким образом, как ей казалось правильным, настоятель собора отец Александр пытался использовать это время, чтобы кратко переговорить с некоторыми из них. Священника интересовало, что побудило совсем юных парней и девушек придти креститься.

В большинстве случаев настояли бабушки (редко дедушки), иногда и родители. Гонения на религию прекратились, и многие стремились воспользоваться представившеюся возможностью безнаказанного исполнения религиозной обрядности. Некоторые молодые люди пришли, потому что большинство их одноклассников уже были крещены, а им не хотелось выде-

ляться. Одна девочка пришла, потому что бабушка ей сказала, что, если она крестится, то бабушка купит ей золотые цепочку с крестиком... Но были, правда их было немного, и пришедшие осознанно. Один молодой человек решил креститься после того, как прочитал полсотни атеистических книг. А другой мальчик вдруг прямо утром почувствовал, что именно сегодня его должны крестить, и пришел в храм...

Протоиерей Александр только радостно улыбался или, наоборот, вздыхал иногда, но он никого не оттолкнул, а каждому пришедшему старался показать, что здесь ему рады. «Если человек пришел, чтобы над ним было совершено таинство крещения, то, значит, Сам Господь незримо привел его. Наше дело – крестить, постараться воспользоваться этим моментом, чтобы заронить в душу человека хотя бы небольшое желание еще раз придти в церковь. А после крещения человек, родившийся в этом таинстве для вечной блаженной жизни, получит благодатную помощь Божию для того, чтобы изменить свою жизнь. Воспользуется крестившийся этим даром или нет – мы не знаем. Но на нас не будет греха, что мы заслонили кому-то путь ко Христу», – говорил отец Александр тем священникам, которые считали, что не стоит крестить всех подряд, что нужна обязательная предварительная катехизация. «Религиозное просвещение – хорошая вещь, – возражал он им. – Но сейчас у нас нет для этого возможности. Разве, когда святой равноапостольный князь Владимир крестил Русь, у него была возможность обучения основам православного вероучения всех крестившихся? Разве совсем в недавние годы мы проводили катехизацию детей, которых верующие ба-

бушки приносили креститься тайком от родителей-атеистов? Нужно церковному и общественному сознанию еще дорасти до обязательной катехизации перед крещением и, опять же, только взрослых. Но нужно пытаться поговорить с каждым человеком, пришедшим в храм, не нужно жалеть времени на людей, надо, чтобы церковь они ощущали своим домом». Однако сам отец Александр в какой-то мере катехизацию проводил, потому что перед каждым таинством крещения он рассказывал о его значении, а в конце – о таинствах исповеди и причащения, призывал крестившихся молиться и ходить в храм.

А сегодня он крестил и трех взрослых людей, которые пришли к таинству очень осознанно, несколько раз встречались и беседовали с ним, а перед самым крещением пожелали исповедаться. «Исповедь перед крещением особенная, - объяснил им отец Александр. – Она охватывает всю жизнь и совершается, в отличие от обычной, не ради отпущения грехов, потому что все грехи человеку прощаются в самом таинстве крещения, но более для напоминания о том, какие именно грехи прощены, каких надо опасаться в первую очередь, на борьбу с какими страстями надо направить свои силы. Эта исповедь как урок: ведь часто люди даже не знают, в чем и как нужно каяться».

Необходимо отметить, что с 1989 по 1993 год наблюдался резкий рост количества людей, желающих креститься, венчаться, отпевать своих усопших родственников. Например, в 1989 году в храмах Ивановской епархии было совершено: 25394 крещения, 505 венчаний, 12298 отпе-

ваний (из них очных 4120, заочных 8278); в 1990 году 36354 крещения, 1208 венчаний, 12003 отпевания (из них очных 2496, заочных 9507); в 1991 году 34188 крещений, 902 венчания и 16390 отпеваний (из них очных 2558, заочных 13832). Для сравнения: в 1968 году в Ивановской епархии было совершено крещений 6453, венчаний 58, отпеваний надгробных 1611, отпеваний заочных 8578.

Такое резкое возрастание числа людей, желающих креститься и венчаться, объясняется тем, что после 1988 года и даже несколько раньше в общественном сознании начали происходить значительные перемены во взгляде на Церковь, религию, верующих. Верующих перестали считать неполноценными людьми, они получили возможность открыто исповедовать свои убеждения, не опасаясь того, что последствием этого будет ущемление их гражданских прав и свобод. Большая часть людей, которые боялись креститься во время гонений на Церковь, крестились в период с 1989 по 1992 год.

Но уже в 1993 году наблюдается некоторый спад в количестве совершаемых в храмах Ивановской области крещений – 18695, при сохранении числа венчаний (1409) и отпеваний (14056). Этот спад объясняется как раз тем, что большинство ранее некрещеных уже крестились к этому времени, а также примерно с 1993 года начали отходить от Церкви те, кто

шел в нее не по велению сердца, а отдавая дань моде.

Хотя крестить отцу Александру помогал еще один священник, крещение продолжалось почти два часа. Все устали, но протоиерей все же обратился к пришедшим с кратким словом. Он сказал им и о том, что в жизни каждого человека бывают тяжелые, скорбные моменты, когда сам он ничего не может сделать с внешними обстоятельствами. Но человек в мире не один – с нами Господь, нужно лишь обратиться к Нему с молитвой о помощи.

А потом еще около двух часов он, перебарывая усталость, беседовал с теми, кто решил задержаться и задать священнику какие-то вопросы. Для каждого он старался найти не только добрые слова, но и что-то подарить. Это были, казалось бы, символические вещи – открытка с изображением иконы, листок с молитвой. Но почти каждому человеку, с которым говорил протоиерей Александр, встреча запоминалась как что-то светлое, помогающее жить.

Жизнь в стране стремительно менялась. Уверенность в завтрашнем дне, к которой большинство населения привыкло за так называемые годы застоя, исчезла перед лицом наступавшего дикого капитализма. В сердцах многих людей поселялся страх перед жизнью. И отец Александр каждому старался донести благую весть, что не нужно ничего бояться, что Господь любит каждого человека, что во Христе Бог воплотился, претерпел распятие, крестную смерть и воскрес, чтобы спасти всех людей от проклятия, греха и смерти. Нужно только постоянно обращаться к Нему с молитвой,

стараться жить по Его заповедям, участвовать в церковных молитве и таинствах. Слова священника шли от сердца и передавали его личный опыт духовной жизни, поэтому никто не оставался равнодушным. После встреч с отцом Александром многие начинали воспринимать церковь как островок спасения среди бурного житейского моря, постепенно начинали жить так, как он учил их словами и своим примером, иногда полностью изменяя свою жизнь.

Выйдя из крестильни, настоятель собора зашел в свой небольшой кабинет, который с недавних пор делил с отцом Ильей – новым старостой собора. Возможность сделать церковными старостами священнослужителей и заменить ими неверующих ставленников исполкомов появилась уже после Поместного Собора 1988 года, принявшего новый устав об управлении Русской Православной Церковью. Но в Петровской епархии ей стали пользоваться только в 1991 году, после перемены государственного законодательства о религии.

Протоиерей Илья был крепким хозяйственным мужчиной лет тридцати пяти. В его руках спорилась любая работа. В священном сане он служил уже больше десяти лет. За последние два года восстановил небольшую церковь, возвращенную верующим в одном из райцентров Петровской области. Архиепископ Анатолий высоко ценил этого священника и при первой возможности назначил его старостой кафедрального собора. Отец Илья, пользуясь новыми возможностями, быстро произвел замены в «двадцатке» и церковном совете; вся хозяйственная жизнь собора стала строиться исключительно так, как ему это виделось. Архиерей

и настоятель не только не противились начинаниям этого напористого и жесткого администратора, но во всем его поддерживали. Нужно сказать, что новый соборный староста работать любил. Невозможно было увидеть его без дела, при этом не чуждался он и сам штукатурить, красить, чинить электропроводку, систему отопления, что получалось у него блестяще. Вот и сейчас староста был занят тем, что, сменив рясу на рабочий халат, заменял в кабинете перегоревшую электрическую розетку. Увидев настоятеля, он сразу бросил свое занятие. Священники поприветствовали друг друга.

– Все-то вы в делах, отец Илья, трудитесь, как муравей, – улыбнулся отец Александр.

– Каждому свой труд. Вы ведь тоже здесь с самого утра и все с народом. А мне это, честно сказать, хуже дается. Я больше люблю покрасить, поштукатурить...

– У вас ведь тоже постоянное общение с людьми. Ведь любой ремонт или реставрация в соборе проходят через вас. А вот еще новую крестильню решили построить.

– Ну, это совсем другое общение. Здесь все понятно: выполнил работу – получи деньги, плохо выполнил – переделай, не выполнил – пошел вон. А ведь к священникам приходят люди со своей подчас очень большой болью. Они ждут помощи. А я не всегда знаю, что им сказать.

– Вы знаете, митрополит Сурожский Антоний в одной из своих проповедей сказал, что самый главный человек в нашей жизни – это тот, с которым мы общаемся в данный момент. Нужно всегда молиться, чтобы

Господь вразумил дать правильный ответ каждому пришедшему, и нужные слова непременно найдутся.

– А как мне быть с теми, с кем приходится общаться по хозяйственной работе? Ведь этих «самых главных людей в жизни» я сколько раз ловил за руку на браке, приписках и прямом воровстве церковного имущества? Или на все закрывать глаза?

– Нет, конечно, вы правильно делаете, что избавляетесь от тех, кто пытается использовать работу в церкви как средство незаконного обогащения. И ваша жесткость, с которой вы эти проблемы решаете, вполне уместна. Но я за вас всегда переживаю и молюсь, потому что сложно священнику бесконтрольно распоряжаться всеми средствами храма – То есть вы хотите сказать, что я сам буду вором? – напрягся отец Илья.

– Ну, что вы, конечно же нет. Просто мне очень запомнилось выступление владыки Хризостома на Поместном Соборе 1988 года. Он рассказывал, как в годы послевоенного церковного возрождения было много злоупотреблений со стороны священнослужителей в распоряжении церковным имуществом. И благом называл то, что в 1961 году нас отстранили от распоряжения хозяйственной жизнью приходов.

– Но вы ведь знаете, что я ничем не пользуюсь сверх того, что мне положено? – горячился отец Илья.

– Конечно, знаю. Знаю вас как кристально честного человека, поэтому вдвойне переживаю за вас. Вот вы сейчас сказали «сверх того, что положено». А ведь сейчас столько благодетелей, со всеми ими отношения приходится поддерживать вам. И многие из них очень непростые – у них особняки, иностранные авто-

мобили, счета в банках. А ведь некоторые – моложе вас, не имеют ваших талантов. И у вас может возникнуть тайная обида в сердце: а я чем хуже? Вы мне сами говорили, что бывают случаи, когда деньги дают большие и «просто так», без всяких документов, то есть вы сами должны решить, что именно вам положено.

– Но вы же знаете, что я все направляю на церковь! – обиженно возразил отец Илья.

– Знаю и восхищаюсь вами. Но сколько мне как секретарю епархии приходится видеть сегодня священников, которые, пользуясь возможностями, предоставленными временем, в которое мы живем, совместили должности настоятеля и старосты и без всяких сомнений очень широко пользуются церковной кассой.

– Гнать их надо, я всегда говорил! – горячо сказал староста собора. – Теперь уполномоченных у нас нет, владыка сам может выгнать любого прохиндея.

– Но ведь многие из них – неплохие люди, просто они не устояли перед соблазном безотчетного распоряжения деньгами. Трудно бывает человеку, когда отчитываться ему нужно только перед своей совестью. Я рад, что сам единолично не распоряжаюсь никакими средствами.

– Но вы как секретарь епархии не предпринимаете ничего, чтобы этих людей выгнать из Церкви! А разве это – не грех?

– Наверное, грех. Но я ведь не способен быть ни секретарем, ни настоятелем. Я столько раз просил владыку, чтобы он освободил меня от этих послушаний... Люблю служить, проповедовать, иногда Господь

дает силы духовно поддерживать пришедших в храм людей. А вот командовать кем-то, решать, кто может служить в церкви, а кому уже не место – на это у меня нет таланта. Наверное, пройдет совсем немного времени, и в руководстве всех епархий будут люди, которые сумеют отслеживать все не хуже уполномоченных. Но это будут другие люди... А вам, дорогой отец Илья, я очень доверяю. Вижу ваши старания придать благолепие собору. Думаю, что вы были бы намного более уместны в качестве его настоятеля, чем я.

– Ну, что вы... – смутился священник, который был польщен такой оценкой, но не знал, как себя вести.

– Я говорил об этом с владыкой, но он, как всегда, меня не отпустил с административной работы. А мне так хочется служить только священником! Впрочем, мы не выбираем свой крест. Когда Иона не хотел идти проповедовать покаяние в Ниневии и пытался бежать, он был доставлен туда во чреве кита... Простите, отец Илья, если я чем-то обидел вас, я и мысли не имел, что могу сказать что-то обидное.

– Нет, все в порядке, – заверил его староста. Пристально посмотрев на отца Александра, он вдруг сказал:

– А вы сегодня хоть что-то ели?

– Как-то и забыл об этом... – растерянно сказал настоятель. – Сначала крещение, а потом все люди подходили.

– Следить нужно за вами, право слово, как ребенок! – сказал отец Илья и повел отца Александра в соборную столовую.

Глава 7.

Приема у архиепископа Анатолия в этот день ожидали только пять человек. Час назад управляющему епархией позвонили, что к нему приедет делегация лютеран из Германии, и его келейник иеродиакон Леонид перестал пускать в здание епархиального управления всех, кто говорил, что идет на прием к архиерею. Некоторые пытались хитрить, говорить, что идут на склад или в канцелярию, но таких умников отец Леонид легко вычислял, а если и ошибался, то, нисколько не сомневаясь, выводил за ворота. Один не очень разумный посетитель попытался сопротивляться, сунул руку в массивную дверь, захлопывавшуюся перед его носом, и в результате был вынужден ехать в травмопункт с переломом.

Келейник архиерея пристально осмотрел тех, кому посчастливилось пройти сквозь его кордон, заметил двоим из них, что таким, как они, в принципе нечего делать у владыки, и если они задержатся больше, чем на десять минут, он лично выведет их за шиворот, после чего отправился во двор чинить машину.

В небольшом коридорчике перед кабинетом архиепископа стояли диван и короткая скамья. На них разместились два священника и три молодых человека, один в костюме и два в подраясниках. Все они оживленно беседовали.

Протоиерей Онисим привел своего зятя, которого желал видеть вторым священником у себя на приходе. Отец Онисим, здоровый сорокапятилетний мужчина с густой черной бородой и хитрыми глазами, был

не только настоятелем храма, но еще и благочинным. Дел у него хватало, поэтому он посчитал, что ему не обходим второй священник. Посторонних брать не хотелось, а тут как раз к его дочери посватался семинарист. Благочинный посчитал, что все складывается как нельзя лучше. Его дочери Лене было двадцать пять лет, она была очень полной для своего возраста и довольно непривлекательной девушкой, впрочем, неглупой и весьма хваткой и хозяйственной. Ей очень хотелось, как и матери, стать матушкой и заправлять всем на приходе. Она хорошо знала церковную службу, неплохо пела и читала на клиросе. Семинарист Дмитрий познакомился с ней, когда приехал на пасхальные каникулы к тетке, жившей в том же селе, где служил отец Онисим. Дмитрий был неказистым парнем двадцати четырех лет, не имеющим никаких особых талантов, но очень хитрым и практичным. После армии поступил в семинарию, заканчивал четвертый класс. Нужно было жениться, подыскивать место. А тут он познакомился с Еленой. Конечно, не красавица и характер непростой, но зато отец обещал устроить будущего зятя сначала к себе священником, а потом и подействовать, чтобы он стал настоятелем на отдельном приходе. И Дмитрий решился. Вскоре они с Еленой расписались в сельсовете, отец Онисим их повенчал. Пышной свадьбы для своей дочери прижимистый благочинный устраивать не стал, пригласили только ближайших родственников. Семинарский курс Дмитрий закончил, и протоиерей Онисим повез его к архиерею, чтобы представить как кандидата в священный сан.

Рядом с ними сидел мрачноватый протоиерей Георгий Грицук, который и на очередном приходе не ужился и приехал просить новую командировку месяца на два-три.

На скамье сидели послушник Борис и иподиакон архиерея Вася. Борис, которому уже минуло тридцать лет, очень хотел стать священником, но никаких данных для этого не имел. Авторитетов для него не было никаких, он ни за что не держался, по жизни порхал. Чего-то достигнув по случайному стечению обстоятельств, при случае легко с этим расставался. Где-то у него были двое детей, которых он уже несколько лет не видел. А Вася, очень тучный юноша семнадцати лет, желал стать монахом. По этому поводу Борис его всячески подкалывал.

– Ну, какой из тебя монах! – говорил он. – Тебя же не прокормишь, ты любой монастырь разоришь.

Василий пробовал огрызаться, но Боря был отменным зубоскалом, на каждое слово находил десять.

– Вот представляешь, – сказал он, – ты умрешь, и тебя понесут в гробу хоронить. И как тебя будут проклипать носильщики! И жиртрестом назовут, и другие слова найдут. А на кладбище начнут гроб крышкой закрывать, а у тебя живот будет выпирать и ее подбрасывать. Так придется всем носильщикам и могильщикам на ней прыгать, чтобы тебя умять, чтобы ты в гробу уместился!

– И ты умрешь! – чуть не плача пробормотал Вася.

– И что же. Я-то худенький – меня в гробу понесут, скажут: вот хорошо бы, чтобы каждый день такие умирали!

– Борис, – обернулся к нему отец Онисим, прервав свой разговор, – отвяжись от парня!

– Я же шутя...

– Какой же из тебя священник будет, если ты такими вещами можешь шутить, – строго сказал благочинный.

Боря на несколько минут замолчал, а потом подошел к висевшей на стене карте Петровской области и пристально начал ее изучать. Карту повесил иеродиакон Леонид и крестиками отмечал на ней открытые храмы.

– Отец Георгий, смотри, – вдруг обратился Борис к Грицуку, – на какое животное наша область похожа?

– В каком смысле? – оторвался от своих невеселых размышлений священник.

– В прямом. На свинью она похожа. Вот смотри по границам – это пятак, это уши, это лапы, это хвост...

– Не говори глупостей, – вмешался благочинный.

– Да ты сам посмотри...

– Замолчи!

Борис отошел от карты и перешел к висевшей рядом с ней картине с ветхозаветным сюжетом.

– Ну, а здесь что такое? – через минуту спросил он. – И откуда несколько тысяч лет назад были канистры с бензином?

– Какие еще канистры? – раздраженно спросил отец Онисим, а затем посмотрел на картину и сам рассмехался. – И, правда, сосуд для воды похож на пластмассовую десятилитровую канистру... И что ты, Боря, все время всякую ерунду собираешь? Ведь тридцать лет тебе, взрослый мужик, давно пора стать серьезным!

– А мне так жить легче.

Благочинный только рукой на него махнул и снова повернулся к своему зятю:

– Вот, Дима, смотри, каким не нужно быть, – после чего продолжил свой рассказ – Так вот, приехал я к этому отцу Мануилу в храм и прямо в лицо ему сказал: «Лучше бы ты умер. Мы бы тебя отпели по православному. А так – ты хуже ходячего мертвеца».

– Мануил, это который в раскол к зарубежникам решил уйти? – встрял в разговор Борис.

– С тобой не разговаривают, – привычно ответил отец Онисим, но потом кивнул: – Он самый. Но ведь не ушел. Поговорил я с ним, и он понял, что лучше, чем с нашим владыкой, ему нигде не будет. А потом зарубежники эти – народ ненадежный. Сегодня есть они, а завтра власти их запретят.

В этот момент дверь архиерейского кабинета открылась, и из нее выглянул архиепископ Анатолий. Все сразу встали и стали подходить к нему под благословение. Благословляя, он сразу пытался решить, кого принимать сегодня, а чей прием отложить.

– Кто тут сегодня ко мне? Отец Онисим, это ваш ставленник? Хороший молодой человек. Вы подходили с ним к отцу Александру?

– Нет еще.

– А вот это плохо. Придется вам, возможно, сегодня тогда долго здесь быть. Секретаря сегодня нет. Пока я все документы для дела сам заполню, пока ставленническую исповедь приму... А ведь еще немцы скоро приедут. Но, если никого больше по серьезным вопросам нет, то, может быть, и успеем... Отец Георгий, что вы опять начудили?

– Я ничего не чудил, Владыко святой.

– Ну да. А кто придумал, что на исповеди молодых женщин надо в щеку целовать, старше пятидесяти в лоб, а совсем стареньких – в лоб через епитрахиль?

– Вот ведь проклятые старухи – нажаловались, позавидовали молодым! – в сердцах сказал Грицук.

Архиерей не выдержал и засмеялся.

– Куда же тебя девать? Работать ты не умеешь, пенсия у тебя очень маленькая, а жить как-то надо...

–А может его, владыка, пугалом возьмут на какое-нибудь колхозное поле? – встрял Борис.

– Пугалом, Боря, взять могут тебя, а он все же священник и пожилой человек, – спокойно сказал архиепископ, который привык уже не обращать внимания на странных людей. – Кстати, Борис, ты ведь сейчас на приходе и у тебя все нормально, как я слышал?

– Да.

– О рукоположении мы условились поговорить с тобой через полгода, если не будет замечаний от настоятеля?

– Так-то оно так, но хотелось мне на духовную беседу.

– О том, что наша область на свинью похожа, и о том, что тебе с четверга на пятницу приснилось? Нет уж, уволь, я все это слышал. Возвращайся на приход, если будешь хорошо себя вести, то через полгода поговорим.

Борис обиженно надулся и пошел к выходу.

– А тебе, Вася, я же говорил, что до восемнадцати лет я тебя в монахи постригать не буду?

– Я хотел поговорить о духовной жизни...

– Поговори с отцом Александром, когда он в соборе будет. А сейчас беги, не видишь – тут не до тебя сейчас.

Архиерей пристально смотрел на священников и переводил взгляд с одного на другого, и в голове у него промелькнула одна мысль.

– А что, отец Онисим, может быть, возьмете на месяцок к себе послужить отца Георгия?

– Смилуйтесь, владыка, – благочинный даже подумал, не стоит ли ему на колени упасть.

– А чем я тебе плох? – посмотрел на него Грицук.

– Да всем! Вон у меня свой ставленник – хороший священник будет.

– Но, может, все же возьмете, хотя бы на пару недель, а я пока поищу ему место? – не отступил архиепископ.

– Как благословите, конечно, владыка, но, если можно, то не больше, чем на две недели.

– Ну, вот и прекрасно. Сейчас ему напечатают командировочное удостоверение, а мы пока с вами займемся.

Протоиерей Онисим и Дмитрий зашли в кабинет архиерея, а протоиерей Георгий остался в приемной один. Примерно через час там появилась группа хорошо одетых холеных стариков и старушек. Это были члены делегации лютеранской евангелической церкви из одного большого немецкого города. Их звали господин Борман, господин Мюллер, госпожа Браун и госпожа Зегерс. Руководителем делегации был суперинтендент господин Шлаг.

С ними была переводчица – учительница немецкого языка одной из петровских школ Наталья Пет-

ровна Гречина. Она заметно волновалась. Дело в том, что хотя языком она владела и с историей Германии была хорошо знакома, ей еще никогда не приходилось выступать в роли переводчицы. С делегацией, вообще-то, приехал свой переводчик, господин Штольц. Но вчера их принял первый заместитель председателя Петровского облисполкома Павел Анатольевич Баранов. Он водки для угощения и русских гостей никогда не жалел, а тем более иностранцев. А у господина Штольца имелись русские корни, во всяком случае, этим он объяснял свою привязанность к русскому языку и русской водке.

Штольц выпил на приеме у Баранова бутылки две, чем сильно его позабавил. А после этого, как рассказывал господин Мюллер, пытающийся освоить русский язык, «попросил покататься на велосипеде и

упаль лицом об асфаль. Он не мочь теперь работать целий неделя. Как нам вести теперь его в Германия?» Пришлось в срочном порядке искать переводчицу. Никого подходящего не нашлось, поэтому пришлось привлечь одну школьную учительницу.

Иеродиакон Леонид встретил гостей, завел их в тесное помещение епархиального управления и пошел докладывать о них архиерею. Тем временем немцами заинтересовался протоиерей Георгий, который решил блеснуть перед иностранцами своей эрудицией.

– А кто они по вероисповеданию? – важно спросил он Наталью Петровну.

– Лютеране, – охотно ответила Гречина священнику, производившему впечатление солидного человека.

– А спросите у них, почему они Лютера стали называть королем, ведь, насколько я знаю, он не имел королевского титула?

Наталья страшно удивилась, но перевела. Немцы о чем-то изумленно пошептались, и она сказала отцу Георгию:

– Они никогда не называли и не называют его королем, не понимают, откуда вы это взяли.

– Ну, как же! Я сам сколько раз слышал по телевизору «Мартин Лютер Кинг». А Кинг по-английски значит король, я ведь блестяще знаю английский.

Переводчица даже скривилась.

– Это совсем другой человек! – шепнула она Гриццуку.

А немцы тем временем заинтересовались русским священником. Господин Мюллер решил попробовать с

ним заговорить. После фраз приветствия он решил поинтересоваться, курят ли русские священники.

– Нет, – сразу ответил отец Георгий, и тут же спросил: – А вы сами, господин Мюллер, курите?

Немец подумал, что, возможно, в этой среде это считается признаком дурного тона, и ответил уклончиво:

– Так, иногда, за компаний.

– За компанию и жид удавился, – быстро ответил Грицук.

– О, что есть «за компаний жид удавился»?

Гречина перевела что-то невразумительное, что немцев удовлетворить ну никак не могло, и они остались в недоумении. Потом она повернулась к Грицуку и зашептала, что в Германии комплекс вины перед еврейским народом за преступления фашизма, такие присказки недопустимы и, вообще, лучше бы он помолчал. Тот обиделся и отошел от них. В это время из кабинета архиерея вышли отец Онисим со своим зятем, и после этого иеродиакон Леонид пригласил всех гостей зайти к владыке.

Суперинтендент Шлаг начал пространную речь, суть которой сводилась к тому, что они – христиане из обеспеченной Европы, хотят помогать Церкви в России, которая только еще выходит из периода гонений. Потом он достал картонку, на которой был изображен кленовый лист, желтый, покрытый множеством черточек и издали напоминающий какую-то страшную рожу. Господин Шлаг говорил об этом листе еще минут пять, при этом приводил разные цитаты из Библии, много раз упоминал Лютера и его изречения и, наконец, сказал, что эту бесценную картину они дарят Петровской епархии. Наталья Петровна богословской терминологией не владела, сама плохо поняла и перевела что-то сбивчивое. В результате архиепископ Анатолий подумал, что на листке, который ему подарили, изображен портрет Мартина Лютера. Его всего передернуло, но внешне он этого ничем не выдал. Поулыбался, пожал руки всем гостям, всех расцеловал, при-

гласил пить чай. И, только уже провожая их, шепотом спросил у переводчицы: «Скажите, Наташа, а неужели, правда, у Лютера было такое страшное лицо?»

Глава 8.

Временно исполняющий обязанности председателя Петровского облисполкома Павел Анатольевич Баранов проводил совещание, посвященное религиозной ситуации в Петровской области, создавшейся к лету 1991 года. На нем присутствовали работники облисполкома, представители органов юстиции, милиции и госбезопасности.

1990-е годы были временем стремительных преобразований государственного устройства в России, изменения общественного сознания. Процессы децентрализации государственной власти, переход к рыночной экономике, повышенный интерес к западному образу жизни и западным ценностям, превратившиеся во вседозволенность, свобода слова и свобода совести – все это не могло не коснуться и Русской Православной Церкви.

Российское государство в 1990-е годы практически перестало контролировать Русскую Православную Церковь. С одной стороны это было позитивным решением: Церковь начала активную социальную и образовательную, просветительскую деятельность. Начинали практически из руин восстанавливаться

монастыри и храмы, являющиеся памятниками архитектуры, истории и культуры. Однако государство в это время перестало контролировать не только традиционные, но и другие конфессии, в том числе деструктивные секты, деятельность которых носила антигосударственный, антиобщественный и античеловеческий характер. Лишь в 1997 году деятельность религиозных течений нетрадиционного толка была законодательно ограничена.

Необходимо отметить, что и внутрицерковная жизнь в этот период была неоднозначной. В Церковь, кроме женщин пенсионного возраста, пришло много мужчин, молодежи. Появились возможности для религиозного воспитания детей. Церковь начинает активное сотрудничество с государственными и общественными учреждениями, в том числе зарубежными, с научными, образовательными и социальными структурами.

Однако кадрово Церковь на этом этапе не была еще готова для охвата всех сторон той многогранной деятельности, которая стала ей доступна. Поэтому в 1990-е годы можно было отмечать многочисленные случаи, когда открывшимися возможностями религиозной проповеди пользовались не православные, а представители тоталитарных сект или, в лучшем случае, протестанты, имеющие зарубежную финансовую поддержку.

Резкий количественный рост Церкви требовал значительно увеличить и существующее

количество священнослужителей. Это привело к тому, что в Церкви появилось значительное количество людей не только без соответствующей подготовки, но и вообще случайных. Государство в этот период закрывало глаза на финансово-хозяйственную деятельность Церкви также, как в годы Советской власти пристально ее контролировало. Такая ситуация создавала благоприятные возможности для различных махинаций под видом Церкви. Появилось резкое расслоение в среде духовенства на богатых и бедных. Одни имели огромные доходы, другие жили за чертой бедности или же вынуждены были дополнительно находить светскую работу как единственный источник существования.

Церковно-общественные отношения также претерпевали изменения. Если в начале 1990-х годов наблюдался повышенный общественный интерес к Церкви, то во второй половине 1990-х он пошел на спад. Во многом это было связано с неоправданными желанием многих людей найти в измученной 70-летним периодом гонений Русской Православной Церкви панацею от всех социальных и общественных проблем. Кроме того, многие пытались подходить с оценкой по заведомо завышенным критериям к членам Церкви, забывая при этом, что они просто люди и как таковые отражают общее состояние общества в России.

Однако Русская Православная Церковь в целом успешно пережила 1990-е годы. На фоне

всеобщей децентрализации власти она сохранила свое строго иерархическое устройство управления, упрочив его так, как не могла это сделать, начиная с 1700 года. В 1990-е годы можно говорить о партнерских государственно-церковных отношениях, государство не вмешивалось во внутренние дела Церкви. Церковь активно возрождала свою инфраструктуру, проводила большую социальную работу. Но, как выше уже отмечалось, возможно, что беспрецедентная для Российской истории XVIII-XX вв. свобода Церкви была обусловлена тем, что государству, вынужденному решать более актуальные проблемы, было просто не до религиозного вопроса. Кроме того, власть, авторитет которой подрывался августовским путчем 1991 года, распадом Советского Союза, противостоянием Президента и народных депутатов 1993 года, закончившимся применением военной силы против парламента, сепаратистскими настроениями, приведшими к двум чеченским войнам, нестабильностью государственной валюты, поощрением перехода к дикому капитализму и целым рядом других факторов, могла поддерживать Церковь как одного из свидетелей ее легитимности.

1990-е годы – особый период в истории Русской Православной Церкви. Это время сохранения и упрочнения властной вертикали внутри Церкви, происходившего на фоне больших общественных дискуссий о том, как должна управляться Церковь. Это время бурного роста цер-

ковной инфраструктуры; время, когда Церковь смогла проникнуть во многие сферы общественной жизни; стала востребованным партнером государства по многим социальным вопросам.

Многие из этих вопросов четко обозначились уже к 1991 году и стали причиной проводимого в облисполкоме совещания.

– Определенной проблемой для нас стало то, что российский закон «О свободе вероисповеданий», принятый в конце прошлого года, дал зеленый свет разного рода религиозным культам, в том числе и запрещенным даже в странах, имеющих многолетние традиции религиозного плюрализма, – сказал, открывая совещание, Баранов. – Они еще только обживаются в наших условиях, но если к ним сохранится нынешнее снисходительное отношение, то через несколько лет поднимут голову так, что мало никому не покажется. Другая проблема – создание в России приходов так называемой зарубежной православной церкви. Потомки эмигрантов, бежавших из России после революции 1917 года и гражданской войны, теперь говорят, что Православная Церковь, сохранившаяся в СССР, «не настоящая», а «коммунистическая». И у нас в Советском Союзе находятся люди, которые за время перестройки привыкли все охаивать, и теперь с радостью им подпевают. И вот эти деятели иногда объявляют себя правопреемниками Церкви времен императорской России, в том числе и ее имущества. У нас в области также есть два случая попыток полу-

чения церковных зданий этими так называемыми «зарубежниками» и один случай попытки получения бывшего православного храма сектантами.

Кроме того, как мне докладывают, в связи с быстрым ростом инфраструктуры Петровской епархии в ряды настоятелей приходов попадают люди, имеющие связи с криминалом. Еще несколько лет назад Церковь была объектом самого пристального внимания, а сегодня на нее смотрят сквозь пальцы. Поэтому очень удобным становится «отмывать» деньги под видом благотворительности на церковные нужды. Епархия, да и Патриархия на данном этапе сами полноценно контролировать приходы, число которых растет в геометрической прогрессии, и монастыри, которые начали теперь открываться, полноценно не могут. Они пытаются сейчас за все хвататься, что им было раньше запрещено, в том числе за образовательные и социальные программы, но у нас, в Петровской области, это пока не очень актуально. Каковы будут ваши предложения по сложившейся ситуации? Владимир Николаевич, давай сначала ты.

– На мой взгляд, – начал консультант Петровского облисполкома по связям с религиозными организациями Владимир Николаевич Шуваев, – можно, с одной стороны, отметить превосходство союзного законодательства, регулирующего религиозную сферу, над российским, а с другой, – противоречивые и сложные общественные процессы, происходящие в нашей стране, которые могут повлечь за собой самые непредсказуемые последствия. В республиках растут сепаратистские настроения, так

называемые гражданские свободы повлекли разгул вседозволенности...

– Давай по сути, – перебил его Баранов. – Не на лекции, мы все здесь грамотные.

– По сути, – немного стушевавшись, продолжил Шуваев, – можно отметить, что была попытка приобретения бывшего храмового здания в нашей области религиозным объединением Муна, но архиерей, обычно ни во что не вмешивающийся, сумел здесь настроить общественное мнение, и продажа не состоялась. Была попытка получения здания храма в безвозмездное пользование приходом зарубежной православной церкви в самом Петрово. Но одновременно заявление на это здание подал приход, входящий в структуру Петровской епархии, и вопрос был решен в его пользу. И, наконец, была попытка перехода в юрисдикцию зарубежной церкви прихода при одном из вновь построенных храмов, но, благодаря проведенной с настоятелем необходимой работе и со стороны епархии, и с нашей стороны, никакого перехода не произошло. Вообще, на мой взгляд, целесообразно было бы, чтобы имущество передавалось не конкретным приходом, а Церкви в целом...

– Не на заседании Совета министров докладываешь, – перебил его Павел Анатольевич. – Хотя мысль дельная. Так, а что у нас милиция скажет по поводу связей с криминалом?

– Ситуация в целом под контролем, – ответил заместитель начальника областного УВД полковник Смирнов, лысый толстый мужичок с пышными усами. – Каких-то фактов, которые бы требовали наше-

го официального вмешательства не выявлено. Все подозреваемые находятся в оперативной разработке...

– Вот ведь дожили, – усмехнулся Баранов. – Вчера, если машину дров для церкви купить, – требовалось наше разрешение, а сегодня связи с преступными группировками могут считаться несущественным вопросом... Но, ладно. Что у нас с нелегальными религиозными организациями?

– А их, в общем-то, сейчас нет, – ответил начальник управления юстиции Петровского облисполкома Григорий Николаевич Ильичев. – У нас на сегодняшний день в стране законодательство такое, что все, что угодно, можно стало...

– Но нашему ведомству приходится все равно все отслеживать, – вставил до того молчавший представитель КГБ.

– Ну, это уж как водится, – усмехнулся Баранов. – В общем-то ситуация в целом в области, если подвести итог всему сказанному, не так уж и плоха. Плохо то, что мы не знаем, как себя вести, когда в стране каждый день все меняется. Сегодня в моду входят плюрализм мнений, многопартийность. И в этой связи в дальнейшем религиозный фактор будет играть очень большую роль в общественной жизни. Ведь именно Православная Церковь много сделала для созидания российской государственности, развития образования и культуры нашей страны. А новомодные религиозные течения, как мне представляется, нередко выполняют просто роль прикрытия подрывной работы иностранных спецслужб. Поэтому нам необходимо пристально отсле-

живать процессы, происходящие в области в этой сфере, и направлять их в необходимом нам направлении.

Глава 9.

Выйдя из соборной столовой, отец Александр опять пошел в храм. Сегодня к нему должен был подойти Евгений Алексеевич Иванов, много лет работавший уполномоченным Совета по делам религий по Петровской области, а сейчас возглавлявший кафедру в Петровском университете. Бывший уполномоченный всю жизнь был отчаянным правдоискателем, а с годами его все более занимал вопрос смысла жизни. С протоиереем Александром он мог говорить часами. Казалось бы, священник не мог сказать ему чего-то такого, что бы он, обладающий энциклопедическими знаниями, и сам не знал. Но он чувствовал потребность в этом общении, чувствовал потребность приходить в церковь уже не по служебной необходимости, а по зову своего сердца.

У самых дверей храма отец Александр увидел заплаканную молодую женщину, которая бросилась к нему, схватила за руку и стала просить помочь ей в ее беде. «Что же у вас случилось?» – спросил священник. Она, рыдая, рассказала, что у ее мужа было коммерческое предприятие, а сейчас оно внезапно разорилось, они и двое их маленьких детей остались без средств к существованию, другой работы он найти не может. Сама она никогда не работала. Муж в отчаянии уже неделю пьет, думает о само-

убийстве, а вчера у него прозвучала мысль, что он боится оставлять ее и детей, таких неприспособленных к жизни в этом жестоком мире, и хочет сначала убить их, а потом себя, но что-то его останавливает...

Отца Александра очень впечатлила услышанная им история. Он сказал женщине, чтобы она и думать не смела о плохом.

– У вас есть где пожить несколько дней с детьми? – спросил он.

Оказалось, что есть тетка, с которой она, став богатой, прервала общение, но думает, что та примет ненадолго ее и детей.

– Ну, вот и хорошо, – сказал священник. – Вашему мужу нужно придти в себя, находиться с ним вместе пока опасно. А мы давай с тобой встанем на колени перед иконой Божией Матери и помолимся, чтобы Она помогла вашей семье. Тебя как зовут?

– Настя.

– А мужа и детей?

– Борис, Люба и Лиза.

– Ну, вот давай помолимся за болящего Бориса, Анастасию и младенцев Любовь и Елизавету.

Священник с женщиной встали на колени перед иконой, он молился, а она просто плакала рядом, слушая такие непривычные слова на одновременно знакомом и непонятном языке. Когда они поднялись, лицо отца Александра было мертвенно бледным, на лбу у него выступила испарина.

– Мне кажется, что все у вас устроится, – сказал он. – Но нужно не забывать Бога, благодарить Его, и Господь не оставит вашу семью.

... Через несколько дней эта женщина вновь подошла к отцу Александру со слезами благодарности. Когда они молились в храме, ее муж заснул, а проснулся смирившимся со своим новым положением. Он перестал пить, за два дня пришел в себя, с ужасом вспомнил о своих желаниях. А сегодня ему предложили работу. Конечно, больших денег у них уже не будет, но на жизнь им и их детям вполне хватит. Мужчина тоже стоял немного поодаль. Чувствовалось, что ему неловко. Священник подозвал его и сказал, чтобы они всегда благодарили Бога за то, что Он спас их и детей, чтобы пришли на исповедь. Эта семья стала ходить в собор. Богатство к ним уже никогда не вернулось, трудностей хватало, но чувство безысходности и страха навсегда ушло из их жизни.

... Только проводив плачущую женщину, отец Александр увидел стоявшую в храме девочку лет двенадцати с полными боли и отчаяния сухими глазами.

– Что у тебя случилось? – невозможная боль в голове и сердце, спросил ее священник.

Она сказала, что ее мама тяжело больна, она лежит в больнице, а сегодня врачи сказали, что нужно готовиться к худшему.

– Давай помолимся за нее, – ласково сказал отец Александр. – Ты умеешь молиться?

– Нет.

– А ты крещеная?

– Не знаю, бабушка в детстве носила меня в церковь, там поп окунал меня в какой-то жбан с водой...

– Значит, крещеная, – улыбнулся священник. – Раз бабушка тебя носила крестить, то, наверное, и маму в детстве крестили?

– Нет, это бабушка по отцу. А мамины родители – атеисты, дедушка вообще ругает меня за то, что я крест ношу, а я не снимаю, всегда говорит, что в церковь нельзя ходить, а я все равно иногда хожу, мне здесь как-то спокойнее...

– Как тебя зовут?

– Вера.

– А маму?

– Октябрина.

– Ну, давай встанем на колени и помолимся, чтобы Господь ее исцелил, – мягко сказал отец Александр, стараясь ничем не выдать того, что имя больной его несколько смутило.

Священник читал молитвы, в сухих до того глазах девочки появились слезы и какое-то облегчение.

– А мне кажется, что мама поправится, – вдруг сказала она.

– Будем надеяться на это, – серьезно кивнул отец Александр. – А она хоть немного верит в Бога?

– Мне кажется, что да, – кивнула Вера, – только боится дедушки.

– Ну, пусть тогда, если выздоровеет, придет креститься в храм. Расскажи ей, что ты за нее молилась.

– Обязательно.

...Девочка подошла к нему радостная на другой день и сказала, что кризис в состоянии ее матери прошел, больная пошла на поправку. А еще через месяц отец Александр крестил Октябрину с именем Ольга.

...Попрощавшись с Верой, настоятель собора почувствовал, что сейчас может потерять сознание. Голова его закружилась, он начал медленно оседать. В этот момент его поймали чьи-то крепкие руки. Кто-то заботливо поддержал его, усадил на скамью у стены, подал стакан воды. Через несколько минут священник пришел в себя и увидел Иванова.

– Простите, Евгений Алексеевич, что-то мне плохо стало, – слабым голосом сказал он.

– Нет, это вы меня простите, – ответил ему профессор. – Я здесь уже час, и то, что я видел, открыло мне на многое глаза лучше, чем сотни любых бесед. Я видел сейчас искренность вашей молитвы, вашего сопереживания людям. И это очень тронуло мое сердце.

Я всю жизнь искал идеальных людей, верил в гуманизм и общечеловеческие ценности, но как-то постоянно разочаровывался. А вы и архиепископ Анатолий столько раз говорили мне, что на земле не может быть ничего идеального, что только в Боге может успокоиться душа человека. А я слушал и не слышал... Я столько раз отнимал у вас часы времени на бесплодные дискуссии о смысле жизни, о религиозном сознании, а вы за это время могли бы помочь таким вот многим отчаявшимся во всем людям. А я все искал высший смысл в каких-то земных свершениях, раздувался от гордости, что делаю вклад в науку, считал себя лучше вас от того, что имею ученые степени...

– Но вы ведь и правда доктор наук, – слабо улыбнулся священник, – а я простой человек.

– Все эти степени не всегда отражают подлинное состояние знаний человека. Если кто-то защитит диссертацию на тему «Роль свиней в развитии индивидуального жилищного строительства (по материалам книги «Три поросенка»)», то он не будет от этого обладать подлинным знанием жизни.

– Неужели, правда, можно защитить такую диссертацию? – весело засмеялся отец Александр.

– Нет, конечно, я утрирую, но по сути, думаю, вы меня поняли. Занимаясь частными и, думаю, малозначимыми в целом проблемами, я думал, что постигаю вселенную...

– Я очень рад, Евгений Алексеевич, что вы приблизились к обретению веры, – сказал настоятель собора.

– Да, я подошел очень близко. Возможно, что я в следующий раз приду к вам на исповедь. А сейчас давайте я отвезу вас домой, еще пара бесед – и вы на месяц попадете в больницу.

Архиепископ Анатолий устало склонился над столом. Вот и еще один день завершился. Сколько суеты, сколько людей с самыми разными проблемами – от самых пустых до самых серьезных – проходит перед ним каждый день. А сегодня вечером была очень тяжелая беседа с Павлом Анатольевичем Барановым.

Первый заместитель председателя облисполкома сам пришел к нему в епархиальное управление. Они сидели за столом. Баранов попросил выпить. Архиерей дал ему бутылку коньяку, чиновник за час всю ее осушил, попросил вторую...

– Я чувствую, что мы живем в переломный момент, – сказал Павел Анатольевич. – В самое ближайшее время будет решаться, по какому курсу пойдет страна – пойдём мы к коммунизму или к капитализму.

– А вы как считаете? – осторожно спросил архиепископ.

– Думаю, что народ вкусил вседозволенности и безнаказанности. Чтобы теперь опять загнать его в рамки, нужно либо опять провести террор и заставить силой всех верить в какую-то идею, как было при Сталине, либо поразить народное сознание иным образом, как это иногда практикуется на Западе.

– Но как можно поразить сознание целого народа?

– Очень просто. Наркотики, алкоголь, порнография, пропаганда «свободной любви», того, что свобода каждого деградировавшего человекообразного индивидуума, который представляет собой помесь обезьяны со свиньей, творить все, что взбредет в его безмозглую голову, и является высшей жизненной ценностью и важнейшим достижением демократии.

– Вы думаете, опять начнут закрывать храмы? – с тревогой спросил архиерей.

– Это вряд ли. Вы, в сущности, на сегодняшний день никому не мешаете. Но вот сохранится ли государство, если сейчас убрать коммунистическую идеологию, являющуюся стержнем, на котором держится весь Советский Союз, я не знаю. Боюсь, что начнется процесс его распада, причем не только

союзных республик, но и самой Российской Федерации.

– Неужели вся наша страна держится только на коммунистических идеях, а как же существовала Российская империя? – усомнился архиерей.

– Может быть, не столько на идеях, сколько на самой организации коммунистической партии. Ведь от Кремля в Москве до самого забубонного кишлака в Средней Азии действует одна и та же коммунистическая партия Советского Союза. И глава государства, и начальник кишлака являются ее членами, хотя бы на бумаге для них существуют одинаковый устав и одинаковые правила жизни. Все серьезные посты во всех частях страны занимают члены партии, ее руководящая роль прописана в Конституции СССР. И принадлежность к этой партии означает больше, чем принадлежность к той или иной расе, национальности, блоку или клану. Но эти принадлежности ведь тоже существуют. Поэтому, если убрать руководящую роль партии, то сразу же появятся многие центры влияния. На самой поверхности это союзные республики, каждая из которых по Конституции является самостоятельным государством. А затем процесс распада может перекинуться и на РСФСР – самую большую республику Союза, в составе которой, в свою очередь, есть и еще республики...

– А как же держалась без партии империя?

– Она держалась на другой идее – самодержавной монархии. Была сакрализованная личность императора, перед которым были равны все его подданные от главы правительства до дворника. Кроме

того, Российская империя была достаточно мягким имперским образованием по сравнению с другими. Выйти из ее состава в эпоху передела мира могло означать попасть в еще более жесткую зависимость от какой-то другой империи, например, Британской или Германской...

Архиерей удивленно смотрел на Баранова, как он может, выпив столько коньяка, так связно рассуждать о политике и даже не говорит, как обычно делает пьяный, никаких глупостей или пошлостей. Тот поймал его взгляд и засмеялся:

– Такой вот у меня организм крепкий. А сегодня выпивка меня не берет, потому что о державе думать мне надо.

Стоило ему это сказать, как он сразу «поплыл», будто сглазил сам себя. Он еще около часа говорил всякую чепуху, пока, наконец, покачиваясь и держась за стены, не пошел к машине, где его ждал облизполкомовский водитель.

Глава 10.

В праздник Преображения Господня 1991 года архиепископ Анатолий в сослужении соборного духовенства служил литургию в Богоявленском кафедральном соборе города Петрово. Храм был переполнен народом, большая часть которого пришла, чтобы освятить яблоки. Многие из пришедших на службу позднее других обсуждали событие, происшедшее в жизни страны. Некоторые из них делились своими страхами со священником, принимавшим исповедь. Им был

протоиерей Георгий Грицук, который объехал все храмы епархии и нигде не прижился, и пришлось его на какое-то время взять в собор.

Во время проповеди, которую говорил отец Александр, отец Георгий зашел в алтарь и с торжественным выражением лица подошел к архиерею.

– Все, кончилась эта непонятная свобода, – сказал он. – Снова коммунисты забирают всю власть. И всем, кто себя плохо вел, воздастся! Расслабились тут все, совсем страх потеряли!

– Ну, вы тоже не ангел, – спокойно ответил архиепископ, стараясь ничем не выдать появившейся тревоги. – Так что же все-таки случилось?

19 августа 1991 года в жизни Советского Союза произошло событие, которое можно назвать началом окончания истории второй сверхдержавы мира. В этот день прокоммунистическими деятелями был образован Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) под председательством вице-президента СССР Янаева и предпринята попытка передачи этому новому органу всей полноты государственной власти в стране, с целью свертывания демократических реформ и реставрации прежних форм государственного устройства. Президент СССР М.С. Горбачев был изолирован на своей даче в Форосе (Крым). Однако данное начинание, получившее вскоре название «августовского путча», встретило активное сопротивление руководства РСФСР, в первую очередь, Президента России Б.Н. Ельцина, вокруг которых консолидировались все

сторонники демократических преобразований в стране, желавшие прекращения эпохи всевластия в государстве коммунистической партии.

Святейший Патриарх, узнавший о происшедшем перед началом служения литургии в Успенском соборе Кремля, занял очень мудрую и взвешенную позицию. Впоследствии в его адрес не раз звучали упреки в некоторой расплывчатости его высказываний. Между тем они были вполне определенными: нужно сохранить законную власть, любыми способами избежать развязывания гражданской войны. В своем обращении от 20 августа Патриарх Московский и всея Руси Алексий II писал: «В жизни нашего Отечества произошло чрезвычайное событие. Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев, избранный Съездом народных депутатов СССР, отошел от верховной власти в стране. При этом остаются неясными обстоятельства этого отхода. Такое положение смущает совесть миллионов наших сограждан, для которых встает вопрос о законности новообразованного Государственного комитета по чрезвычайному положению, объявившего о принятии им верховной власти в стране». В этом же обращении говорится: «Мы обращаемся с призывом ко всем чадам Русской Православной Церкви, ко всему нашему народу, сугубо к воинству нашему, в этот критический для Отечества момент проявить выдержку и не допустить пролития братской крови». В переломную ночь со вторника 20 августа на среду 21 августа, когда начались вооруженные столкновения, Патриарх в новом об-

ращении еще более определенно высказался о недопущении кровопролития: «В этих условиях мой долг Патриарха предупредить всех, кому слово Церкви дорого и небезразлично: всякий, кто поднимет оружие на своего ближнего, против безоружных людей, приемлет на душу тяжчайший грех, отлучающий его от Церкви, от Бога. О таких подобало бы больше проливать слез и молить, чем об их жертвах».

Убедительную и практически бескровную победу в возникшем противостоянии одержали Президент РСФСР Б.Н. Ельцин и его сторонники. Указом Ельцина была приостановлена деятельность коммунистической партии на территории России, с этого момента уже полностью утратившей свое господствующее положение в стране.

В своем послании от 23 августа 1991 года Святейший Патриарх Алексий II недвусмысленно назвал происшедшие события окончанием советского периода истории России: «То, что сейчас есть, – это наступающее через десятилетия действительное прекращение гражданской войны в нашем пострадавшем от идеологических разделений обществе: отныне уже не может вернуться время, когда одна идеология владела государством и пыталась навязать себя обществу, всем людям. Коммунистическая идеология, как мы убеждены, никогда уже более не будет государственной в России... Она попыталась вновь силой навязать себя народу, но народом же была ненавязательно отторгнута...».

В истории Российского государства начинался новый этап.

Протоиерей Александр говорил проповедь о значении праздника Преображения для жизни каждого христианина:

– Вникнем в значение Христова Преображения. Оно есть предначертание нашего преображения. Все, что мы видим в жизни Иисуса Христа, Сына Божия, относится к каждому из нас. Нелегко было Ему жить среди злых, духовно гнилых, грешных людей. За любовь платили ненавистью. За смирение – гордостью, лицемерием, злобой. За все Его добрые дела, за все, что творил и чему учил, отблагодарили терновым венцом, поруганием, Голгофой. Земля колебалась, сотрясалась от слез и стыда за неблагодарное человечество. Человек распял своего Творца. Но Он и в страдании был велик. За крестной смертью последовало Светлое Христово Воскресение. Всей Своей земной жизнью и каждым движением, взором, делом, словом Господь призывает нас к Себе, чтобы оживить для добра, для вечной жизни. Ты не мал, человек, ты не сирота, ты не погиб! Христос – твой Спаситель, Учитель и Друг! Только спеши! Не медли протянуть Ему свою руку! Проснись от греха! Он же любит тебя! Он давно ждет каждого из нас! Путь христианина к мысленному Фавору труден, как восхождение на гору. Верующей душе не нужно объяснять, для чего нужно это восхождение, духовную сладость богообщения. «Господи! Хорошо нам здесь быть», – воскликнул апостол Петр. Жизнь христианина – это путь туда, где всегда так хорошо,

как хорошо было на святой горе апостолам, это путь в Царство Божие.

Закончив проповедь, настоятель собора зашел в алтарь. Последние месяцы он тяжело болел, были проблемы с давлением, постоянно давало о себе знать сердце. Но отец Александр не обращал на это внимания и продолжал в прежнем режиме служить, крестить, исповедовать, разговаривать с людьми. А большую часть сил отнимали у него не любимые им обязанности секретаря епархиального управления и настоятеля собора. Любое действие в административной сфере давалось ему с огромным трудом.

– Ну что же, отец Александр, наверное, опять придется нам вернуться в прежнее наше состояние, – невесело сказал архиерей.

– Вы о чем?

– Помнишь, я тебе рассказывал, что Павел Анатольевич мне говорил о том, что сейчас будет решаться, по какому пути пойдет страна? Похоже, что все решилось, и вновь все будет решать коммунистическая партия. Правда, он говорил, что храмы закрывать не будут, но откуда он знает. Да и сказать ведь можно все что угодно. После службы поговорим, а сейчас давай помолимся, чтобы Господь помиловал многострадальное Отечество наше.

Отец Александр горячо молился за литургией и весь день, и в последующие дни. Ему очень хотелось, чтобы возможности свободного исповедания веры, которые появились у людей в последние годы, сохранились. Перед глазами священника проходили сотни людей, которые обращались к нему за молитвенной и

моральной поддержкой; вспоминая, он молился за каждого из них.

А 21 августа все разрешилось. Узнав, что для Церкви все решилось благополучно, протоиерей Александр, наконец, позволил себе расслабиться... и потерял сознание прямо в соборе. Вызванные врачи констатировали инсульт.

Но, несмотря на неблагоприятные прогнозы медиков, отец Александр поправился и смог вновь служить и духовно поддерживать людей. А вот от административной работы его, наконец, освободили по состоянию здоровья, чему священник был несказанно рад. И еще многим сотням людей смог он оказать так необходимую им духовную поддержку.

2010

У ИСТОКОВ СИСТЕМЫ

Повесть

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Перед Вами, дорогой читатель, не совсем обычная повесть: более чем наполовину она представляет из себя воспоминания бывшего первого проректора Иваново-Вознесенской духовной семинарии, нынешнего профессора Ивановского филиала НОУ ВПО «Институт управления» (г. Архангельск) и руководителя Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества доктора исторических наук, кандидата богословия Алексея Александровича Федотова «У истоков системы».

Сразу отметим, что подобные воспоминания в современной историографии практически отсутствуют, что делает данный труд ценным, редким, и ставит его в ряд исторических источников постсоветской церковной жизни.

Несомненно, автор, стоявший у истоков становления духовного образования Ивановской епархии, как никто другой, компетентен донести все трудности и особенности, с которыми пришлось столкнуться при образовании Ивановской духовной школы в период с начала 90-х годов XX столетия и начала 2000-х годов.

Автор, особенно в повествовательной части своего труда, детально останавливается на препятствиях и курьезных случаях, с которыми приходилось сталкиваться в первые годы становления Духовной школы. Среди объективных трудностей первых лет становления Духовной школы на Ивановской земле он называет отсутствие исторических семинарских помещений и традиций, зачаточное состояние базовой методической литературы, нехватку опытных кадров с навыками специфики духовного обучения и воспитания, отсутствие материально-технической базы и

«воцерковленных» абитуриентов. Все перечисленные «несоответствия», по словам автора, приходилось компенсировать энтузиазмом, работоспособностью и огромным желанием получить соответствующий положительный результат.

Он делает вывод, что по прошествии лет, можно с уверенностью сказать - усилия по созданию духовного образования в Ивановской епархии увенчались успехом. Созданная Духовная школа органично вписалась в число епархиальных Семинарий Московского Патриархата решающих задачи образования и воспитания будущих пастырей, а также, заняло достойное место среди высших учебных заведений Ивановской области, дающих обучающейся в них молодежи высокий уровень знаний.

Ценность и эксклюзивность труда автора заключается в использовании в одном произведении приемов художественной и мемуарной литературы. Чередование приемов делает повествование живым, интересным и доступным. Приведенная Алексеем Александровичем в своем произведении оценка возрождения Семинарии Ивановскими СМИ и данные им интервью тех лет дополняют произведение документальностью и служат подтверждением искренности автора. Благодаря их использованию читатель получил полную и исчерпывающую картину, раскрывающую подлинную жизнь Церкви тех лет. В своем труде автор прорисовывает образ руководителей, с которыми ему пришлось работать: архиепископ Ивановский и Кинешемский Амвросий (Щуров, на покое с 2006 г.), ректор семинарии и секретарь епархиального управления архимандрит Зосима (Шевчук). Ярко, и очень точно показана чередой образов соратников автора на ниве просвещения: наполненного пастырской любовью протоиерея Григория, антиподом которому

выступают иеромонах Евстратий и иеромонах Герасим, выпускника Духовной академии Марка и «философа» иеромонаха Викторина. Повествование буквально погружает читателя в будни становления духовного образования на Ивановской земле.

После прочтения повести А. А. Федотова «У истоков системы» на ум приходят слова сказанные Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом на встрече с молодежью и студенчеством г. Москвы 23 мая 2009 года: «Невозможно иметь живую веру и тем более невозможно понять пользу от нее, когда эта вера ассоциируется с какой-то книгой, поставленной на полку. Но если вера становится частью постоянных размышлений, творческого напряжения личности, если вера используется для мотивации своих действий в личной, семейной, общественной, профессиональной, государственной деятельности, если вера сопрягается с реальной проблематикой современной жизни, она становится эффективной, каждый человек видит ее пользу»

Повесть А. А. Федотова проникнута духом христианства, духом созидания, духом мужества, духом милосердия и духовной теплоты. Частичку своей души, своей веры, через свой труд автор передает Вам, дорогой читатель. Верю, что повесть многих духовно подержит: кто-то увидит в ней свой жизненный опыт, кого-то она подвигнет на написание своих воспоминаний. Кто-то будет не согласен с выводами автора. Верю, что повесть никого не оставит равнодушным.

***Протоиерей Дмитрий Сазонов,
кандидат богословия***

Бедный Андерсен

- А я ответственно заявляю, что не был Андерсен христианским писателем! – горячился отец Евстратий.

- Что же так? – невозмутимо спросил отец Григорий.

- Да ведь он писал о всякой нечисти – троллях, русалках, дочерях болотных царей, духах стихий!

- Вопрос не о чем, а как он писал.

- С симпатией ко всем этим темным силам!

- С симпатией он писал только по отношению к тем их поступкам, которые сделали бы честь любому человеку христианину.

- То есть он признавал, что эти силы зла могут делать добро! А это ересь!

- Послушай, - мягко возразил отец Григорий, - ведь он писал не учебник догматического богословия, а сказки. Неужели ты не чувствуешь разницы?

- Все, что написано должно соответствовать церковному учению и быть полезным для читателя, а иначе всей этой писанине место в печке! – чуть ли не кричал иеромонах Евстратий.

- Да ты прямо фашист, - засмеялся протоиерей Григорий. – Они, помнится, любили книжки жечь.

- Попрошу меня не оскорблять! – вознегодовал его собеседник. – Они были сатанисты, а я священник воинствующей Церкви Христовой! У меня и имя переводится «добрый воин»!

- И с кем же ты воевать собрался? С Гансом Христианом Андерсеном?

- Не с ним лично, а с мифами о нем, как христианском писателе!

- И что же ты собираешься предпринять?

- Я напишу статью, блестящую литературно и безукоризненную по содержанию, где изобличу этого сказочника. Всякий, кто прочитает мою статью, подумает: как блестяще написано! Как рассеяны все воображаемые достоинства этих сказок, которые нельзя давать читать детям!

- И чем же ты все это мотивируешь?

Евстратий начал длинно и нудно перечислять все фрагменты из книг Андерсена, которые на его взгляд не соответствовали церковному учению.

- Так ведь он не богословские книги писал! – возразил ему протоиерей. – Как ты не понимаешь, что сказка образна, ее нельзя воспринимать одномерно!

- Значит сказка вообще вредна как жанр! – сразу нашелся иеромонах. – А конец статьи я вообще решил сделать художественным и отчасти сказочным, чтобы бить врага его же оружием!

- И что же ты можешь написать художественного?

Евстратий начал пересказывать отрывок из написанной в 1955 году статьи К. Паустовского «Великий сказочник». В нем говорилось о том, как Андерсен, путешествуя по Европе, оказался ночью в дилижансе с тремя девушками. Было темно, так что они не видели друг друга. И Андерсен начал рассказывать им о них же, но как о сказочных принцессах. Девушки были очарованы рассказом, и спросили, как выглядит их попутчик. Сказочник сказал им, что он красивый молодой человек, находящийся в поисках любви. И при выходе из дилижанса попутчицы, которые так и не увидели внешности Андерсена, поцеловали его. По

словам Паустовского, сказочник был счастлив, как никогда в жизни...

- И что здесь особенного?

- Как что? Это же поощрение блудных страстей! Фантазий, которые уничтожают человека. Вот я и решил продолжить этот рассказ, используя сказочные приемы.

- Даже интересно.

- Дело в том, что Андерсен так и не узнал, кто были его попутчицы. А на самом деле это были три пряжи из сказки братьев Гримм...

- Это у которых были различные физические деформации из-за работы с нитками!

- Вот именно! – радостно воскликнул Евстратий. – У одной из них была огромная губа от смачивания нитки, у другой огромный палец от скручивания нитки, а у третьей толстая нога ... то же чего-то, связанное с нитками. И вот им-то Андерсен и рассказывал, какие они принцессы! А им такого вообще никогда не говорили. Ясно, что они поплыли от радости. И поцеловали его на прощание, как пишет Паустовский «горячо и нежно». Но вот, когда они вышли из дилижанса, сказочник их не увидел, а они его на секунду увидели. И таким он им показался страшным, что их тут же вырвало. А он так и остался в неведении, думая, что его поцеловали раскрасавицы и мечтал о них.

- Не добрый ты, - покачал головой отец Григорий. – Да и не столько воин, сколько шпана. И почти всякий, кто прочитает твою статью подумает, что ты дурень и мракобес. Бедный Андерсен!

- Время нас рассудит! – гордо заявил иеромонах. – И не думайте, что можете задеть меня своими оскорб-

лениями - я полностью бесстрастный! А статью напишу. И выведу мораль, что так всегда и бывает в блудном грехе: когда грешник потом видит то, что его привлекало, то он ужасается тому, как же был обманут.

Но эту его фразу протоиерей не услышал: он уже вышел из комнаты.

... Когда через десять лет отец Григорий случайно посмотрел только что вышедший в России фильм «Андерсен. Жизнь без любви» он подумал, не иеромонах Евстратий ли консультировал режиссера фильма при его съемках...

Духовное училище

Многие семинаристы любят называть свою «alma-mater» «системой». Духовное училище в Петрово «системой» не было. Оно вообще только что открылось.

Епархия получила под эти цели от городских властей здание достаточно большого детского сада, закрытого отчасти из-за демографического спада, но в основном из-за отсутствия у муниципалов денег на его содержание. На дворе был 1998 год, дефолт закончился несколько месяцев назад. Начинать в этих условиях новое дело мог только авантюрист. Но их в Русской Православной Церкви в 1990-е годы было с избытком. Они смело брались за самые, казалось бы, бесперспективные проекты, и успешно их реализовывали, приписывая успех не себе, а исключительно Божией помощи.

Нашелся такой авантюрист и в Петрово. Еще совсем недавно он был просто иподиаконом у Владыки,

заочно учился в Москве в только что открывшемся богословском институте. А теперь он уже дипломированный религиовед, проректор создаваемого Петровского духовного училища, а за отсутствием пока назначенного ректора, и фактический его руководитель. Сергей Александрович еще молод для такой работы, ему всего-то двадцать пять лет. Не хватает пока ни опыта, ни знаний, часто мешает непосредственность в общении с маститыми священниками, с недоверием посматривающими на «выскочку».

Так, одному из них на вопрос: «А где же ты найдешь преподавателей?» он ответил: «Да у нас любой дурак сможет преподавать».- И тут же, что-то вспомнив, спросил: - Кстати, а ты не хочешь у нас преподавать?» Тот потом пожаловался архиерею... Другому, сильно гордившемуся тем, что закончил духовную академию, полчаса объяснял, почему богословский институт дает более высокое по сравнению с духовной академией образование... В общем хватало у парня проколов, но за непосредственность ему многое прощали...

Здание нужно как-то содержать: платить коммунальные платежи, делать ремонт, а нужен не только текущий, но и капитальный. Набрали два десятка первых слушателей, им нужны и кровати, и столы, и стулья, и кормить их чем-то надо каждый день, и медикаменты уже некоторым нужны, а некоторым и одеть нечего. И лекции нужно уже начинать читать, а денег не только на зарплату преподавателям нет, а вообще ни на что.

Сергей Александрович с беззаботностью молодости машет на все рукой: «И это сделаем!» И, как ни

странно, находятся какие-то благотворители: коммунальные услуги отпускают в долг, кто-то привозит продукты, кто-то дал матрасы, кто-то столы, кто-то кровати... Один из кандидатов в депутаты благотворительно переоборудовал одно из помещений в домовый храм, несколько священников пожертвовали для него необходимую церковную утварь.

В храме появился и настоятель – отец Григорий. Ему уже к шестидесяти, но он выглядит намного моложе. Бодрый, энергичный, он стал священником не очень давно. Работать на одном энтузиазме ему не особо интересно, поэтому в храме он появляется раза два в месяц. Священников в епархии очень много, не то что десять лет назад. И вскоре в храме появляется и второй клирик – иеромонах Евстратий. Он вообще поселился в училище – ему выделили небольшую комнату возле домового храма. Иногда там ночует и протоиерей Григорий, тогда между священниками завязываются споры. Вообще-то отец Григорий просто дразнит своего собеседника – тщедушного мужичонку лет сорока с бородой из нескольких волосков и жидкой шевелюрой, забранной сзади в «крысиный хвостик». При этом Евстратий очень самолюбив и амбициозен, любит говорить о том, что он пишет «как второй Белинский».

- Да Кобелинский ты, а не Белинский! – беззлобно подтрунивает над ним протоиерей.

Сергей Александрович вынужденно учится дипломатии, и с обоими священниками у него неплохие отношения, а с отцом Григорием – даже дружеские.

Учебный процесс также начался, но с перебоями. Впереди - проезд комиссии из Учебного комитета при

Священном Синоде для решения вопроса о возможности официального открытия духовного училища. Постепенно в жизнь этого нового учебного заведения вовлекается все больше людей...

Есть ли жизнь на Марсе?

Игумен Адриан – проповедник и лектор известный далеко за пределами Петровской епархии. Даже в Москве многие рады послушать. Сергей Александрович попросил отца Адриана выступить перед слушателями духовного училища.

- На какую тему? – интересуется тот.

- Да на любую! Хоть «Есть ли жизнь на Марсе»! – машет рукой проректор, вспомнив нехстати лектора из «Карнавальная ночи».

Но игумен воодушевляется:

- Тема и правда очень интересная. Я как раз прочитал одну книгу...

И вот через день он уже выступает в духовном училище:

- На тему «Есть ли жизнь на Марсе» в Советском Союзе проходило множество лекций для широких слоев населения. В двадцатом веке тема жизни на других планетах вообще была очень широко обсуждаема. Людям, которые не могли найти общий язык с себе подобными, хотелось верить в то, что они «не одни во вселенной», и общение с представителями иных миров восполнит то, что с другими людьми они общаться разучились. При этом большинство научно-фантастических книг помимо прочего ставило своей

задачей «развенчание религиозных мифов», якобы обреченных на отмирание по мере развития научно-технического прогресса. Какие могут быть ангелы или демоны? Это пришельцы иных миров, которых мифологизировало примитивное сознание человека, не вступившего еще в эпоху империализма, когда, как отмечал В.И. Ленин, все на земле уже посчитано и прибрано к рукам, а теперь возможен только передел того, что есть. И разве есть место тайне в индустриальном обществе? И разве есть предел возможностям гордого человеческого разума?

Космическая трилогия замечательного английского писателя Клайва Стейплза Льюиса – ответ на эти и многие другие вопросы. В нее входят три романа – «За пределы безмолвной планеты»(1938), «Переландра»(1943) и «Мерзейшая мощь»(1945). К.С. Льюис пришел к вере в Христа, как Спасителя мира уже в зрелом возрасте, после продолжительного периода внутренней борьбы и исканий. Поэтому христианство для него – не просто религиозная традиция, а самое важное, что только может быть в жизни, ее сердцевина. И на проблему возможности существования инопланетных цивилизаций, он отвечает по-христиански. Но Льюис не только христианин, а и ученый-филолог, талантливый писатель. Его романы имеют много граней, и не каждый заметит, в чем же тут христианский смысл, как не заметили этого многие из критиков его первого романа «За пределы безмолвной планеты».

Главный герой всей трилогии профессор-филолог Рэнсом. В первом из романов он, в результате случайной встречи с другим ученым Уэстоном и финансирующим его опыты Дивайном, вопреки своей воле, летит

с ними на Марс, называемый автором Малакандрой. Дивайна интересуется золото Марса. Уэстон же, как он сам считает, озабочен грядущими судьбами человечества; во имя эфемерного блага будущих поколений он готов на любое зло, любые жестокости: «Во имя могущества самой Жизни, я готов не дрогнув водрузить флаг человека на земле Малакандры: идти вперед шаг за шагом, вытесняя, где необходимо, низшие формы жизни, заявляя свои права на планету за планетой, на систему за системой до тех пор, пока наше потомство – какую бы необычную форму и непредсказуемое мировоззрение оно ни обрело – не распространится по Вселенной везде, где только она обитаема». Пока это чисто империалистическая философия, но во втором романе она доходит до своего логического завершения, когда уже на Венере (у Льюиса Переландра) Уэстон заявляет Рэнсому: «Человек сам по себе – ничто. Поступательное движение жизни – возрастание в духовности – это все. Великая непостижимая сила изливается на нас из темных начал бытия. Она сама избирает себе орудие. Подумайте только, чистый дух, всепоглощающий вихрь саморазвивающегося, самодовлеющего действия. Вот она, конечная цель». И по завершении диалога, в котором Уэстон рассказывает, что эта таинственная сила является и причиной его научных открытий, и необычайных знаний и возможностей, и именно ей он направлен на Венеру, в него входит демон. И между ним и Рэнсомом начинается продолжительная борьба, казалось бы, совсем непосильная для филолога, из которой он, однако, выходит победителем.

Рэнсом, против своей воли, доставленный в чужой ему мир, бежит от своих похитителей. Он знакомится с жителями этого мира – тремя видами разумных существ, облеченных плотью, и, имеющими иную природу эльдилами, под которыми Льюис подразумевает ангелов. Как филолог, Рэнсом овладевает их языком. Уэстон с Дивайном уже второй раз на Марсе. Они привезли сюда Рэнсома, потому что этого потребовал Уарса Малакандры через тех жителей планеты, с которыми они вступили в контакт. На их взгляд, человек нужен для какого-то ритуального жертвоприношения. Но оказывается, что жители Малакандры не знают греха. Они управляются эльдилами и верховным из них – Уарсой Малакандры (под Уарсами Льюис имеет в виду Ангелов, которые руководят всеми стихиями и всем живым на конкретной планете). Человек же ему потребовался потому, что ему интересна судьба Земли, называемой здесь «безмолвной планетой».

По художественной версии Льюиса, восстание ангелов и превращение их в демонов завершилось тем, что они оказались заперты на Земле, и не могут выбраться за пределы земной атмосферы. Этот своего рода «карантин» необходим для того, чтобы зло не распространялось дальше по вселенной. Не могут попасть на Землю и те Ангелы, которые находятся за ее пределами. Люди, изобретением космического корабля, пробивают брешь в этом «карантине». Между мирами становится возможно общение. Первый роман заканчивается тем, что Уарса Малакандры отправляет на Землю Уэстона и Дивайна, убивших нескольких жителей Марса, а вместе с ними и Рэнсома. После их

прибытия на Землю, он уничтожает их корабль, чтобы они больше не выходили в космос.

Второй роман – «Переландра» - очень красивая, хотя местами и довольно жестокая сказка о том, что было бы, если бы первые люди не совершили грехопадения. Рэнсома Уарса Малакандры отправляет на Венеру (Переландру) с ответственной миссией, сути которой герой не знает. Он присутствует при творении жизни на этой планете, видит ее изменяющиеся формы, причем перемены происходят почти мгновенно, прямо у него на глазах. И он встречается там женщину (Льюис называет ее «Королева»), во многом похожую на земных – своего рода Еву до грехопадения. Ей поразительно много открыто, но она еще так многого не знает, не знакомы ей и добро и зло. В неустойчивом мире Королева где-то потеряла своего Короля, и знакомится с жизнью. Им дана только одна заповедь: не ночевать на твердой земле, ночь они должны проводить на плавучих островах. Это заповедь послушания, и одновременно – это их доверие к Богу, которого они зовут «Малельдил», потому что они тем самым естественным образом лишены какой-либо стабильности, и живут каждый день так, как Он им даст, не думая о завтрашнем.

Рэнсом не понимает для чего послан в этот мир, до того момента, как на Переландру прилетает Уэстон. Ученый оказывается лишь орудием для демона, без которого он не смог бы проникнуть на Венеру. И, как когда-то на Земле в змея, на Переландре дух зла входит в Уэстона, который начинает рассказывать Королеве о преимуществах той жизни, которая ей неведома. И начинается история искушения. Но от земной

она отличается тем, что здесь присутствует Рэнсом, хорошо знающий, чем это закончилось на Земле. Он страшится того, что должен принять участие в событии космического масштаба; того, что ему предстоит бороться с тем, чьи силы в несчетное количество раз превосходят его собственные. Но ему предстоит бороться, сначала словом. Филолог так объясняет Королеве смысл данной им заповеди: «Я думаю, Малельдил дал тебе такой закон, чтобы ты исполнила его ради послушания. Слушаясь Малельдила, ты делаешь то, что нравится и тебе. Ты исполняешь его волю, но не только ради того, чтобы ее исполнить. Удовлетворится ли этим любовь? Как бы ты вкусила радость послушания, если бы не было заповеди, чей единственный смысл – исполнение Его воли?»

Филологу становилось все тяжелее. В разговорах с Королевой Уэстон, ставший Нелюдь, «выказывал и ум, и тонкость, но Рэнсом понял, что все это – лишь оружие, и в свободные часы для него пользоваться умом также странно, как для солдата отрабатывать на досуге штыковой удар. Мысль была лишь орудием, средством, сама по себе она его не интересовала. Он брал разум взаймы, как взял тело Уэстона, будто нечто внешнее и никак с собою не связанное. Едва повернувшись спиной к Королеве, он позволял себе расслабиться. Нелюдь не был похож даже на нечестного политика – скорее уж казалось, что возишься со слабым, или со злой мартышкой, или с очень испорченным ребенком». И на каком-то этапе Рэнсом понял, что ему предстоит и физическая битва с Нелюдь. Она далась ему очень тяжело, но Рэнсом вышел победителем, разбив голову того, кто раньше

был Уэстоном камнем, а тот прокусил ему пятку, и рана эта болела потом всю жизнь...

А грехопадения на Переландре не произошло. Королева и нашедший ее Король стали полностью властвовать над планетой, не знающей теперь зла, Уарса Переландры стал им в этом помогать, передав свои полномочия. Интересно, что на вопрос о том есть ли жизнь на Венере и, если есть, то распространяются ли на ее жителей последствия первородного греха, в свое время в данном ключе ответил и великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов: «Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им Евангелие? Крещены ли они в веру Христову? Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведением от нас отменные, какой веры? Ежели кто про знает или их обратиться и крестить хочет, тот пусть по евангельскому слову («не стяжите ни злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры на пути, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла») туда пойдет. Только бы труд его не был напрасен. Может быть тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно».

Но еще более с «Преландрой» перекликается Святитель Феофан Затворник, писавший своему духовному чаду: «Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать, как падшие), имеют нужду в средствах ко

спасению, что средство это и для них одно: изумительное строительство смерти и Воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у Вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем? Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру Вашу в Божественность домостроительства нашего спасения.

Что такие мысли колеблют и беспокоят Вас – это по собственной Вашей вине, а не по свойству мыслей. Эти мысли – цепь мечтаний, не представляющих ничего несомненно верного, домостроительство спасения есть дело несомненно верное, доказавшее и постоянно доказывающее свою Божественность. Можно ли по-волять, чтоб эту твердыню колебали мечтательные предположения?

Хоть Вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах и хотя она имеет много за себя, – но все же она не выходит из области вероятных предположений. **Очень вероятно, что там есть жители – но все только вероятно.** Сказать "есть" не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: вероятно, есть; а может быть, и нет. А Вы взяли одно предположение, заимствовав его от нас, да и стали на нем. У нас было падение – ну и там, мы склонны ко греху – ну и те; у нас нужно домостроительство спасения – нужно и там; у нас Единородный Сын Божий благоволил воплотиться – и там уместен только этот способ спасения.

А Вам следовало бы идти в своих предположениях так: положим, что есть разумные жители на других

мирах; что ж они, соблюли ли заповеди, пребыли ли покорными воле Божией или преступили заповеди и оказались непокорными? Вы не можете сказать ни того, ни другого; а я думаю, что или согрешили, или не согрешили, ибо и наших прародителей грех не был необходимостью, а зависел от их свободы. Они пали, но могли и не пасть. Так и жители других планет: могли сохранить заповедь, могли и не сохранить. Если они сохранили, то все дальнейшие мечты о способах их спасения прекращаются сами собою: они пребывают в первобытном общении с Богом и святыми Ангелами и блаженствуют, находясь в том состоянии, какого чаем и мы по воскресении.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтоб оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что искупительная жертва, совершенная на Земле, подействовала благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамощные разумные твари приняли ее верою и таким образом спасаются? В способах сообщения и произведения веры у Господа не может быть недостатка: есть даже Ангелы, в служение посылаемые для хотящих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя».

Третий роман «Мерзейшая мощь» вызвал в адрес автора много нападок со стороны ученых. И неудивительно: ведь главные отрицательные герои здесь – люди науки, пытающиеся из науки сделать новую рели-

гию, причем сатанинскую. Дивайн из первого романа теперь стал лордом Феверстоном, одним из тех, кто стоит у истоков создания государственного научно-исследовательского института, призванного изменить природу людей, лишить их свободы воли, создать нового человека. Главные деятели этого института – Уизер и Фрост – дошли до того, что для достижения своих целей хотят соединить современную им науку с древней магией. Бытовая сторона романа после всех событий 20 века вроде бы не кажется чем-то особенным. Переводчица романа на русский язык Наталья Трауберг писала о нем: «Сама я люблю этот роман больше всех других – так люблю, что переводила его для друзей в те самые годы, когда наша жизнь была такой, как в нем, только хуже (1980-1983)». Но именно обыденность зла, как показывает роман, и затрудняет противостояние ему.

Ученые института готовят новое жесточайшее тоталитарное общество, приучая общественное мнение к необходимости этого при помощи СМИ. Они «оживляют» отрубленную голову убийцы, через которую говорит дух тьмы, хотят разбудить спящего несколько столетий древнего мага Мерлина, чтобы с его помощью войти еще в больший контакт с силами зла. И опять им противостоит Рэнсом и собравшаяся вокруг него небольшая община. И в решающий момент проснувшийся Мерлин приходит не к силам зла, а к Рэнсому. И Уарсы через Мерлина получают возможность вмешаться в земные дела, и институт саморазрушается, злодеи гибнут. А на Земле продолжается самая обычная жизнь – муж Марк, из желания попасть в высшее общество, ставший сотрудником института,

возвращается к своей жене Джейн, нашедшей пристанище в общине Рэнсома...

Клайв Стейплз Льюис в «Переландре» дает достаточно четкое определение современной ему научной фантастики: «Они считают, что человечество, достаточно испортив свою планету, должно распространяться пошире и надо прорваться сквозь огромные расстояния – сквозь карантин, установленный Самим Богом. Но это только начало. Дальше идет сладкая отравляющая дурной бесконечности – безумная фантазия, что планету за планетой, галактику за галактикой, Вселенную за Вселенной можно вынудить всюду и навеки питать только нашу жизнь; кошмар, порожденный страхом физической смерти и ненавистью к духовному бессмертию; мечта, лелеемая множеством людей, которые не ведают, что творят, а некоторые и ведают. Они вполне готовы истребить или поработить все разумные существа, если они встретятся на других планетах». И он противопоставляет ей своей трилогией качественно иную фантастику, основанную на христианском миропонимании. Важно не то, что творится на других планетах – важно то, что творится у тебя в душе – в этом с Клайвом Стейплзом Льюисом созвучны и Святитель Феофан Затворник и Михаил Васильевич Ломоносов.

В заключение хочется привести еще одни слова Натальи Трауберг: «В мир, где царствует Бог, нельзя войти, если не станешь доверчивым и беспомощным, как хороший ребенок. Романы, которые писал Льюис, годятся только для такого царства».

- Есть ли вопросы? – спрашивает отец Адриан.

Но вопросов нет. Для тех перед кем он выступал сейчас это как-то сложновато... Но игумен не расстраивается и говорит: « Я, пожалуй, буду у вас преподавать. Нужно поднимать ваш уровень».

Из дневника Сергея Александровича

... Я не буду здесь говорить о том, каким трудом далось получить здание под училище, какие сложности сопровождали такие, казалось бы, простые моменты, как государственная регистрация училища в качестве юридического лица и открытия счета в банке. Скажу только, что к тому моменту, как после двухлетних изнуряющих переписки и переговоров с администрацией всех уровней, под училище было, наконец-то, передано здание закрытого детского сада, (в которое из-за его отдаленности отказался ехать медвытрезвитель, но за которое достаточно активно, хотя в результате и безуспешно боролась местная общественность), я вдруг почувствовал себя опустошенным.

Главным препятствием к открытию духовного училища до того было отсутствие здания. Но был и еще ряд препятствий – полное отсутствие финансирования откуда бы то ни было, отсутствие библиотеки, отсутствие, самое главное, хотя бы нескольких помощников... У меня был уже опыт создания и проведения пастырских курсов, но уровень проблем и порядков их сложности были совсем иными. Да, нужно было убедить преподавателей бесплатно читать лекции, священников, не имеющих духовного образования, их

посещать, создать какую-то элементарную библиотеку. И все это было сделано.

Но теперь, когда я представил, что мне нужно будет повесить на себя огромное здание площадью почти в 2000 квадратных метров и гектаром территории, а у меня нет денег, чтобы его содержать и восстанавливать, и нет людей, чтобы даже элементарно его охранять, я как-то растерялся.

И вот тогда Господь послал мне двух людей, далеко не идеальных, но с которыми я смог связаться в «безнадежное начинание», как его называли практически все мои знакомые.

Первый из них был отец Андрей, человек очень увлекающийся, шумный, умеющий убеждать людей в правоте своих слов, но, как правило, ненадолго. На тот момент он сменил уже несколько приходов, побывал под запретом в священнослужении, поработал, будучи заштатным священником в коммерческой структуре, но и там не прижился, и теперь сидел без места. Проблем он и создаваемому училищу принес немало, но он сделал главное – убедил меня взять здание. А это тогда во многом зависело от того решусь ли я на это... Он с такой уверенностью говорил о том, как будет выглядеть здание после евроремонта, где на территории встанет храм (кстати, потом мы именно на этом месте и начали его строить), какова будет схема работы училища (я при этой схеме должен был заниматься исключительно учебно-методической работой и научной, а все проблемы будет решать возглавляемая им хозяйственная структура), что на какое-то время усыпил мой разум.

Второй из них, Юлий Петрович, был человеком более полезным, чем отец Андрей, но и проблем он принес больше. Кончилось все тем, что под маркой училища он выправил лицензию на лесозаготовки, а, пользуясь ей, совершил ряд махинаций. Последовал судебный процесс, он был в следственном изоляторе, из зала суда его выпустили, но вскоре его сбила насмерть машина.

Человек тонкой души, когда-то талантливый, он отличался, как потом выяснилось, чрезмерной привязанностью к спиртному. Во время запоев к нему приходили собаки и другие существа, с которыми он вел беседы. Трезвый – человек тихий, в пьяном виде он становился необычайно самоуверенным, хвастливым. Когда-то в начале нашей работы я с женой и отец Григорий, назначенный настоятелем недавно освященного Владыкой домового храма училища, принимали благодетелей нашего учебного заведения. Позвали и Юлия Петровича. Возможности выпить в компании важных людей он не упустил и к тому моменту, когда благодетели уехали, был уже изрядно пьян. Отец Григорий отечески пытался его образумить, на что Юлий Петрович важно заявил: «Когда я буду архиепископом, то я вас всех выгоню, и буду один здесь есть, пить и танцевать!! Позднее, когда я рассказал об этом случае Владыке, тот засмеялся и заметил, что для того, чтобы одному есть, пить и танцевать не нужно быть архиепископом. В другой раз Юлий Петрович с еще одним краткосрочным помощником, имени которого я уже и не припомню, объясняли мне, как нужно работать.

«Наша задача – сделать так, чтобы здесь не осталось камня, на камне, а вот здесь в поле через дорогу (училище было на окраине города) стояли три наших прекрасных коттеджа!» - горячо говорил тот, чье имя моя память не сохранила. «Ну, зачем же так вызывающе, нужно построить их совсем в другом месте!» - вторил ему Юлий Петрович...

И вот с отцом Андреем и Юлием Петровичем я должен был взять здание училища. Общего языка между собой они сразу не нашли, и конфликт между ними вылез наружу примерно на третий день их общения. Нужно было решить, в первую очередь, вопрос с охраной. Незадолго до того я познакомился с казаками, которые заявляли, что они искренние защитники Православия. Я поручил отцу Андрею наладить с ними сотрудничество. В результате вскоре у нас в училище появились трое казаков, расстаться с которыми я, через два месяца, после того, как они провели ночью в пустующем здании несколько платных дискотек, и, как потом выяснилось, неоднократно пускали сюда и местные молодые пары, которым негде было засвидетельствовать свои юные чувства друг к другу, смог лишь при помощи милиции и одного порядочного представителя руководства казачьей организации. Отца Андрея к этому времени в училище уже не было, так как мы не сумели с ним сработаться.

Например, он пообещал всем местным жителям их здесь трудоустроить, так что потом еще полгода к нам ходили люди, которым он обещал работу. Так он заявил, что нужно в здании сделать не училище, а молодежный комплекс, а училище открыть в другом месте. Когда я ему мягко стал указывать на неадекват-

ность его поведения, он стал жутко злиться, обижаться, и в результате ушел из училища, оставив нам в наследство казаков и проблемы.

Здание мы взяли, но я не имел сил самостоятельно поднять училище, а также не имел и священного сана, необходимого для ректора духовного учебного заведения. Поэтому мы договорились с секретарем епархии архимандритом Сергием, что, как только училище примет сколько-нибудь приличный вид, он активно включится в его деятельность и станет ректором, а я сложу с себя обязанности и.о. ректора и буду проректором. Надо отдать должное отцу Сергию: он включился почти сразу же во многие из проблем, и без него я, наверное, не смог бы сделать и половины того, что мы сделали вместе. Буквально через месяц он нашел благодетеля, который бесплатно оборудовал в училище домовый храм и место для заседаний Попечительского совета. И позднее основное бремя решения вопросов по содержанию училища примерно на бо или даже 70 процентов лежало на архимандрите Сергие.

Примерно же в это время Владыка назначил настоятелем домового храма училища отца Григория. Этот прекрасный человек, к сожалению, недолго потрудился в училище, так как перешел на другое служение более свойственное его духовному настрою.

Лето кончилось, а в училище был только один кандидат в студенты – Митя, которого архимандрит Сергей направил в училище в качестве сторожа. Это был очень исполнительный и глубоко порядочный молодой человек, искренне верующий, надолго ставший нам опорой. Объявили в срочном порядке набор. Об эк-

заменах в этот первый год не могло быть и речи. Новых абитуриентов принимали чуть ли не всю осень...

... Контингент в училище, надо сказать, собрался очень разношерстный. Через несколько лет один высокопоставленный офицер, побывавший в училище при его открытии, в доверительной беседе сказал мне: «Ты знаешь, когда я приехал тогда в училище, то думал: где ты их набирал – в СИЗО или в ИВС?» Но, конечно, все обстояло не столь плачевно. Из двадцати двух, набранных нами на очное отделение, было очень много достойных людей. Через два года мы выпустили из училища шестерых из них, и нет ни одного, за кого мне было бы стыдно. И из оставшихся шестнадцати много было тех, кто в силу объективных причин не смог доучиться до конца, что не мешало им показать свои лучшие человеческие качества, и внести посильную лепту в созидание духовной школы. Но были и, что называется «кадры», на фоне которых все остальные в глазах «внешних» пристально следивших за тем, что происходило в создаваемом училище «блекли».

Например, один в центре поселка (имеется в виду микрорайон, где располагается училище) плясал «яблочко», а затем с шапкой обходил зрителей, собирая себе деньги на бутылку самогона. Другой, в том же поселке умудрился найти себе любовницу, не вполне умную женщину, в два раза старше его. Третий стукнул головой об стенку сделавшего ему замечание иеромонаха Евстратия, присланного в помощь отцу Григорию. Ото всех их мы избавились, хотя, наверное, недостаточно быстро...

Отрицание отрицания

Духовное училище в Петрово открыли на несколько лет позднее, чем в соседних епархиях – в самом конце девяностых годов двадцатого века. Проблема с преподавательскими кадрами была одной из наиболее сложных. За неимением лучшего – привлекали тех, кто есть. Однако в сомнительных случаях утвержденный уже Синодом в должности ректора училища архимандрит Сергей, прежде чем решить вопрос можно ли доверить кандидату на преподавательскую должность чтение курса, сам вместе со студентами слушал его пробную лекцию.

Больше всех сомнений у него вызвал иеромонах Викторин – полный мужчина лет сорока, с длинными русыми волосами и слегка всклокоченной бородой, с мутным взглядом, одышкой, необоснованными вспышками раздражения и перепадами давления. Поговаривали, что причиной всему этому – пристрастие отца Викторина к спиртному, впрочем, в запои он никогда не уходил. Иеромонах в свое время кое-как закончил философский факультет какого-то провинциального университета (злые языки поговаривали, что заочного университета марксизма-ленинизма). Впрочем, основания для разговоров были – диплома его никто не видел, даже рукополагавший его архиерей.

Дело в том, что в начале девяностых, когда Викторин, а тогда еще Виталий, решил стать священником и монахом, уполномоченных уже не было, а епархиальной бюрократии еще не было. И его рассказам об образовании епископ поверил на слово, совершил его

постриг и хиротонию и назначил настоятелем храма в селе Шляпкино, среди жителей которого уже и тогда вряд ли нашелся бы кто-то, кто знал бы, что такое «диплом», не говоря уже о том, зачем он нужен. Ректор, к которому иеромонах обратился с предложением почитать в училище курс введения в философию, то же не удостоился увидеть его диплома.

– Всенепременно привезу, потому как понимаю, коль важна бумага сия. Но ведь вот беда какая: лежит она у меня уже пятнадцать лет в аспирантуре философского факультета МГУ. Поступил я туда, а потом подумал, что тлен и суета все это. А они мне обратно диплом не отдадут: все уговаривают, чтобы я защитил у них диссертацию. Говорят, великий философ во мне пропадает... – сокрушался отец Викторин. Речь его изобиловала коверканными славянизмами, но иногда он не выдерживал и переходил на нормальное изложение своих мыслей.

– А в семинарии вы не учились? – спросил его ректор.

– Чему могут они там учить *меня*? – возмутился иеромонах. – Архиерей, как меня увидел, сразу понял, что я превзошел всю премудрость земную паче всех иных книжников во отечестве нашем и готов взойти на степень иерейскую.

Ректор задумался. На введение в философию кандидата на преподавание пока не было.

– А почему вы хотите преподавать? – спросил он.

– Потому как хочу опыт мой научный и духовный бесценный передать юношеству нашему. А еще – я слышал, что Владыка говорил, что преподавателей

училища поощрять будут. А мне игуменом стать весьма потребно.

– Ну, хорошо, – улынулся ректор. Он был ровесником отца Викторина, но уже в сане архимандрита. Наверное, сказало, то, что он не пил, не жалел сил для церковной службы, много учился и все его дипломы о светском и духовном образовании мог свободно увидеть любой, кто этого захотел бы. Однако желание иеромонаха стать игуменом было ему вполне понятно. – Сегодня же можно и провести пробную лекцию.

– А я всегда готов! – по пионерски бодро воскликнул отец Викторин.

... К началу занятия ректор опоздал – ему позвонили из епархиального управления, и он поручил кандидату в преподаватели начинать лекцию без него. Уже шагов за десять до закрытой аудитории он услышал громкий прерывистый голос лектора. То, что он услышал, заставило его остановиться перед дверью, борясь между желанием зайти и все же дослушать, чем все это закончится.

Архимандрит забыл сказать, что один из студентов училища три года проучился на философском факультете. И сейчас между двумя философами разгорелся нешуточный диспут.

– Как вы, отец Викторин, можете отвергать диалектику, если у Вас нет аргументов для ее опровержения? – страстно спрашивал юноша.

– Непотребное ты мне, отрок, глаголешь, – возмущенно кричал, как лаял, иеромонах. – Что же я по твоему не могу опровергнуть? В чем она твоя диалектика?

– Не моя, а Гегеля. Я имею в виду основные принципы диалектики – переход количества в качество, единство и борьбу противоположностей, отрицание отрицания...

– А вот ты о чем! – недовольно отвечал иеромонах. – На все это не то что я, а любой нищий, который сидит у моей церкви, легко ответит. Начать с Гегля...

– Гегеля!

– Да плевать я на него хотел! Анчутка он и храпилоид, ныне в аду мучается со еллыны! – вскипел отец Викторин. – Кстати, – обратился он к остальным ученикам, – это можете взять под запись. Вас спросят, кто такой Гегль, а вы и знаете! А все благодаря мне!

– Что за чушь вы несете! – возмутился бывший студент-философ.

– Чушь! Да я, если хочешь знать, философ лучше любого Гегля! Хочешь про диалектику слушать – слушай: все это муть! Возьми переход количества в качество – это же глупость несусветная. Ну, сам рассуди: из двух килограммов шоколада, при определенных условиях можно сделать килограмм дерьма. Но ведь из двух килограммов дерьма килограмм шоколада никак не сделаешь. Вот и получается, что принцип этот относительный, а никак не абсолютный. Или взять единство и борьбу противоположностей. Вот мы с Геглем вроде бы оба философы, то есть это нас объединяет. Взгляды у нас разные, поэтому они борются друг с другом. Но он еретик, а я истинный пастырь, а потому не может у нас быть единства! Согласен, что я не похож на Гегля? – грозно обратился он к молодому философу.

– Согласен, – сказал тот, едва сдерживая смех.

– В отношении отрицания отрицания я сам скажу, – сказал вдруг архимандрит Сергей, который не выдержал и вошел в класс. – Церковь отрицает диалектический материализм, выросший на основе учения Гегеля, и многое из того, что написал этот великий философ. Но когда отрицание принимает такую форму, как мы сейчас слышали – приходит время для отрицания такого отрицания и знакомства с первоисточниками, потому что подобная демагогия только оттолкнет от нас любого образованного человека. Мы не сможем включить вас в число нашей преподавательской корпорации, отец Викторин!

– Ну и не больно нуждаюсь! – злобно огрызнулся тот. – Ты прямо как этот доцент очкастый, из-за которого меня тогда с первого курса отчислили...

Тут он спохватился, что открыл свою «тайну», которую скрывал уже много лет, и, чтобы не выболтать что-то еще поспешил уйти, вполголоса бормоча, что ректор – прислужник жидомасонов, которые еще будут играть им в гегльбан – игру, являющуюся, по мнению иеромонаха Викторина, главным изобретением Гегля.

Из дневника Сергея Александровича

.. Успеваемость была на ужаснейшем уровне. До сих пор не могу сдержать смеха при воспоминании о рефератах, которые писали горе-студенты. Чего, например, стоят одни темы рефератов по истории философии: «Русский религиозный философ Аристотель (и тут же в скобках «греческий философ»), «Русский религиозный философ Гегль», «Русский религиозный философ Григорий Богослов»... Преподаватели

светских вузов, согласившиеся читать лекции в училище, хватались за голову. Так один наш юный ученый написал огромную по объему работу «Российские государства в X веке». Доцент университета необычайно этим заинтересовался: «А что, вы считаете, что государств было много? Впрочем, вы имеете право на свою точку зрения, но обоснуйте концепцию». Автор «концепции» в ответ безразлично посмотрел на него и спросил: «А сколько надо?» «Чего?» - не понял доцент. «Государств. Сколько надо, столько и будет», - невозмутимо отвечал студент.

... А иеромонаха Евстратия, видно по жизни уже много раз головой били об стенку... Это был человек добродушнейший, но ужаснейший чудак и графоман. Он все время кропал всякие бредовые статьи, которые время от времени печатали в разных сомнительных изданиях. В частности, он жестко критиковал самых уважаемых иерархов России, знаменитых христианских писателей, а в некоторых своих «письменах» как-то тонко намекал на свое особое избранничество. Отцу Григорию он сказал: «Я второй Белинский. Скоро напишу такую статью, что весь мир вздрогнет».

Студентов он любил, со мной был вежлив, но с отцом Сергием у него возникло подспудное противостояние, в результате которого он заявил: «Или меня назначают ректором, или я ухожу из училища». Архимандрит Сергей спокойно возразил ему: «Какой же ты ректор? Ты шизофреник!» «Не оскорбляйте меня!» - завизжал отец Евстратий. «Я тебя и не оскорбляю, я просто констатирую существующий факт», - также спокойно отвечал ему тот, на чье место он метил.

В результате на другой день мне пришлось ехать в училище, провожать отца Евстратия в другую епархию. Епархий он уже менял много, одного епископа (видимо наиболее жестко поставившего его на место), как потом рассказывали студенты, отчитывал заочно как бесноватого... Я опасался, что без скандала иеромонах не уедет, но уехал он тихо, и расстались мы по-доброму.

Но неужели нет ничего светлого из этого времени? Оно, безусловно, было, и «тьма не объяла его».

Помню освящение здания училища, которое совершал иеромонах Серафим. У меня тогда было уныние, казалось, что невозможно здесь создать нормальное духовное учебное заведение. И вот освящение. Домового храма еще нет, помещение под него только готовится, там грязь – идет ремонт. Поэтому для молебна выбрано единственное чистое место в училище – библиотека. Она, кстати, тоже повод для первой гордости. Совсем небольшой фонд – чуть больше тысячи книг, а сколько сил мы с женой, возглавившей библиотеку, успели в нее вложить! Выстраданы каждая книжка, каждый стеллаж. Дальше будет легче, за два с половиной года фонд возрастет до десяти тысяч книг. Будут трудности, но уже другие.

Начался молебен. Лица воспитанников серьезны и сосредоточенны. А мне почему-то вспомнился шум, который поднял один из казаков, когда мы выселяли их с милицией. Отец Серафим говорит проповедь. Слова ее не реальны, но уверенность, с которой он их произносит, заставляют в них верить. Батюшка говорит, что сейчас, конечно, все плохо, что Господь собрал здесь людей, плененных немощами, но придет время и

здесь расцветет духовный цветник – духовная семинария. Но для этого нужно не только много трудиться – нужно изменить себя.

Я вспоминаю, как после первого выпуска пастырских курсов, руководителем которых я был, один из священников-выпускников сказал Владыке: «Курсы это, конечно, неплохо, но надо бы открыть семинарию». А я, разгоряченный первым успехом, тут же обратился к архиерею: «Владыка, благословите на семинарию». Он внимательно изучающе посмотрел на меня и сказал: «Благословляю». Да, пусть это и тяжело, но я должен выполнить благословение. Пути назад нет – это дезертирство.

Освящение закончилось. Впервые я чувствую в училище едва уловимое присутствие церковности. Но радоваться рано, это еще только начало.

.. Вспоминаю освящение домового храма в честь моего небесного покровителя – преподобного Сергия Радонежского. Мне очень хотелось почтить своего святого, а Владыка и отец Сергей не стали возражать. Накануне освящения мы с женой впервые ночевали в училище, поставили койки в библиотеке. Остались ночевать отец Григорий и Юлий Петрович. Я все боюсь как бы чего не упустить. В училище такая разруха! Нет даже посуды, чтобы покормить гостей. Комната Попечительского совета отремонтирована, но в ней нет даже столов, и мы составляем парты, собираем все имеющиеся в наличии стулья. Особенно тщательно смотрели, как бы не упустить что-то необходимое для освящения. Делаем тщетную попытку организовать праздничную трапезу – ведь завтра впервые сюда приедут Владыка и наши первые благо-

детели. Но денег катастрофически не хватает, и заботы по организации трапезы берет на себя архимандрит Сергей.

... Вот и все позади. После освящения храма и Литургии Владыка вручает мне патриаршую награду – орден преподобного Сергия III степени. Он как бы венчает труды, но я понимаю, что все еще только начинается...

... Хочется сказать и о благочестивых студентах. Хорошее воспринимается нами обычно как нечто само собой разумеющееся, а вот плохое сразу бросается в глаза. Добрых слов быстро и не найдешь, а критика сразу готова сорваться с языка. Не преувеличу, если скажу, что наши первые студенты – подвижники. Денег на первых порах в училище не было ни на что. Питание было просто ужасным: пшеничная сечка и перловка. Помню, как однажды дежурные по кухне добавили в сечку куриные лапы прямо с когтями, чешуя с них слезла и перемешалась с кашей, так что невозможно было ее отделить. И, что интересно, большинство считали это отличной едой! Лишь позднее удалось нормализовать питание, благодаря заботам отца Сергия. Воспитательной работы вести было некому, мне приходилось самому есть со студентами все эти каши, чтобы хоть как-то морально их поддерживать. Впрочем, мне было не привыкать: у меня были периоды, когда я жил впроголодь. Но, честно сказать, чешую с куриных лап я так и не смог съесть...

Первые студенты на трудности не жаловались. У них были недостатки; было много и случайных людей, но все они как-то входили в положение администрации училища, которая на тот момент не могла

сразу решить все проблемы. Когда в училище становилось совсем уж холодно, студенты собирались погреться в единственном теплом месте – у электроплиты на кухне. Электроэнергии нажгли... Когда за неуплату ее отключили, две недели готовили пищу на костре.

Начало было очень сложным. Каждый новый стол, стул, каждая мелочь давались большим трудом. И после тяжелого периода – краткий прорыв, когда как-то вдруг сами собой решались многие проблемы, а потом новая полоса испытаний. Катастрофически не хватало сотрудников, людей, которые могли бы поддерживать в училище учет и дисциплину. Те же, кто появлялся, либо оказывались беспомощными, либо быстро выдыхались, либо начинали приносить вред, и с ними приходилось расстаться...

Отец Григорий

Отец Григорий был человеком очень веселым и жизнерадостным. Он как-то легко шел по жизни, умудрялся даже в каких-то мрачных вещах находить забавное, ни на чем глубоко не заикливался. Поскольку в училище ему ничего не платили, протоиерей, в отличие от многих других священников, почему-то вбивших себе в голову, что они являются представителями особой касты, отделенных от «несвященных» непроницаемой стеной и предпочитающих лучше жить впроголодь, чем работать на «светской» работе, ни капли не сомневаясь устроился работать по специальности. А специальностей у него за его жизнь бы-

ло уже свыше десятка: и эксперт в вопросах аудита, и преподаватель вуза, и учитель средней школы, и начальник охраны, и коммерческий директор, да много еще чего. В этот раз он выбрал то, что нашлось – заместитель директора по социальным вопросам на одном еще уцелевшем с советских времен в лавине демократических реформ предприятии.

Здесь к нему постоянно шел народ и, как и в церкви, его здесь все любили, несмотря на то, что отец Григорий четко выполнял поставленную ему новым хозяином предприятия задачу: никому материально не помогать. Не выполнять он ее не мог: просто никаких материальных ресурсов ему не давалось. «Ты типа психолога, Гриша, будешь, чтобы тебе в жилетку плакались. А может чего и дельное кому подскажешь», - обозначил ему его функции генеральный директор Андрей Николаевич – шкафообразный тридцатилетний мужик в малиновом пиджаке. «Типа понял, Андрюша. Попробую», - согласился священник.

Но он проявлял такое искреннее участие в каждой ситуации, так сочувственно выслушивал, давал такие практически полезные советы, что рабочие, в основном женщины от сорока до пятидесяти пяти, его очень любили. Бывало, что священнику становилось так жалко тех, кто к нему обращался со своими бедами, что он давал им что-то из своей зарплаты, небольшой, несмотря на звучную должность. Приходили к нему и пожаловаться на свои житейские неурядицы, на пьющих мужей. Иногда возникали комичные ситуации.

– Григорий Никанорович, – ворвалась однажды к нему в кабинет красная от возмущения швея, – не могу я больше жить с мужем!

– А что случилось, Любонька? – ласково спросил заместитель директора. – Тебе ведь годиков-то наверное и сорока нет, куда же ты без мужика?

– Сорок пять, – довольно сказала та.

– Ну надо же! Никогда бы не подумал! Так в чем дело?

А дело было в том, что муж Любы, заядлый рыбак, наловил пару ведер рыбы, принес ее еще живую домой и выпустил в ванну, в которую предварительно налил воды. После этого с чувством выполненного долга выпил бутылку водки и лег спать. Среди мелкой рыбы была довольно крупная щука, которая начала жрать карасей. Четырехлетний внук Любы этим озабочился, и начал трясти деда, спрашивая, что сделать со щукой, которая так себя ведет.

– Засунь ее бабушке в задницу, – сквозь сон пробормотал ему пьяный.

Послушный мальчик начал бегать за бабушкой со щукой...

– И что же – засунул? – участливо спросил отец Григорий.

– Ну, вы скажете! Нет, конечно!

– А чего же ты жалуешься? Посмеялась и забыла!

– Разве ж это смешно?

– Можно и так на это посмотреть, – кивнул Григорий Никанорович, искусавший себе все губы, чтобы не расхохотаться.

Он мирил жен с мужьями, помогал находить общий язык родителям с подрастающими детьми. В хра-

ме училища он, благодаря дружбе с Сергеем Александровичем, так и продолжал числиться настоятелем, хотя появлялся там уже даже и не каждый месяц. Архимандриту Сергию тоже было выгодно то, что часто сменяющиеся священники не имели статуса настоятеля храма, так как постоянная ротация настоятелей могла бы озадачить архиерея. Так что отец Григорий умудрялся быть полезен другим даже тем, чего он не делал.

Из дневника Сергея Александровича

... Все держалось на благочестивых студентах. Среди них двое недавних насельников монастыря, Митя, о котором ранее я уже писал, и еще несколько человек. Они были в отсутствие администрации хоть каким-то сдерживающим началом, хотя и их, конечно, «крутило».

Так насельники монастыря использовали любой повод побывать в своей обители, хотя мы с самого начала объяснили, что студенты должны жить в училище постоянно. Спрашиваешь: «Что вас отсюда гонит?» Отвечают: «Обстановка». А она и впрямь была тягостной...

Я им сказал тогда, что легче всего убежать от искушений, спрятаться туда, где их нет, что я и сам был бы рад так поступить. Но ведь Господь поставил нас на это место, каждого на свое, и бежать нельзя. Нужно постараться изменить ситуацию, даже если мы сами не верим в то, что это возможно. Значит,

чтобы изменить ситуацию нужно начать изменять себя.

... Вскоре после отъезда отца Евстратия в училище прибыл новый священник – иеромонах Герасим. В солдатской шинели поверх подрясника, подтянутый, строгий, всегда напряженный. Он производил впечатление человека сурового и серьезного. Но много в нем было и вздорного, поверхностного. Отец Григорий в силу своей занятости почти не бывал в храме, также как и ректор, который не имел возможности этого делать в силу занятости в епархии. Вторые священники были предоставлены сами себе, и делали все, что им заблагорассудится.

Мои попытки ограничивать их были негативно восприняты архимандритом Сергием, и я как-то отошел от храмовых дел. Иеромонах Герасим, таким образом, получил самую широкую свободу действий. Человек очень активный, он взялся было за дело реконструкции домового храма. В результате его попытки сделать округлую колонну чуть не обрушился второй этаж. Тогда он оставил свои строительные планы (впрочем, не совсем: почти до последнего дня пребывания в училище он вынашивал идею постройки на крыше здания училища какой-то звонницы, которую в случае необходимости оттуда можно было бы безболезненно стащить с помощью лебедки). Но это были все планы, а повседневную энергию отец Герасим направил на духовное воспитание студентов, тем более, что отец Сергей назначил его инспектором.

Нельзя не упомянуть о тех обстоятельствах, при которых это назначение произошло. Закончился первый учебный год в жизни училища. Он был очень

непростым, а лето оказалось не легче. В целях охраны училища мы приняли решение оставлять на двухнедельные летние послушания группы по несколько студентов. Выбирать было мало из кого, и группы оказались очень своеобразными. И надо так случиться, что этим летом архимандриту Сергию, а следом за ним и мне пришлось отъехать в трехнедельные зарубежные командировки.

Пока начальства не было, в училище поселился непросыхающий Юлий Петрович. Со своим помощником по хозяйственной деятельности Сашей Баллоновым, он выпивал по пятнадцать бутылок портвейна в день. В результате ходил под себя, выбрасывал из окон мокрое постельное белье и матрасы. У него были видения, с которыми он разговаривал. Когда немного просыхал, шел рассказывать дежурным студентам, что он их начальник.

Саша Баллонов спал в кустах на территории училища, иногда в обнимку с местными алкоголичками. Когда деньги заканчивались, мог пропить какую-то принадлежащую училищу вещь. Группа дежуривших в училище студентов также веселилась как могла. Весь этот кошмар заставил подняться дыбом волосы на голове у отца Герасима, который остался практически один в этом бардаке. На время отъезда руководства, надзирать за училищем остался благочинный монастыря, в котором архимандрит Сергей был настоятелем – иеромонах Виктор. Но у него и в монастыре хватало забот.

И тогда отец Герасим начал сам наводить порядок в училище. Он был человек резкий, и обосновать свою позицию перед начальством не умел, это сослу-

жило ему здесь плохую службу. А с подчиненными он решил действовать с позиции силы.

Юлия Петровича он за шиворот выкинул из кухни, куда тот пьяный в три часа ночи пришел, разбудив ответственного за работу в ней студента, чтобы тот готовил ему еду «в дальнюю дорогу». Саше Баллонову и нескольким студентам иеромонах Герасим заявил, что требует, чтобы они немедленно покинули училище. Те, пользуясь тем, что ректор и проректор в отъезде, тут же написали на него две кляузы архиерею, причем они были настолько колоритные, что я переписал на память их текст, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Коллективная жалоба

Глубокоуважаемый Владыка Анатолий!

Прошу Вас принять серьезные меры к о. Герасиму. Дело в том, что своим отвратительным поведением к студентам, напрягает внутреннюю обстановку в духовном учреждении. Так как в связи со своим отвратительным поведением о. Герасим, то против него восстали несколько человек.

Студенты:

Максимов Олег – уехал домой

Грязнов Сергей – подпись

Витя Андреев – подпись

Макаров Андрей – уехал домой

Баллонов Саша – подпись

Александров Вадим – подпись.

Или вот докладная Козлова Юлия Петровича:

«Довожу до Вашего сведения, что 21 июля с.г. в пятом часу я стал собираться уезжать в город. Помещение кухни было закрыто, и я обратился к сту-

денту Макарову Андрею с просьбой открыть дверь. Он сказал, что ключи находятся почему-то у священника. Затем он сходил за ключами. Я сел на стул у стола, а Андрей стал греть чай. Неожиданно с грохотом отворяется дверь, и с непонятным криком влетает священник. Ничего не говоря, с громким ревом хватает меня за одежду, и «выбрасывает» меня из кухни. Все это происходило в присутствии Макарова Андрея. Считаю вышеуказанные действия священника хулиганскими и оскорбительными».

А вот и ответ о. Герасима:

«Довожу до Вашего сведения, что в ночь на 21.07 в 4.00 я был разбужен учащимся Макаровым Андреем.

Причиной указанного происшествия было то, что гл. инженер ДУ Козлов Юлий Петрович в нетрезвом состоянии отдал ночью распоряжение собирать ему провизию в дальнюю дорогу, для чего потребовались ключи от кухни. Я выдал Андрею ключ, после чего оделся и пришел на кухню, где застал Козлова Ю.П.

На требование объяснить свое поведение он ответил невнятно. Для предотвращения бесполезной болтовни, я был вынужден вывести Козлова Ю.П. за шиворот без применения сильных физических воздействий.

Следует отметить, что утром в 7.00 был назначен подъем, а в 8 служба в храме (литургия), где Макаров Андрей был моим единственным чтецом, певцом и пономарем одновременно. Поэтому продолжение ночного «бдения» грозило срывом церковной службы.

Подобное происшествие произошло за 8 дней до этого, когда Козлов Ю.П. до двух часов ночи в нетрезвом состоянии не давал спать кухонным работникам

в их спальне. Прошу принять меры для прекращения пьяного хулиганства. Свои действия считаю оправданными.

Инспектор ДУ иеромонах Герасим

Данную докладную записку прочел, возражений не имею.

Учащийся ДУ Макаров Андрей».

В результате архиерей устно сказал жалобщику: да, этого Герасима нужно гнать из училища. Сказал он это риторически, но его слова подтолкнули «путчистов» к действиям. Всей толпой они пришли в домовый храм и в ультимативной форме заявили иеромонаху Герасиму, что архиепископ благословил его выгнать из училища. Тот попытался возражать, но устрашающий вид мятежников смутил его суровую душу, и он счел за благо поспешить удалиться из училища в безопасное место, откуда вызвал на помощь иеромонаха Виктора. Тот приехал в училище, провел пространную душеспасительную беседу, не тронувшую эти окаменевшие сердца. Окончательно «путч» был подавлен лишь с приездом архимандрита Сергия, который все расставил по своим местам.

Первым делом он вернул в училище отца Герасима, выгнал Сашу Баллонова и до минимума сократил полномочия Юлия Петровича (выгонять его в этот раз он не стал). А также предупредил студентов-жалобщиков, что они будут находиться в училище до первого серьезного замечания. И увенчал это назначением на должность инспектора – лица, ответственного за воспитание студентов – иеромонаха Герасима.

Тот после временного поругания получивший власть над своими недоброжелателями, с удвоенной энергией взялся за их перевоспитание.

К тому времени начали приезжать абитуриенты. Не желая, чтобы плевелы бунта возросли в их юных душах, иеромонах Герасим провел с ними ряд столь внушительных бесед, что многие сочли за благо покинуть училище, не дождавшись даже вступительного собеседования. В результате удалось набрать только девятнадцать человек...

Уходящий мэр

... Содержание духовного училища требовало больших средств. Какого-либо определенного финансирования вообще не было, поэтому приходилось использовать все возможности. Городская администрация еще имела на тот момент в своих руках очень большие материальные ресурсы. Само здание, где располагалось училище, было передано ему в безвозмездное пользование именно постановлением главы города. Ему же подчинялись те организации, которые снабжали этот объект теплом и электроэнергией, и мэр мог оказать влияние на то, чтобы они не только не отключали духовное училище от тепла, но и списывали часть накопившихся долгов. Законные возможности для этого еще имелись.

Главой города Петрово был тогда Василий Вячеславович Семихвостов. Это был очень импульсивный человек и большой оригинал. Он очень любил «хорошую» (в его представлении) шутку, из-за чего много

страдал от газетчиков, у которых тогда был период особой свободы писать все, что вздумается. Так Василий Вячеславович неосторожно сказал как-то начальнику областной милиции: « У меня всего четыре года, дайте мне спокойно поворовать!» Генерал шутку понял, а журналисты нет, и цитата украсила первые полосы всех петровских газет.

К Православию он относился хорошо, но религиозные чувства также порой принимали у него гротескные формы. Так он заставлял ответственных сотрудников городской администрации вместе с ним ездить в любимейший ему монастырь по десятку раз в год; на праздник Крещения Господня заставлял некоторых вместе с ним нырять в прорубь...

В духовное училище он приехал только незадолго до выборов мэра. Владыку Анатолия он очень любил и уважал, но считал, что он стареет, поэтому деловыми вопросами следует заниматься с другими людьми, а ему только выражать внешнее почтение, временами театральное. А вот архимандрита Сергия он совсем не любил; ему нравился архимандрит Нифонт, в монастырь к которому он ездил, и которого желал видеть епископом. И поэтому Василий Вячеславович находил сотни способов оказывать помощь монастырю, располагавшемуся на территории совсем другого муниципального образования, а теперь, благодаря поддержке мэра областного центра и в самом Петрово имевшим несколько подворий. Владыка Анатолий был человек мягкий, поэтому все, что ни делалось доброго, благословлял и одобрял, какими бы скрытыми мотивами оно не было продвигается. А Василий Вячеславович,

видя это, порой совсем не считался с мнением архиерея.

Дошло до того, что когда однажды архиепископ Василий и архимандрит Нифонт одновременно подали письмо с просьбой передать один и тот же объект в безвозмездное пользование – первый под духовное училище, а второй под нужды монастыря. И правящий архиерей получил отказ, а просьба подведомственного ему клирика была удовлетворена... Но Владыка и тут смирился. А вот Сергей Александрович написал тогда мэру письмо о том, как это выглядит. В итоге под училище и был подобран закрывавшийся детский сад. Неохотно, но глава города стал понемногу помогать и духовному училищу.

Приехал он туда однажды в сопровождении нескольких своих заместителей. Первым делом залез под стол, чтобы посмотреть, «где КГБ установило прослушивающие устройства». Найдя воткнутую внизу стола канцелярскую кнопку, необычайно обрадовался, и раз пять сказал: «Вот же оно!» Интересовался у архимандрита Сергия, не работает ли он на КГБ, или «как там оно теперь называется». Но некоторые вопросы, связанные со списанием долгов по оплате электроэнергии, он решил.

А через несколько месяцев прошли выборы, после которых в Петрово был уже совсем другой мэр.

Из дневника Сергея Александровича

... Второй набор был значительно лучше первого, но все же еще не идеальный. Пятеро из поступивших

были старше тридцати лет, все они желали принять священный сан и, зная настроения Владыки и еще значительный кадровый голод епархии, можно было с уверенностью предполагать, что на очном отделении они долго не задержатся.

Положительным моментом было то, что четверо из поступивших имели высшее образование, большинство прошли военную службу, а трое имели офицерские звания. Но были и люди очень неорганизованные. Как яркий пример можно назвать Севу Скрежецова, который много лет прожил в монастыре, но, несмотря на это, не смог научиться элементарной дисциплине. Он всегда говорил всем в лицо все, что думал, а думал он всегда не то, что от него ожидали. Единственным существовавшим для него авторитетом был авторитет кулака. Поскольку руководители училища и преподаватели его не били, он нас ни в грош ни ставил. А вот тех студентов, которые его били, очень уважал. Он всегда хотел сделать что-то полезное, но это редко у него получалось. Непосредственность его не имела границ: ему, например, ничего не стоило высморкаться в висевшую на окне занавеску или вытереть об нее руки, даже не заметив, что он это сделал. При этом Сева был совершенно беззлобный, бесхитростный и искренний. Долгое время он был келейником у одного благочестивого архимандрита. Тот тоже отчаялся воспитать этого юношу и в минуты раздражения называл его не иначе как «сруль». Сева имел неосторожность рассказать об этом в училище, и большинство так и стали его называть, на что он жутко обижался. В училище он сумел проучиться немногим менее года, хотя при поступлении

заявил, что будет учиться, пока не получит степень кандидата богословия.

Был среди поступивших и один изобретатель с необычным именем Порфирий. Как они рассказывал, у него было несколько «ноу-хау», среди которых мне особенно запомнилась лодка с реактивным двигателем, передвигавшаяся по поверхности воды со скоростью семьсот километров в час, а также аппарат для сбора клюквы, действовавший по принципу пылесоса, которым можно было собирать ягоды со скоростью ведро в минуту.

У иеромонаха Герасима было много чудачеств. Иеромонах Евстратий, нужно отдать ему должное, любил служить. Он служил каждую неделю четыре литургии, а накануне их вечерние богослужения. Отец Герасим сказал, что столько служить может только священник, желающий призвать на себя нападение демонических сил. Также он отозвался и об обыкновении отца Евстратия поминать множество людей о здравии и о упокоении. Сам иеромонах Герасим считал, что за людей можно молиться только в крайнем случае, и за небольшое их число. Одновременно он ввел для студентов обязательные утренние и вечерние молитвенные правила, которые помимо обычных утренних и вечерних молитв включали в себя повечерие, каноны и акафисты и длились по полтора часа каждое, то есть немногим меньше, чем полноценная служба.

Правила эти не прижились и покинули училище вместе с отцом Герасимом. Все более ревнуя о благочестии, иеромонах выявил, что Порфирий колдун и требовал изгнать его из училища.

Однако ректорат и правящий архиерей встали на защиту гонимого. И из училища удалился не «колдун», а иеромонах Герасим, который на прощание и прах от ног своих отрясал от места, по его мнению, столь неспасительного.

Колдун

Порфирий и впрямь производил впечатление не вполне нормального человека. Безумные глаза навывкате, блеющий голосок, которым он постоянно изрекал: «воля Божия» и рассказывал о своих больших достижениях и грядущем величии. Кроме того он постоянно придумывал разные идеи, как, например, сделать такую коммуну животных, где собаки, кошки и мыши будут жить в одном доме и не враждовать, а любить друг друга, или как из найденных на помойке нескольких сотен книг самого разного содержания (от выступлений К.У. Черненко на партийном съезде и детской книжки «Октябрята Вьетнама» до романа «Я Эдичка» Эдуарда Лимонова) состряпать диссертацию – кандидатскую, а лучше докторскую. На вопрос Сергея Александровича по каким дисциплинам, он ответил, что сразу по нескольким, но назвать их затруднился.

Самое плохое, что этой идеей он делился с приезжающими в училище профессорами из Петровского университета, а еще хуже, что притащил эти книги в училище, отчего там появились тараканы, которых не могли потом вывести несколько лет.

Профессорам вообще было на что в училище посмотреть. Как-то после лекции один из них подошел к проректору и о чем-то начал с ним говорить. К ним тут же присоединился один из присутствовавших на лекции студентов.

- Сергей Александрович, как этого мужика зовут?
- громко спросил он у проректора.

- Роман Иванович, тише ты, - шикнул на него тот.

- Роман Иванович, вы здоровски рассказываете, нам понравилось!

- А вы не шутите? – в тон ему ответил профессор, заслуженный умудренный сединами человек, ни капли не сноб, которого ситуация забавляла, что нельзя сказать о проректоре.

- Вы думаете, что вы фигово рассказываете, а я подошел, чтобы вас подколоть? – догадался студент. – Неа, правда, классно!

Поэтому Порфирий Павлович профессоров уже не удивлял, они знакомились с церковной экзотикой.

Чем он навлек на себя подозрения в колдовстве? Вот этой своей чрезмерной активностью, непонятно куда направленной. Но отец Герасим хотел достоверно убедиться, что он колдун. И решил устроить проверку, которая его догадки подтвердила. Во-первых, когда ночью по благословению иеромонаха Герасима двое не сильно умных студентов вылили на Порфирия ведро холодной святой воды, когда он спал, то он вскочил и закричал. А кто кроме колдунов так сделает? В другой раз, опять же спящему ему в ухо крикнули молитву, и опять он испугался. А кроме того, Порфирий все время бубнил себе что-то под нос. Говорит, что Иисусову молитву, но вряд ли, наверняка колдовские заклинания.

Опять же рисовал каких-то человечков, что он художник? Наверняка хотел через эти рисунки магические действия делать.

Но вся эта безупречная логическая конструкция умозаключений иеромонаха Герасима у ректора и у правящего архиерея вызвала реакцию совсем не ту, какой он ожидал. Его удалили из училища, из епархии, и чуть не запретили в священнослужении.

Из дневника Сергея Александровича

... Среди студентов было трое больших друзей «зеленого змия». Один из них, Модест Алкашов (может фамилия его подводила?), здоровенный парень двадцати семи лет особенно не мог устоять перед выпивкой. Видимо, это пристрастие и не дало ему закончить сельхозинститут, в котором он проучился четыре с половиной года. Возможно, и в училище он пришел в надежде, что здесь бросит пить. После каждой пьянки он искренне раскаивался, давал обещание больше не пить, а еще через несколько дней также искренне его нарушал. Двое других – Марк и Филипп – были не больными алкоголизмом, а просто прохвостами, которые могли безобразничать исключительно в тех случаях, когда были уверены, что им за это ничего не будет. Они всегда выкручивались и избегали наказания, оставляя все шишки для головы Модеста, и не пытавшегося выкручиваться.

После отъезда иеромонаха Герасима инспектором был назначен один из поступивших – Павел Данилович, который не только был старше других, но и

имел воинское звание майора. Однако прохвосты его пытались всерьез не воспринимать на основании, что он такой же студент, как они сами. Его замечаниями пренебрегали, открыто пили. Когда он взволнованный сообщил мне, что они не реагируют на замечания и выговоры, то я распорядился отправить их в медвытрезвитель, о чем лично им сообщил. Они до последнего момента не верили, что с ними могут так поступить. Однако, проведя ночь в милиции, двое хитрецов полностью изменились, и стали одними из самых дисциплинированных студентов. А бедный Модест ничего не мог с собой поделаться, и в результате был отчислен.

Были некоторые забавные случаи. Один студент, например, имел чрезмерное попечение о своем здоровье. И вот однажды, уже ночью, он поднял все училище на ноги, в панике говоря, что у него острая боль в животе, и ему нужно срочно вызвать «скорую помощь». Пока «скорая» ехала в училище, ему стало значительно лучше. А когда врач с медсестрой зашли в комнату, где он лежал, ему стало совсем хорошо. Выяснилось, что его болезнь - результат мнительности. Он же поднял переполох, как будто и впрямь умирает. Врач, впрочем для порядка, предположил дизентерию и прописал лекарства, а также нахождение в изоляторе. Не остался безучастным Сева Скрежетов. «Доктор, можно я как друг скажу?» - взволнованно спросил он. «Ну, говори». «Доктор, он иногда один раз ходит ночью по большому, а иногда два. Я помог вам для постановки диагноза?» Доктор в ответ засмеялся также весело, как и находившиеся в комнате студенты.

Как только «скорая» отъехала, они тут же осуществили транспортировку мнимого больного в изолятор, перенеся его туда прямо на кровати. Его робкие попытки идти самому они резко пресекли: «Раз больной, значит лежи!».

Нельзя не упомянуть про Васю Андрюшина. Это был не очень умный, но очень усидчивый и старательный мальчик. Он мог заучивать текст целыми страницами. А вот логическое мышление у него отсутствовало. Но, впрочем, обычно за старательность ему ставили «тройки», а иногда и «четверки».

Однажды он не смог сдать экзамен архимандриту Сергию. Это его очень удручило, а ректор еще подлил масла в огонь: «Смотри, а то придется тебя отчислить!» «Так ведь все зависит от тебя самого», - тупо уставившись в одну точку, чуть не плача пробормотал Вася. «Что?!» - удивленно поднял брови ректор. «Как будешь стараться, так и будет. Будешь хорошо стараться - будет хорошо, а будешь плохо - плохо!» «Ну, тебе, Василий, нужно будет очень хорошо стараться!» - засмеялся отец Сергей. «Так ведь все зависит от тебя самого», - тупо повторил ученик...

Простота некоторых студентов не знала границ. В первые годы существования училища они по очереди готовили на кухне. Так вот один из этих поваров проверял разогрелся ли суп, опуская в него палец, и делал это до тех пор, пока я его за этим не застал. Другого застали за тем, что он справлял малую нужду в ванну для мытья посуды.

Про одного Севу Скрежетова можно написать целую книгу. От бывшего детского сада в училище осталась картина «Волк и семеро козлят». Была она

очень большая. На холсте. И пока я думал над тем, чтобы перевернуть холст и написать на обратной стороне какой-то пейзаж, Сева умудрился распилить рамку картины и приспособить ее в своих целях. Я не ограничился здесь простым выговором, но решил попортить безобразнику нервы, чтобы он зарекся трогать что-нибудь без спроса. Воспользовавшись тем, что Сева человек весьма простодушный и воспринимает на веру все, что ему говорят, я прочитал ему целую лекцию о том, что эта картина – уникальное полотно из Эрмитажа. Она стоит несколько тысяч долларов, и на нее подписано охранное обязательство с Министерством культуры Российской Федерации. И теперь из-за безобразия, учиненного Севой, духовное училище могут закрыть.

Он ужасно перепугался, просил прощения, но я вновь повторил ему то же самое. Он тогда чуть не плача сказал, что пойдет работать, заработает деньги и восстановит рамку, «если из-за каких-то рогатых могут закрыть училище». Этим он меня так насмешил, что я не выдержал и простил его, успокоив, что немного преувеличил серьезность происшедшего, но без спроса все равно ничего трогать нельзя.

Был среди воспитанников и один «философ». Начитавшись Аристотеля, Платона, Канта, Гегеля, Ницше и Шопенгауэра и мало что поняв из прочитанного, он вообразил, что стал очень умным и должен общаться на уровне не ниже кандидата наук, хотя сам не имел даже среднего образования и параллельно с училищем доучивался в школе рабочей молодежи. Говорил он напыщенно и неудобопонятно, боюсь, что он не только говорил, но и думал так. Целыми днями он

пытался ввязать кого-нибудь в жизненно важную для него дискуссию, например, чем «экзистенциальный» отличается от «онтологического». «Философ» никогда не говорил просто; например, вместо того, чтобы сказать «ему трудно будет устроиться в обществе» говорил: «Для него затруднительно будет интегрироваться в социум». Отца Григория он спросил: «Батюшка, а часто прихожане спрашивают вас, чем философия Платона отличается от философии Аристотеля?» «Каждый день», - ответил ему любивший хорошие шутки священник, даже не подозревая, что подтверждает тем самым смутные догадки юноши. Он проучился у нас полгода, потом бросил; на будущий год опять поступил, и опять через полгода бросил, и более не возвращался...

Окончание дневника Сергея Александровича

Встречались интересные моменты и в деятельности преподавателей. Один иеромонах, например, все изучение Библии свел к тому, что рассказывал как кто и с кем согрешил в Ветхом Завете. А при этом он должен был преподавать Новый Завет... Пришлось с ним расстаться.

Другой батюшка, призывая студентов к порядку, нарисовал им следующую впечатляющую сотканную из слов картину: «Все вы знаете, что такое икона. Представьте себе мозаичную икону из драгоценных камней: как она прекрасна! И вот представьте, какое будет кощунство, если некоторые из этих камней за-

менить кусочками сушеного дерьма. Вот и вы в прекрасной иконе Церкви должны быть драгоценными камнями, а не кусочками сушеного дерьма!» Проповедуя в семинарском храме, этот же священник однажды сказал следующее слово: «Вы часто спрашиваете меня, почему у вас утром болит голова, когда вы накануне выпили лишнего, а когда съели лишнего, то почему болит живот. Если же вас угораздит познакомиться с нехорошими мужчинами или женщинами, то вы опять идете ко мне и с удивленными глазами спрашиваете, откуда у вас взялись нехорошие болезни. Я раз и навсегда отвечу, где причина ваших бед. Придите домой, посмотрите в зеркало, и вы увидите мерзкую рожу того негодяя, который виноват во всех ваших несчастьях!»

Была еще одна на редкость жизнерадостная преподавательница словесности, которая не менее половины учебного времени посвящала исполнению перед студентами стихов и песен собственного сочинения.

Вспоминается приехавший вместе с иеромонахом Герасимом Владислав Никанорович Тряпкин, благообразного вида пожилой человек невысокого роста. Желая, видимо, увеличить свою значимость, он ходил непременно на высоких каблуках. Сначала он был просто послушником при храме, а затем я предложил ему попробовать свои силы в качестве коменданта. После назначения Владислав настолько проникся ощущением значимости собственной персоны, что когда через неделю в училище прошло заседание Попечительского совета, на которое его разумеется никто не позвал, Тряпкин сразу же обиделся, собрал свои вещи и сбежал из училища, никому ничего не сказав и не сдав дела...

Вспоминается и прапорщик в отставке, в направлении которого в училище, подписанном архимандритом Сергием, значилось, что он командировается в училище в качестве воспитателя и по совместительству вахтера. Вторая роль явно ему больше шла. Но в итоге он и с ней не справился.

Невозможно забыть и первого «ученого мужа», направленного в училище на постоянное послушание – Марка Васильевича. Он приехал вместе со своей мамой. Та опекала сына как семилетнего, хотя ему было хорошо за тридцать. Выпускник академии, кандидат богословия, он был человеком книжным, абсолютно оторванным от реальности, но совсем не лишенным амбиций и честолюбия.

Свой приезд в училище, к тому времени вполне благоустроенное, имевшее все необходимые для среднего человека удобства, они воспринимали как великий подвиг. «Ну, что же: ведь Святитель Иннокентий, когда просвещал Сибирь, переносил все трудности. И мы перенесем: ведь Марк чувствует в себе призвание к миссионерству», - восторженно говорила его мама. А я тогда недоумевал, о каких трудностях она говорит в отапливаемом здании с горячей водой, электроэнергией и канализацией, где от них никто особо ничего не требует, даже готовить самим не приходится...

Зная от Владыки, что Марк приехал, имея желание стать священником, я осторожно спросил его: «Вы желаете рукополагаться?» На это он мне весьма напыщенно ответил: «Как можно желать священства? Святые бежали от этого!» После такого ответа у меня пропало всякое желание с ним общаться.

Впрочем, нужно отдать должное – Марк Васильевич был человеком энциклопедической образованности. Он читал лекции по нескольким дисциплинам, студенты очень любили его. После занятий они окружали преподавателя, ходили с ним вокруг училища. А он отвечал им на вопросы из разных областей знаний.

Мы с архимандритом Сергием всерьез начали думать над тем, чтобы после рукоположения доверить ему какое-либо ответственное послушание в училище, например, проректора по воспитанию или заведующего сектором заочного обучения, причем сам он, конечно, желал быть проректором.

Архиерей, испытывая смирение Марка, несколько раз откладывал решение вопроса с рукоположением. Тогда и выяснилось чего стоят разговоры о «святых, которые бежали от священства». Марк Васильевич вместе со своей мамой начали обвинять Владыку в том, что он их обманул, что поверив его обещанию рукоположить Марка, они приехали в это тьмутарканское училище, а он все откладывает и откладывает рукоположение (а надо сказать, что не прошло и двух месяцев с их приезда). Они немедленно уезжают в Москву. Архиепископ удивленно пожал плечами и сказал, что свято место пусто не бывает.

Так училище покинул еще один из тех, кто думал, что совершит здесь великие дела.

На этом записи в дневнике обрываются, но имеется следующая приписка-рецензия:

Приписка архимандрита Сергия

Это очень претенциозное сочинение написано крайне неграмотно, напыщенно. Как бы с высоты, но при этом чувствуются собственные интеллектуальные изыяны автора. Совершенно не готово к публика-

ции. Много «я-какья», что выглядело бы очень смешно, если бы ты подписал это своей настоящей фамилией. После увеличения объема сочинения минимум в два-три раза, хорошей концовки (здесь нет окончания), можно было бы рекомендовать это набрать в компьютерном варианте, чтобы дать этот текст только очень близким людям. После 2006 года можно было бы вернуться к вопросу о возможности это издать где-нибудь не в Петровской области, ограниченным пока тиражом. Труд неудачный и малоинтересный.

Гертруда

...Она была очень красивой. Глубокие голубые глаза, в которых как в бездне отражалось неземное очарование; рассыпанные по плечам густые золотые волосы, сияющая улыбка, располагающая любого. Немецкая красавица, прихотью судьбы, заброшенная в российское захолустье...

Такой Гертруда Карловна представлялась себе. Окружающим ее жителям города Петрово она виделась иной: блеклые бесцветные глаза, вытравленные перекисью водорода волосы, которые густыми были только много лет назад, полубезумная улыбка. Да и не немка она никакая: имя ее «Гертруда» означает «героиня труда», которым назвал ее ненормальный отец, вполне русский, которого его помешанные на революции родители назвали в честь Карла Либкнехта. Гертруде еще ничего, а вот ее страдавшей в детстве расстройством речи сестре Кларе плохо приходилось от злых одноклассниц, заставлявших говорить скоро-

говоркой «Карл у Клары украл кораллы». А она и простых слов не могла выговорить, плакала, переживала, даже лежала в больнице...

Жизнь прошла такая злая и пустая, а Гертруда все жила в ожидании чего-то прекрасного и сказочного. Ей уже полсотни минуло, а она все надеялась, что это не ее жизнь идет, что ее - еще начнется. Последние годы она жила одна в пустой квартире на окраине Петрово. Когда здесь открыли духовное училище, Гертруда решила зайти в домовый храм. Она никогда раньше не бывала в церкви. Родители не крестили ни ее, ни сестру, об этом можно было догадаться уже по их именам. Сами они, воспитанные в активно богоборческой среде, также никогда не задумывались глубоко о вопросах веры, хотя и принимали активное участие в атеистической работе. И вот уже и родители умерли, и Клара уже год, как ушла в мир иной. Гертруда совсем одна. Она работает учителем в средней школе, преподает литературу, и в мире книжных событий иногда забывает о том, какая же «не такая» ее собственная жизнь...

... Первым священником, которого она встретила, оказался иеромонах Герасим. Он сразу ей сказал, что и родители ее бесноватые богоборцы, и сестра вместе с ними мучается сейчас в аду, и самой ей нечего делать в храме, потому как жизнь ее пустая и никому не нужная. И если она хочет креститься, то должна сперва полгода на коленях стоять в притворе храма на каждой службой, каясь за свою бесполезную и никчемную греховную жизнь. И пошла было Гертруда домой, размазывая слезы по щекам, и никогда больше не зашла бы

в храм, если бы не попался ей случайно на встречу отец Григорий.

- Что случилось, дорогая, о чем так горько плачешь? – участливо спросил он.

И Гертруда вдруг не только рассказала, что произошло с ней сейчас, но и рассказала всю свою жизнь, поделилась несбывшимися мечтами. Отец Григорий очень спешил, но не подал виду.

- Не обращай внимания на Герасима, он больной, - сказал он для начала. И добавил: - Приходи, я тебя крещу сам.

И Гертруда пришла через неделю. В крещении отец Григорий назвал ее Галиной. А вскоре иеромонаха Герасима уже не стало в храме училища, и Галина стала постоянной прихожанкой. Ничего вроде бы не изменилось в ее жизни, но появилось чувство наполненности смыслом и радости, которых не было раньше. Она всегда с благодарностью молилась за протоиерея Григория: ей казалось, что не попадись он ей тогда, радость, душевный мир и счастье могли бы пройти мимо нее.

Попечительский совет

Мысль о необходимости Попечительского совета для не имеющего никаких постоянных источников финансирования духовного училища вполне естественно возникла в умах его руководства. Но беда в том, что в постсоветской России традиции благотворительности еще не сложились. Те, у кого денег было, как у дураков фантиков, ничуть не пожалели бы мил-

лион-другой рублей на проигрыш в казино или дорогую проститутку, но для них же стало бы событием, если они пожертвовали тысячу рублей для Церкви, и эту тысячу они пожалели бы. Однако, если это было бы в их глазах не жертвованием, а участием в какой-то «политике», то какие-то средства можно было получить и от них. «Советские» директора, входившие в солидный возраст, начинали задумываться о вечных ценностях; они могли оказать реальную помощь. Были и те, кто не смотрел на те материальные активы, которыми в силу исторической ситуации мог в этот момент полноправно распоряжаться, как на «свои». Они могли помочь много. Наконец, определенная поддержка могла быть и от государственных и муниципальных структур, пусть и не в форме бюджетного финансирования.

Ректору и проректору духовного училища предстояло все эти возможности использовать и создать Попечительский совет. Первая попытка провести собрание по вопросу создания данного совета оказалась неудачной: приехал всего лишь один чиновник из областной администрации, который посмотрел здание, участливо покивал, и этим все закончилось. *Ни один* из приглашенных директоров и бизнесменов не приехал. Но параллельно индивидуальная работа с ними шла; несколько пожилых директоров начали оказывать вполне существенную помощь. Еще один, баллотировавшийся в Государственную Думу, оказал уже достаточно большую поддержку. При этом еще большую оказал другой директор, который был подчиненным его конкурента по думской компании... Кто-то хотел от епархии поддержки на выборах, кто-то имиджевой

поддержки, в том числе модным становилось иметь церковные награды... Но были, конечно, и те, кто от чистого сердца помогал, потому что считал это правильным. Если бы не их поддержка, то на одни «нечистые» деньги сделать что-то доброе было бы невозможно. А так – духовное училище создавалось, хотя и с массой неприятностей и сложностей.

Вторая попытка собрать людей по вопросу создания Попечительского совета была уже вполне успешной: приехали человек пятнадцать, в том числе заместитель главы администрации Петровской области. Решение о создании совета было принято, нужно было решить, кто будет его председателем, чтобы амбициозные люди, согласившиеся в Попечительский совет войти, единодушно признали его определенное превосходство. Как вариант рассматривали архиепископа Анатолия, но хотелось бы, чтобы председатель совета был не только почетным и уважаемым человеком, но еще и оказывал училищу материальную поддержку. А Владыка был такой человек, что деньги и материальные ресурсы были сами по себе, а он сам по себе. Никакие богатство и роскошь его не прельщали, епархиальные взносы с духовенства у него были чуть ли не наименьшими в России.

На духовное училище он смотрел примерно также, как на новый монастырь или приход: вы открыли, вы и содержите, и решайте все проблемы. При этом любую моральную поддержку, такую как делегирование полномочий ректору и проректору, награды благодотворителям, свое личное участие в заседаниях Попечительского совета и конференциях, встречи с нужными людьми, которых к нему приводили, и даже те

для которых нужно было куда-то ехать и не только в духовное училище – архиепископ постоянно оказывал. Он не вмешивался, что вот это нужно строить так, а это не так или вообще не строить; что вот это нужно преподавать, а это не нужно. Но он вмешивался, если видел, что у какого-то человека сложилась критическая ситуация, и находил возможность его поддержать: либо не давал удалить из училища, либо, напротив, находил ему место.

Но не только еще неопытный Сергей Александрович, но и уже все же более опытный архимандрит Сергей не понимали тогда в полной мере, какое счастье работать с таким руководителем. Поэтому председатель Попечительского совета нужен был другой, да Владыка и не отнесся бы всерьез к этой должности.

В этот момент в Петровской области пришла пора губернаторских выборов. Действующий губернатор решил на них не идти, но выдвинул своего кандидата – одного из своих же заместителей. Для того, чтобы повысить его статус он назначил его председателем областного Правительства и переподчинил ему всех своих замов, кроме руководителя аппарата. Новый председатель Петровского Правительства Петр Алексеевич Боровков был из строителей. Он любил выпить, как бывший строитель, даже и трезвый был несдержан в выражениях. Губернатор велел ему перестать материться в официальных местах, отчего премьер очень переживал.

Выход ему предложил один из его советников.:

- Петр Алексеевич, а вы говорите только последний слог тех слов, которые хотелось бы...

- А что будет за абракадабра, непонятные слова какие-то? – поморщился премьер. Но тут же нашел два слова: «дон» и «бай».

- Вот видите, - обрадовался советник, - эти слова обозначают европейских и азиатских феодалов, отношение к которым в демократическом обществе не может быть положительным. При этом «дон» значительно хуже, чем «бай», потому что ассоциируется еще с торговлей наркотиками...

- А термин “дюк» можно использовать?

- Ну, конечно же!

- А как оно будет «весить» в этой градации?

- Вообще-то «дюк» значит «герцог», то есть в каком-то смысле можно рассматривать это как комплимент...

- Это точно, - повеселел Петр Алексеевич. – А если пообещать людям дать им «лей» их это напугает?

- Ну, разумеется! Ведь леи – это румынская валюта. Что они будут с ней делать в Петрово, где ее никто им не разменяет? Да и не знаю, в ходу ли она сейчас...

Для повышения рейтинга Боровков согласился возглавить и Попечительский совет духовного училища. Он успел провести два его заседания. Фактически они свелись к подтверждению уже данных училищу конкретными людьми и организациями обещаниям. На выборах он проиграл. Но зато после выборов его конкурент, новый губернатор согласился сменить Петра Алексеевича и на посту председателя Попечительского совета. Но это уже история не для этой книги, которая описывает лишь период начального становления духовного училища.

Духовное училище сквозь призму петровской прессы

Петровская пресса не очень интересовалась духовным училищем. Но некоторые выдержки из посвященных ему статей, наверное, стоит привести, для большей объемности картины становления духовного образования в отдельно взятой Петровской области.

Публикации можно условно разделить на три вида: доброжелательные по отношению к училищу, негативные, а также такие доброжелательные, которые в силу личностных особенностей их авторов создавали у читающих впечатление об училище, как крайне странном месте.

Фрагмент из «положительной» статьи в газете «Трудовой край»:

«НАУЧИТЬСЯ ТВОРИТЬ ДОБРО

В стороне и людях: плюсы и минусы.

На вахте (в очередной раз успеваю отметить аскетичность убранства крохотной комнатки вахтера) меня встречает приветливый студент и по длинным коридорам провожает в преподавательскую. Училище располагается в здании детского сада, переданного епархии. Значительная удаленность от центра города - это, возможно, минус, но то, что в просторном здании есть, где развернуться - плюс. Однако и у этого плюса есть свои минусы: представьте себе, сколько средств требуется на оплату коммуналки, электроэнергии и т.д. Стол первого проректора училища буквально прогибается под тяжестью официальной переписки с властями, различными службами и ведомствами: в письмах - просьбы о помощи, спонсорской поддержке. «Золотого дождя» над училищем пока нет...

И тем не менее духовное училище живет: вопросы его жизнеобеспечения на 80 процентов помогает решать попечительский совет, который возглавляет губернатор. Благодаря помощи и содействию попечительского совета в короткий срок проведен капитальный ремонт и реконструкция здания, общая площадь которого – свыше 1800 квадратных метров: на них разместились просторные классы для занятий, общежитие на 80 человек, библиотека (она насчитывает около 10000 томов и формируется весьма ударными темпами), читальный и актовый зал, трапезная... Есть в училище и домовый храм, где совершаются богослужения, а студенты проходят практику в качестве чтецов, певцов, псаломщиков и пономарей.

Летом прошлого года на территории училища был заложен храм. Сегодня нулевой цикл строительства завершен, завезены материалы для продолжения работ.

«Хочу служить Господу всю жизнь...»

Кто же они – 77 воспитанников очного и заочного отделения духовного училища? Есть среди студентов и совсем юные – 17-18-летние, есть и вполне зрелые люди (старшему из них 35). Жители Петровской и других областей России, выходцы из Казахстана и Украины... Какими судьбами они оказались в стенах училища?

Условия здешней жизни, прямо скажем, простыми не назовешь. Напряженный график учебных занятий, множество послушаний, необходимость все делать своими руками – от стирки, уборки, помощи на кухне до ремонтных и строительных работ.

Моими собеседниками стали 18-летний Максим и 20-летний Андрей. На вопросы «Что привело вас сюда?» и «Как вы боретесь с искушениями?» они отвечали спокойно и откровенно.

Андрей при церкви уже десять лет (считай, половину жизни), пел на клиросе, постигал Бога. Сейчас хочет «узнать все, чтобы научить других, передавать им веру». Он говорит: «Без Церкви и Бога себя не мыслю. А что до искушений, то они, конечно, подстерегают нас ежеминутно, но спасают молитвы. Когда

они вдруг так внезапно наваливаются, то есле успеваешь отбиться».

Второкурсник Максим до поступления в училище был алтарником в монастыре. «Душа загорелась любовью к Богу, захотелось самому придти к Господу и помочь то же сделать людям, а Он – всем поможет».

А если заглянуть в будущее? Максим отвечает спокойно: «Как Господь благословит, так и будет, но хочется стать священнослужителем, пастырем, может быть – монахом. Одно знаю точно: хочу служить Господу всю жизнь...»

Каюсь, в разговоре сделала провокационное предположение: возможно, кого-то приводит в училище освобождение от службы в армии? Реакция оказалась спокойной: во-первых, как выяснилось, далеко не все абитуриенты об этом освобождении знают, во-вторых, во время учебы все истинные мотивы обнаруживаются довольно быстро, зерна легко отделяются от плевел. «Может быть я и пойду после училища в армию, - говорит Максим, - потому что, на мой взгляд, каждый настоящий мужчина должен уметь защищать свою страну».

У многих студентов есть и житейские специализации: сантехник, библиотекарь, водитель, вахтер... И даже таким малоприятным делом, как чистка туалетов, один из студентов занимается по доброй воле. Что до физических нагрузок, то их хватает: то кирпичи таскают, то другие строительные материалы, то мебель.

... Они ищут свой путь: кто-то вполне осознанно, кто-то пока на ощупь, но ищут. И учатся творить добро. А тот, кто ищет и учится творить добро, редко остается без драгоценной духовной находки».

Теперь фрагмент из «критической» статьи с кощунственным заголовком, намекающим на число членов Попечительского совета, в реальности бывшего иным, вышедшей в газете «Петрово-Городище»:

«ПРЕМЬЕР И ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ

На прошлой неделе заседания правительства Петровской области не было. Зато состоялось заседание попечительского совета Епархиального училища. Что же тут общего? Руководит обоими органами председатель правительства Петр Боровков. По составу попечительский совет не уступает правительству, а по оперативности решений гораздо превосходит.

Премьер впервые пришел на попечительский совет. И все вопросы решались с удивительной легкостью.

Особенно поразил всех широтой души Валерий Сидоров, директор «Петроэнерго». Училище задолжало 90 тысяч за тепло и электроэнергию. С других должников за это сейчас три шкуры дерут, а православные учителя свои долги отдавать не намерены: попечительский совет принял решение оплачивать энергию за епархию. А когда речь зашла о грузовике, очень необходимом училищу, Валерий Вениаминович сказал, что «Петроэнерго» все равно будет списывать технику и грузовик будущим попам подарит.

Архиепископ Анатолий и премьер Боровков убедительно говорили о том, что духовность сейчас для возрождения России – главное и для церковных властей, и для мирских. Как пел Борис Гребенщиков: «Эх, нехило быть духовным». Жалко только, что ни у одной светской школы такого попечительского совета нет».

И в заключение фрагменты из статьи третьего типа, опубликованной на страницах «Петровской газеты»:

«СТАТЬ ПАСТЫРЕМ ДАНО НЕ КАЖДОМУ

Подходя к духовному училищу, я искала взглядом спрятавшиеся в верхушках деревьев купола храмов, но увидела высокий кран. Сейчас вся территория православного учебного заведения – одна большая строительная площадка, по которой снуют рабо-

чие в спецовках, слушатели в подрясниках, и где навалены груды кирпича и досок.

- Дел невпроворот, - говорит первый проректор училища Сергей Котов. – К началу учебного года хотим сдать в строй церковь.

Пока в будущем храме лишь импровизованные колокола – пустые газовые баллоны с языками-железками. Если дернуть за веревку, раздается громкий протяжный звук.

Были случаи, говорит С. Котов, когда некоторые парни пытались поступить в училище, чтобы «закосить» от армии или «лечь на дно», скрываясь от правоохранительных органов. Но такие «номера» здесь не проходят.

Москвич Антон Максимович, с которым я столкнулась в коридоре училища, мечтает построить храм.

- А вы сами как в Петрово оказались?

- Поступил на заочное отделение училища. В других мирян не принимают, а тут взяли.

- Мы разрешаем в виде исключения, - пояснил С. Котов.

Обучение в петровском духовном училище москвичу пришлось с расчистки подвала, где текли канализационные трубы. Техническое образование, которое он имеет наряду с педагогическим, ему очень пригодилось.

- Подвал был затоплен фекалиями, - говорит С. Котов. – Вот Антон Максимович и принялся наводить порядок. Теперь он проректор училища по административно-хозяйственной работе.

Трудолюбивый москвич успевает не только чинить, латать и налаживать различные системы жизнеобеспечения училища, но и находить для учебного заведения благотворителей в Белокаменной.

- Я уже 15 лет ношу один костюм, хотя при желании мог бы зарабатывать в Москве долларов 600. Но Господь призвал меня сюда. И когда вижу «Мерседесы», прошу: «Господи, не дай мне позариться на эти железки».

Когда я уходила из училища, ярко светило солнце, отражаясь в куполах, от легкого ветерка шелестела листва. Во дворе о

чем-то беседовали семинарист и девушка. Как оказалось, накануне их обвенчали...»

Вот такой небольшой «обзор прессы», показывающий еще три взгляда на процесс созидания Петровского училища. Он лишний раз подтверждает утверждение о том, как по разному разные люди видят одну и ту же вещь...

Послесловие

В 1990-е годы у многих преподавателей и студентов духовных учебных заведений вызывала большой интерес книга Помяловского «Очерки бурсы». Некоторые писали о ней тогда, проводя параллели с современной им духовной школой. Это указывает на то, что положение в семинариях и училищах постсоветской России, как и дореволюционной, не было безоблачным.

Среди пришедших в 1990-е годы – краха всего и вся в стране – в училища и семинарии приходило много тех, кому некуда было деться, в иллюзорной надежде на легкую жизнь, искателей приключений и просто больных людей. Несколько позднее родилась даже шутка, представляющая «рекламу» предполагаемого регентского отделения: «Вам негде жить? Вам нечего есть? Вы любите петь? Вы хотите выйти замуж за будущего священника? Регентское отделение N-ской семинарии ждет вас!»

Мне казалось в 1990-е годы, что наиболее сложным было становления духовного учебного заведения на том месте, где его исторически не было. Сейчас мне

кажется, что сложно было везде, просто сложности были разными, вот и все.

Там, где духовное училище или семинария создавались не подкрепленные преемственностью с «исторической» семинарией, существовавшей на этом месте, сложности были связаны и с настороженным отношением к новому образовательному учреждению епархиального духовенства, «пророчествовавшего», что это дело ждет скорый крах. В 1990-е годы острый кадровый голод заставил епархиальных архиереев рукополагать в священный сан многих людей, не имеющих духовного образования. Среди них было очень много по настоящему талантливых, за плечами которых было высшее «светское» образование. Многие из них были наделены критическим складом ума. Они легко подмечали те недочеты, которые были присущи духовному образованию, сформировавшемуся при Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежнев, но сами не спешили помочь преодолеть эти недостатки.

В старых же семинариях эти, мягко говоря «недочеты», стали местной традицией, всякие попытки разрушить которую наталкивались на яростное сопротивление ортодоксальных представителей преподавательской корпорации.

Была и очень влиятельная группа необразованного духовенства, имеющего обширные таланты к практической деятельности. Многим из них удалось грандиозные свершения по восстановлению и строительству монастырей и храмов. Но «корочки» о духовном образовании у них не было, а это ослабляло их позиции в случае возможных осложнений отношений с епархиальным архиереем, особенно при его смене. Не

имея никакого духовного образования, эти священнослужители занимали зачастую более значимые церковные посты, чем кандидаты богословия. Чувствуя в то же время определенную уязвимость своих позиций, они настороженно относились к попыткам открытия новых духовных школ.

Я посвятил работе в сфере духовного образования 12 лет моей жизни. Пастырские курсы стали духовным училищем, которое затем было реорганизовано в духовную семинарию. Эта небольшая повесть, во многом автобиографична. Имена, географические и другие названия в ней изменены. Наверное, повесть еще и субъективна. Она не охватывает всех сторон существования духовного училища. Однако как историк считаю, что взгляд изнутри будет небезынтересен для будущих исследователей жизни духовных школ в постсоветской России, для понимания некоторых общих проблем. Это не мемуары, а художественное произведение, поэтому в тексте имеют место и вымышленные события.

Повесть чем-то напоминает мне калейдоскоп: быстро сменяющиеся картинки, все вместе создают единую и, как мне представляется, цельную картину начального периода становления одного из духовных учебных заведений постсоветской России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Официальная статья об истории становления духовного учебного заведения, часть которой послужила основой для этой повести.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ДУХОВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ И КИНЕШЕМСКОЙ ЕПАРХИИ

25 декабря 1995 года архиепископом Ивановским и Кинешемским Амвросием был подписан указ о создании Ивановских епархиальных пастырско-богословских курсов.

В Ивановской епархии собственное учреждение профессионального образования – Ивановские епархиальные пастырско – богословские курсы, предназначенные для не имеющих специального духовного образования священнослужителей, а так же кандидатов в священный сан, появились только в 1995 году. На курсах изучались лишь 6 дисциплин, срок обучения был весьма краток – всего 3 месяца. За время своего существования пастырско-богословские курсы сделали 5 выпусков своих учащихся, всего их закончили свыше 80 человек. Даже в такой форме курсы в значительной мере способствовали повышению религиозного образовательного уровня духовенства епархии.

При курсах имелаась библиотека с фондом около 1200 книг по различным отраслям богословских знаний.

Духовное училище в Ивановской епархии удалось полностью открыть лишь в 1999 году. Были набраны первые 20 студентов, собран профессорско-преподавательский состав высокого уровня, что поз-

волило училищу уже с первого года своего существования приступить к выпуску авторских курсов лекций, монографий и книг. Быстрыми темпами формировалась библиотека училища. Быстрое развитие научно – методической базы Ивановского Духовного училища позволяло делать благоприятные прогнозы о реорганизации его в семинарию в ближайшем будущем.

Однако необходимо отметить, что процесс создания на базе пастырско-богословских курсов духовного училища не был лёгким. Почти два года шла переписка о выделении под училище здания. Пастырско-богословские курсы своих помещений не имели и располагались сначала в здании православной школы (1-3 выпуски), а затем в помещениях исторического факультета Ивановского государственного университета (4-5 выпуски). В то же время Ивановский городской муниципалитет занимал ряд зданий, которые ранее принадлежали Церкви и по новому законодательству должны были быть ей возвращены.

Возврат этих помещений не был возможен в силу ряда объективных причин, поэтому рассматривались альтернативные варианты. Среди них – передача под организацию духовного училища здания православной школы г. Иваново. Даже было подписано в 1998 году постановление главы города Иваново о передаче этого здания в безвозмездное пользование Ивановскому Епархиальному Православному Духовному училищу сроком на 49 лет. Предполагалось, что духовное училище будет располагаться на третьем этаже здания школы, а сама школа займёт первые два этажа.

Однако этот проект не был реализован; не последнюю роль в этом сыграл финансовый кризис 1998 года, в следствии которого архиепископом Ам-

вросием было принято решение повременить с набором в только что зарегистрированное в управлении юстиции духовное училище, а также с подачей документов Святейшему Патриарху и председателю Учебного Комитета о его утверждении. Было также сопротивление в открытии и со стороны администрации православной школы, а также родителей её учеников, которые справедливо опасались что следствием роста духовного училища может стать закрытие единственной в городе православной школы.

Вновь продолжились переговоры с руководством города Иваново в результате которых глава города В. В. Троеглазов принял решение о передаче в безвозмездное пользование училищу двухэтажного здания закрытого детского сада в микрорайоне ТЭЦ-3 площадью 2 тыс. кв. м. Здание было в запущенном состоянии, но имело целый ряд преимуществ: было отдельностоящим, имело собственную территорию около гектара, было удалено от центра города. Существовала перспектива застройки территории.

6 октября 1999 года Святейший Патриарх Алексий II и Священный Синод Русской Православной Церкви дали благословение на открытие Ивановского Духовного училища. Ректором был назначен архимандрит Зосима (Шевчук). К этому моменту здание было приведено в относительный порядок, в нем уже могли жить первые студенты и проходить занятия. 22 сентября 1999 года архиепископом Амвросием был освящён домовый храм училища в честь Святителя Алексия митрополита Московского и всея Руси.

К началу второго учебного года ситуация в училище относительно выправилась. Были устранены проблемы с коммунальными услугами налачился учебный процесс, заметно улучшилось питание. Сформировался преподавательский состав, причём

удалось привлечь к преподаванию многих Ивановских учёных. Постоянно росли фонды библиотеки. В 2000 году архиепископ Амвросий впервые обратился к Святейшему Патриарху Алексию II и председателю Учебного Комитета архиепископу Верейскому Евгению с просьбой об открытии на базе училища духовной семинарии. Но 2001 году Священный Синод принял решение оставить училище в прежнем статусе, причём основную роль в этом сыграло то, что 20% учащихся не имели полного среднего образования.

Работа по открытию семинарии на этом не прекратилась. уже через несколько месяцев в училище не было ни одного студента без законченного среднего образования. С 2001/2002 учебного года руководством епархии и училища было принято решение о переходе с двухлетнего на пятилетний срок обучения.

Одновременно был взят курс на более тесное сотрудничество со светской высшей школой, повышение образовательного ценза преподавателей богословских дисциплин, дальнейшее увеличение библиотеки.

Процесс становления требовал огромных усилий в самых разных направлениях, некоторые из которых были жизненно важны, другие необходимы для перспективного развития.

В 2001 году на территории училища был заложен храм в честь Собора Ивановских святых, начались переговоры о надстройке над зданием училища третьего этажа. Решались вопросы текущего и перспективного финансирования что при отсутствии всякого централизованного финансирования было крайне непросто. Отлаживался учебный процесс. В 2001 году состоялся первый выпуск, занимавшихся по двухлетнему курсу обучения. Он был невелик – всего лишь 6 человек. Одновременно нежно было от-

ладить учебный процесс уже по новым, пятилетним учебным планам. Перспективы открытия семинарии требовали немалого внимания уделить организации научной работы.

В 2001 году, при Ивановском духовном училище совместным распоряжением председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Верейского Евгения, архиепископа Ивановского и Кинешемского Амвросия и ректора Ивановского государственного университета В. Н. Егорова был создан Научный Центр по проблемам Церковной истории и Церковного осмысления истории России. В числе Научного Совета Центра – 6 докторов и 1 кандидат исторических наук. Создание Центра стало закономерным следствием той большой научной церковно-исторической работы, которую проводило Ивановское духовное училище. За два года училищем был проведён целый ряд научных и научно-практических конференций, одна из которых имела статус международной, а одна общероссийской. Издано свыше 20 монографий, книг и учебных пособий. Менее чем за три года, в тяжелых материальных условиях, сформирована библиотека с фондом более 14 000 книг и учебных пособий. В январе 2002 года, на общем собрании преподавателей Ивановского духовного училища было принято решение о создании Учёного Совета в составе 12 человек, а также открытию двух кафедр – богословия и церковной и общей истории определилось основное направление научной работы в училище – церковно-историческое. Этой тематике было посвящено большинство проводимых училищем конференций и публикуемых исследований. 5 декабря 2001 года в училище прошла всероссийская научная конференция «Церковь, государство и общество в истории России XX века», которая вызвала та-

кой широкий общественный резонанс, что было решено сделать её ежегодной.

Всего за три года своего существования Ивановское духовное училище успело превратиться в научный центр Ивановской епархии, стать местом встречи и сотрудничества церковной и светской общественности. Помимо учебных и воспитательных, Ивановское духовное училище решало научные и издательские задачи.

Нельзя не упомянуть о Попечительском Совете Ивановского духовного училища, который стал местом встречи руководства епархии с руководством крупных областных предприятий и организаций, силовых структур. С момента открытия училища, в 1999 году, когда ещё не была ясна концепция деятельности его Попечительского Совета, уже велись переговоры о том, чтобы его председателем стал Губернатор Ивановской области. Но Губернатор, в то время В. Н. Тихомиров, ответил отказом на эту просьбу епархии, предложив, чтобы областную администрацию в Совете представлял один из его заместителей. В 2000 году согласие возглавить Попечительский Совет дал председатель правительства Ивановской области А. П. Головков. Он провёл два заседания Совета, которые были очень важны для того, чтобы многие уважаемые в области люди осознали необходимость поддержки училища, привыкли собираться в его стенах. Были решены некоторые практические вопросы существования училища.

В конце 2000 года в Ивановской области прошли выборы в региональные органы власти в результате которых Губернатором стал В. И. Тихонов, а главой города Иваново А. В. Грошев. В. И. Тихоновым было дано согласие стать Председателем Попечительского

Совета духовного училища, А. В. Грошевым – заместителем председателя.

В. И. Тихонов, будучи коммунистом и говоря о себе, как о неверующем человеке, сыграл очень большую роль в развитии Ивановского Духовного училища и в преобразовании его в семинарию, оказав в этом разноплановую поддержку. Громадный труд был проделан ректором – архимандритом Зосимой (Шевчуком), многими сотрудниками и преподавателями, которые бескорыстно, порой и вовсе бесплатно все свои силы отдали на создание нового духовного учебного заведения.

В мае 2002 года Ивановское Духовное училище посетила инспекционная комиссия Учебного Комитета под руководством заместителя председателя комитета протоиерея Максима Козлова. Зафиксировав имеющиеся объективные недостатки, комиссия пришла к выводу о возможности, при условии их устранения, преобразовать училище в духовную семинарию.

17 июля 2002 года Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение об открытии Иваново-Вознесенской Духовной семинарии. Необходимо было пройти лицензирование в Министерстве образования России, организовать учебный процесс уже на новом уровне, активизировать научную и издательскую работу, строить новые помещения, на порядок увеличить количество книг в библиотеке.

Архиепископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Амвросий дал благословение семинарии быть названной в честь Святителя Алексия митрополита Московского, и всея Руси.

Действующий при семинарии Научный Центр организует научное сотрудничество семинарии не только с Ивановским государственным университе-

том, но и с Ивановской государственной архитектурно-исторической академией (ИГАСА), Ивановской государственной медицинской академией (ИГМА). С ИГАСА проведено три совместных научно-практические конференции – две региональные и одна международная. С ИГМА проведены совместно две региональные конференции и круглый стол с участием студентов – медиков и семинаристов. Центром ведется и плановая научно-исследовательская работа по целому ряду направлений. Это статистические данные по российским монастырям XIX – начала XX века, история Русской Православной Церкви во второй половине XX века, мемуары церковных деятелей, как исторический источник, творчество русских религиозных писателей и философов. В числе участников работы научного центра стало уже 9 докторов и 3 кандидата наук. Необходимо отметить также, что семинария в 2003 году получила государственную лицензию на деятельность в сфере высшего профессионального религиозного образования, подписанную Министром образования РФ Филипповым В.М. и таким образом стала новым высшим православным учебным заведением.

За три с половиной года прошедших с момента открытия семинарии многое уже сделано. Подходит к завершению строительство храма в честь Собора Ивановских святых, строится третий этаж над главным зданием семинарии, надвратная звонница, хозяйственные постройки. Библиотека выросла с четырнадцати тысяч до тридцати тысяч единиц хранения. Активно идет издательская деятельность, в первую очередь научного характера. Всего Ивановским духовным училищем и Иваново-Вознесенской семинарией выпущено 50 книг и брошюр научного и научно-популярного характера. К преподаванию и

организации научной работы в семинарии привлечены 8 докторов и 9 кандидатов наук. Семинария стала общепризнанным центром епархиальной жизни, местом проведения всех значительных общепархиальных мероприятий. Идет рост числа студентов. Если в год открытия в семинарию было принято 52 человека на дневное обучение и 67 заочников и экстернов, то на начало 2003 / 2004 учебного года в семинарии обучались 75 очников и свыше 100 заочников и экстернов, а в 2004/2005 и 2005/2006 учебных годах в семинарии обучается уже свыше 200 человек на обоих отделениях. Прошли первые выпуски. На заочном отделении их два – 5 человек в 2004 году и 16 человек в 2005 году, в том числе 20 священников; на дневном отделении 5 человек в 2005 году. Попечительский Совет семинарии за время своего существования превратился в орган и в целом регулирующий взаимодействие епархии с руководством районов, областного центра, крупнейших предприятий, силовых структур.

Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II 16 декабря 2004 года утвержден генеральный план развития семинарии.

Пока рано говорить о закономерностях в развитии духовного образования в Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии, но можно констатировать, что открыв в 1995 году пастырско-богословские курсы к началу 2006 года она, имея свою семинарию, имеет и дальнейшие перспективы роста.

Первый проректор Иваново-Вознесенской Духовной семинарии, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент
Алексей Федотов
2006 год

ИНТЕРВЬЮ

Несколько интервью, данные автором книги в его бытность первым проректором духовной семинарии, освещают еще ряд проблем, связанных с процессом становления духовного образования в постсоветской России.

В числе немногих достойны

Нынешним летом в нашей области одним высшим учебным заведением стало больше. 17 июля на заседании Священного синода Русской православной церкви принято решение об открытии Иваново-Вознесенской духовной семинарии на базе действующего в г. Иваново духовного училища. К этому событию в Иваново-Вознесенской епархии долго и тщательно готовились.

Первый проректор семинарии, кандидат исторических наук, доцент Алексей Федотов вспоминает:

Федотов вспоминает:

- В декабре 1995 года архиепископом Амвросием было принято решение об открытии пастырско-богословских курсов, которые начали функционировать уже в 1996 году. Это был первый этап создания духовного учебного заведения в области. В 1998 году мы уже зарегистрировали в государственном управлении юстиции духовное училище, которое в следующем году было утверждено Священным Синодом. Около двух лет заняли хлопоты по получению здания, но попечениями В. Троеглазова, бывшего мэра г. Иванова, нам был передан бывший детский садик в микрорайоне ТЭЦ-3. Три года успешной работы училища позволили Синоду принять положительное решение по открытию семинарии.

- Алексей Александрович, означает ли это, что представители священничества из других областей будут учиться здесь?

- Да. У нас уже есть прошения о приеме на заочное отделение из Читы, Нижегородской области.

Готовим реконструкцию здания. Хочу отметить помощь Ивановской архитектурно-строительной академии и ее ректора С. Федосова, заведующего кафедрой архитектуры профессора А. Захарова. Подготовлен на благотворительных началах проект обновления здания. Будет надстроен третий мансардный этаж, и на месте типового здания возникнет прекрасный особняк, который будет полностью отвечать своему назначению.

- Несет ли новый статус перемены в преподавательском составе?

- Остается прежним руководство. Указом Священного синода ректором семинарии утвержден архимандрит Зосима, проректоры утверждены указом архиепископа Амвросия. Видимо, из Учебного комитета Московского патриархата нам пришлют еще проректора по учебной работе. А преподавательский состав у нас и был достаточно высокого уровня. По его обновлению вопросов не возникало. Восемь преподавателей имеют высшее богословское образование, есть наставники с докторскими и кандидатскими научными степенями. В сравнении с другими провинциальными семинариями мы на высоком уровне.

- Предполагается ли совместно с учебной работой вести научные исследования?

- Да, разумеется. У нас и на базе училища эта работа велась достаточно активно. Только в прошлом учебном году прошло семь научных конференций. Духовное училище стало своеобразным научным цен-

тром епархии, думаю, и впредь активность не снизится. Некоторые из конференций имели общероссийский статус, другие -международный. Научно-практические чтения, состоявшиеся 3 июля и посвященные социальной концепции Православной церкви, возглавил председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

Стоит отметить, что у нас функционирует центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России, который был создан совместным распоряжением председателя Учебного Комитета при Священном Синоде архиепископа Вере́йского Евгения, архиепископа Иваново-Вознесенского и Кинешемского Амвросия и ректора Ивановского государственного университета профессора В. Егорова. И церковные, и светские ученые объединились в исследованиях проблематики новейшей церковной истории. В состав этого совета входят шесть докторов исторических наук.

- Вся эта работа, вероятно, требует выхода на страницы печатных изданий...

- Издательские программы, которые у нас были, не сократятся. Есть определенные сложности с финансированием, но научным центром, о котором я только что говорил, запланирован выпуск церковно-исторического ежегодника - фундаментального сборника, который будет выходить по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Наша семинария продолжит издание Богословского сборника Иваново-Вознесенской епархии, журнала и газеты «Епархиальный вестник».

- Недалеко уже начало учебного года, и у вас, вероятно, завершается прием студентов?

- Мы распространили в СМИ условия приема в

семинарию. Преимущество отдаем тем, кто, имея законченное среднее образование, уже отслужил в армии. Для тех, кто еще не призывался, решаем вопрос с отсрочкой на пять лет учебы. До 31 августа заявления о приеме еще принимаются.

При открытии семинарии духовное училище становится пасторским факультетом, есть намерение открыть богословский факультет, где могли бы учиться и миряне.

Полагаю, что уже в этом учебном году будет открыт в семинарии и факультет для подготовки сестер милосердия. Это произойдет в рамках осуществляемой епархией совместно с администрациями области и города Иванова большой социальной программы. Руководителем будет священник и практикующий врач, кандидат медицинских наук иеромонах Агафангел.

Что же касается начала нового учебного года, то мы планируем 10 сентября торжественное открытие Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии. Торжественный молебен будет служить архиепископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Амвросий, будет установлен Поклонный крест, который изготавливается сейчас в домостроительной компании, где генеральным директором В. Бобылев. Надеемся видеть среди почетных гостей церемонии председателя попечительского совета нашей духовной школы губернатора В. Тихонова, чья роль в подготовке к открытию духовной семинарии была особенно значимой, заместителя председателя совета мэра Иванова А. Грошева. Благодаря их попечению долгожданное это событие стало возможным.

*Интервью вела А.Суботина
«Ивановская газета» 16 августа 2002 г.*

Духовная семинария: первые шаги

Из постановления Священного синода под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 17 июля 2002 года: «Благословить преобразование Ивановского духовного училища в Иваново-Вознесенскую духовную семинарию. Ректором Иваново-Вознесенской семинарии назначить архимандрита Зосиму (Шевчука)». Вот вам и повод для интервью с первым проректором «новорожденной» семинарии Алексеем Федотовым, кандидатом исторических наук, доцентом. Ранее Алексей Александрович занимал аналогичный пост в Ивановском православном духовном училище.

- Алексей Александрович, открытие в нашем городе семинарии - событие значимое и знаковое. И все же: чем объяснялась необходимость ее создания?

- Не будем скрывать, что в настоящее время Русская православная церковь испытывает недостаток в квалифицированных кадрах. О необходимости получения всеми священнослужителями высшего богословского образования говорится в решении Архиерейского собора, которое было принято еще в 1994 году. Естественно, это ставит перед епархиями задачу создания семинарий. Ныне в нашей епархии на уровне пастырского служения трудятся свыше четырехсот священнослужителей, многие из которых соответствующего образования не имеют.

В России и странах ближнего зарубежья работают около тридцати семинарий. Что касается наших ближайших соседей, то, например, во Владимире и Костроме семинарии есть, а в Ярославле - нет.

- Каковы первые шаги на ниве становления Иваново-Вознесенской семинарии?

- В настоящее время идет подготовка документов для регистрации семинарии в управлении юстиции, затем нас ожидают процедуры лицензирования в Министерстве высшего образования, аттестация и аккредитация. По существующему положению все семинарии должны быть переведены на государственный образовательный стандарт по специальности «Теология», так что предстоит огромный объем работ. Ведется прием документов от абитуриентов (он продлится до 31 августа), разрабатываются планы, программы обучения, утверждается преподавательский состав. Решение об открытии семинарии было принято в середине лета, так что в нынешнем году число абитуриентов, вероятно, будет не слишком большим, хотя уже сегодня в приемную комиссию поступили заявления не только от ивановцев, но и от жителей Нижегородской, Читинской и других областей. Будущим студентам предстоит выдержать экзаменационное испытание на знание Закона Божиего, написать сочинение на религиозную тему и пройти собеседование.

- А сколько будет открыто факультетов?

- Бывшее православное духовное училище станет базой пастырского факультета (и.о. декана - игумен Родион), ведущего подготовку священнослужителей с высшим богословским образованием. Второй факультет, обучение на котором будет вестись по стандарту среднего специального образования, - это факультет по подготовке сестер милосердия, среднего и младшего медицинского персонала; его возглавит отец Агафангел, кандидат медицинских наук, практикующий хирург-эндоскопист. Мы надеемся, что выпускницы данного факультета придутся весьма «ко

двору» в лечебных учреждениях, приютах, где ощущается острая нехватка сострадательных душ и заботливых рук.

И, наконец, третий факультет - богословский, факультет для мирян: его выпускники по окончании семинарии придут преподавать в духовные учебные заведения. Обучение в семинарии будет вестись по очной и заочной формам; возможен и экстернат.

- Кем будет осуществляться финансирование?

- Как и прежде, мы живем на самофинансировании. Это, конечно, весьма непросто, но, слава Богу, есть помощь со стороны спонсоров, со стороны областной и городской администраций, с которыми у нас давно налажены тесные и продуктивные контакты. Активно работает и попечительский совет под председательством губернатора Владимира Ильича Тихонова; в состав совета входит и глава города Иванова Александр Васильевич Грошев.

- Будет, ли продолжаться сотрудничество с ивановскими вузами?

- Безусловно, и в первую очередь - с ИвГУ и ИГАСА. Мы уже рассказывали прежде о многих мероприятиях, акциях, проводимых совместно с учеными и студентами госуниверситета, о проектах, выполненных студентами и преподавателями архитектурно-строительной академии. Среди преподавателей семинарии есть и ученые из светских высших учебных заведений: например, кафедру церковной и общей истории возглавляет доктор исторических наук, профессор ИвГУ Сергей Михайлович Усманов.

...По окончании интервью мы прошлись по зданию бывшего духовного училища, где отныне будут учиться и жить студенты семинарии. За время, прошедшее с моего последнего здесь появления (а было

это нынешней весной), многое изменилось - к лучшему. Продолжается ремонт и обустройство внутренних помещений, за окнами поднимаются ввысь стены строящегося храма в честь Собора ивановских святых; значительно пополнился и фонд библиотеки, который насчитывает ныне около 12 тысяч книг...

А полное название нового высшего учебного заведения звучит так: Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская православная духовная семинария. Свято-Алексеевской она названа функционирующему здесь домовому храму.

*Интервью вела Т. Полосина
«Рабочий край» 16 августа 2002 г.*

Здесь учат на священников

- Алексей Александрович, чему учат будущих пастырей?

- В течение пяти лет они изучают как богословские и церковно-исторические науки, так и светские - общественные дисциплины, историю. Учат латынь, греческий, церковно-славянский, английский и немецкий языки. Один из предметов - пение. Многие семинаристы хорошо поют, имеют поставленные голоса. А чтобы овладеть навыками устной речи, они проходят курсы риторики и гомилетики (искусства проповеди). Преподают у нас как священнослужители епархии с высшим богословским образованием, так и ученые светских вузов (в первую очередь ИвГУ) - воцерковленные люди, с которыми мы плодотворно сотрудничаем.

- А зачем священнику изучать светские дисциплины?

- Наше время ставит перед духовенством новые

задачи, и пастырь должен иметь представление о самых разных вещах, находить нужные слова для каждого человека, который к нему приходит.

- Как поступить в семинарию? Тоже нужно сдавать экзамены?

- Абитуриенты пишут сочинение, сдают Закон Божий и проходят собеседование. А мы посмотрим - можно ли принять человека или он еще к этому не готов.

- Какими качествами должен обладать будущий священник?

- Прежде всего мы обращаем внимание на личность. Потому что если у человека нет знаний, то его можно научить, а вот личностные качества вряд ли исправишь. Будущий священник должен быть порядочным, верующим, патриотом своей Родины. Крайне отрицательно мы относимся к случаям, когда человек поступает в семинарию, чтобы «закосить» от армии или от кого-то спрятаться. Такие люди едва ли подойдут для пастырского служения...

- Интересно, почему человек выбирает путь священника?

- Конечно, у каждого своя жизненная дорога, но обычно это призвание Божие. Зачастую бывает так, что человек и сам не знает, что когда-то станет священником. Просто в определенный момент он осознает, что Господь его призывает. Показателен пример святителя Амвросия Медиоланского, который жил пятнадцать веков назад в Милане. Он был светским человеком и только готовился к крещению. И вот однажды он был в храме, и младенец, который еще не мог говорить, произнес, что Амвросий - епископ. Это был знак свыше. Амвросий крестился, на следующий день стал диаконом, на третий - священником, на четвертый - епископом.

- Бывает ли, что люди принимают священный сан после работы, далекой от церкви?

- Да. Например, наш проректор отец Агафангел - одновременно практикующий врач-хирург, кандидат медицинских наук. Ректор по учебе инокиня Маргарита - кандидат технических наук.

- Но как же так? Ведь еще недавно считалось, что наука отвергает религию, что человек не был сотворен Богом, а произошел от обезьяны. Неужели наука и религия примирились?

- Между наукой и религией на самом деле нет никакого противоречия. Профессор Павлов, например, был глубоко верующим человеком. Отрицала религию не наука, а лженаука, чистая идеология. Ну скажите, какая наука может доказать, что Бога нет?

- А богословие - это наука?

- Недавно был принят государственный стандарт по специальности «Теология» (греческое название богословия. - С. Ш.)- То есть теперь она официально признана наукой.

В таком качестве эта дисциплина возрождается в первую очередь благодаря Свято-Тихоновскому московскому институту. А в Иванове на базе семинарии открыт научный центр по проблемам истории русского православия и церковного осмысления истории России. Мы проводим областные, российские и международные конференции, выпускаем церковно-исторический ежегодник.

- Правда ли, что для того, чтобы стать священником, нужно обязательно жениться?

- Будущий пастырь может выбрать - либо жениться до принятия сана, либо совсем не создавать семью. Дело в том, что, став священником, неженатый человек уже не может вступить в брак. Он дает

обет и будет обязан всю жизнь хранить девство. В российской традиции такие люди, как правило, принимают монашество.

- Кто поступает в семинарию?

- Самые разные люди - от выпускников школ до людей с высшим образованием. Среди семинаристов есть и уже состоявшиеся люди, которым более 30 лет и которые решили посвятить свою жизнь церкви.

- К вам приходят и те, кто уже стал священником?

- Да, у нас учится около пятидесяти пастырей, в основном на заочном отделении. Но и на очном есть два священника и три диакона.

- То есть они стали священниками без специального образования. Это возможно?

- Дело в том, что после Октябрьской революции в России все духовные учебные заведения были закрыты, и, конечно, речь о том, чтобы священник имел специальное образование, уже не шла. Так и появилось много духовенства без необходимой подготовки, что даже стало своего рода традицией, которую теперь очень сложно переломить. Но ведь помимо призвания, у человека должны быть еще и знания. Это то же самое, как если бы вы пришли в больницу и сказали: «Я хочу лечить людей, но скальпель держать в руках не умею». Но Патриарх Алексей II постановил, что каждый пастырь должен получить образование. У нас учатся даже священнослужители, имеющие высокие саны протоиереев и игуменов. Многие из них уже и храмы восстанавливали, и другие большие духовные дела совершили, но во исполнение воли Патриарха теперь они учатся.

- Алексей Александрович, давно ли открылась семинария в Иванове?

- Она выросла из пастырско-богословских кур-

сов, которые открылись в нашем городе в 1996 году по благословию архиепископа Амвросия. Это было как бы начальное духовное образование для людей, закончивших светские учебные заведения. В 1999 году на базе этих курсов решением Священного синода открылось духовное училище. До этого мы не могли открыть учебное заведение, поскольку у нас не было здания. Не бывший мэром г. Иванова Валерий Троеглазов передал нам в аренду здание в микрорайоне ТЭЦ-3, где когда-то находился детский садик.

Путь от училища к семинарии в других епархиях бывал достаточно долгим. Например, в Костроме ни много ни мало - 6 лет. У нас же всего через 3 года училище стало духовной семинарией, то есть высшим учебным заведением Русской православной церкви.

- Почему семинария называется Свято-Алексеевской?

- Святителя Алексея, митрополита Московского и всея Руси (он жил в XIV веке), мы всегда считали покровителем нашего учебного заведения. Когда открылось училище, одно из помещений сразу было приспособлено под домовый храм в честь этого святого.

- По закону государство не имеет права финансировать церковные учреждения. На какие средства существует ваш вуз?

- У нас нет централизованного финансирования, и содержится семинария исключительно на пожертвования. Для того чтобы изыскивать эти средства, создан попечительский совет, возглавляемый губернатором В. Тихоновым. Если бы не энтузиазм попечителей, то семинарии, наверное, не было бы.

- К вам могут поступить только мужчины?

- Да, ведь сейчас у нас только один факультет - пастырский, а поскольку священниками могут быть

лишь мужчины, то только они там и учатся. Но в будущем мы планируем открыть факультет сестер милосердия. Уже заключена договоренность с областным управлением соцзащиты и с больницами, есть и преподаватели. Единственная проблема - в нынешнем здании недостаточно места, чтобы разместить новый факультет.

*Интервью вела Т. Полосина
«Рабочий край» 16 августа 2002 г.*

Жертвенное служение

Год назад, 17 июля 2002 года, постановлением Священного синода Русской православной церкви в городе Иванове была открыта Иваново-Вознесенская духовная семинария. Каким был путь первого в истории Ивановской области православного высшего учебного заведения? Об этом мы беседуем с первым проректором семинарии, кандидатом исторических наук доцентом Алексеем Федотовым.

- Алексей Александрович, что вы отметите как главное за первый год существования семинарии?

- Семинария доказала свою необходимость и жизнеспособность. На сегодняшний день в России есть лишь 30 семинарии, являющихся высшими православными учебными заведениями. Поэтому па очном и заочном отделениях у нас учатся студенты не только из Ивановской области, но и из Москвы, Санкт-Петербурга, Читы, Краснодара, Костромы, Владимира, Пскова, Волгограда, Нижнего Новгорода, Архангельска и других городов - всего свыше 100 че-

ловек. Семинария прошла лицензионную экспертизу в Министерстве образования Российской Федерации. Она стала крупным научным центром, местом встречи церковной и светской науки, причем не только в областном, но и в международном масштабе: к нам приезжают ученые из Германии, Франции, Америки. Несмотря на полное отсутствие централизованного финансирования, семинария не только не прекращает ни одной из своих образовательных, научных и издательских программ, но и ведет активное строительство: воздвигнут крест на семинарском храме, начато строительство третьего этажа здания семинарии, где разместятся общежития, которых на сегодняшний день уже не хватает.

- Вы сказали, что семинария не имеет централизованного финансирования. За счет каких же средств она существует?

- Семинария существует исключительно на средства благотворителей, в первую очередь - благодаря поддержке попечительского совета, который возглавил губернатор Ивановской области Владимир Ильич Тихонов. Вопрос финансирования для нас самый болезненный, но это не значит, что мы «заикливаемся» на нем в ущерб основным задачам существования семинарии. Хотя порой выживать бывает непросто: случалось, по три недели не было света из-за долгов, вообще больших трудов стоило решать вопросы с оплатой коммунальных услуг и питания студентов, продолжать строительные работы. Поэтому мы всегда благодарны за любую, даже самую незначительную помощь семинарии.

- Год назад вы говорили о предполагаемом открытии при семинарии факультетов сестер милосердия, богословского. Будут ли они открыты?

- Что касается факультета сестер милосердия, то проблема упирается в отсутствие здания. Полтора года попыток подобрать что-то подходящее не увенчались успехом. Поэтому со следующего года должно начаться строительство здания для этого факультета, который возглавит проректор семинарии, кандидат медицинских наук иеромонах Агафангел. Сейчас мы решаем с мэром города Иванова Александром Васильевичем Трошевым вопрос о выделении земельного участка для строительства. Печально только, что открытие факультета приходится откладывать так надолго. В больницах и социальных учреждениях области сегодня ощущается острая нехватка младшего и среднего медицинского персонала, тем более воспитанного на христианских ценностях сострадания, милосердия, любви к ближним. Семинарией заключен договор о сотрудничестве с управлением социальной защиты Ивановской области по созданию факультета сестер милосердия. Но пока, к нашему глубокому сожалению, мы еще не можем реализовать эту, столь важную для города и области социальную программу. Вопрос же открытия богословского факультета с заочной формой обучения находится в стадии проработки.

- Недавно прошла информация, что один из священников семинарии отправился в полярную экспедицию для установки на Севере поклонного креста...

- Действительно, управляющий подворьем семинарии священник Павел Малышев отправился в путь в числе участников экспедиции, которая пройдет по следам экспедиции адмирала Колчака. Планируется установка поклонного креста, который был освящен в Свято-Успенском мужском монастыре города Иванова, настоятель которого - ректор семинарии архи-

мандрит Зосима. Полагаю, что это только первый шаг в будущей обширной миссионерской деятельности семинарии.

- Как семинария сотрудничает с ивановскими вузами?

- Самое тесное сотрудничество у нас установилось с Ивановским государственным университетом и Ивановской государственной архитектурно-строительной академией. Доброй традицией стали совместные научные и научно-практические конференции семинарии с этими вузами. Среди преподавательского состава семинарии много светских ученых - докторов и кандидатов наук. Сейчас поставлен вопрос о введении ректора семинарии архимандрита Зосимы в состав совета ректоров Ивановской области.

- Можно ли сказать, что Иваново-Вознесенская семинария не только учебное, но и научное учреждение?

- Полагаю, что можно. Проведено уже около 15 научных и научно-практических конференций, в том числе и имеющих статус общероссийских и международных. Налажена активная издательская деятельность. При семинарии действует научный центр по проблемам церковной истории и церковного осмысления истории России, готовится к открытию научно-исследовательский институт по данной проблематике. Понемногу начинаем приобщать к науке и семинаристов - в этом году в семинарии прошла первая студенческая конференция. На мой взгляд, она удалась.

- Как поступить в семинарию?

- На очное отделение принимаются мужчины, имеющие среднее образование, как правило, в возрасте 35 лет. Прием документов - до 1 августа. Поступающие сдают экзамены по Закону Божию, пишут

сочинение на религиозную тему и проходят собеседование. Больше внимание мы уделяем личностным качествам абитуриента, нежели его знаниям. Если человек чего-то не знает, его можно научить, а вот личностные искажения исправить намного сложнее. Очень отрицательно мы относимся к тому, что кто-то пытается поступить в семинарию, чтобы спрятаться здесь от армии или от выполнения каких-то других гражданских обязанностей. Служение Церкви - это жертвенное служение, оно не для тех, кто ищет себе теплое место. Чтобы лучше узнать абитуриентов, в духовных учебных заведениях Русской православной церкви существует традиция: в течение двух недель перед началом вступительных экзаменов они проходят при семинарии послушания. За это время мы уже составляем представление о том, что за люди к нам пришли, каковы их жизненные цели.

- Есть ли среди обучающихся очно те, кто уже принял священный сан?

- Да, как и во многих других семинариях. На дневном отделении у нас обучаются два священника и четыре диакона.

- Каковы основные причины отчисления из семинарии?

- На заочном отделении это неактивность в учебе, а на дневном - моральное несоответствие избранному служению. Хотя приходится иногда отчислять студентов-очников и за неуспеваемость, например если они получили в течение одной сессии больше трех двоек.

- Кто, на ваш взгляд, сыграл главную роль в становлении Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской духовной семинарии?

- На этот вопрос ответить сложно. Думаю, что это заслуга очень многих людей. Если перечислить всех,

не хватит и целого листа. Но не могу не назвать губернатора Ивановской области Владимира Ильича Тихонова, начальника УИН Минюста РФ по Ивановской области Владимира Георгиевича Павлова, генерального директора АО «ДСК» Валерия Ивановича Бобылева, председателя совета директоров АО «Ивановомебель» Станислава Александровича Кононина, бывшего и нынешнего мэров Иванова Валерия Васильевича Троеглазова и Александра Васильевича Грошева. Думаю, что без этих людей семинария была бы открыта еще через несколько лет. Ведь мы прошли путь от училища до семинарии всего за три года. Не могу не сказать о подвижничестве наших преподавателей и сотрудников: многие из них глубоко идейные люди, готовые работать даже без зарплаты ради духовного возрождения России.

Отдельно хочу отметить огромные труды ректора семинарии архимандрита Зосимы, который отдает семинарии все свои силы. Кстати, 10 июля исполнилось 10 лет, как отец Зосима приступил к работе секретаря Иваново-Вознесенского и Кинешемского епархиального управления. Пользуясь случаем, хочу от имени ученого совета семинарии поздравить его с этой датой, пожелать ему помощи Божией в дальнейшем церковном служении.

*Интервью вела Е. Ветрова
«Рабочий край» 12 июля 2003 г.*

2012

РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ

Выбор

Сергей Ильич Ковров был государственным советником юстиции второго класса, но он любил, чтобы его называли «генерал-лейтенантом» и почти всегда приходил на работу в парадном мундире с вышитыми дубовыми листьями и двумя большими звездами на погонах.

Таких гражданских «генералов» в постсоветской России было достаточно много: и в Министерстве юстиции, и в судебном департаменте, и налоговой инспекции, и в налоговой полиции, и даже в природоохранном ведомстве. Немало их было даже в регионах, где генеральские погоны носили не только начальники областных управлений, но нередко и их замы. В Н-ской области работали два государственных советника юстиции второго класса – начальник управления юстиции и начальник управления судебного департамента и два третьего класса – прокурор области и первый заместитель начальника управления юстиции.

Сергей Ильич возглавлял областное управление судебного департамента. То, что он имел классный чин более высокий, чем прокурор области, льстило ему необыкновенно. Ему было уже пятьдесят девять лет; почти всю свою жизнь он проработал в прокуратуре на сравнительно не высоких должностях, верхом его карьеры была должность старшего помощника районного прокурора. И вдруг, когда, в связи с проведением в России судебной реформы, в 1998 году было принято решение о создании судебного департамента, призванного обеспечивать деятельность судов, и его областных управлений, Сергей Ильич, которому было

тогда пятьдесят шесть лет, неожиданно для себя получил предложение возглавить N-ское областное управление. Из «полковника» он сразу стал «генерал-майором», а через два года «генерал-лейтенантом».

Так повезло ему, потому что других желающих занять эту должность не оказалось. Здание под управление судебного департамента выделили полуаварийное, служебный транспорт на первых порах отсутствовал, организационные вопросы были не отлажены. Кабинет у Сергея Ильича был меньше, чем в период его работы в районной прокуратуре.

Быть генералом, не имеющим ничего кроме красивого мундира, который к тому же пришлось пошить за свои деньги, не очень-то приятно. И Ковров принял было, но тут у него произошла встреча, которая изменила всю его жизнь.

Буквально через несколько месяцев после состоявшегося назначения к нему на прием пришел подвижный, необычайно разговорчивый мужчина лет пятидесяти, представившийся Василием Петровичем. Он предложил взять его на должность советника, после чего, по его словам, все в управлении изменится. Василий Петрович где только не работал – и директором школы, и главным редактором газеты, и даже был майором КГБ в отставке – так называемого, «андроповского призыва». В последние десять лет он занимал все больше должности «советника» или «консультанта» в различных структурах.

Он был полной противоположностью Сергея Ильича. Ковров – молчаливый, сухощавый, серьезный, высокий, подтянутый, несмотря на возраст. Кандидат на пост советника – болтливый, полный, низенький,

все превращавший в насмешку. Но чем-то он смог зацепить начальника управления, что тот не только взял его на работу, но меньше, чем через три месяца уже ни одного вопроса не решал без своего советника, превратившегося в своего рода «серого кардинала».

И, нужно сказать, дела в управлении вдруг резко пошли «в гору». Начальник подписывал какие-то бумажки в местное правительство и в Москву, ездил на встречи, на которых за него в основном разговаривал Василий Петрович. И меньше, чем через три года они въехали в новое здание, где у Коврова был вполне приличный кабинет, с комнатой отдыха и даже персональным туалетом. Ему почему-то это особенно нравилось, намного больше, чем красивая секретарша и служебная «Волга» с водителем. Но что-то Сергей Ильич и полностью потерял, а именно свою свободу. Все за него теперь решал Василий Петрович. И его балагурство, на первых порах просто немного надоедливое, становилось все более желчным, наполненным сарказмом и мизантропией. Невозможно было понять, когда он говорит серьезно, а когда шутит. Каждому за глаза он давал свою оценку, иногда казалось, что за какой-то миг порой он схватывал все самые тайные пороки и страсти человека, а иногда казалось, что он наблюдал за ним десятилетиями. С Ковровым он вообще не церемонился, и говорил ему все, что думает.

– Интересная женщина, – сказал он однажды об одной из заместительниц мэра. – Работала вольнонаемной полумойкой в воинской части, тысячу человек через себя пропустила. И из этой тысячи нашелся один такой дурак, который ее не только вытащил из этой грязи, но дал ей еще образование, деньги и купил

такое вот место. А теперь ходит – как будто царица какая-то...

То он рассказывал про одного депутата областной думы, который вступил в закрытый клуб «типа масонского», где его при вступлении заставили пить мочу, есть экскременты и ползти на четвереньках к сцене со «статуей, представляющей образец древней культуры», причем все участники собрания в это время пинали его под зад. Если верить советнику, вся эта вакханалия происходила в одном из областных учреждений культуры при негласной поддержке властей.

То он рассказывал о другом «творческом» клубе, делавшем из лучших студенток проституток и наркоманок, под прикрытием международного обмена творческой молодежи.

– Неужели все это правда? – изумлялся Ковров, который хорошо знал и заместителя мэра и депутата, и они казались ему очень приличными людьми.

– А ты как думал? А ты-то чем их лучше? Ты за персональный унитаз свою душу продал!

– Кому? – искренне изумился начальник управления.

– Мне! – сказал было обличитель, но заглянул в его глаза и сказал: – Да нет, успокойся. Пока еще не продал. Ты и правда такой дурак, что ничего не понимаешь. Но время выбора для тебя еще придет.

А вскоре, когда в 2002 году в области стала формироваться комиссия по помилованию при губернаторе, Василий Петрович подергал за какие-то ему одному известные ниточки и стал ее председателем. При этом он остался работать в управлении, где стал вести себя еще более вызывающе.

– Вот кричат дураки: смертную казнь нельзя возвращать, а того не понимают, что при необходимости есть тысяча и один способ ликвидировать ненужного человека. У нас сейчас вполне легальны аборт, у нас рассматривается вопрос о легализации эвтаназии, у нас есть масса нелегальных, но вполне эффективных методов убрать ненужных людей. Ежегодно без всякого бутафорского суда приводится в исполнение огромная масса смертных приговоров в отношении достаточно неплохих людей, а наши медиа-клоуны поднимают вой вокруг того, что нельзя казнить какого-нибудь маньяка, – вальяжно развалившись в кресле и, потягивая коньяк, рассказывал председатель комиссии по помилованию.

– Вы что серьезно все это? – ужаснулся Ковров, которому вся эта речь предназначалась. – Вы что не верите в гуманизм нашего правосудия и государства, да как вы вообще можете работать на таком месте!

– Могу, более того, мы и делаем этот мир таким. Не знаю, зачем я с тобой вожусь столько времени: ты не в тех и не в сех, – разоткровенничался вдруг опьяневший советник. – Но тебе все равно придется сделать выбор, тогда и увидим, чего ты стоишь.

Сергей Ильич неожиданно сделал выбор тут же. Он выставил своего «господина» из кабинета, сказав, чтобы он шел и проспался, так как очень пьян. Потом позвал к себе двух своих заместителей, не имевших до сего дня никаких полномочий и люто ненавидевших советника, и дал им право самим решать все вопросы, входившие в круг их обязанностей.

Василий Петрович в управлении не появлялся, под предлогом занятости в комиссии. Но через полтора месяца из судебного департамента пришел приказ о досрочном увольнении на пенсию Коврова, и назначении на его место одного из любимчиков Василия Петровича, которых он за время работы в управлении нашел себе несколько. Конкретно этот был знаменит тем, что его пьяного вырвало на заместителя министра юстиции во время посещения им региона. Но было это давно, заместитель был уже «бывший» и «неправильно оценивающий ситуацию в стране», поэтому поступок нового начальника управления при определенном раскладе можно было преподнести как своего рода «диссидентство», «мужество в протесте против бездушной системы», что и сделал советник, в который раз задействовав ему одному известные механизмы теперь уже в Москве.

Коврову дали четыре часа на то, чтобы освободить в кабинет.

– Неужели ты не понимал, дурачок, что ты лишь свадебный генерал, и только поэтому ты и работал, что ничего не решал? – забавлялся его бывший советник. – Да, кстати, пока не забыл: вот тебе подарок от нас на память, – и он протянул картонную коробочку с юбилейной медалью «200 лет Минюсту России» и удостоверение к ней. – Не обезьянничал бы – на тот год стал заслуженным юристом России, да и поработал бы. Но можешь себя утешить тем, что ты все же сделал свой выбор и стал, наконец, человеком. Хотя опять это у тебя тупо как-то получилось, – философствовал Василий Петрович, сидя на столе в теперь уже бывшем кабинете Коврова, потягивая прямо из бутылки коньяк

и дымя гаванской сигарой. Сергей Ильич молча взял медаль и удостоверение, положил в карман, и ничего не ответив, продолжил собирать вещи. Через два часа он был уже дома.

Ковров пил уже две недели, чего раньше с ним в жизни никогда не случалось. Просто слишком сильным оказался этот удар. Хотя, были в жизни вещи и похуже. Он вспомнил, как десять лет назад в аварии погибли его единственный сын и сноха. У них с женой тогда на попечении осталась внучка, которой сейчас уже исполнилось шестнадцать лет. Это была очень скромная и, что интересно, потому что таких в родстве генерала не водилось, очень верующая девушка. Она очень любила деда и всегда за него молилась. Молилась и сейчас.

... Однажды среди пьяного забытья Сергей Ильич увидел вдруг трех каких-то существ, которые показались ему чем-то похожими на Василия Петровича. Он явственно начал слышать их разговор, из которого понял, что они знают всю его жизнь, с момента рождения. Когда существа поняли, что Ковров их слышит, они начали насмехаться над ним. Перед ним представляли разные жуткие картины. Вот он берет свой наградной пистолет, подносит его к виску, стреляет и ... смывается в унитаз в своем кабинете, а потом оказывается в месте, где с ним находится тысяча Василиев Петровичей. И среди этого, он вдруг явственно увидел свою молящуюся внучку... и сам перекрестился, чего раньше никогда не делал. И ему стало как-то легче. За окном светало, сила ночных видений уменьшилась.

Наутро он попросил жену вызвать ему врача - нарколога. Два дня прямо дома ему поделали капельницы, таблетки пришлось попить неделю. Но уже через три дня разум Сергея Ильича стал приходить в норму. К большой радости внучки, он попросил ее пригласить священника, и очень долго ему исповедался, припоминая все плохого, что он совершил в жизни, и что так явственно всплыло перед ним во время его видения, которое он никак не мог назвать плодом воображения.

... Ковров стал ходить в православный храм вместе с внучкой. Он перестал пить, курить, ругаться матом, стал поститься и читать утренние и вечерние молитвы. Однажды, когда он с внучкой шел в церковь, им попался Василий Петрович.

– О привет, Серега, – грозно блеснул он глазами. – Сделал, значит, свой выбор? Так ведь опять не сам – она помогла, – зло ткнул он пальцем в сторону внучки. – Может помочь тебе устроить ее в институт с международным обменом творческой молодежи?

– Уйди отсюда, постылый, сгинь, – грозно закричал Ковров и добавил еще несколько слов из числа тех, которые решил больше не произносить.

Василий Петрович сразу развеселился и уже намного мягче сказал:

– Дурак ты, Серега. Если бы я мог что-то ей сделать, разве бы не сделал? А я из-за нее и тебе ничего толком сделать не могу.

– Кто это, дедушка? – спросила Сергея Ильича внучка, когда они отошли.

– Один из тех, от кого ты просишь Бога, чтобы Он тебя защитил. Но о них лучше не думать, чтобы не испугаться. Да что нам до него – мы на службу опаздываем. Нужно будет покаяться, что я так из себя вышел, сквернословил...

И Ковров вдруг с чувством самой глубочайшей благодарности посмотрел на внучку, без молитв которой за него он не смог бы сделать самый важный в своей жизни выбор.

2011

Все возвращается

В России начала третьего тысячелетия появилось очень много маленьких фирм с невообразимыми названиями, предоставляющих самые различные услуги, весь штат которых директор и пара сотрудников, а офис состоит из одного, максимум – двух кабинетов. В одной из них и произошла следующая история.

ООО «Болотная выхухоль» занималось посредничеством в вопросах купли-продажи меховых изделий. Ее директор – Семен Семенович, интеллигентный мужчина лет сорока, достаточно неплохо разбирался в потребностях рынка. У него был помощник Артур – молодой человек двадцати шести лет, который работал вместе с ним уже пять лет и всему научился. Офис представлял собой небольшой кабинетик, но это не мешало предприятию получать вполне серьезные прибыли. Бизнес процветал до тех пор, пока Семен Семенович не решил, что нужно снять новый офис и взять на работу кроме помощника еще и секретаря.

И через месяц ООО «Болотная выхухоль» переехало в помещение, состоявшее из кабинета руководителя и приемной, в которой кроме Артура теперь появилась еще двадцатилетняя Лола. Это была вполне милостивая, но очень хитрая и коварная девица, при этом недалекая, плохо владеющая эмоциями и желающая во что бы то ни стало завоевать себе максимально уютное место под солнцем, не считаясь ни с чьими интересами кроме своих.

Семен Семенович был ее вдвое старше, женат и с двумя дочерьми-подростками. Поэтому Артур, который получал вдвое меньшую зарплату, но был не так уж намного ее старше, абсолютно свободен от семейных уз и имел отдельную квартиру, и при всем этом говорил, что ему пора жениться, заинтересовал Лолу, получавшую зарплату еще в два раза меньше и жившую на съемной квартире, намного больше.

Однако, поскольку девушка она была хоть красивая, но неумная, все ее попытки привлечь к себе внимание Артура вызывали обратную реакцию. Впрочем, и попытки были своеобразные. Например, она таскала вещи у него со стола, прятала документы, а потом с невинным видом возвращала; когда это не помогло, рассказывала всякие гадости про Семен Семеновича, какие пошлые знаки внимания он ей оказывает, что вот такой противный старик, а она бережет себя для единственного, чем-то похожего на Артура. Когда и это не помогло, Лола от обиды, что ее, как она считала «отвергли», стала устраивать Артуру истерики, один раз даже вцепилась ему в волосы из-за какой-то ерунды.

А ее «избранник», не имевший опыта общения с подобными девушками, недоумевал как ему себя вести

и все больше радовался, что он не женат, и утверждался в мысли, что ему и нужно всегда оставаться холостяком. Но после того, как Лола вцепилась ему в волосы, он начал всерьез опасаться, что как-нибудь не выдержит и ударит ее, а поднимать руку на женщину молодой человек считал невозможным. Поэтому он решил серьезно поговорить с директором.

Но Лола его здесь опередила. Плача, она рассказывала Семен Семеновичу, что Артур не дает ей прохода, бесстыдно распускает руки, а недавно попытался изнасиловать, так что она вынуждена была вцепиться ему в волосы и исцарапать лицо. «Вы так похожи на моего папу, – доверчиво глядя директору в глаза, всхлипывая, говорила девушка. – Ведь у вас то же есть дочери, они ненамного младше меня, неужели вы меня не защитите?»

Поскольку Лола была глуповатой, то она думала, что Семен Семенович после этого окажет давление на Артура, чтобы он на ней женился. А директор, большую струнку в душе которого она нечаянно нащупала – он действительно очень боялся за будущее своих дочерей – разъярился и уволил Артура, которому до этого полностью доверял и который был его незаменимым помощником.

Артур был до глубины души потрясен такой несправедливостью.

– Я этого не делал, – сказал он. – Но все возвращается. Вы сами себя наказали, Семен Семенович, тем что, поверив клевете, выгоняете в никуда человека, который отдал вашему делу все силы своей молодости.

А Лола, увидев, что все получилось не так, как она рассчитывала, решила, что во всем виноват директор и нужно ему отомстить.

У Семена Семеновича была очень ревнивая жена, порой безудержная в гневе. И однажды, увидев, что она идет во дворе по направлению к их офису, Лола вдруг зашла в кабинет к директору и, ничего не гово-

ря, запрыгнула ему на колени, крепко обняла, и начала целовать, щедро пачкая его лицо ярко-красной помадой. И в этот момент в кабинет зашла жена Семена.

Но получилось все опять не так, как хотелось Лоле, которая думала, что попортит кровь хозяину с его благоверной, а ей за это ничего не будет. Разъяренная увиденным женщина схватила первый попавшийся предмет, которым оказался горшок с цветком и стукнула им «соперницу» по голове...

Лола месяц лежала в больнице. Из фирмы она ушла. Чтобы спасти жену от судебного процесса, Семен Семенович дал девушке триста тысяч рублей и две шубы. Кроме материальных потерь, связанных с этим, и потерями, вызванными уходом Артура, ему пришлось вынести еще и дома весьма много истерик жены, в ходе которых он трижды получил по голове скалкой, дважды сковородкой, не считая мелких пощечин и хватаний за волосы.

Дело в том, что его супруга, кроме того, что увидела мужа в столь неприглядном виде, еще и побывала в «обезьяннике» в результате своей реакции на увиденное. Лоле пришлось вызвать «скорую», врачи которой в свою очередь вызвали милицию. А милиционеры отвезли буйную гражданку в отделение, где она провела в клетке с бомжами четырнадцать часов. Если бы не муж, который сумел договориться с потерпевшей и с органами правопорядка, ей мог бы угрожать реальный срок. Однако оскорбленная супруга все равно считала, что она ни в чем не виновата, а виновен во всем ее «кобель», «проститут» и «потаскун». Перечислять оценки, данные ей Лоле, которую она называла не иначе как «крысотелка», здесь невозможно, по-

сколько они абсолютно непечатны, достаточно сказать, что она изобрела не менее шести матных слов, до этого отсутствовавших в русском языке.

А Лола, как ни странно, после сотрясения мозга, стала достаточно спокойной и неплохой девушкой. Всего лишь через полгода она удачно вышла замуж, и счастливо живет со своим мужем.

Семену Семеновичу в итоге всех финансовых потерь пришлось вернуться из нового офиса в прежний кабинетик. Но зато теперь с ним опять работает Артур, и дела их фирмы вновь идут в гору.

2011

Литературный критик

Петр Иванович когда-то окончил литературный институт, и мечтал о карьере писателя. Ему грезились слава, множество писем от поклонников его таланта, признание Правительства и народа за то, что он несет своими произведениями мудрое, доброе, вечное.

Но не сложилось. И дело даже не в признании, а в том, что к сорока годам Петр Иванович даже сам себе не мог сказать, что написал что-либо действительно стоящее. От обиды он решил стать литературным критиком, ниспровергателем авторитетов. Сам изложить мысль так, чтобы она задела читающего за живое, он не мог, но чужие изъяны видел превосходно. Однако со временем его статьи становились все эпатажнее, их стали публиковать только в «полужелтой» прессе, публикации которой через день забывались. Петр стал все чаще прикладываться к бутылке. Через некоторое время он уже был согласен писать любую ахи-

нею, лишь бы за нее хорошо заплатили. Сегодня у него был удачный день – ему заказали статью о том, что современная литература в России намного более качественная, чем в 19 веке, и в качестве примера попросили сравнить Льва Толстого с Дарьей Донцовой, разумеется, в пользу последней.

Петр Иванович, получив аванс за эту статью, купил три бутылки коньяка, две скалки сырокопченой колбасы, три плитки шоколада, четыре пачки сигарет «Бонд» и DVD-диск с фильмом с Николь Кидман в главной роли, отправился домой «творить». Перед тем, как сесть за компьютер, он налил себе целый стакан коньяка, залпом его выпил; потом откусил прямо от скалки порядочный кусок колбасы, и, не закончив как следует жевать, закурил сигарету. За это время в его голове сложилось название будущей статьи: «Толстой – отстой, Даша – for ever». Оно ему жутко понравилось – такой заголовок на первой полосе обязательно привлечет внимание читателей. Петр выпил еще полстакана коньяка, надкусил плитку шоколада, и с сигаретой во рту, начал писать, прихлебывая коньяк из бутылки. Он писал о том, что Лев Николаевич Толстой либо толком не умел говорить по-русски, либо «корчил из себя шибко умного» и поэтому, например, в его романе «Война и мир» целые страницы на французском языке; а на самом деле как писатель он ничего особенного собой не представляет, потому что не учился в литературном институте, и о том, что сюжеты произведений Толстого надуманны. То ли дело Донцова: ее произведения отражают многогранную палитру общественной жизни современной России, приобщая читателя к основам постсоветской культуры.

При этом совершается такое приобщение в ненавязчивой занимательной форме, что свидетельствует о том, что автор преодолела стереотипы классической русской литературы и сделала шаг вперед в становлении новейшей литературы России.

Петр Иванович исписал страниц пять, при этом почти допил уже вторую бутылку коньяка. Затем он решил посмотреть фильм, который купил. Назывался он «Другие». В нем рассказывалось о женщине, которая в годы войны с двумя детьми поселилась в большом мрачном доме, где ей стали являться покойники, ранее там жившие, но вполне реально, как живые люди. Приезжал к ней и убитый на войне ее муж. Не выдержав кошмара, героиня, которую играла Николь Кидман, убила своих детей и покончила с собой, после чего кошмар стал для нее вечным: как сказала ей одна из покойниц они теперь «together for ever» – вместе навсегда.

На этих словах Петр Иванович и заснул нездоровым сном сильно пьяного человека. И ему приснилось, что граф Толстой, весь объятый каким-то пламенем, грозно смотрит на него и проклинает за то, что Петр – выпускник литературного института – так опозорил себя своими виршами, и в наказание за это он вечно будет читать исключительно книги Дарьи Донцовой. А тут появилась и она, зловеще улыбаясь, и шепча, прямо как в фильме: «together for ever».

Петр в холодном поту проснулся. Первым его порывом было уничтожить статью. Но потом он выпил немного коньяку и слегка успокоился. А после второй рюмки он уже подумал, что ведь ему нечем возратить аванс, а, кроме того – ему очень нужны деньги. А ко-

гда, прилебывая коньяк, он перечитал статью, то пришел к выводу, что в принципе нет ничего плохого в том, чтобы читать книги Донцовой.

Ему вспомнился один советский детский фильм, где одного из героев в качестве наказания заставили всю жизнь читать свои рассказы. «Вот это было бы действительно плохо, – посмеивался Петр Иванович, допивая коньяк и жуя колбасу. – А так – ничего страшного. Нужно сейчас послать статью по электронке и попросить рассчитаться за нее, а то выпивка закончилась».

2011

Психиатр

Андрей учился на выпускном курсе медицинского института. Он был очень веселым, энергичным молодым человеком, обладал острым умом. Во всем ему хотелось дойти до самой сути. Особенно его интересовало все, связанное с человеческим сознанием. Недаром своей специализацией Андрей избрал психиатрию.

Однако то, чему его учили в институте, не нравилось ему совершенно. Была середина девяностых двадцатого века. Психиатрия в России уже не была советской репрессивной, но учили студентов по прежним учебникам. Медицина и образование, в отличие от промышленности и сельского хозяйства, только начинали разрушаться. Авторитет преподавателей в вузах был еще высок. Поэтому Андрей не на шутку рисковал, когда никого не боясь, высмеивал то, что пожилые преподаватели кафедры психиатрии считали догмами.

Впрочем, доставалось от него и молодым преподавателям, увлеченным западными течениями психологии, еще недавно бывшими запретными. Особенно смехотворным студент считал возможность определить что-либо о душевном здоровье или болезни человека, по заполненной им анкете с идиотскими, на его взгляд, вопросами. А подобные анкеты уже начинали входить в моду.

Например, по поводу физиологической природы душевных болезней, он как-то вполне серьезно затеял целый диспут с профессором Семеновым, единственным преподавателем кафедры, имевшим широкий взгляд на окружающую жизнь, о том можно ли определить душевное состояние человека по анализам кала и мочи. А если да, то, почему до сих пор не разработана методика классификации психотипов людей в зависимости от состава, цвета, консистенции и запаха их анализов. При этом, невозможно было понять смеется он, или говорит серьезно. А на выпускном вечере Андрей вообще отличился: он подождал, когда все преподаватели кафедры как следует напились, после чего подошел к ним с просьбой ответить, кем на выбор они предпочли бы быть: хреном моржовым, г. на палочке, или чмом болотным. Как ни странно, все ответили на его вопрос.

– А других вариантов нет? – спросил его доцент Сливов, здоровенный тридцатилетний мужик с красным лицом.

– Нет, нужно обязательно выбрать из этого.

– Ну, тогда, пожалуй, хреном моржовым. В этом есть что-то мужественное...

Пожилой профессор Семенов задумался:

– Г. – вонючее, аморфное, неустойчивое... Да еще на палочке... Хрен моржовый – предполагает большие нагрузки – название обязывает... Пожалуй, все же чмо болотное – это тихо, интеллигентно, и в то же время в стороне от бурных событий...

А заведующий кафедрой, выпивший уже две бутылки коньяка, смеясь и икая, сказал, что ему больше нравится быть г. на палочке, а почему, он и сам не знает.

Однако совсем по-другому члены кафедры отнеслись к статье Андрея, которую он написал на основе своей мини-анкеты статью, и попросил их рекомендовать ее для публикации в институтском журнале.

– Это полнейшая чушь! – был общий вердикт. При этом Сливов заметил, что за такое бьют морду. Семенов сказал, что для какого-либо научного анализа в анкете должен быть не один вопрос, а не меньше пятидесяти. А заведующий кафедрой припугнул, что еще одна такая статья – и аспирантом студент не будет, да и с прохождением интернатуры у него будут самые серьезные проблемы.

В интернатуре Андрей, посмотрев «вживую» на пациентов психиатрической больницы, и вовсе разочаровался в общепринятой классификации психических болезней, и решил разработать свою альтернативную. В русской матерной брани есть несколько терминов, обозначающих ненормального человека. Но «специалисты» по ненормативной лексике могут сделать из них не один десяток производных.

Этими производными и обозначил Андрей различные психические отклонения, а затем привел краткое описание каждого из них. После этого, он, преис-

полненный гордости за свой труд, стал распространять его среди молодых коллег в больнице. Некоторые говорили, что его самого нужно лечить, некоторым нравилось. Нашелся и такой, который отнес листки профессору Семенову, бывшему в больнице начмедом.

– Ничего оригинального, – заявил тот, прочитав писанину Андрея. – Фактически это имбецильным языком пересказаны те же описания болезней, которые приводятся в стандартном учебнике психиатрии. Только вместо нормальных научных названий, они обозваны похабной матерщиной. Надо бы тебя за такие фокусы вообще на пятнадцать суток отправить, да вроде бы жалко...

– Неужели я совсем ничего нового не смогу сделать в психиатрии? – расстроился Андрей.

Профессор смягчился.

– Я думаю, что вряд ли. Это сфера, не располагающая к веселью, а из тебя оно так и брызжет... А попробуй посмотреть на свои опусы не как на научные, а как на литературные произведения. Тогда они будут иметь совсем иную ценность. Только давай без мата...

Андрей послушал профессора. Вначале литературные занятия давали ему отдых, а работа врачом – темы для писательства. А меняющееся время, сносило старые стереотипы, и принесло ему и популярность, как литератору. Способствовала она и медицинской карьере. Он даже защитил кандидатскую, правда не по психиатрии, а по организации здравоохранения. Андрей становился все серьезнее, его все меньше интересовало, что творится в головах других людей, самого себя он ощущал уже не «Андреем», а «Андреем Ивановичем».

Литературные опыты он стал воспринимать, как обузу, не приносящую материальных дивидендов, но отнимающую время. И когда его взяли работать в областное управление здравоохранения, Андрей Иванович и вовсе забросил литературу. Вместо этого он стал работать доцентом в медицинском институте, где со знанием дела с высоты своего жизненного опыта ставил на место студентов, пытавшихся, как когда-то он сам, иметь оригинальный взгляд на то, что теперь виделось ему догмой, осязаемыми подтверждениями которой были его кресло чиновника и кандидатский и доцентский дипломы.

Его стали уважать в медицинских кругах. И только стареющий профессор Семенов смотрел на него как-то все более разочарованно. Впрочем, не все ли равно успешному человеку, как смотрит на него старик, который сам в свое время признал, что ему нравится роль чма болотного...

2011

Причины реформ

В университетской столовой сидели два стареньких профессора и сокрушенно вздыхали, обсуждая выданные им в бухгалтерии расчетные листки за сентябрь. Оба они уже тридцать лет были докторами наук и немногим меньше профессорами, оба отдали науке всю жизнь. И вот уже год, как их обоих оставили работать в университете только на четверть ставки, и на руки они получали немногим больше, чем по четыре тысячи рублей. Была у них правда и пенсия, но то же

очень скромная. Были и жены, которые получали пенсию еще меньшую и при этом уже давно не работали. И были полученные в советское время квартиры, за которые нужно было платить значительно больше, чем они зарабатывали в университете. Поэтому в столовой они брали не полный обед, как раньше, а только по два недорогих пирожка со сладким чаем. Теперь так был их «паек» на время рабочего дня. Все вместе это стоило девятнадцать рублей, но даже и их профессора доставали не без сожаления.

– Губят высшую школу, Савелий Никанорович, – сказал один из них, седой худощавый мужчина с острыми чертами лица, пронзительными глазами, с аккуратно зачесанными назад волосами, гладко выбритый, несмотря на материальные трудности одетый в хороший, оставшийся от прежних времен костюм.

– Что об этом говорить, Юрий Иванович, – махнул рукой его собеседник, ровесник Савелия Никаноровича, но выглядевший лет на десять старше из-за бороды, взлохмаченных волос и линялого костюма.

– Ну, а если молчать, то значит, что мы соглашаемся с тем, что происходит.

– А что мы можем сделать?

– Вы знаете, – задумчиво сказал Юрий Иванович, – я вот сейчас вспоминаю, как лет двадцать назад сидели мы в этой столовой с Маркушей...

– Марком Зиновьевичем? – уточнил Савелий Никанорович и, произнося это имя, даже как-то подтянулся весь.

Марк Зиновьевич Тушканов был моложе их лет на двадцать пять. В свое время он работал в этом же институте доцентом на кафедре общественных наук, вме-

сте с теми, кто сегодня его вспоминал. Юрий Иванович был даже научным руководителем его кандидатской диссертации. Всерьез Марка Зиновьевича никто не воспринимал: слишком он был непонятный, суетливый, как-то по другому на все смотрел, чем это было принято в советском вузе. Профессора в свое время завернули его докторскую диссертацию, не допустив даже до обсуждения на кафедре, под предлогом, что она «не имеет научной ценности». Но на волне перестройки Тушканов создал свой частный институт, рьяно боролся за свободу частного образования против засилья образования государственного; легко защитил докторскую в одном из московских вузов, стал профессором, а затем и член-корреспондентом РАН, затем, поставив в созданном им институте своего ректора, сумел пролезть на высокий пост в Министерство образования. Там он начал бороться за сокращение числа частных вузов, под предлогом того, что в них дают некачественное образование. Впрочем, того частного института, собственником которого он оставался, это почему-то не касалось, он получал от Министерства лишь всевозможные преференции, особенно после того, как Тушканов стал заместителем министра образования.

Савелий Никанорович теперь очень жалел, что в свое время «гнобил» будущего заместителя министра, теперь бы, глядишь, и на полной ставке работал, а Юрий Иванович жалел, что был научным руководителем Марка Зиновьевича, «не разглядел» в свое время «губителя науки». Утешало его только то, что разве изменилось бы что-то, если бы он и не стал помогать

защите его диссертации, только наоборот быстрее бы защитился...

– Им самым, – не сразу ответил Юрий Иванович, оторвавшись от внезапно нахлынувших воспоминаний. – И скажу прямо: если такой человек сейчас руководит реформой образования в стране, то что хорошего можно ждать от этих реформ? Помните, какие раньше были научные конференции? Все собранные, серьезные, каждую букву своих тезисов выверяли. А этот? Открыл он тогда свой институт, если это институтом можно назвать. И начал конференцию за конференцией проводить, чтобы показать, что он больше для науки делает, чем государство. Время уже тяжелое стало, а он, прохвост из-за границы деньги тянул. Я его спрашиваю: «Разве можно десять конференций на разные темы одному человеку организовывать?» А он мне: «Да были бы деньги, с деньгами любой дурак, что угодно организует. Вы, Юрий Иванович, слишком серьезно к этому относитесь, каждой запятой, как говорите. Может, когда людям делать нечего было, то они всякие сборники конференций и читали. Но сейчас время другое. Люди занятые стали. Они на книжку посмотрят – обложка красивая, бумага белая, ну и все хорошо. Едва ли кто свои тезисы просмотреть для порядка удосужится, ну а чужие, если только полный придурок какой-нибудь. Может там и ахиня в книжке написана, но всем нравится, потому что там и их статья есть, и конференция не просто научная, а международная, аж с тремя государствами. А какими, это никого не касается, хоть с Бурунди и Сингапуром. А потом – ученые сейчас голодные, а я их покормлю на

западные деньги, иногородним проезд оплачу, они и вовсе растают...»

– Так открыто говорил? – усомнился Савелий Никанорович.

– У меня бы фантазии не хватило самому такое придумать. А что он про свой институт говорил? Что это такая же фирма по выколачиванию денег, как и любая другая. Если его преподаватели – неквалифицированные, дающие плохие знания, то это ко всему еще и мошенническая фирма. А поскольку, на его взгляд, почти все преподаватели неквалифицированные, но при этом считающие себя крупными специалистами, то нужно им платить маленькую зарплату, чтобы они получали гонорар соответствующий их труду и сохраняли за собой моральное право называться честными людьми. А крупные зарплаты должны получать только сознательные профессиональные мошенники, которыми являются руководители образовательных учреждений. И теперь он заместитель министра образования! Вот вам и причины реформ...

Их разговор прервала секретарь ректора Марья Ивановна, которая, запыхавшись, вбежала в столовую.

– Савелий Никанорович, приказ из Министерства пришел, Вас почетным работником высшего профессионального образования сделали.

– А кто подписал-то? – насмешливо спросил Юрий Иванович. – Опять что ли Тушканов, как и мне год назад, когда я в ректора этот приказ бросил?

– Ну, бросили, вот и получаете теперь пять тысяч вместо двадцати, – рассудительно сказала секретарша, – а из-за вас и друг страдает. А вы, Савелий Никанорович, то же бросаться наградами будете?

– Да нет, – рассудительно сказал профессор, – это же официальная награда Министерства образования, какая разница, чья там подпись?

– Ну, вот и чудненько, расплылась в улыбке Марья Ивановна. – Тогда идемте к ректору. Для вас еще одна хорошая новость есть: вам на этот год нашлась целая ставка!

– Правда? – просиял тот. Но тут же смутился: – А как же Юрий Иванович?

– Юрию Ивановичу вообще замечательное предложение. Марк Зиновьевич просил передать, что приглашает его на работу советником в свой институт. Пятьдесят тысяч в месяц и работать не надо, потому что в советах он его не нуждается.

– Да как он смеет! – вскипел Юрий Иванович.

– А ты бы не горячился, – сказал вдруг задумчиво Савелий Никанорович. – Ведь пятьдесят тысяч!

– Мне и миллионы от него не нужны! Лучше буду пить мой чай с пирожками!

– Ну и пей, а я отказываться от предложения не буду.

– Тебе-то что отказываться: ты на свою законную работу возвращаешься, – устало опустил на стул профессор. – Передайте ему, что я не продаюсь.

А Савелий Никанорович, весь преисполненный внутреннего трепета от неожиданного счастья торопливо засеменял за Марьей Ивановной в кабинет ректора.

2011

Жиронда

Ольга в свои сорок лет была необыкновенно тучной женщиной – при росте 172 сантиметра ее вес превышал 200 килограммов. Однако, нельзя сказать, что это ей сильно мешало в жизни: она работала, делала все женские дела по дому, у нее был муж, который внешне очень хорошо к ней относился, школьница дочь, симпатичная добрая девочка, не унаследовавшая от матери ее полноту. И толщиной своей Ольга до определенного момента не заморачивалась.

Но у нее была подруга Тоня, которая, несмотря на пятидесятилетний уже возраст, вела разгульную жизнь, имела одновременно четырех любовников, с которыми по очереди встречалась. Быт же ее при этом был неустроен, на душе лежала неизживаемая никакими застольями и попытками догнать безвозвратно ушедшую молодость тяжесть. Антонине было досадно, что Ольга живет «правильно», ей очень хотелось, чтобы она приобщилась к той жизни, которой жила она. Тоне казалось, что если кто-то еще вывалается в грязь, которую она избрала способом своей жизни, то это подтвердит правильность ее жизненного выбора, о котором она начинала уже иногда задумываться. Ведь за свою жизнь уже многих людей пришлось ей похоронить, в том числе и близких. И порой мелькала мысль: а что же там, за границей, отделяющей жизнь от смерти? И правда ли, что туда пойдут все поступки, совершенные в этой жизни? Или нет ничего, и нужно лихорадочно пытаться урвать от остатков этой жизни все мнимые удовольствия, не приносящие уже никакой радости, а оставляющие лишь чувство душевной пу-

стоты и ощущения что тебя жестоко обманули в чем-то важном?

Еще Антонину очень разозлила одна ее знакомая, на несколько лет моложе, которая, когда она начала хвастаться ей тем, какие бешеные оргазмы испытывает, лишь брезгливо поморщилась. «Ты ничего не понимаешь, если бы ты хоть раз такое испытала, то подседа бы на это, как на наркотик!» – привела, казавшийся ей безупречным аргумент Тоня. «Но я же не считаю, что нужно пробовать, например, героин из-за того, что сначала он доставляет какие-то новые ощущения, тем более, зная, что потом станешь его рабом, – спокойно возразила та. – А со стороны, ты извини, конечно, это выглядит просто отвратительно. Когда бабушка уже, вместо того, чтобы внуков воспитывать главным смыслом и счастьем в жизни считает моменты, когда ее трясет от какого-то необычайного возбуждения, то она становится похожа... глупая, наверное, ассоциация сейчас возникла – на свинью, получающую удовольствие от того, что через нее пропускают слабые разряды тока».

Антонина разозлилась жутко, и больше никогда не разговаривала с этой женщиной. А вот на Ольгу ее слова произвели иное впечатление. Она пожаловалась, что муж лишь два раза в год исполняет свои супружеские обязанности. В принципе, Ольгу это и устраивало, но сейчас ее воображение было разгорячено тем, что рассказывала ей Тоня, и она почувствовала себя вдруг жестоко обделенной в чем-то важном. А Антонина, заметив что «подруга» ее усомнилась в правильности того, как живет, сразу же продолжила атаку. Она безапелляционно заявила, что знает, что Ольгин муж ей изменяет, хотя сама ничего подобного не знала. И это было последней каплей, подтолкнувшей Ольгу к

желанию встать на тот путь, который так красочно расписала ей Тоня.

Сначала она попробовала себя в знакомствах по Интернету. На лицо она была симпатичной, поэтому, когда она выложила свою фотографию на сайте знакомств, который порекомендовала ей Тоня, достаточно быстро нашелся парень, лет на пятнадцать ее моложе, который писал о себе, что «любит пышек». Они начали переписываться, общаться по скайпу. Однажды он вдруг решил продемонстрировать Оле свое мужское достоинство в режиме реального времени. Та же в ответ решила продемонстрировать ему свои прелести, которых кроме мужа никому не показывала. Но результат ее разочаровал: когда парень увидел голую двухсоткилограммовую тетку, все тело которой состояло из сплошных складок жира, он вдруг резко отключился и с тех пор вообще пропал из сети.

Когда она пожаловалась Тоне, та сначала злобно усмехнулась, а потом решила познакомить ее с одним своим бывшим любовником – Васей, который до того допился, что его уже не интересовала, как женщина выглядит, но мужскую силу сохранил еще большую. Антонина позвонила ему, когда у него был какой-то друг, то же алкаш. «А я приду с подружкой», – игриво сказала она. Увидев Олю, друг Васи поспешно ушел, вспомнив о каких-то неотложных делах. А вот Василий заявил, что готов продолжить знакомство, если ему купят два с половиной литра пива. Пиво ему купили, Тоня ушла, и Оля впервые в жизни изменила мужу. Они с Васей стали встречаться.

Сначала ее радовали новые ощущения, но уже вскоре она поняла, что Василий встречается с ней

только из-за неизменных двух бутылок водки, которые она каждый раз должна была приносить, приходя к нему. В отличие от мужа, обращавшегося с ней нежно, Вася был достаточно груб с Олей, хотя и не настолько, как в свое время с Тоней. Можно сказать, что он неплохо к Ольге относился, насколько мог, но это было изнанкой того, о чем она мечтала. Муж никогда не называл ее ласкательными словами, Вася звал ее «Жиронда». Когда она впервые обиделась на такое название, он попробовал ее утешить: «Да не парься ты, это чой-то французское. Провинция какая-то во Франции, департамент по-ихнему». «А ты откуда знаешь?» – удивилась Ольга. «А я раньше в школе географию преподавал, – несказанно удивил ее Василий. – А еще раньше – историю». И пустился ей рассказывать о роли жирондистов во Французской буржуазной революции. А потом вдруг засмеялся: «Чо, поверила? Да я прикалываюсь: Жиронда – значит необычайно жирная, превосходящая обыкновенную толстуху».

В этот момент Оля впервые задумалась о том, хорошо ли она поступает по отношению к мужу. А когда через месяц у нее возникли подозрения, что она подцепила от Васи какую-то венерическую болезнь, то она сразу же с ним порвала. Тот не сопротивлялся, но потребовал одновременно двадцать бутылок водки «за сохранение конфиденциальности», которые и были ему куплены.

Порвав с любовником, Ольга прошла медицинскую проверку, которая не подтвердила ее опасений, но на душе от этого почему-то стало еще хуже. Она во всем призналась мужу. Тот был скорее очень удивлен, чем оскорблен, но и одновременно чувствовалось, что

он вдруг потерял что-то важное, что казалось само собой разумеющимся и не имеющим никакой ценности, но которое уже нельзя вернуть. Но он простил жену, и их жизнь постепенно вошла в прежнее русло. А сам он ей, как оказалось, не изменял.

Узнав об этом, Ольга бросилась к Антонине, обвинять ее в том, что она натворила. Та же встретила ее презрительно: «Как будто тебе самой это не нравилось! Жиронда!» Оля поняла, что Вася не исполняет своих обязательств по сохранению конфиденциальности, но ей было уже все равно – ведь она сама все рассказала мужу. И рассказы Тони, которая всем пыталась рассказать историю Жиронды, почему-то никому не казались интересными. И это еще больше травмило ее ощущением все растущей опустошенности в душе. А сам Василий никому ничего не рассказывал, кроме «Тоньки – заразы, которая даже в постель к нему залезла, чтобы узнать подробности, а он сильно пьян был», – повинился он потом Ольге, и даже предлагал ей вернуть пять из двадцати бутылок, в качестве возмещения морального ущерба. Но она сама дала ему пять бутылок, чтобы он за это ее забыл. Василий расчувствовался и сказал: «Нормальная ты баба, Оля, это все Тонька тебя с толку сбила. Зря я тебя Жирондой называл! – но потом подумал и добавил: – Но тогда-то ты была самая, что ни на есть настоящая Жиронда!»

2011

Поэтесса

Елена Петровна Нецветаева работала старшим преподавателем на кафедре русской литературы в одном из провинциальных педагогических институтов. Было ей уже далеко за пятьдесят; личная жизнь не заладилась из-за того, что все время хотелось ей чего-то «лирически-поэтического» и «возвышенного». А оба ее мужа, с каждым из которых она прожила менее чем по полгода, оказались «неотесанными мужиками, не способными оценить тонкую женскую душу».

И почти тридцать лет уже Елена Петровна жила в своей двухкомнатной квартире, которую ей оставил второй муж, лишь бы больше его ничего с ней не связывало, с небольшими пуделихами. Собачки выдерживали жизнь под одной крышей с Нецветаевой дольше, чем мужчины, но, видимо, и на них она влияла негативно, потому что вместо пятнадцати лет они жили не больше пяти. Сейчас любимицей Елены была, как называла ее хозяйка, «белоснежная Барби». Впрочем, «белоснежной» пуделиху можно было назвать только с большой натяжкой: домашние животные часто бывают чем-то похожи на своих хозяев, и поэтому Барби была также неряшлива, как Елена Петровна, ее некогда белая шерстка была грязно-желтой.

В квартире Нецветаева не убиралась неделями, пуделиху забывала выводить на улицу по два дня, поэтому смрад в ее жилище был еще тот. Соседи пробовали было жаловаться, но по каким-то причинам неряшливой хозяйке все сходило с рук, и они махнули на нее рукой.

После пятидесяти Елену вдруг «пробило» на стихи. Свои, как ей казалось, нерастраченные чувства она облекала в зарифмованные строчки. Впрочем, о глубине чувств можно было судить по глубине стихов. Сочиняла она их самозабвенно, а потом с таким же упоением читала всем, кого ей удавалось остановить – во дворе ли своего дома, в институте ли, на улице ли в городе. Нецветаева очень гордилась своими стихами, каждое, которое содержало больше тридцати четверостиший, она гордо именовала «поэмой».

Поэтому она жутко разозлилась, когда работавший на ее кафедре ассистентом молодой пересмешник аспирант Володя написал на ее поэзию следующую пародию:

Мне однажды свинья приснилась,
С грязным рылом в грязи весенней –
В загородке она бесилась
В ночь с субботы на воскресенье.

Видно корма свинье не дали,
Голодать же свиньи не любят;
Агрессивными сразу стали:
С голодухи любого погубят.

Но пришел тут халатный хозяин,
Накормил он свинью досыта,
Ублажил всю свиную стаю,
Выдав им помоев корыто.

А к чему мне такое сон приснился –
Вы, ребята, подумайте сами:

Я хоть сном, но ведь отличилась,
От других, что под небесами.

Не Цветаева

Стихотворение удивительно точно передавало все изъяны, которыми отличались творения Елены Петровны: и умение сделать событием любую ерунду, и количественные несогласованности, когда персонаж был то один, то их становилось несколько; и недвусмысленно говорило о том, что автор подобных стихов отличается от остальных лишь бредовыми снами. Но особенно уязвило Елену то, что она назвала «издевательством над ее фамилией».

Владимир был, в общем-то, достаточно добрым молодым человеком, поэтому, увидев, как он расстроил Нецветаеву, он раз десять просил у нее прощения. Наконец, Елена Петровна, сменила гнев на милость.

- Ну, хорошо, - сказала она. - Вы ведь по-своему просто несчастный юноша, видящий мир в мрачных красках. У вас отсутствует понимание прекрасного, поэтому как на вас могу сердиться я, слышащая пенье муз?

Однажды, когда Нецветаева заболела, коллеги по кафедре послали Владимира, как самого молодого ее навестить. Он взял пакетик, в который они собрали несколько апельсинов и яблок, и отправился к больной.

Резкий запах ударил ему в нос уже в подъезде. Поэтесса, не утруждающая себя лишней уборкой и здоровая, тем более манкировала ее, когда на то были уважительные причины.

Он осторожно нажал на кнопку звонка. Елена Петровна открыла не сразу: она хотела показать, как тяжело ей передвигаться. Одета она была в драную кофту и какие-то немыслимые шаровары с начесом.

- Володенька, какой сюрприз! – деланно удивилась она. – Прости меня за столь непристойный вид: ведь дама должна встречать кавалера обнаженной...

Владимир так и застыл в дверном проеме от неожиданности.

- О, как ты хорош в этой раме, прямо как государь император Николай Второй! – восторженно воскликнула поэтесса.

Ассистент растерянно передал ей пакет с гостинцами и поспешил ретироваться.

... Еще Елена Петровна любила ходить в церковь. Это давало ей новые темы для ее поэтического творчества, а также новый круг слушательниц, впрочем, нередко даже более критичных, чем то окружение, к которому она привыкла.

- Я вот думаю, - делилась Елена с продавщицей церковной лавки своими «мыслями о наболевшем», вот умру я, и пойду в рай. Но ведь там же необычайно скучно! Где там кипение страстей, полет чувств!

- А кто бы тебя еще туда взял, - невозмутимо отвечала ей собеседница. – А там, куда ты попадешь, скучно точно не будет...

Елена Петровна обиделась, и написала «поэму», о том, как много в мире злых людей и как легко каждый из них может обидеть поэта. От этого на душе ее стало необычайно легко. Нецветаевой все равно было, что многим стихи ее кажутся смешными; для нее главным было то, что ей самой они казались великими. «Почти

все великие при жизни были непризнанны», - напоминала себе она, и вновь уносилась в «страну муз», заполняя убористым почерком все новые листы бумаги творениями, которые, как она всем говорила, через сто лет на аукционах в Лондоне будут продаваться за миллионы...

2011

Чекист

Строго говоря, «чекистом» Марка Соломоновича можно было назвать с большой натяжкой: из пятидесяти лет своей жизни лишь два года он прослужил в КГБ СССР, и то по призыву после окончания института иностранных языков. То, что молодого лейтенанта не стали в дальнейшем задерживать для работы в ведомстве, говорило о том, что, скорее всего, фигурой там он оказался неподходящей.

Впрочем, если верить слухам, автором которых, вероятно, был сам Марк, его просто заставили работать «под прикрытием», как опытного оперативника. В своей жизни кем он только не работал! И преподавателем, и журналистом, и на комсомольской, и на партийной стезе; после распада СССР – во множестве различных общественных организаций и фондов, поддерживаемых из-за рубежа. Последним местом его работы была одна достаточно крупная корпорация, где он занимал место советника генерального директора.

Другие сотрудники корпорации очень не любили Марка Соломоновича. Да и как можно было его любить, если для него в порядке вещей было провоцировать других на неосторожные высказывания о шефе,

незаметно записывая разговоры на диктофон. Из лент Марк мастерски делал «нарезку», которая вырывала из контекста все плохое, сказанное о генеральном. Также ничего не стоило советнику между делом поставить «жучок» в кабинете, а то и квартире коллеги. Имелось и еще с десятков способов сбора компромата. Потом он их шантажировал, издевался над ними. Ему, казалось, просто доставляло удовольствие ощущать, что люди зависимы от него. Хотя ни одного человека в результате проделок советника не уволили, отношение к Марку лучше от этого не стало. Тем более что он сам, выпив, говорил вконец издерганным людям: «Таких как ты не увольняют. Если будет принято решение по тебе, то только о физическом устранении». Но при этом Марк Соломонович как-то удачно выбирал своих жертв, из числа тех, кто не мог ему ничего сделать в ответ.

Еще одним развлечением советника было ссорить сотрудников между собой. Например, он подходил к начальнику общего отдела – крепкому сорокалетнему мужику, и начинал рассказывать всякие гадости о начальнике отдела продаж – пожилой даме, которая скоро должна была справить свое семидесятилетие, но все еще пользовалась доверием генерального директора. Она и из ума выжила, и увольнять ее было пора еще пятнадцать лет назад – за десять лет до ее прихода в корпорацию. Когда это не подействовало, Марк сказал, что начальник отдела продаж в прошлом его агент, он сам ее сюда устроил. На вопрос, зачем же вербовал не пойми кого, советник отвечал, что сам-то как раз ее и не вербовал; такой подарок достался ему от прежнего оперативника, а теперь вот тянется

шлейфом по жизни уже целую четверть века. Страшно подумать скольким людям жизнь сломала старая стучачка! Когда и это не подействовало, то он, дождавшись, когда в кабинет зашла сотрудница с какими-то бумагами, тыкая пальцем в собеседника, начал говорить, что как ему не стыдно увлечься семидесятилетней теткой. Иногда результатом подобного развлечения Марка могла стать чья-то серьезная ссора.

Еще он очень любил проверять людей. Марк Соломонович рассказывал всякие гадости о себе, и смотрел на реакцию человека. Если человек оживлялся в какие-то моменты, то советник отмечал для себя, что вот этот имеет такую слабость. А некоторые, наиболее наивные, сами в ответ начинали откровенничать, и выкладывали ему все о себе. Зачем он собирает эту информацию, Марк, в сущности, и сам толком не смог бы объяснить. Но это как раз и придавало данному процессу дополнительный ореол значимости и таинственности.

Марк Соломонович обладал хорошим аппетитом. В корпорации существовал для определенного круга сотрудников бесплатный шведский стол. Советник не только съедал в три раза больше остальных, но еще несколько порций в пластиковых контейнерах забирал домой. На еду он вообще не тратился.

Как ни странно, у него было много любовниц намного моложе его, причем это абсолютно ничего не стоило пятидесятилетнему хитрецу. Знакомился он с ними достаточно однообразно: рассказывал о том, что жизнь прошла, много сбережений накопилось, а некому оставить, хочется вот найти такую молодую, бескорыстную, чтобы все ей передать. Показывал выписки

из своих банковских счетов с миллионами рублей. Многие женщины на это клевали. Но переехав в квартиру Марка Соломоновича они вдруг выясняли, что квартира эта не его, а служебная; денег от него невозможно получить ни на что, а питаться придется тем, что он принесет с работы в паре лишних контейнеров. Поначалу женщины думали, что он их так проверяет, безропотно все терпели, а в среднем через месяц, после первого скандала, Марк их выставлял. Советнику такая схема жутко нравилась, тем более, что жить с одной и той же женщиной больше месяца ему надоело, да и не хотел он никаких серьезных отношений.

Иногда Марку становилось тоскливо от того, как он живет. Ни друзей, ни родственников, с которыми он поддерживал бы близкое общение, у него не было. Долгими осенними вечерами он часами сидел в своей пустой квартире, и перед его мысленным взором проплывали картины из прошлого. И многие из них уже не казались такими забавными как раньше.

... Вот он в десять лет связал веревкой ручки дверей квартир, расположенных в подъезде друг напротив друга и в каждую позвонил. До этого выяснил, что обе двери открываются внутрь. Отозвались на звонок одновременно, но стоило одной двери приоткрыться, как попытка открыть другую сразу ее захлопнула. Одна из открывавших, любопытная, но не очень умная женщина, зачем-то сунула в дверь руку, в тот самый момент, когда ее сосед, отставной офицер, с силой потянул свою дверь на себя. От боли женщина громко закричала, а сосед, то же не больно умный, да еще и выпивший, начал тянуть дверь еще сильнее, кричать, что он ее спасет. Спасли ее другие соседи, вышедшие

на крик и перерезавшие веревку. Но результат – множественные переломы в руке – оставил след в ее жизни навсегда. О том, что это сделал Марк, никто не узнал.

Вот он в двадцать лет, шикарно одевшись, приглашает незнакомую девушку в ресторан, заказывает все самое дорогое, пьет, ест, а затем говорит, что на минуту отойдет в туалет, а сам сбегает...

Таких картин проносились сотни. Где-то в глубине души Марк чувствовал, что еще не поздно измениться, начать жить по другому. В его голове мелькало слово «Покаяние». Но он не верил никому, даже самому себе. И, чтобы забыться, на следующий день он выдумывал очередное «развлечение», которое через какое-то время становилось еще одной мучающей его картиной...

2011

Взгляд кошки

Андрей и Елена поженились, когда им было по восемнадцать лет, и двенадцать лет прожили вместе. У них был десятилетний сын Гена. Семья очень любила кошек, их у них было две – белая Мурка, любимица Лены и серая Селена, которую очень любил Андрей. Он подобрал ее несколько лет назад на улице в картонной коробке, в которой кто-то выбросил четырех котят. Маленькие, беспомощные и голодные они были обречены на быструю смерть. Андрей нагнул тогда посмотреть на них, и в этот момент маленький серый котенок посмотрел на него, как потом сам он расска-

зывал, «как человек». Это предредило его дальнейшие действия. Несмотря на вялые протесты жены, которой тоже было жалко котят, но не хотелось лишних ответственности и проблем, Андрей принес зверьков домой, они с Еленой и сыном устроили им в новой коробке место, молоком еще не умеющих самостоятельно есть малышей, пришлось в первые дни кормить из пипетки.

Восьмилетняя Мурка недовольно смотрела на новых жильцов, появившихся в квартире, в которой она считала себя безраздельной хозяйкой. Но маленьких не обижала. Вскоре Андрей сумел трех котят раздать, а так впечатлившею его маленькую кошечку оставил. Назвал ее Селена. На вопрос жены - почему Селена? – он ответил: «Она похожа на тебя, только ты рыжая, а она серая. Такая серая Елена, сокращенно Селена». Лена была вначале не очень довольна таким сравнением, но кошка оказалась на редкость умной и доброй. Часто она появлялась во время ссор супругов и как-то незаметно своим мурлыканьем отвлекала их внимание от конфликта, переключая его на себя. Андрей в шутку говорил про Селену, что она – хранительница их семьи.

Когда супругам исполнилось по тридцать, их отношения дали трещину. Андрей вдруг начал думать, что он, женившись в восемнадцать лет, лишил себя молодости, что его жена постарела, хотя ей было тоже всего лишь тридцать лет, что он достоин чего-то лучшего. Он стал обращать внимание на молодых девушек, иногда, не стесняясь Елены, часто выпивал под предлогом «снятия стресса». Начались ссоры. Гену Лена отправила пожить к ее родителям, чтобы он не

был свидетелем тяжелых сцен, происходивших в когда-то такой уютной квартире.

Андрей же шел вразнос, но какая-то сила не давала ему реализовать созревшую в мыслях готовность изменить жене. Каждый раз происходило что-то, что расстраивало подобные его планы. Андрей это чувствовал и злился. Для разрушения этой незримой преграды, он попробовал однажды даже снять проститутку в одном загородном баре. Чтобы снять у себя внутренние барьеры, мужчина решил выпить, заодно предложил своей новой знакомой, чтобы она заказала все, что хочет, за его счет. Девка была большой любительницей халявы, и заказала себе выпивки и еды на сумму в три раза большую, чем стоили ее услуги в качестве жрицы любви. В результате Андрей, когда расплатился за выставленный счет, не имел денег не только, чтобы заплатить ей, но даже на такси до дома. Говорить пусть даже и проститутке, что у него нет денег, он посчитал позорным для себя, поэтому буркнул, что ему расхотелось, и пешком побрел в сторону дома. Мужчина был изрядно пьян, а идти нужно было пятнадцать километров. Он один раз даже заблудился, чуть не провалился в какое-то болото. Домой пришел лишь под утро, но зато опять не изменил жене. Больше с проститутками он дел не имел, но попыток завести любовницу не оставлял.

Елене это надоело, она сказала мужу, что уйдет от него к родителям, а он ответил, что об этом только и мечтал. После ссоры Андрей выпил бутылку коньяка и пошел на улицу за второй. Но вернулся почти сразу, вместо бутылки принес красивую трехцветную кошку. «Я назову ее Эльза, она будет теперь моей любимой

кошкой вместо тебя!» - заявил он Селене, сидевшей на груди его плакавшей жены.

И тут Селена посмотрела на него так, что что-то в душе мужчины переменялось, как будто лопнул какой-то панцирь, сковывавший его душу. Андрей вдруг сам заплакал, вынес трехцветную кошку на улицу, а затем подошел к жене, встал перед ней на колени и со слезами на глазах сказал: «Прости меня, я больше никогда не буду тебя обижать!» А Лена улыбнулась сквозь слезы и обняла его. Селена же, мурлыкая, ходила между ними, слизывая слезы, то у хозяина, то у хозяйки. На следующий день вернулся Гена, и хотя прошедший период и оставил в их душах тяжелые рубцы, счастье вновь вернулось в этот дом.

2011

На связи

В квартире Нины Петровны около десяти часов вечера зазвонил телефон. Шестидесятилетняя женщина уже собиралась ложиться спать, поэтому трубку сняла очень неохотно. «Слушаю», - сказала она. В ответ раздались какие-то рыдания, и Нина не сразу сообразила, что звонит ее соседка этажом выше Зоя Петровна: «Нина, приди сейчас ко мне, у меня такое горе!» Идти не хотелось, но страдание в голосе было таким неподдельным, да и всего-то нужно было подняться на два десятка ступенек...

«Рассказывай, что у тебя случилось, а то у меня никаких сил нет», - деловито сказала Нина сразу, как вошла. А случилось вот что. У ее ровесницы Зои был

сорокалетний сын Боря – талантливый, но слабовольный. Когда-то у него хорошо шли дела, он даже работал десять лет назад исполнительным директором в организации, в которой Нина Петровна была главным бухгалтером. Тогда он и женился на красавице Ирине, женщине очень жесткой и прагматичной. Когда дела у Бориса пошли вниз, Ира четко объяснила ему, что неудачники ее не интересуют. Разводиться она не стала, но держала мужа в черном теле, отравляя ему всю жизнь бесконечными едкими упреками.

Боря начал пить. Пьяного жена выгоняла его к матери, но он выпив, выплескивал наружу ту агрессию и обиду, которую подавлял в себе, будучи трезвым, поэтому терпеть его было просто невозможно. Мать в этот раз сказала ему об этом, он, ничего не говоря, ушел, а час назад позвонил ей, сказал, что никому-то не нужен, поэтому уехал в соседнюю область, купил бутылку водки, зашел в лес и сел под елочку, чтобы замерзнуть и закончить свою жизнь. А матери позвонил, чтобы попрощаться. «Может быть, тебя он послушает», - плача сказала Зоя.

Действительно, к Нине Борис иногда прислушивался. Нина Петровна была женщиной верующей. Выйдя на пенсию, она устроилась в храм продавать свечки. Когда у ее бывшего начальника начались неприятности, он обратился к ней за советом, как ему быть. А она, узнав, что он некрещеный, водила его в церковь креститься, стала его крестной. Удача не вернулась, но на душе Бориса стало намного спокойнее, только церковной жизнью, покрестившись, он жить не начал, а потому вскоре все проблемы стали еще более заостренными.

Не без волнения Нина набрала знакомый номер. Ответили ей после восьмого гудка:

– Да.

– Алло, Боря, это ты? Это Нина. Где ты?

– А, Нина... Нина Петровна, плохо мне, жить не хочется, никому я не нужен...

– Как не нужен, матери нужен!

– Да нет. Я вот сижу сейчас под елочкой, выпил в последний раз, мне хорошо, тепло...

– Это пока тебе хорошо, а потом знаешь, как плохо будет! Приезжай домой немедленно!

– Да как я приеду? Я ведь в другой области, в лесу.

– Выйди из леса, и поймай машину. Когда она привезет тебя домой, мы за тебя заплатим.

– Да, дорога недалеко, я вон отсюда вижу машины. Хотел подальше уйти, да сил не было.

– И хорошо, что не ушел. Давай приезжай сейчас же.

– Я подумаю, позвоню минут через двадцать.

Прошли двадцать, а затем и тридцать минут томительного ожидания. Нина вновь набрала номер Бориса.

– Ну что вы все от меня хотите, жить не давали спокойно, так умереть хоть спокойно дайте! Все надоели!

– Кто все?

– Да Ирка, конечно, больше всех, - уже мягче сказал Борис. – Сломал я себе жизнь, женившись на ней, так что нет смысла и жить дальше.

– Зачем так говорить? В конце концов, ведь если так вопрос стоит, то можешь и развестись потом. Но если сейчас ты умрешь таким образом, то пойдешь в

ад, и будешь там жить в одной комнате с двадцатью такими Ирками!

– Двадцатью? Ну, ты загнула! – засмеялся Борис. – Нет, останись здесь!

Но Нина Петровна набрала его и в третий, и в четвертый раз, читала ему по телефону молитвы «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся!».

– Чего ты там бормочешь? – недовольно спросил Борис.

– Чего надо. Это чтобы темные силы от тебя отступили.

В итоге через два часа Борис согласился приехать, а еще через полтора его привезла машина, водителю которой Нина отдала из своих денег тысячу рублей. Только после этого она смогла пойти домой, а времени было уже около двух часов ночи. В шесть же женщине нужно было вставать и идти в церковь. Она почти не спала в эту ночь, утром, вся разбитая, еле дошла до храма, где записала Бориса на сорокоуст о здравии, поставила за него свечи.

А днем Борис виновато звонил ей, благодарил, что она его спасла, и просил прощения. Через две недели он подшил себе «эспераль» на три года, и твердо объявил, что, бросив пить, хочет начать новую жизнь. Вроде бы даже Ира обещала дать ему новый шанс. Но в церковь на исповедь, несмотря на данные Нине Петровне клятвенные обещания, он так и не пришел, поэтому она с недоверием отнеслась к его радужным надеждам на будущее. «Цельности в тебе нет, Борис Петрович, в этом твоя проблема, а не в Ирине или ком-то еще, - сказала Нина. – Но самое главное, что ты

не погиб таким страшным образом. У тебя появился еще один шанс на новую жизнь – не потеряй его!».

2011

Трудники

В маленькой комнатке восстанавливающегося монастырского корпуса на нижней полке трехъярусных нар сидели три человека. В помещении всего-то и умещалось, что эти нары с лесенкой, да еще несколько больших гвоздей, вбитых напротив них, заменяли вешалку. Ни стола, ни стульев. Когда-то оштукатуренные стены ободраны, потолок в протечках, в деревянном полу – большие щели. Но блага цивилизации в виде света и даже батареи газового отопления здесь присутствовали. Впрочем, остальные удобства, включавшие в себя туалет и летний душ, бесполезный в это время года, были во дворе. Примерно такой же вид имели все четыре комнаты, предназначенные для трудников, приезжающих в Сергиевский мужской монастырь, пожить, помолиться, потрудиться и проверить свое призвание к монашеской жизни.

Трудники были самыми разными людьми: немало среди них было в прошлом судимых, пытавшихся найти себе новое место в жизни, разного рода бомжей и искателей приключений, искавших, где перекантоваться какое-то время, но встречались порой и искренне верующие люди. В комнатке, по странному стечению обстоятельств, оказались представлены все три категории трудников, названных выше.

Самому старшему – Евдокиму – было уже за пятьдесят. Это был очень серьезный крепкий мужчина с

окладистой бородой и острыми чертами лица. Он всю жизнь работал плотником, воспитал детей, а теперь уже и внуки появились. Но каждый год уже двадцать лет Евдоким ехал в свой отпуск в какой-нибудь монастырь, чтобы бесплатно потрудиться в нем. Он считал, что это та «десятина», которую ему необходимо жертвовать на церковь. Евдоким не пропускал ни одной службы, с радостью брался за любую работу. В этот монастырь он приехал впервые по благословению старца Наума из Троице-Сергиевой лавры, который сказал ему, что именно этой обители нужна его помощь. Причем, поехал в январе, когда, по словам старца, Евдоким будет наиболее полезен в этом монастыре.

Второму – Петру – было около сорока лет, половину из которых он провел в местах лишения свободы. Худенький, невысокий, ежик коротко стриженных сидящих волос на голове, взгляд исподлобья. Он лишь месяц назад вышел из колонии, искал, где приткнуться до тепла. Верил ли Петр в Бога, он и сам затруднился бы сказать. Он все пытался найти в жизни справедливость, частенько сам пытался помочь ее торжеству, как его понимал, но от этого и самому и окружающим становилось только хуже. В монастыре ему был замечен каждый самый маленький недочет, и лишь его сосед по комнате Евдоким, своим каким-то благостным спокойствием тушил пожар, готовый вспыхнуть в его душе в любую минуту, находил какие-то совсем простые, но единственно нужные ответы на все, мучающие страдавшую душу уголовного вопроса. Лишь благодаря этому Петр кое-как справлялся с теми послушаниями, которые ему давали, и не создал еще ни одной конфликтной ситуации, на что был большой мастер.

Третьим был двадцатилетний семинарист Вася, приехавший в монастырь на крещенские каникулы, посмотреть, как сам он говорил, на монастырскую «экзотику». Он щеголял по монастырю в семинарском кителе, чурался любой работы, даже уборку в алтаре считал для себя чем-то унижительным. Монахи махнули на него рукой: в конце концов через неделю уедет, да и ладно, что ничего не делает, лишь бы не вредил. Семинарист не расставался с ноутбуком, по которому читал на латинском языке «Патрологию» Миня, всем своим видом показывал, что ему очень жаль загубленных каникул. Жизнь еще не побила Василия, и он смело цеплял людей, не подозревая, какие опасности для него это может таить. Евдокима он прозвал «Дусь праведный» - по Васиным словам, когда на службе молятся «о всяком душе праведном», то это как раз о Евдокиме. Петр, услышав такое, чуть не ударил парня в тот же момент, но старший товарищ с улыбкой остановил его, шепнув, что нужно уметь не обращать внимания на такие вещи.

Впрочем, свободомыслие Василия распространялось столь далеко, что и Евдокиму стало не по себе. Вот и сейчас, когда после окончания трудового дня, они присели передохнуть в комнате, семинарист начал рассказывать всякие гадости о десятках разных архиереев и священников. Под конец, видимо, желая произвести впечатление своим остроумием, рассказал про одного известного и уважаемого священника, что он такой любитель совершения треб с целью материального обогащения, что даже в Символе веры после слов «чаю воскресения мертвых» читает не «и жизни будущего века», а «и чтобы снова отпеть их». Евдоким

крепко в очередной раз руку скрипевшего зубами от злости Петра и доброжелательно, но твердо сказал Васе, что такими вещами не шутят, и он может за это пострадать. Но тот махнул рукой, обозвал Евдокима мракобесом, и пошел в город «проветриться перед сном».

- Ну, и как его терпеть? – спросил Петр, когда дверь захлопнулась. – На зоне он бы и недели не прожил.

- Да не заслужил он ничем зону, он просто глупый мальчишка, – примирительно сказал трудник. – Но у меня предчувствие, что какой-то знак свыше ему будет.

Собеседник недоверчиво хмыкнул в ответ, пробормотав, что хотя бы рожу набить наглому мальчишке надо бы.

... Василий вернулся из города хорошо выпивши. Не обращая внимания на злобные взгляды Петра и укоряющие Евдокима, он залез на свою третью полку и сразу заснул. А ночью он вышел из комнаты и пропал. Час его нет, второй. Евдоким заволновался: на улице мороз двадцать градусов, может быть, парень упал во дворе и замерз. «И хорошо бы» – отметил Петр, но по настоянию товарища пошел с ним искать семинариста.

Нашли они его в уличном сортире, где он, даже не закрыв за собой дверь, заснул, как только снял штаны. При этом зачем-то удосужился притащить с собой ноутбук, который сейчас накрепко примерз к доске стульчака, к огромному удовольствию Петра.

Василия перенесли в комнату, где он с большим трудом пришел в себя, не на шутку перепугавшись. На другой день он ходил даже в больницу, где у него не нашли никаких серьезных обморожений, но зато сме-

ялся весь медперсонал так, как сам Вася любил смеяться над другими. И сейчас ему было совсем не смешно. Тем более, что ноутбук испортился, а на новый у него не было денег.

«Это тебе знак, что нельзя кощунствовать», - сказал Евдоким. «Да отстань», - отмахнулся семинарист. Сегодня он уезжал из монастыря в самом скверном расположении духа. Зато Петр сиял. «Теперь я увидел, что справедливость есть, просто не нужно пытаться самому ее устанавливать», - сказал он. И Евдоким подумал, что все же не зря старец благословил его приехать именно в этот монастырь именно в это время.

2011

Жрец и священник

На воскресной литургии в единственном небольшом Троицком храме городка Борзово, на взгляд его настоятеля протоиерея Стефана, было всегда многолюдно. В райцентре с таким неблагозвучным названием жили около десяти тысяч человек, постоянными прихожанами из них были больше ста – как раз столько, чтобы можно было не тесниться на службе. Ведь когда на Пасху и Рождество Христово в храм приходили порой и более трехсот человек, просто повернуться становилось невозможно.

Но второй священник этого храма иерей Игорь считал совсем по-другому. На его взгляд, на воскресную литургию должны были ходить все жители городка, а раз храмовое помещение так мало, то почему бы не служить ее под открытым небом. «Наше призвание

миссия, мы должны всех обратить ко Христу! – часто говорил отец Игорь настоятелю. – А вы вместо того, чтобы идти в каждый дом проповедовать, носитесь с этими стенами! А ведь в Новом Завете четко сказано, что не в рукотворенных храмах живет Бог, что сами христиане являются храмами, в которых живет Дух Божий! А у вас на уме – как украсить получше эту постройку, купить какую-нибудь новую красивую культурную принадлежность! И чем вы после этого отличаетесь от языческого жреца?»

На «жреца» отец Стефан всегда обижался, но как-то не находил, что ответить, чтобы это было убедительно для его оппонента. Настоятель очень любил храм, который сам десять лет назад и построил, многое делал своими руками. Стройка шла целых пять лет, причем благотворителей пришлось искать не только и даже не столько в областном центре, а в Москве. Из местных жителей, уже в семидесятые годы взорвавших два храма, которые были построены в городе до революции, желающих помочь созиданию святыни почти не было. Но настоятель не унывал. Он сам был родом из этого городка, ему пять лет было, когда взрывали две церкви – летнюю и зимнюю, стоявшие в самом центре уже лет сорок как закрытые, около райкома. «Пап, а зачем их взрывают?» - плача спросил тогда маленький Степа отца. «Затем, понимаешь, чтоб не было всяких рассадников мракобесия в центре советского города. А теперь, как хорошо: на их месте построят дворец культуры!»

Никакого дворца не построили, ограничилось все тем, что лет через десять после взрывов площадку очистили, вырыли котлован под фундамент, да и бро-

силы – в стране начались такие перемены, что не до культуры. А Степа как-то положил себе на сердце, что он должен построить храм в родном городе, хотя он тогда и некрещеный был, и никто из его родни не был верующим. Когда же мальчик попытался с ними о своих мечтах говорить, а было ему тогда восемь лет, то его не только на смех подняли, но и попросили школу с ним поработать. Городок Борзово свое название оправдывал: народ здесь жил очень сложный и злой. Если кто-то хоть чуть выделялся на общем фоне, то ему этого не прощали. А тем более мальчишке, который возомнил из себя «святошу».

И некрещеный тогда Степа много перенес разных оскорблений от сверстников, учителей и родных за то, что пожалел взорванные церкви. Другой бы отступился на его месте, а он наоборот сильней укрепился в своей мечте восстановить храм. И уже в детстве начал пытаться видеть что-то хорошее даже в плохом. «Повезло, что не живу в деревне Гнидино, здесь меня просто ругают, а там бы, наверное, били», – успокаивал себя мальчик после очередной обиды. В деревне Гнидино, в трех километрах от Борзово, Степан был только один раз, но почему-то обстановка там показалась ему еще более гнетущей и даже страшной. Он не знал, что в годы гражданской войны в этой деревне были расстреляны около тысячи неугодных новой власти, которых привезли сюда, заставили выкопать котлован, а затем расстреляли, и в нем же закопали.

Крестился Степан перед тем, как идти в армию, но там его уже не обижали. Призвали его в 1988 – как раз широко отмечалось Тысячелетие Крещения Руси, и отношение к верующим стало терпимее. А когда он в

1990 вернулся, то появилась возможность попробовать сделать детскую мечту реальностью. Среди горожан было около тридцати старушек, презрительно называемых в народе «богомолками», которые ездили на службы в село за десять километров от Борзово. Они Степу с детства знали, любили, известна им была и его мечта. Когда он вернулся из армии, то эти старушки пригласили его в дом одной из них, и спросили, не передумал ли он строить церковь. Сердце юноши сжало от предчувствия того, что в его судьбе наступают перемены.

Молодой человек съездил с ними в областной центр, где пожилой епископ ласково их принял, со Степой отдельно говорил больше часа, обо всем его расспрашивал. А потом дал благословение на строительство храма, и сказал, что если храм будет построен, то Степан будет рукоположен в сан священника и назначен его настоятелем, а пока пусть ездит вместе со старушками в храм села Знаменское, входит в церковную жизнь и учится православному богослужению.

Настоятель Успенского храма села Знаменское шестидесятилетний протоиерей Иоанн принял Степана по отечески. Благодаря его поддержке, начало церковной жизни оказалось для юноши не трудным, а радостным. На этом приходе молодой человек учился читать по церковнославянски, изучал ход разных богослужений, учился церковному пению, перечитал все церковные книги из небольшой библиотеки пожилого сельского священника.

Строительство храма оказалось делом очень сложным. Местные власти без особых проблем выделили место под строительство, но не в центре, как хо-

телось бы, а на окраине. « Не верим мы, что ты можешь что-то построить, - прямо сказал заместитель председателя райисполкома. - Но раз такое время шанс тебе даем. Но так, чтобы это не вредило архитектурному облику города». У Степана чуть не сорвалось с языка, что, почему же архитектурному облику не вредит котлован, на месте взорванных храмов, в котором уже утонуло не менее пяти местных пьяниц. Но сдержался, а потом и сам понял, что такого большого храма, как один из тех, которые были здесь раньше, ему не построить. Ведь нужно было не только найти средства на строительство, а еще и на что-то жить. Степан сдельно работал плотником, а потом на недели уезжал в Москву на поиск средств.

Над ним поначалу смеялись, но затем, когда через год новый храм поднялся на метр от земли, многие прониклись к Степану уважением. «А что, молодец, целеустремленный парень, - говорили между собой борзовцы. - Сколько мы его не пытались от этого отвадить, а он все равно продолжал верить в свою детскую мечту. А может и правда в этом что-то есть?» И уже не только старушки, но и с десятков мужчин и женщин среднего возраста стали помогать Степану строить храм.

А потом, как-то так сложилось, что он в Москве случайно познакомился с учащейся регентской школы при Московской духовной академии. Светлана сама была девушка деревенская, неприветливая, полная неустроенность быта Степана ее не напугала. И через полгода они поженились. Света не стала даже доучиваться, потому что тогда у нее могли бы возникнуть проблемы. Дело в том, что выпускники духовных

учебных заведений направлялись в те епархии, откуда получали рекомендации, они считались уже обязанными возместить Церкви ее вклад в их обучение прохождением послушания на том месте, куда их направят.

Добрая и приветливая Светлана помогла Степану наладить отношения с родными, которые все их брак одобрили, и даже сказали, что теперь понимают, что Степа всегда верной дорогой шел, только у него не хватало ума им это объяснить. И когда, наконец, храм был построен, епископ совместил его освящение с рукоположением ставшего за неделю до этого диаконом теперь уже отца Стефана в сан священника. Посмотреть пришло больше пятисот местных жителей, что было для этого городка очень большой цифрой. А примерно пятьдесят из них пришли не просто посмотреть, а и помолиться.

После завершения строительства и освящения храма, иерей Стефан, ставший со временем отцом троих детей, каждую свободную копейку старался направить на его украшение, приобретение церковной утвари. Он всегда благоговейно служил, его жена матушка Светлана, постепенно организовала хороший хор, который мог спеть литургию и без нее, учитывая наличие у регента маленьких детей. За десять лет около ста человек стало регулярно ходить в храм не реже, чем раз в две недели. Епископ в связи с десятилетием храма совершил в нем богослужение, возвел иерея Стефана в сан протоиерея. А потом сказал, что решил направить к нему второго священника.

Иерей Игорь был совсем молодой человек – ему лишь недавно исполнилось двадцать лет. Он проучил-

ся год в Москве в Российском православном университете и, несмотря на то, что его отчислили оттуда после первого же курса за неуспеваемость, считал себя жутко умным. Игорь прочитал несколько книг протопресвитера Николая Афанасьева и протопресвитера Александра Шмемана, после чего посчитал своей миссией реформу православного богослужения, имеющую своей целью возврат к апостольским временам. Впрочем, епископу он об этом не стал говорить, а то тот еще подумал бы стоит ли его рукополагать.

Зато своему настоятелю новоиспеченный пастырь не стесняясь говорил все, что о нем думает, обличал в «жречестве», непонимании христианства, упрекал за мещанство, привязанность к быту. А в реальности отец Стефан с женой и тремя детьми жил в домике из двух небольших комнат с удобствами во дворе. И из его детей только годовалый Олег не принимал активного личного участия в жизни прихода, но ведь и его матушка Светлана каждое воскресенье приносила в храм причащать, а девятилетний Иван алтарничал, а семилетняя Настя пела на клиросе.

Жена же отца Игоря – девятнадцатилетняя Оля – была похожа на хиппи, а не на матушку, детей у нее быть не могло после аборта, который она сделала год назад, в храм она ходила несколько раз в год, шокируя прихожан своим видом. Но иерей Игорь ее всячески оправдывал, говоря о том, что у нее «особый путь» к Богу. За собой он также ничего не видел дурного: ни пристрастия к сигаретам и спиртному, ни многих других вещей. Зато каждого пришедшего в церковь он находил, в чем упрекнуть.

Народ в Борзово был непосредственный: они пришли к отцу Стефану и попросили у него разрешения набить Игорю морду. Тот замахал на них руками, и запретил даже думать об этом. Тогда прихожане поехали к епископу.

Через день к нему по вызову приехал отец Игорь.

- Ты очень много о себе возомнил, - сказал ему архиерей. - На самом деле отец Стефан и есть самый настоящий священник, сумевший многолетним жертвенным служением не только личным, но и всей его семьи, в полном смысле этого слова домашней церкви, создать настоящую православную общину там, где до этого царила мерзость запустения. А ты там же, ничего не созидавая, за месяц сумел отпугнуть от храма не меньше десяти человек, каждого из которых приходилось приводить в него годами. И ты еще дерзнул называть отца Стефана «жрецом»! А на самом деле «жрец» - это ты, но не в том даже слишком хорошем для тебя смысле, который ты приписывал твоему настоятелю, а в том, что ты жрешь и пьешь за счет церкви, ничего в ней хорошего не делая, и даже этого не понимая. Я подписал указ о твоем переводе на другой приход, где настоятель не такой добрый, как отец Стефан. Это твой шанс измениться.

А протоиерей Стефан продолжил служить в Борзово без второго священника, и приход его вновь начал расти.

2011

Дорога над пропастью

У настоятеля кафедрального собора отца Петра все-то ладилось: в свои тридцать лет он имел отличное светское и богословское образование, много самых разных наград, пользовался расположением и церковной и светской власти не только в регионе, но и в Москве, даже побывал на приеме у Патриарха, как один из двух сопровождающих местного губернатора. При этом, как ни странно, настоятель кафедрального собора умудрялся быть в добрых отношениях почти со всем духовенством епархии, которое периодически приезжало в собор в связи с различными епархиальными мероприятиями. Все самые смелые проекты, за которые священник брался, реализовывались.

И в какой-то момент протоиерей Петр начал иногда думать о том, какой он исключительный, о том, какое большое будущее ждет его впереди. Постепенно такие мысли до того овладели священником, что и внешне он начал изменяться: стал резким, заносчивым, у него появились барские замашки. Он уже не разговаривал запросто как раньше с соборными священнослужителями и прихожанами об их проблемах, а стремился ограничить доступ к себе только избранным кругом, во время богослужений требовал, чтобы иподиакона помогали ему облачаться, как архиерею. Пользуясь добрым отношением архиепископа, отец Петр стал пропускать не только будничные, но порой и праздничные богослужения под предлогом важных встреч с представителями власти и бизнеса. А еще, в результате этих частых встреч, на которых коньяк и водка лились рекой, священник пристрастился к вы-

пивке, что еще больше заострило происходящие в нем изменения. Церковные обязанности, особенно богослужебные, все меньше интересовали его, а на каком-то этапе начали и раздражать.

Многие начали его жалеть, но настоятелю, особенно когда он был разгорячен винными парами, казалось, что они ему завидуют. Но некоторые все же пытались с ним поговорить. Среди них был епархиальный секретарь архимандрит Сергей.

– Отец Петр, – обратился он к настоятелю собора, – я вижу, как ты гибнешь на глазах, и считаю своим долгом предупредить тебя об этом. Путь человека в Церкви – это дорога по тоненькому мостику над бездонной пропастью. Пока человек идет вместе со Христом, соблюдает Его заповеди, живет церковной жизнью, этот переход воспринимается, как что-то само собой разумеющееся. Но ведь есть очень много тех, кто хочет, чтобы путник все же упал в пропасть – это и духи падшего мира, и собственные страсти человека. Как только христианин позволит хоть какой-то страсти овладеть собой, так начинается его падение.

– А я тут причем? – резковато спросил настоятель, у которого раскалывалась голова после вчерашнего обильного застолья.

– Может быть, пока и не причем, – дипломатично ответил архимандрит, понимая, что все обличения на данном этапе могут иметь только отрицательную реакцию. Но я попробую привести несколько примеров, не называя имен, но вполне реальных, как неплохие в начале своего пути священнослужители гибли, поддавшись греху.

Два священника – игумен и иеромонах, были молодцы. Им казалось, что они заслуживают чего-то очень большого в Церкви. Для удовлетворения своих честолюбивых амбиций, они связались с разными антицерковными силами, ненавидящими нашего архиепископа за его искреннюю веру и нежелание подстраиваться под законы века сего. Им предложили, чтобы они, когда архиерей приедет к ним на приход, добавили ему в еду яд, который невозможно распознать при вскрытии, а за это обещали одному место архиерея, а другому место секретаря епархии. Эти монахи согласились на такие условия. Мне через третьих лиц стало об этом известно; я рассказал об этом архиерею, но он наотрез отказался верить. Наоборот, архиепископ сразу же принял их приглашение приехать на приход, и смело ел все, что они ему предложили. То ли они в последний момент испугались, то ли действительно яд не подействовал на праведного владыку, но ему ничего не повредило. И только после окончания обеда он сказал побледневшим хозяевам о том, что вот такую вещь ему рассказали. Они от всего отказались тогда, ни в чем не покались. А через некоторое время игумена вдруг парализовало, когда ему делали капельницу в местной больнице, а иеромонаха через еще какой-то срок убил залезший к нему в дом грабитель. Совпадение это было, месть тех сил, к которым они обратились за властью, или наказание Божие – я этого не знаю.

Еще один священник, о котором хотелось сказать. Он возомнил себя повелителем стихий, что его свыше избрали для того, чтобы он был над законами природы. А сам при этом – такой невзрачный, плюгавенький, ни к чему не способный. И вот он начал всех, кто

не слушался его пророчеств, проклинать. Причем, пророчества бывали и очень меркантильные – пожертвовать ему определенную сумму. Одну продавщицу в ларьке он проклял за то, что она не дала ему бесплатно бутылку пива... Причем, никакого раскаяния в этом не ощущал. Я высказал ему однажды: как же так, вы священник, должны благословлять людей, а вы их проклинаете! А он, чувствует, что не то делает, а признать не хочет. И говорит мне: «А я понарошку!»...

И он стал становиться все более сумасшедшим. Ему почему-то взбрело в голову, что он должен принимать женские гормоны, в итоге у него стал ломаться голос, начала расти грудь, которую он сначала пытался выжечь серной кислотой, а потом стал иногда надевать женскую одежду и пользоваться косметикой. Архиерей запретил его в священнослужении, но жалел, как безумца. Какова его судьба теперь, я не знаю...

И, наконец, приведу пример уже не священнослужителей, а простых женщин, работавших в одной церковной организации. Они, казалось бы, всего лишь поддались соблазну перепутать церковный карман со своим собственным. Одна любила застолья, внимание и лесть окружающих, другая хотела построить коттедж своему сыну, чтобы он женился, хотела воспитывать внуков. И на каком-то этапе они получили то, что хотели. Первая несколько лет жила в непрекращающемся застолье, вокруг нее вились те, кому она щедро делала подарки на церковные деньги. Как итог, она спилась, стала инвалидкой, почти никому не нужной из тех, кто был так щедр на похвалы в ее адрес. И однажды она пьяная заснула с непотушенной сигаретой, искра упала на ковер, и несчастная задохнулась от

дыма пожара. Вторая построила на присвоенные деньги очень большой дом, только сын ее не нашел счастья, а однажды застрелился...

- Тебе, отец Сергей, книжки надо писать, - иронично заметил настоятель. - Будешь такой православный Стивен Кинг. Только побольше жутких подробностей, зачем же так кратко?

- Дело в том, что от подобного конца не застрахован ни один из церковных людей, причем и тех, кто считает себя благополучными, и не имеющими никаких «особых» грехов. Стоит только позволить какой-либо страсти безраздельно воцариться в душе, при этом думая, что у тебя все хорошо, что тебе можно что-то из того, что нельзя другим, как возврат к спасению станет почти невозможен. Зло внутри нас, а мы обычно ищем внешних врагов...

- Да ну тебя, давай в другой раз поговорим, голова и так раскалывается...

- Я искренне надеюсь, отец Петр, что с тобой не случится ничего столь страшного, - грустно ответил архимандрит. - Но боюсь, что твое возвращение к прежней радостной и свободной церковной жизни будет непростым и сопряженным с большими скорбями.

И ничего больше не говоря, он отошел, сокрушенно покачивая головой в такт каким-то своим мыслям.

2011

Встреча

Протоиерея Николая пригласили встретиться со студентами филологического факультета. Вроде бы

ничего особенного, ежегодно несколько подобных приглашений было за последние двадцать лет, но священник все равно каждый раз волновался. Он не мог формально относиться к таким встречам, всегда готовился, делал выписки из книг. И почти после каждой его беседы кто-то да оставался, чтобы задать еще какие-то волнующие его вопросы, а потом постепенно и начинал ходить в храм, где служил отец Николай.

В этот раз в аудитории собралось около двадцати человек, из них только двое парней, что в общем-то нормально для филологического факультета. Некоторые откровенно скучали, кто-то смотрел с любопытством, а у трех-четырех в глазах светился неподдельный интерес.

– Мы вчера праздновали Сретение Господне, – начал отец Николай. – Но я не буду вам рассказывать о празднике. Сейчас у всех вас есть Интернет, и при желании совсем несложно получить всю интересующую информацию. Мне же хотелось бы поговорить с вами о пути к обретению веры, к встрече с Богом. Попробую привести некоторые литературные примеры, прошу простить меня, если они покажутся примитивными, ведь я не специалист, в отличие от вас. Есть такая сказка «Аленький цветочек». В ней девушка, несмотря на то, что говорили ей родные, несмотря даже на то, что говорили ей собственные глаза, верила, что «чудовище» – это прекрасный молодой человек. И вера ее осуществилась: «чудовище» стал таким, каким видели его глаза любви. Герда в «Снежной королеве» своими слезами и подвигами, совершенными во имя любви (о них подробно говорится в этой сказке) растопила ставшее ледяным сердце ее брата Кая. Подобными

примерами изобилуют сказки многих народов. Подобные примеры есть и в повседневной жизни: вера полностью изменяет жизнь человека, но нужно, чтобы сначала он сам или кто-то другой в него сильно поверил.

Митрополит Антоний (Блум) писал, что ни один человек не может уверовать в Бога, пока не увидит на лице другого сияния вечной славы. Но каждый христианин, если он правда христианин, знает, что Сам Бог настолько в него поверил, что стал Человеком, претерпел крестную смерть и воскрес, чтобы спасти каждого из нас. Вспоминая одного из моих наставников, старого священника, который в конце почти каждой своей беседы на религиозную тему говорил: «Вот я сейчас много сказал вам о Боге. Но если Бог Сам не коснется вашего сердца, то мои слова о Нем будут подобны звенящей меди». Бог обращается к каждому из нас – то шепотом любви, то голосом совести, то через рупор страданий. И мы не слышим Его, только если не хотим слышать.

Господь Иисус Христос говорит в Евангелии: «все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам» (Мк. 11,24). В другом месте Он говорит: «если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «прейди отсюда туда», и она прейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17,20). Апостол Павел в послании к Евреям писал, что «вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). И далее он писал о пророках, которые «верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча,

укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; жены получали умерших своих воскресшими» (Евр. 11, 23-25). Такая сильная вера дается далеко не каждому, это дар Божий. Но вера – это не только дар, это и крест. Принять Христа – значит перевернуть свою жизнь. Протопресвитер Александр Шмеман писал, что «вера, в ту меру, в какую она подлинная вера, не может не быть внутренней борьбой. «Верую, Господи, помоги моему неверию...» Религиозное чувство, напротив, потому и «удовлетворяет», что оно пассивно, и если на что и направлено, то больше всего на помощь и утешение в житейских нуждах. Вера непременно жаждет целостности, просвещения собою, подчинения себе и разума, и воли, и всей жизни. Религиозное чувство, напротив, легко принимает разрыв между жизнью и убеждением и благополучно уживается иногда с целым мировоззрением, не только чуждым христианству, но зачастую открыто ему противоречащим».

Нужно понимать, что в делах веры не может быть половинчатости. Вера, которая приспособляется к повседневным нуждам, превращается в кощунство. Со всем недавно мы праздновали Рождество Христово. Но что оно значит сегодня, особенно для западного мира? В основу сюжета некоторых американских фильмов, претендующих называться «рождественскими» положено утверждение, что если бородатый седой мужик на оленях не пролетит над миром, чтобы раздать подарки детям, то «рождества не будет». Рождества кого не будет? В «Письмах к Малькольму» К.С. Льюис писал: «Рабский страх, конечно, низшая из форм религии. Но бог, который ни при каких обстоятельствах не

станет причиной даже для рабского страха, безопасный бог, ручной бог – фантазия, и здравый ум ее быстро разоблачит. Я не встречал людей, которые, совершенно отрицая существование ада, имели бы живую и животворящую веру в рай». В «Хрониках Нарнии» он писал об Аслане, что это не ручной Лев. Вера, в которую человек не верит, вера, которая существует для него лишь для того, чтобы прикрыться ей, в итоге не применит обличить и наказать кощунника. В завершающей серию книг К.С. Льюиса «Хроники Нарнии» «Последней битве», рассказывается об Обезьяне, учившего, что добро и зло – одно и то же, и мучительно погибшего от вызванного им духа, в которого он не верил.

Но там же мы видим и другой пример. Юноша – воин, всю жизнь искренне служил злу, полагая его добром, всю жизнь творил благородные поступки во имя этого зла. Но когда перед лицом смерти он оказывается рядом с воплощенным Добром (у Льюиса Аслан) и Злом (у Льюиса Таш), то зло не может его коснуться, а Добро говорит почему принимает его: «Не потому я принял твое служение, что мы (добро и зло) – одно, а потому, что мы противоположны, я и она столь различны, что если служение мерзко, оно не может быть мне, а если служение не мерзко – не может быть ей. Итак, если кто клянется именем Таш и держит клятву правды ради, мной он клянется не ведая, и я вознагражу его. Если же кто-то совершит зло во имя мое, пусть говорит он «Аслан» – Таш он служит и Таш принимает его служение».

Мы видим много примеров, когда невозможное для человека совершается и по вере, источник которой

не в Боге, а в силах противных Ему. И речь не только об оккультистах. По характеристике Ж.П. Сартра «атеист – это маньяк, одержимый Господом Богом настолько, что всюду видит Его отсутствие, рта не может раскрыть, чтобы не упомянуть Его имени, одним словом это господин с религиозными убеждениями». И история свидетельствует о множестве действительно великих свершений богоборцев, когда за период с Французской революции 1789 года политические и экономические свершения, научные открытия были по настоящему грандиозными. Мы знаем о людях, в мучениях отдавших свои жизни во имя этих идей, и ведь какая-то часть из них, наверное, была искренней в этом порыве, вспомним Александра Матросова, Зою Космодемьянскую. Хотя в данном случае, наверное, уместно перечитать цитату из К.С. Льюиса...

В девятнадцатом веке многим казалось, что наступил «золотой век» человечества, что все подвластно человеческому разуму. Но прагматичный 19 век, отвергающий все чудесное, гордящийся достижением разума, сменил двадцатый, который сумел разрушить и прагматику и иллюзии. Две страшнейшие мировые войны, которых доселе не знало человечество; беззаконие, творимое под видом совершенных во благо народа революций; преступления, которых доселе не знал мир – вот что дало миру «просвещение» без Христа.

Та правда, которую выбрало человечество в первой половине 20 века оказалась слишком страшной и невыносимой настолько, что ее не могло вместить человеческое сознание. И тогда некоторые попытались спрятаться в своих фантазиях; и на сегодняшний день

уже почти сложилась ситуация, когда, как пророчески писал Оскар Уайльд «Факты будут считаться чем-то постыдным. Истина пригорюнится в своих оковах, а поэзия со своими сказками вновь вернется на землю. Картина мира преобразится перед нашими изумленными взорами. Драконы закопошатся в пустынях и Феникс взвоет в воздух из своего гнезда. Мы руками прикоснемся к Василиску и узрим драгоценный камень в голове у жабы. Жуя свой золотой овес, Гиппогриф будет стоять в наших стойлах, а над головами будет носиться Синия Птица с песнями о прекрасном, несбыточном, о том чего нет и не будет».

Сегодня во многом мы наблюдаем возврат к средневековью, когда астрология, нумерология и хиромантия начинают претендовать на звание точных наук, авторитет которых в нашей стране подрывается, как бедственным материальным положением ученых, так и некоторыми реформами в образовательной сфере. А «прогресс» оборачивается тем, что телевидение и компьютеры, с их все более совершенными технологиями создания «виртуальной реальности», все более отрывают множество людей от внимания к проблемам тех, кто рядом с ними, способствуя созданию общества, в котором господствуют уже не традиционные ценности. И даже придя в Церковь – насколько легче исполнять обрядность, чем переменить жизнь! В Откровении святого Иоанна Богослова говорится: «знаю твои дела; ты не холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15-16).

Христианин – свободен от законов падшего мира (я не имею здесь в виду государственные установле-

ния). Святитель Василий Великий писал, что Таинство Крещения смывает печати звезд. Но если христианин верит в то, что он не раб Божий, а «скорпион» или «козерог» или еще какое-то существо, то он тем самым добровольно вновь ввергает себя в рабство тому, от чего его освободило Крещение.

Мы не сможем изменить мир какими-то «протестами», «борьбой» с «силами зла». Но мы можем в себе самих увидеть источник зла, в своих грехах – источник страданий Христовых. И ежедневно делать совсем внешне не героические дела – примириться со своими родными и близкими, помогать тем, кому наша помощь необходима, добросовестно выполнять свою работу, стараться не грешить. И если наше желание жить по вере во Христа и Его заповедям будет искренним, то мир вокруг нас начнет меняться. А, может быть, мы просто увидим его другим.

И, возвращусь к упоминанию о празднике, с которого начал: сретение – значит встреча. У каждого в жизни могут быть важные встречи. У жениха с невестой, у ученика с учителем, у друзей. Но самая важная встреча для любого человека это встреча с Богом. Встретившись с Богом, душа человеческая изменяется либо в лучшую сторону (если примет Его любовь), либо в худшую (если ее отринет). Но прежним человек не останется. Изменить себя очень трудно, но невозможное для людей возможно для Бога.

Отец Николай закончил говорить:

–Я готов ответить на ваши вопросы, – сказал он.

– Вы столько всего тут понамышали, – подняв руку, снисходительно начал говорить молодой человек, похожий на поэта, по крайней мере, как их пред-

ставлял себе священник. – И православие, и французская революция тут же, и Матросов и Зоя Космодемьянская, про которых говорят, что их придумали. К чему такая эклектика? И еще вопрос – правда ли, что Церковь хочет канонизировать Зою Космодемьянскую?

– Пытался соответствовать аудитории, – улыбнулся отец Николай. – Ведь литературная среда не любит когда просто, предпочитает сложности. Постараюсь по порядку. Французская революция показывает нам, каких грандиозных успехов может достигнуть богореческий народ: ведь и империя Наполеона выросла из этой буржуазной революции. И, конечно, были здесь и примеры аскезы тех, кто жил идеалами этой революции, и примеры добровольной смерти их во имя этих идеалов. Но сами по себе ограничение себя во всем, и даже смерть во имя своих убеждений, если они основой своей имеют грех, служат лишь большей гибели человека. У одного из поэтов этой революции – Виктора Гюго – есть роман «Девяносто третий год». В его финале бывший священник, ставший одним из революционных деятелей, видевший свое новое призвание в том, чтобы безжалостно казнить тех, кого он считал «врагами» приговаривает к смерти своего воспитанника, единственного человека, которого он в тот момент еще любил. И когда гильотина отрубает голову последнего, кто был ему на земле дорог, бывший священник, кажется его звали Симурдэн, пускает себе пулю в голову... Разве не ужасный конец, даже если представить, что он считал, что после смерти ничего нет? Французская революция показывает, что богореческий колосс на глиняных ногах – настолько не-

долговечен оказался этот внешний взлет Франции. Подобный пример мы видим и в нашей истории. А в отношении Александра Матросова и Зои Космодемьянской – это пример того, как чистые юные люди жертвуют своей жизнью ради своей страны, ради других людей. Не зная Бога, отвергая Его по своему незнанию, они в то же время становятся теми, на ком сбываются слова: «Блажен, кто душу свою положит за други своя». Но в то же время они не были христианами, не за Христа погибли, поэтому ни о какой их канонизации речи идти не может.

– Вы не сказали о том, что Герда молилась, – сказала девушка с первой парты. – Такое ощущение, что вы читали только советские переводы Андерсена.

– Да, вы правильно меня дополнили, благодарю. Но она не только молилась: она многим жертвовала, пережила труды и опасности, чтобы спасти Кая.

...Еще минут сорок священник отвечал на вопросы, порой глубокие, а порой настолько наивные, что не могли не поражать даже его, религиозной безграмотностью и мракобесием, хотя он столько уже видел за двадцать лет церковного служения. А после окончания встречи к нему подошли две девушки и молодой человек, а в следующее воскресенье протоиерей Николай увидел их у себя в храме на богослужении.

2011

Лекция о Льюисе

Через несколько месяцев, в преддверии Пасхи, протоиерея Николая вновь пригласили встретиться со

студентами филологического факультета. Теперь ему уже легче было общаться с ними – ведь трое из них стали прихожанами его храма. Но к лекции он готовился так же тщательно, как и в первый раз, также делал выписки.

... На это раз в аудитории собралось уже около тридцати студентов. Поприветствовав их, отец Николай начал говорить:

– Меня попросили сегодня рассказать вам о Воскресении Христа. Но я подумал, что лучше будет, если я расскажу не своими словами, а процитирую вашего коллегу – замечательного английского ученого-филолога, писателя и богослова Клайва Стейплза Льюиса, одного из наиболее выдающихся христианских мыслителей и писателей XX века. В молодости он все сильнее терял всякую веру. После духовных поисков на 33-ем году жизни стал убежденным христианином. Характерно, что его считают едва ли не единственным христианским писателем, который не является православным, но чьи труды при этом неизменно положительно оцениваются православными богословами. Человек энциклопедических знаний и пытливого ума, уверовав, он приложил много сил для изучения истории религий, в том числе первоисточников, прежде чем его христианские убеждения стали осмысленными и непоколебимыми.

Льюис много думал о сходстве и различии христианского вероучения с языческими религиями, в которых содержится учение об умирающем и воскресающем боге. Он писал о природных религиях, которые видели образ такого бога в смене времен года, в умирающем и воскресающем зерне. Его мучил вопрос:

«Быть может, таков и Христос?» И вот как на него ответил Льюис: «В определенном смысле Христос именно таков (с той разницей, что Адонис и Озирис жили неизвестно где и когда, а Он был казнен историческим лицом в сравнительно установленном году). Но если христианство произошло из тех религий, почему же зерно, упавшее в землю – всего лишь одна из наших притч? Религии этого рода весьма популярны, почему же наши первые учителя скрыли, что учат именно этому? Поневоле, кажется, что они и сами не знали, как близки к таким религиям. Почему единственная выжившая и поднявшаяся на неслыханные духовные высоты религия «умирающего бога» выпала на долю единственного народа, которому чужды были эти представления? Евангелия являют нам Человека, который «исполняя роль» умирающего бога, чрезвычайно далек от связанных с нею идей. По-видимому, на свете и впрямь случается то, чему учат природные религии, но случилось это там, где и не думали о них».

Льюис писал, что для выхода из этого мнимого противоречия необходимо понимать, что христиане не учат, что во Христе воплотился некий «бог вообще», а воплотился Единый Истинный Бог. «Он – не природный бог, а Бог природы: Он изобрел ее, придумал, сделал. Он владеет ею и бдит над ней. Теперь станет понятней, почему Христос и похож на умирающего бога, и не говорит о нем. Они похожи, потому что умирающие боги природных религий – Его изображение. Сходство их не поверхностно и не случайно: те боги родились через наше воображение от явлений природы, а явления природы испещряют природу, потому что они – Божьи. А понятия природной религии отсут-

ствуют в учении Христовом и подводящем к нему иудаизме именно потому, что в них являет себя подлинник. Там, где есть Бог, нет Его тени; там, где Его нет, она есть».

Говоря о смерти, Льюис, оценивая весь ее ужас и неестественность для человеческой природы, тем не менее, пишет: «Это – спасение, ибо для падшего человека телесное бессмертие было бы ужасным. Если бы ничто не мешало нам прибавлять звено за звеном к цепям гордыни и похоти и класть камень к камню нашей чудовищной цивилизации, мы превратились бы из падших людей в истинных дьяволов, которых, быть может, и Богу не спасти. Люди должны свободно принять смерть, свободно склониться перед ней, испить ее до дна и обратить в мистическое умирание, сокровенную основу жизни». «Но лишь Тому, Кто разделил добровольно нашу невеселую жизнь; Тому, Кто мог бы не стать человеком и стал Единым Безгрешным, дано умереть *совершенно* и тем победить смерть. Он умер за нас в самом прямом смысле слова, и поистине умер, ибо Он один поистине жил. Он, знавший изначально непрестанную и блаженную смерть послушания Отцу, принял во всей воле Своей, во всей полноте, столь ужасную для нас смерть тела. Предстательство – закон созданного Им мира, и потому смерть Его – наша смерть. Чудо Воплощения и Смерти Господней, не отрицающая ничего, что мы знаем о природе, пишут комментарий к ней, и неразборчивый текст становится ясным».

О Воскресении Христа К.С. Льюис писал не только в философских трактатах, но и аллегорически, в форме его всемирно знаменитых сказок «Хроники

Нарнии». Как он написал в первой, самой известной книге этой серии «Лев, колдунья и платяной шкаф» «когда вместо предателя на жертвенный Стол по доброй воле войдет тот, кто ни в чем не виноват, кто не совершал никакого предательства, Стол сломается и сама смерть отступит перед ним».

О важности принятия для каждого человека добровольной жертвы Христа Спасителя Льюис пишет такими словами: «Самый первый шаг на этом пути – постараться забыть о себе. Ваше подлинное новое «я» (личное «Я» Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно – Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Принцип этот пронизывает всю жизнь. Отдайте себя – и вы обретете себя. Будете искать «себя» – и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и «все остальное приложится вам»...

Литературное наследие К.С. Льюиса помогло многим людям стать христианами, так как он сам прошел мучительный и долгий путь от неверия к глубокой искренней вере. И сегодня, в мире, как его иногда называют, «постхристианских ценностей» оно приобретает особую значимость, помогая людям уверовать в Христа.

– Отец Николай, прочитайте нам еще то, что писал Льюис о внутренней Англии, – попросила сидевшая на первой парте Анна, не пропускавшая теперь ни одной воскресной службы. Именно с ней священник, когда готовился к лекции, советовался, те ли слова английского писателя он выбрал для лучшего раскрытия

темы в краткое время, отведенное для встречи со студентами.

– Да, действительно, он писал об этом в «Мерзейшей мощи», вложив следующие слова в уста своих героев: «есть Британия, а в ней, внутри – Логрис. Разве вы сами не замечали, что есть две Англии? Рядом с Артуром – Мордред, рядом с Мильтоном – Кромвель, народ поэтов – и народ торговцев. Прав был Сэм Уэллер, когда называл Пиквика ангелом в гетрах. Хороший англичанин и выше, и нелепей, чем надо. Да, не мы одни такие. Каждый народ двойной. Англия не избранница, избранных народов нет, это чепуха». И очень интересен следующий диалог из «Последней битвы»:

«– О-о-о! – воскликнул Питер. – Это Англия! Это дом профессора Керка в деревне, где начались наши приключения!

– Я думал, его снесли, – сказал Эдмунд.

– Да, его снесли, – сказал фавн. – Но вы смотрите сейчас на Англию внутри Англии, настоящую Англию. И в этой внутренней Англии ничто хорошее не пропадает».

– Как это связано с Воскресением Христа? – с интересом спросил молодой человек, впервые пришедший на встречу со священником.

– Это образы, которые показывают, что будет с людьми и народами после окончания земного периода их истории. Ничто хорошее не пропадет, когда нам кажется, что земные наши добрые начинания рушатся, несмотря на все старания, то, вполне возможно, что в таинственных сферах духовного мира они уже реализованы, просто нам не полезно, чтобы они воплоти-

лись в жизнь сейчас, так как мы могли бы возгордиться и забыть о Боге. Не пропадает и совершенное нами зло, но деятельным покаянием мы можем если не изгладить его, то кардинально изменить его последствия. Своим Воскресением Христос открыл путь ко всеобщему воскресению мертвых, потому что Божеством Он соединился не с каким-то конкретным человеком, а со всем человечеством. И когда после завершения земной истории человечества совершится всеобщее воскресение мертвых, то лишь добрые и злые дела, устройство души человека в течение его жизни, определяют его вечную участь. Земные богатства и власть бесполезны после того, как человек умер, но они могут быть полезны ему, если он использует их, чтобы помогать другим.

– Вы думаете много тех, кто в это верит? – скептически спросил юноша, задавший предыдущий вопрос.

– Думаю, что много; другое дело, что большинство людей не задумываются о вечности и предпочитают жить сиюминутными интересами.

– Разве не важнее материальные заботы, чем рассуждения о том, что реально нельзя ощутить?

– Вы заблуждаетесь, если считаете, что вера для человека является чем-то отвлеченным. То, во что человек верит, если он действительно во что-то верит, а не просто позиционирует себя принадлежащим к какой-то религии, атеистом или агностиком – определяет всю его жизнь и поступки.

– А не считаете ли вы, что в этом случае именно личный религиозный опыт человека является определяющим, и нет нужды в организованных религиях?

– Не только я не считаю. Льюис также не считал личный религиозный опыт решающим в вопросах определения истинности той или иной религии. Вспоминая беседу с одним военным, который говорил о том, что пережил однажды в пустыне ощущение присутствия Бога, после чего все религиозные рассуждения кажутся ему безжизненной схоластикой, Льюис так писал об этом: «В каком-то смысле я согласен с этим человеком. Вполне возможно, что он и впрямь пережил встречу с Богом в той пустыне. И когда от личного опыта он обратился к христианской доктрине, то, видимо, почувствовал, что переходит от чего-то реального к отвлеченному и не очень значимому. Наверное, что-то подобное испытывал бы человек, который видел Атлантический океан с берега, а теперь рассматривает его на карте. Сравнимы ли океанские волны с куском раскрашенной бумаги? Карта ... составлена на основании открытий, сделанных сотнями и тысячами людей, плававших по настоящему Атлантическому океану, то есть, как бы впитала в себя богатый опыт, не менее реальный, чем тот, который пережил человек, стоявший на берегу. За одним исключением. Человек этот видел океан лишь в каком-то одном, доступном ему ракурсе. Карта же сконцентрировала в себя все опыты вместе взятые. Теология подобна карте. Доктрины – это не Бог. Они вроде карты. Но карта эта составлена на основании того, что пережили сотни людей, которые вошли в реальное соприкосновение с Богом. В сравнении с этим любые чувства, которые, возможно, посетили вас или меня, очень примитивны и расплывчаты. Иными словами, теология – это практическая наука, особенно в наши дни».

... Священнику еще долго задавали вопросы. В конце беседы несколько студенток сказали, что они придут в храм на Пасхальную службу. Возможно, ими двигало просто любопытство. Но отец Николай никогда не придавал преувеличенного значения своим беседам – он просто выполнял то, что внутренне считал своим долгом, и старался выполнять это настолько хорошо, насколько это было в его силах. Если после них в его храме и появлялись новые прихожане, то он считал, что они и так бы ими стали, просто, возможно, в другом храме. Священник просто говорил слова, которые, возможно через годы, вспомнятся кому-то из тех, кто слушал его сегодня, и пробудят в их душах желание прикоснуться к иной реальности...

2011

Успех

После окончания литургии к отцу Николаю всегда стояла целая очередь людей, желавших поговорить со священником индивидуально. Он никому не отказывал, и освобождался обычно лишь около двух часов дня. Отец Николай сразу предупреждал, чтобы сначала к нему подходили те, кто сможет быстро изложить свой вопрос, чтобы не задерживать остальных. В этот раз первым к нему подошел молодой человек, который сказал, что он хочет быть христианином и одновременно хочет быть успешным, но не знает можно ли это совместить.

Священник несколько минут думал, прежде чем начал отвечать. Привычка проповедовать придавала

его речи некоторую высокопарность, но не мешала четкому изложению сути проблемы, как он ее видел: «Сегодня «успех» стал своего рода магическим понятием для большинства людей. «Успешный» в среднем представлении – значит богатый, имеющий власть, популярность, и все те «сопутствующие» блага, которые они с собой несут. Но боль, горе, страдания и мучения также реальны для миллиардера в вилле на Лазурном побережье, как и для нищего индуса, все достояние которого набедренная повязка ...

Мы живем в обществе потребления, которое имеет свою систему ценностей, которые по сравнению с христианскими являются антиценностями. С детства людям внушается, что они пришли на землю для того, чтобы урвать максимум благ, желательно, не прилагая к этому никакого труда. При этом интересы других людей учитываются лишь настолько, насколько они могут быть полезны данному индивиду в достижении его краткосрочных или долгосрочных целей. Если же для того, чтобы взойти на свой олимп необходимо растоптать жизнь одному или тысяче других людей – что же, это издержки, «победителей не судят». Принцип «*Нomo homiны lupus est*» сегодня прикрыт красочными диснеевскими обертками, но он не перестает быть от этого менее жизненным и страшным. И нельзя не заметить того, что дух времени все более властно заявляет о себе и внутри «церковной ограды».

Это не новое явление в церковной жизни. Всегда в истории, когда Церковь получала государственную поддержку, в нее устремлялось множество людей, стремящихся изменить весь строй церковной жизни в соответствии с общественным укладом. А те, кто пы-

тался жить по евангельским заповедям, несмотря на все внешние перемены в мире, считались не вполне разумными людьми. Недаром еще апостол Павел написал: «если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3,18). Но очень трудно быть таким «мудрым, как змий» «безумцем», который в любых условиях сможет отличить «кесарево» от «Божия».

Все мы помним из Евангелия, что казни Господа Иисуса Христа требовали первосвященники единственной истинной на тот момент религии, в то время когда даже чиновник языческой империи робко, но все же пытался Его защитить... Что Его распятия требовали простые, по своему благочестивые последователи этой религии... И, помня это, мы должны понимать, что сама по себе формальная принадлежность к Истинной Церкви, без жизни по Евангелию, может ничем не отделять нас от образа мыслей и действий этих людей. Две важнейших заповеди Христа, раскрывающие все многочисленные установления Ветхого Завета – любить Бога больше, чем себя и ближнего, как себя. Причем первое достигается только после того, как исполнено второе. Но при этом нужно научиться и себя правильно любить: не потакать страстям и необдуманным желаниям, а ясно представлять смысл и назначение своей жизни, и соответственно этому проходить ее. Тот, кто научился обращаться к Богу с молитвой, не будет никогда одинок; но одних молитв мало. Лишь тот, кто реально всегда старается поступать с ближним (а ближний, по Евангелию – это каждый человек, с которым сводит нас жизнь) так, как хо-

тел бы, чтобы с ним поступили в подобной ситуации, обретает счастье уже в этой земной жизни. И, как христианин, он успешен».

- Смог ли я вам ответить? – спросил священник, закончив говорить. – Или опять слишком увлекся, отвечая, так что что-то осталось непонятым?

- Человек, успешный как христианин, может ли быть успешен в обычном понимании этого слова?

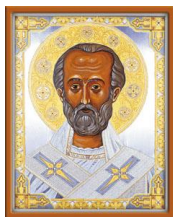
- В принципе да. Богатство, слава, власть сами по себе не являются чем-то греховным. Но если они становятся самоцелью, если человек начинает служить не Богу, а им – они, как, впрочем, и любые другие страсти, сжигают человека изнутри. Поэтому человеку, не имеющему богатства, власти и славы легче идти за Христом. Недаром в Евангелии рассказывается о молодом человеке, которому Христос предложил раздать свое имение нищим и идти за Ним, а он опечаленный отошел, потому что был богат...

Молодой человек поблагодарил священника и задумчивый вышел из храма. Проблема, волновавшая его, была сформулирована не совсем верно. Он стоял сейчас перед выбором: быть назначенным на хорошую должность в крупной корпорации, но для этого он должен был подставить своего лучшего друга. Но священник, сам того не ожидая, сказал то, что он хотел услышать: с другом нужно поступить так, как он хотел бы, чтобы он поступил с ним в подобной ситуации. А молодой человек не хотел, чтобы кто-то из близких предал его ради карьеры. И, приняв решение, он вдруг почувствовал себя счастливым, хотя, как ему тогда казалось, успехом пришлось пожертвовать...

2011

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	3
ПРИЗВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ.	
АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ	
К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ.....	4
СВЕТ ВО ТЬМЕ. Исторические повести.....	9
<i>Журнальные рецензии на книгу «Свет во тьме».....</i>	<i>11</i>
Собор. Историческая повесть.....	25
Свет, тьма и тень. Историческая повесть.....	126
Преображение. Историческая повесть.....	218
У ИСТОКОВ СИСТЕМЫ. Повесть.....	310
РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ.....	412
Выбор.....	413
Все возвращается.....	421
Литературный критик.....	426
Психиатр.....	430
Причины реформ.....	434
Жиронда.....	440
Поэтесса.....	446
Чекист.....	450
Взгляд кошки.....	454
На связи.....	457
Трудники.....	461
Жрец и священник.....	465
Дорога над пропастью.....	473
Встреча.....	477
Лекция о Льюисе.....	486
Успех.....	494

Издание выпущено при поддержке Благотворительного Фонда Святителя Николая Чудотворца

www.nacxa.ru

Дорогие читатели!

Благотворительный Фонд Святителя Николая Чудотворца действует уже свыше 15 лет. Только за первые десять лет своей работы выполнил 880 соглашений о благотворительной помощи по 615 проектам на территории 50 субъектов Российской Федерации и 37 проектам за рубежом. Фонд участвовал в строительстве и восстановлении свыше 100 монастырей и храмов, воздвижении 26 памятников святым покровителям России и видным общественным деятелям, бесплатно распространил свыше миллиона единиц печатной продукции, организовал десятки паломнических поездок по России и за рубежом, множество благотворительных концертов с участием известных на всю страну исполнителей. Организовывалась помощь детским садам, общеобразовательным и шахматным школам, центрам детского творчества, православным семинариям и миссионерским центрам. Фонд Святителя Николая Чудотворца оказывал благотворительную помощь военным летчикам, морякам, пограничникам и десантникам.

Естественно, что такая деятельность не могла пройти незамеченной; силы тьмы не любят тех, кто идет за Христом Спасителем. Поэтому Фонд столкнулся с множеством сложностей, нападков со стороны самых разных людей, причем некоторые из них ранее сами принимали помощь Фонда. Но, несмотря на все трудности и испытания, наша работа продолжается во славу Бога, молитвенным предстательством Святителя Николая Чудотворца.

Мы просим и Вас о молитвенной поддержке, которая необходима нам для преодоления возникающих на пути развития Фонда преград и реализации новых проектов, а также о молитвах за наших ушедших в путь всей земли родственников и дорогих нашему сердцу людям, духовное единство с которыми мы ощущаем в Церкви Христовой, в которой соединяются ныне живущие с теми, кто перешагнул порог вечности.

Просим Ваших молитв:

О здравии: иеромонаха Михаила, Андрея, Александра, Александры, Александры, Николая с сослуживцами.

О упокоении: Евфросинии со сродниками, Юрия со сродниками, Иоанна со сродниками, Надежды, Бориса, Татьяны.

И Вас да сохранит и благословит Господь!

Литературно-художественное издание

Федотов Алексей Александрович
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ I
СВЕТ ВО ТЬМЕ
У ИСТОКОВ СИСТЕМЫ
РАЗНЫЕ РАССКАЗЫ

Формат 60x84/16. Объем Печ. л. 31,25. Усл. печ. л. 29,06. Уч.-изд. л. 16,85.
Гарнитура «Constantia». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ 275.

Отпечатано в ОАО Информатика
153032, г. Иваново, ул. Ташкентская, д. 90
